ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Ю. Н. Старилов, д-р юрид. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., Д. В. Костин, д-р физ.-мат. наук, доц.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ. мат. наук, доц. Члены совета: В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., С. А. Куролап, д-р геогр. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., А. А. Сирота, д-р техн. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., С. А. Шабров, д-р физ.-мат. наук, доц.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, проф.; ответственный секретарь – М. Е. Новичихина, д-р. филол. наук., проф. Члены редколлегии: А. В. Сосновский, д-р гуманитарных наук, проф. (г. Берлин, Германия); Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); И. А. Меркулова, д-р филол. наук, доц.; В. Ф. Олешко, д-р филос. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); Т. А. Тернова, д-р филол. наук, доц.; Г. Ф. Ковалев, д-р филол. наук, проф.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Журнал принимает к публикации статьи по специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.4. - Фольклористика (филологические науки), 5.9.9 – Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Адрес редакции, издателя: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика»
E-mail: vlvtul@mail.ru
Тел.: +7 (473) 274-52-71

© Воронежский государственный университет, 2026

Вестник Воронежского государственного университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА
Выходит 4 раза в год

Серия: Филология. Журналистика. 2026. № 1. Январь – март

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Волынец Т. Н. О ТОЛЕРАНТНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ 5

Житенев А. А., Хуссайни Сайед Хашматулла. БИБЛЕЙСКИЕ, БУДДИЙСКИЕ И АНТИЧНЫЕ АЛЛЮЗИИ В «АФГАНИСТАНЕ» Л. РЕЙСНЕР 9

Ильина Т. В., Швецова О. А. ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА УГРОЗЫ 14

Козявина Е. П. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭНТОМОНИМОВ В «СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В 4 ТОМАХ» ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. П. ЕВГЕНЬЕВОЙ 18

Корнева В. В. АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ ФАМИЛИИ В РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ 21

Мануковская Т. В. ИСТОРИЯ ТРАДИЦИОНЫХ ПЕСЕН СЕЛА ПЕРШИНО НИЖНЕДЕВИЦКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ 25

Нгуен Т. Х. РЕЦЕПЦИЯ РОМАНА Н. ОСТРОВСКОГО «КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ» РАЗНЫМИ ПОКОЛЕНИЯМИ ВЬЕТНАМСКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ 31

Перло (Азизова) С. В. КОНЦЕПЦИЯ «НОВОЙ ЖИЗНИ» В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «ЮВЕНИЛЬНОЕ МОРЕ (МОРЕ ЮНОСТИ)» 37

Платонов Ф. Е., Дубаков Л. В. «РОКОВЫЕ ЯЙЦА» М. А. БУЛГАКОВА И «ВЕЧНЫЙ ХЛЕБ» А. Р. БЕЛЯЕВА: СОВЕТСКИЙ БИОПАНК И ЗООФОБНЫЕ МОТИВЫ 42

Погорелова М. В. ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЮ 46

Ромащенко Л. В. В. И. ЛЕНИН О РОЛИ ЛИТЕРАТУРЫ В «ОБЩЕПРОЛЕТАРСКОМ ДЕЛЕ» И ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФУНКЦИИ САТИРЫ (ОТЗЫВ О ПАМФЛЕТЕ А. АВЕРЧЕНКО «ДЮЖИНА НОЖЕЙ В СПИНУ РЕВОЛЮЦИИ») 52

Сузрюкова Е. Л. СЕМАНТИКА ОБРАЗА ВЕРИГ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ В. А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА 58

Токарев Г. В. ОБЪЕКТИВАЦИЯ ПОЛИМОДАЛЬНОСТИ В КНИГЕ А. Б. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРА «ВБЛИЗИ ТОЛСТОГО» 62

Удодов А. Б. «ИДУЩИЙ ПОСЕРЕДИНЕ»: А. М. ПЕШКОВ В ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОМ КРАЕ (1888) 68

Чжан Хунпин, Коваленко А. Г. НАБОКОВ И ПУШКИН: ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ «ДАР» 72

Чугунов Д. А. О ЖАНРОВОЙ ФОРМЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Е. М. ТИТАРЕНКО 77

Щербак А. С. ДВЕ ГРАФИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ: ПРИВЛЕЧЕНИЕ ВНИМАНИЯ К СООБЩЕНИЮ 85

ЖУРНАЛИСТИКА

Айзиер А. ОБРАЗЫ РОССИИ И КИТАЯ В ПУБЛИЧНЫХ СФЕРАХ ДВУХ СТРАН В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ МЕДИАСОТРУДНИЧЕСТВА ... 89

Аксенова О. Н., Швец Е. В. ДИПФЕЙК КАК ИНСТРУМЕНТ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕКЛАМНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ... 92

Ахмедова Ф. Ф. «ИНТЕРНЕТ ВСЕГО» КАК НОВАЯ КОММУНИКАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА ... 96

Бебчук Е. М., Тулупов В. В. СВЯЗЬ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ВИЗУАЛИЗАЦИИ СМИ ... 99

Бодакин И. А. ФЕНОМЕН ПОПУЛЯРНОСТИ ЛИЧНЫХ («КОМЬЮНИТИ») СТРИМОВ В КИБЕРСПОРТЕ ... 104

Ватолина М. Ю. САМОРЕКЛАМА ИЗДАНИЙ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА: СПОСОБЫ, ПОДХОДЫ, РЕАЛИЗАЦИЯ ... 108

Заиченко Т. Б. РОССИЯ И ЕЕ ИЗМЕРЕНИЯ В ФИЛОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Ю. В. МАМЛЕЕВА ... 112

Кириллова Н. Н. РИТОРИЧЕСКИЙ ЭТАЛОН ГЛАЗАМИ ПОКОЛЕНИЯ Z: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ ... 115

Красова Е. Ю. ПРОВОКАЦИОННЫЙ КОНТЕНТ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА ... 119

Меликян С. В. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРИМЕНЕНИЯ UGC В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ БРЕНДА С МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИЕЙ ... 124

Овчаренко Е. Ф. СМИ КВЕБЕКА: МЕДИАРЕГИОНАЛИЗМ VS. МЕДИАБИЛИНГВИЗМ ... 127

Перевалова Е. В. «ССЫЛКА НЕ ДОСТИГАЕТ СВОЕЙ ЦЕЛИ»: ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ САХАЛИНА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ» В 1870-Е — НАЧАЛЕ 1880-Х ГГ. ... 131

Пыреськина Е. М. СТАНОВЛЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ МОРДОВСКОГО КРАЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА ... 137

Рыжова Е. А., Говорухина Ю. А. ЭФФЕКТИВНЫЕ ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ПРОМПТОВ В РАБОТЕ ЖУРНАЛИСТА ... 142

Серебрякова Е. Г. ТЕАТРАЛЬНО-ИГРОВЫЕ ПРИЕМЫ КАК ЭЛЕМЕНТ СТРАТЕГИИ БРЕНДИРОВАНИЯ ГОРОДА: ПОТЕНЦИАЛ И РИСКИ ... 146

Такмянин И. А. ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ОБЩЕСТВА СИБИРСКИХ ИНЖЕНЕРОВ» (1916) ... 151

Федосеева Н. И. ТОПОНИМИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ МЕДИАТЕКСТОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГОРОДСКИХ СМИ ... 154

Шэнь Инь, Стровский Д. Л. ОБРАЗ КОМПАРТИИ КИТАЯ (КПК) В РОССИЙСКИХ СМИ: НА ПРИМЕРЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПРЕССЫ ... 159

Шерих М. Д. «РУССКИЙ БАЛЕТ» С. П. ДЯГИЛЕВА В УРУГВАЙСКОЙ ПРЕССЕ ... 165

Ширяева-Бакшевникова В. Н. ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В 20—30 ГОДЫ XX ВЕКА ... 169

Штырник И. С. ЖУРНАЛИСТИКА О ЕДЕ. К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ ... 172

Сунь Юйсяо. ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ПРОДВИЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: АНАЛИЗ РЕКЛАМНЫХ СТРАТЕГИЙ НА ПЛАТФОРМАХ DOUYIN И XIAOHONGSHU ... 176

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ ... 179

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2026. № 1. January – March

CONTENTS

PHILOLOGY

Volynets T. N. ABOUT TOLERANCE OF LANGUAGE NORMS TO PROFESSIONAL SPEECH 5

Zhitenev A. A., Hussaini Sayed Hashmatullah BIBLICAL, BUDDHIST AND CLASSICAL ALLUSIONS IN L. REISNER'S 'AFGHANISTAN' 9

Ilyina T. V., Shvetsova O. A. GRAMMATICAL MEANS OF CREATING A THREAT SPEECH GENRE 14

Kozyavina E. P. LEXICOGRAPHIC PRESENTATION OF ENTOMONYMS IN THE "DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN 4 VOLUMES" EDITED BY A. P. EVGENEVA 18

Korneva V. V. ANTHROPONYMIC SURNAMES IN RUSSIAN AND SPANISH 21

Manukovskaya T.V. THE HISTORY OF TRADITIONAL SONGS OF THE PERSHINO VILLAGE, NIZHNEDEVITSKY DISTRICT, VORONEZH REGION 25

Nguyen T. H. RECEPTION OF N. OSTROVSKY'S NOVEL "HOW THE STEEL WAS TEMPERED" BY DIFFERENT GENERATIONS OF VIETNAMESE READERS 31

Perlo (Azizova) S. V. THE CONCEPT OF "NEW LIFE" IN A. PLATONOV'S STORY "THE JUVENILE SEA (SEA OF YOUTH)" 37

Platonov F. E., Dubakov L. V. «THE FATAL EGGS» BY M. A. BULGAKOV AND «ETERNAL BREAD» BY A. R. BELYAEV: SOVIET BIOPUNK AND ZOOPHOBIC MOTIFS 42

Pogorelova M.V. FEATURES OF THE WORD-FORMATION SYSTEM OF THE TURKMEN LANGUAGE IN THE ASPECT OF TEACHING RUSSIAN WORD-FORMATION 46

Romashchenko L.V. V.I. LENIN ON THE ROLE OF LITERATURE IN THE "GENERAL PROLETARIAN CAUSE" AND HIS DEFINITION OF THE FUNCTION OF SATIRE (REVIEW OF A. AVERCHENKO'S PAMPHLET "A DOZEN KNIVES IN THE BACK OF THE REVOLUTION") 52

Suzryukova E. L. THE SEMANTICS OF THE IMAGE OF VERIG IN THE FICTION OF V. A. NIKIFOROV-VOLGIN 58

Tokarev G. V. OBJECTIFICATION OF MULTIMODALITY IN THE BOOK BY A. B. GOLDENWEISER "NEAR TOLSTOY" 62

Udodov A. B. "WALKING IN THE MIDDLE": A.M. PESHKOV IN THE CENTRAL CHERNOZEM REGION (1888) 68

Zhang Hongping, Kovalenko A.G. NABOKOV AND PUSHKIN: DIALOGICAL DISCOURSE IN THE NOVEL "THE GIFT" 72

Chugunov D. A. ABOUT THE GENRE FORM OF E.M. TITARENKO'S WORKS 77

Shcherbak A. S. TWO GRAPHICS SYSTEMS: DRAWING ATTENTION TO THE MESSAGE 85

JOURNALISM

Aizier A. IMAGES OF RUSSIA AND CHINA IN THE PUBLIC SPHERES OF THE TWO COUNTRIES IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF MEDIA COOPERATION 89

Aksenova O. N., Shvets E. V. DEEPFAKE AS A TOOL FOR DIGITAL TRANSFORMATION OF ADVERTISING TECHNOLOGIES 92

Akhmedova F. F. INTERNET OF EVERYTHING: A NEW PARADIGM OF COMMUNICATION 96

Bebchuk E. M., Tulupov V. V. THE RELATIONSHIP BETWEEN VERBAL AND NONVERBAL COMPONENTS IN TERMS OF MEDIA VISUALIZATION 99

Bodakin I.A. THE PHENOMENON OF THE POPULARITY OF PERSONAL (COMMUNITY) STREAMS IN ESPORTS 104

Vatolina M.Y. SELF-ADVERTISING OF PUBLICATIONS AND PUBLISHING HOUSES IN THE TAMBOV REGION AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY: METHODS, APPROACHES, IMPLEMENTATION 108

Zaichenko T. B. RUSSIA AND ITS DIMENSIONS IN THE PHILOSOPHICAL THE JOURNALISM OF YU. V. MAMLEEV 112

Kirillova N. N. THE RHETORICAL STANDARD THROUGH THE EYES OF GENERATION Z: TRANSFORMATIONS OF DIGITAL REALITY 115

Krasova E. Yu. PROVOCATIVE CONTENT ON SOCIAL MEDIA 119

Melikyan S. V. UGC APPLICATION DEVELOPMENT TRENDS IN PROFESSIONAL BRAND COMMUNICATION WITH A YOUTH AUDIENCE 124

Ovcharenko E. F. QUEBEC MEDIA: MEDIA REGIONALISM VS. MEDIA BILINGUALISM 127

Perevalova E. V. «EXILE DOES NOT ACHIEVE ITS GOAL»: THE PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF SAKHALIN ON THE PAGES OF THE NEWSPAPER MOSKOVSKIE VEDOMOSTI IN THE 1870S – EARLY 1880S 131

Pireskina E. M. PERIODICAL PRESS OF THE MORDOVIA REGION IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY: DEVELOPMENT AND FEATURES 137

Ryzhova E. A., Govorukhina Yu. A. EFFECTIVE TECHNIQUES FOR CREATING PROMPTS IN JOURNALISM 142

Serebryakova E. G. THEATRICAL AND GAME TECHNIQUES AS AN ELEMENT OF CITY BRANDING STRATEGY: POTENTIAL AND RISKS 146

Takmyanin I. A. GENRE-THEMATIC SPECIFICITY OF THE SCIENTIFIC-TECHNICAL JOURNAL "VESTNIK OBSHCHESTVA SIBIRSKIKH INZHENEROV" ("BULLETIN OF THE SOCIETY OF SIBERIAN ENGINEERS") (1916) 151

Fedoseeva N. I. TOPONOMIC LANDSCAPE OF MEDIA TEXTS AS A REFLECTION OF CULTURAL IDENTITY IN URBAN MEDIA 154

Shen Yin, Strovsky D. L. THE COMMUNIST PARTY OF CHINA IN THE RUSSIAN MEDIA LANDSCAPE: PECULIARITIES OF COVERAGE 159

Sherikh M. D. SERGEI DIAGHILEV'S "RUSSIAN BALLET" IN THE URUGUAYAN PRESS 165

Shiryaeva-Bakshevnikova V. N. WOMEN IN THE HISTORY OF SOVIET JOURNALISM IN THE 20-30S OF THE 20TH CENTURY 169

Shtyrnik I. S. FOOD JOURNALISM: TOWARDS A DEFINITION OF CONCEPTS 172

Sun Yuxiao. THE TRANSFORMATION OF PROMOTIONAL TOOLS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: AN ANALYSIS OF ADVERTISING STRATEGIES ON DOUYIN AND XIAOHONGSHU PLATFORMS 176

SUBMISSION GUIDELINES 179

УДК 81’271:81’272

О ТОЛЕРАНТНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ

Т. Н. Волынец

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 20 февраля 2026 г.

Аннотация: *в статье речь идет о конструкциях, закрепившихся в профессиональной речи в сфере вузовского и среднего специального образования в качестве названий специальностей, учебников и учебных пособий (типа товароведение непродовольственных товаров или логистика и управление цепями поставок). Устанавливаются причины появления подобных наименований, поднимается вопрос о целесообразности толерантного отношения к ним.*
Ключевые слова: *языковая норма, профессиональная речь, семантика, плеоназм, тавтология, стилистический (или грамматический) диссонанс.*

Abstract: *the article discusses constructions that have become established in professional speech within the field of higher education and secondary vocational training as names for specializations, textbooks, and teaching aids (such as non-food goods merchandising or logistics and supply chain management). It identifies reasons for their emergence and raises questions about the appropriateness of tolerant attitudes towards them.*
Keywords*: language norm, professional speech, semantics, pleonasm, tautology, stylistic (or grammatical) dissonance.*

Языковые нормы всегда находились в особенных отношениях с профессиональной речью. То, что не приветствовалось и запрещалось в литературном языке, довольно часто допускалось как возможное в языке представителей той или иной профессии (см., например, *сочетанная травма* в речи медиков, нестандартные формы множественного числа у вещественных существительных *олифы, бензины, газы* — в речи специалистов-химиков и т.д.). Строгость и консервативность языковых норм при этом отступала на второй план, не допуская ситуации конфликта, требующего от носителей языка предпочтения одной из сторон. В результате параллельно с кодифицированными языковыми средствами в речевом узусе формировались и активно использовались их варианты, которые нередко, особенно в периоды демократизации языка, выходили за пределы профессиональной речи, изменяя и обновляя норму. Так, вариантные форм Р. п. множественного числа имен существительных, используемых как единицы измерения различных величин, *граммов — грамм, килограммов — килограмм, гектаров — гектар* в настоящее время признаются равноправными, хотя еще во второй половине XX в. формы с нулевым окончанием, характерные для профессиональной речи, квалифицировались как ненормативные.

Все это свидетельствует о том, что профессиональная речь — это особый мир, живущий по своим законам. Однако в связи с этим возникает вопрос о степени (или границах) толерантности языковой нормы по отношению к тем специфическим формам и конструкциям, которые появляются в той или иной профессиональной среде. Для ответа на этот вопрос мы обратились к анализу языковых единиц, закрепившихся в образовательной сфере в качестве наименований специальностей, учебных программ, учебников и учебных пособий, и попытались выявить причины появления используемых в качестве заголовков номинаций, созданных авторами с нарушением языковых норм.

Материал мы отбирали из классификаторов специальностей и списков рекомендуемой литературы — обязательного компонента учебных программ курсов, изучаемых в высших и средних учебных заведениях.

Наше внимание привлекли 125 наименований, которые, на наш взгляд, противоречат нормам современного русского литературного языка, но тем не менее функционируют в образовательной сфере, причем некоторые из них появились еще во второй половине XX века и настолько закрепились в языковом сознании профессионалов, что абсолютно не вызывают вопросов даже в лингвистической среде. Весьма показательны в этом отношении наименования специальностей и учебников типа «Товароведение непродовольственных товаров». Построенные с явным нарушением языковой нормы, тавтологичные по форме и содержанию, данные наименования не только не корректируются авторами или редакторами, но и приобретают новые варианты — «Товароведение продовольственных товаров», «Товароведение галантерейных товаров», «Товароведение

© Волынец Т. Н., 2026

и экспертиза текстильных, швейных и трикотажных товаров» и т.д. Чем объясняется такая толерантность и носителей языка, и языковой нормы? Сферой функционирования подобных наименований, их распространением на названия кафедр (см.: кафедра товароведения продовольственных товаров УО «Белорусский государственный экономический университет»)? Или иным восприятием профессионалов, в сознании которых слово-композит *товароведение*, частично десемантизируясь, наполняется новым содержанием: *товароведение* определяется как научная дисциплина, или прикладная экономическая дисциплина, или отрасль науки, изучающей товары и их свойства? Скорее всего, деактуализация содержания первой корневой морфемы и объясняет закрепление в профессиональной среде тавтологичных наименований: *товароведение непродовольственных товаров* не воспринимается буквально как **знание о товарах непродовольственных товаров*, а трактуется более широко — как наука (или учение) о непродовольственных товарах. Подобное объяснение нам кажется логичным, но столь длительное толерантное отношение к нарушению нормы в данном случае не совсем понятно, поскольку речевая ошибка может быть устранена очень легко, ср.: *Товароведение. Продовольственные товары*.

Частичное сужение объема содержания терминологического понятия приводит к появлению и плеонастических заголовков. Так, например, в наименованиях таких учебных пособий, как «Методика обучения легкоатлетическим упражнениям», «Методика обучения РКИ» в качестве базового используется словосочетание *методика обучения*. Однако если мы обратимся к словарному определению слова *методика*, то увидим, что второе его значение в «Новом словаре иностранных слов» (2008) формулируется следующим образом: 2. ‘Отрасль педагогической науки, исследующая закономерности **обучения** определенному учебному предмету’ [2] Как совокупность методов **обучения** *методика* определяется в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [5] и «Толковом словаре иностранных слов» Л. П. Крысина [3]. А в «Словаре методических терминов» Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина *методика* — это 1. ‘Педагогическая наука, теория ***обучения*** той или иной дисциплине’ [1]. Ориентируясь на данные определения, мы понимаем, что лексема *обучение* в заголовке появляется в результате стремления автора эксплицировать скрытый в термине *методика* процесс, выдвинуть его на первый план, представить как важное и самостоятельное звено.

Та же лингвистическая ошибка обнаруживается и при анализе названия учебного пособия «Логистика и управление цепями поставок». Управление цепями поставок входит в содержание понятия *логистика*, см. определение данного понятия в «Словаре терминов» РАН: *логистика* — это ‘наука о планировании, контроле и управлении транспортированием, хранением и другими материальными и нематериальными операциями, совершаемыми в процессе доведения сырья и материалов до производственного предприятия…’ [6]. Видимо, объемность и разноплановость содержания термина позволяют автору выделить актуальное для учебного процесса звено и включить его в наименование учебного пособия, не особенно задумываясь о лингвистической составляющей данной ситуации.

Стремление к предельной точности подводит и автора учебного пособия «Организация и технология торговли**».** Технология торговли — это совокупность параллельно или последовательно выполняемых операций и процедур при продаже товаров и **организации** товародвижения с использованием определенных средств и методов [8], поэтому в заголовке слово *организация* явно лишнее.

Еще один, весьма распространенный тип нарушения языковых норм, встречается при наименовании учебных пособий, авторы которых не учитывают такое необходимое коммуникативное качество речи, как точность выражения, и создают неоднозначно прочитываемые заголовки. См., например, «Оборудование объектов общественного питания». Первая лексема *оборудование* имеет 2 значения — 1. ‘Действие по знач. глаг. *оборудовать*’; 2. ‘Совокупность различных устройств, приспособлений, приборов, механизмов и т.п., необходимых для чего-нибудь’ [7]. Какое из этих значений (процессуальное, абстрактное, или собирательное) имеется в виду? Если второе, то, может быть, следовало бы в название включить предлог *для*? Или: учебное пособие «Немецкий язык в сфере информационных технологий». Предложенное авторами название в большей степени нацеливает на использование немецкого языка в сфере информационных технологий, нежели на преподавание немецкого языка в студенческой аудитории, изучающей информационные технологии. О чем идет речь в пособии: о первом или втором? Если о первом, то можно оставить это название. Если о втором, то лучше откорректировать. Например, «Немецкий язык для IT-специальностей» (или для IT-сферы). Аналогичная ошибка допущена и при назывании учебного пособия «Французский язык в сфере экономики». Красиво, немного претенциозно, но очень двусмысленно.

В некоторых случаях двусмысленность наименования возникает в результате неудачного использования относительного прилагательного. См., например, «Правовая лингвистика» или «Фармацевтическая латынь». Первая конструкция используется в качестве заголовка для учебного пособия по юрислингвистике, однако может быть интерпретирована как лингвистика права, т.е. лингвистика, объектом изучения которой является язык права (законов, юридической терминологии и т.д.). Вторая конструк-

ция допускает прочтение и как латынь для фармацевтов (учитывается субъект образовательного процесса), и как латынь фармацевтики (актуализируется учебный предмет). Что важнее в данном случае? Предполагаем, первое. Так почему не назвать пособие *Латинский язык для фармацевтов*? Это снимет двусмысленность наименования и актуализирует не только субъект, но и объект изучения.

Иногда семантическая двусмысленность наименования, используемого в профессиональной сфере, усиливается неудачно введенной в него грамматической формой. См., например название учебной дисциплины (и соответственно типовой программы по этой дисциплине) «Экономика организации автомобильного транспорта». Лексическая неопределенность (*организация* — то ли процесс, то ли учреждение?) снимается в пояснительной записке: «настоящая типовая программа по учебной дисциплине «Экономика организации автомобильного транспорта» (далее — программа) предусматривает изучение организации как субъекта хозяйствования…» [9]. Однако возникает вопрос, насколько закономерно употребление лексемы *организация* в форме единственного числа? Формируется ли здесь обобщенно-собирательное значение, возможное в определенных контекстуальных условиях? На наш взгляд, нет. И введение в название лексемы *организация* в форме множественного числа (*экономика организаций автомобильного транспорта*) сразу снимает напряженность между наименованием и нормами языка. В другой ситуации, при назывании учебного пособия — «Управление организацией», неуместное использование формы единственного числа лексемы *организация* сочетается с речевой недостаточностью — еще одним весьма частотным источником двусмысленности заголовка. В лингвистической оценке данного наименования мы исходим из того, что нет единой универсальной организации, при управлении которой использовались бы единые принципы и методы руководства. В современном мире существуют государственные, частные, общественные организации. Управление каждой из них имеет свою специфику, и эта специфика должна быть отражена в названии.

Продуктом речевой недостаточности является и название учебной дисциплины (соответственно учебных пособий и программ) «Экономика отрасли». Его используют разные авторы, не задумываясь о его лингвистической корректности. Ведь экономика любого государства неоднородна, в ней выделяются специализированные отрасли, такие как сельское хозяйство, промышленность, торговля, строительство, транспорт. В каждой из них своя экономика, и, видимо, конкретизация понятия была бы не лишней. Предельная обобщенность наименования курса предполагает предельную обобщенность учебного материала. Мы ознакомились с размещенным в интернете конспектом лекций по курсу «Экономика отрасли», читаемом в одном из колледжей г. Челябинска [10]. Неоднородность отраслевой структуры национальной экономики четко представлена в первой лекции. А дальше речь идет в основном о специфике экономики промышленных предприятий, рассматриваются формы организации производства, имущество и затраты предприятия, инвестиции, качество продукции, т.е. учебный материал конкретизируется и в содержательном плане не вполне соответствует названию курса.

Иногда названия учебных пособий привлекают внимание своим стилистическим диссонансом, возникающим в результате соединения стилистически разнородных лексем. См, например, «Неотложная хирургия живота и груди». Судя по частотности использования данного наименования в качестве заголовочного комплекса различной учебной литературы и руководств, адресованных молодым медикам, в медицинской среде это абсолютно привычная конструкция. И вопрос о том, почему в данном случае выбрана бытовая лексема *живот*, а не терминологическое словосочетание *брюшная полость*, в принципе не возникает. Хотя в аннотации одного из рекламируемых в интернете учебников «Неотложная хирургия груди и живота» четко сформулировано: здесь «представлены современные данные о механизмах развития наиболее частых неотложных заболеваний органов грудной и брюшной полостей…» [4]. Или: еще один весьма распространенный заголовок — «Технология приготовления пищи», где первый и последний компоненты явно не соответствуют друг другу.

Нарушение грамматических норм тоже нередкое явление в собранном нами языковом материале. См., например, название учебного пособия «Теория и методика обучения изобразительному искусству». Плеонастичность конструкции *методика обучения* формирует в данном случае некорректный, с точки зрения грамматики, однородный ряд, поскольку лексема *теория* требует управления в Р. п. (теория изобразительного искусства), а *методика обучения* предполагает управление в Д. п. Ошибка в данном случае исправляется легко: достаточно убрать из названия лишнюю форму *обучения* и однородный ряд приобретает соответствующий нормам русского языка вид — *Теория и методика изобразительного искусства.*

Та же ошибка допущена и в названии учебных пособий «Организация, планирование и управление производством инженерных систем», «Экономика и управление внешнеэкономической деятельностью»: *организация* и *планирование* (чего?), *управление* (чем?); *экономика* (чего?) и *управление* (чем?). Неудачно также соединение в однородном ряду лексем с беспредложным и предложным управлением, см.: «Технология и оборудование для произ-

водства пряжи» — *технология* (чего?) — *оборудование* (для чего?).

Грамматическая некорректность названия учебника «Эпизоотология и инфекционные болезни животных с основами микробиологии и вирусологии» приводит к неоднозначному его пониманию: то ли инфекционные болезни, то ли животные с основами микробиологии и вирусологии.

Все проанализированные нами примеры свидетельствуют о том, что лингвистические ошибки в образовательной среде — явление не столь уж редкое. Некоторые учебные пособия и учебники с заглавиями, противоречащими нормам русского литературного языка, выдержали уже не одно издание. Чем можно объяснить подобную устойчивость ошибок, пущенных в оборот? Дело в том, что возникают подобные наименования по разным причинам, как объективным, так и субъективным. Первые приводят к появлению тавтологических и плеонастических конструкций (они, как правило, возникают в результате семантического переосмысления термина). Иногда и неоднозначно интерпретируемые наименования можно рассматривать как результат действия объективных факторов: в профессиональной среде речевая недостаточность не воспринимается столь остро, поэтому расшифровка (или конкретизация) общих терминов кажется излишней. Толерантность языковых норм при этом понятна и допустима: не исключено, что со временем возникшая в профессиональной среде конструкция выйдет за ее пределы и станет общеупотребительной (особенно это относится к случаям переосмысления семантически объемных понятий типа *логистика*).

В результате действия субъективных причин появляются конструкции, грамматически и стилистически диссонирующие с нормами русского литературного языка. Будучи продуктом когнитивной деятельности автора, данные наименования свидетельствуют о его лингвистической некомпетентности. К ним нельзя относиться толерантно, поскольку профессиональная образовательная среда — это зона повышенной речевой ответственности. Преподаватель традиционно считается представителем социальной группы с высоким уровнем общей и речевой культуры. Аудитория, с которой он общается, в равной степени восприимчива и к норме, и к ошибке. Доверие к преподавателю снижает критичность восприятия учащихся средних специальных и высших учебных заведений, поэтому отсутствие нормативного фильтра в данном случае может иметь далеко идущие последствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов А. Г. Словарь методических терминов / А. Г. Азимов, А. Н. Щукин. — М.: ИКАР, 2009.
2. Захаренко Е. Н. Новый словарь иностранных слов / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева; под общ. ред. Е. Н. Захаренко. — 3-е изд. — М.: Азбуковник, 2008.
3. Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. — М.: Русский язык, 1998.
4. Бисенков Л. Н. Неотложная хирургия груди и живота / Л. Н. Бисенков, Ю. Н. Зубарев, В. И. Трофимов. — Электрон. дан. — СПб.: Лаборатория оперативной хирургии и клинической морфологии, 2025. — Режим доступа: labirint.ru (дата обращения: 15.12.2025).
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд. — М.: Азбуковник, 1998.
6. Резер С. М. Логистика. Словарь терминов / С. М. Резер, А. Н. Родников. — М.: ВИНИТИ РАН, 2007.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд. — М.: Русский язык, 1981—1984.
8. Технология торговли: Основные понятия и термины [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — М.: Финам, 2025. — Режим доступа: finam.ru (дата обращения: 16.12.2025).
9. Типовая учебная программа «Экономика организации автомобильного транспорта». — Электрон. дан. — Минск: РИПО, 2025. — Режим доступа: ripo.by (дата обращения: 14.03.2025).
10. Экономика отрасли. Конспект лекций. Челябинск, 2015 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Челябинск: ЧГАУ, 2015. — Режим доступа: komitent.ru (дата обращения: 15.12.2025).

Белорусский государственный университет
Волынец Т. Н., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
E-mail: tatka6148@gmail.com

Belarusian State University
Volynets T. N., Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Russian Language
E-mail: tatka6148@gmail.com

УДК 821.161.1

БИБЛЕЙСКИЕ, БУДДИЙСКИЕ И АНТИЧНЫЕ АЛЛЮЗИИ В «АФГАНИСТАНЕ» Л. РЕЙСНЕР

А. А. Житенев, Хуссайни Сайед Хашматулла

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 февраля 2026 г.

Аннотация: *в статье рассматриваются способы осмысления terra incognita для русской литературы первой трети XX века — эмирата Афганистан — сквозь призму культурных аллюзий. В книге путевых очерков Л. Рейснер история и культура этой страны воспринимаются сквозь известные и хорошо освоенные культурой Серебряного века экзотические топосы. Страна-перекресток разных цивилизаций, Афганистан у Рейснер соединяет в своей истории приметы древнегреческой, библейской и древнеиндийской культур.*
Ключевые слова: *экзотизация, имагология, культурный «другой», аллюзивность, Л. Рейснер.*

Abstract*: the article examines the ways of understanding terra incognita for Russian literature of the first third of the 20th century — the Emirate of Afghanistan — through the prism of cultural allusions. In the book of travel essays by L. Reisner, the history and culture of this country are perceived through the exotic toposes known and well-mastered by the culture of the Silver Age. A country-crossroad of different civilisations, Afghanistan in Reisner combines in its history the signs of ancient Greek, biblical and ancient Indian cultures.*
Keywords: *exoticization, imagology, cultural 'other', allusiveness, L. Reisner.*

В общем контексте творчества Л. Рейснер «Афганистан» (1925) традиционно рассматривался — и современниками, и позднейшими исследователями — как явление не самое характерное, едва ли не случайное. Материал книги казался слишком экзотическим, очень частным, слабо связанным с привычной для Рейснер революционной тематикой. Практически все оценки этой книги были краткими и сдержанными.

В статье И. Ильинского о Рейснер отмечены не художественные особенности книги, а изображение той новой социальной роли — жена советского посла — в которой неожиданно для себя самой выступила писательница: «В Афганистане — уже другая, новая Лариса, изучившая тонкое искусство дипломатии на Востоке. Этикет, церемониал, все приемы традиционной дипломатической вежливости, <…> за которой скрывается неутомимая неизбывная вражда двух миров» [1, 71]. В близком ключе, с акцентом на вынужденности работы в Афганистане писал и К. Радек: «Два года она проводит при дворе восточной деспотии, принимая участие в блестящих дипломатических празднествах, ведя дипломатическую игру в борьбе за влияние на жен эмира. <…>. Там, в горах Афганистана, она чувствует себя частицей мировой революции и подготовляется к новой борьбе. Ее книга "Афганистан" доказывает, как расширяется ее горизонт, как из русской революционерки она становится бойцом международной пролетарской армии» [2, 166].

Самый проницательный из читателей Л. Рейснер 1920-х гг., И. Оксенов, отметил в книге зачарованность красотой Востока: «Художник в Ларисе Рейснер, склонной к зрительной пышности образов, не мог не пленяться многообразной роскошью красок Востока, его природы и быта. Не удивительно, что "Афганистан" занимает первое место среди книг Ларисы Рейснер по богатству стиля, по пестроте своих картин — пестроте восточного ковра» [3, 25]. Но и в этой оценке на первом плане характерным образом Восток вообще, Афганистан как страна здесь важен не в своей специфике, а как показательный пример «многообразной роскоши красок», «пышности образов».

В советское время сборник «Афганистан» рассматривался исключительно как книга о неизбежности близкой революции на Востоке; ее жанрово-стилевые особенности, ее художественный строй не интересовали исследователей.

Об «Афганистане» как книге о пробуждающемся Востоке кратко пишет в своей диссертации Н. Такташева: «На Востоке Рейснер увидела не застой, не многовековой его сон, а стремление к прогрессу, освободительную борьбу народа за независимость. <…> "Афганистан" Рейснер шел вразрез с общей схемой колониальных романов. <…> Афганская действительность предстала у Рейснер в резких контрастах: она показала религиозный фанатизм и первую фабрику, чадру и экзамен в женском училище, грязь, убожество и первые госпитали. Достоинством "Афганистана" было то, что серьезная тема пробуждения Востока под влиянием русской революции нашла ко-

© Житенев А. А., Хуссайни Сайед Хашматулла, 2026

лоритное художественное воплощение. Но праздничная новизна, необычность стиля мешала критикам своевременно оценить эту работу» [4, 9].

Достаточно сжато по сравнению с другими книгами Рейснер об «Афганистане» пишет Г. Шершнева: «"Афганистан" — первый из больших циклов, созданных писательницей на зарубежном материале. Хотя объективные обстоятельства поставили Ларису Рейснер в Афганистане в позицию "наблюдателя nature morte и женской половины двора", тем не менее ее революционный темперамент и общественные интересы одержали и здесь верх. Это определило выдвижение на первый план в книге «Афганистан» темы "Восток и Октябрь", образа борющегося за свободу и независимость народа. <…> Здесь Рейснер четко определила их [очерков. — *А. Ж.*] своеобразие: сочетание глубоко личных ассоциаций, впечатлений, субъективных оценок и записей с характеристикой общественно-политической обстановки в Афганистане, его экономики, быта и т.п.» [5, 15—16].

Самая интересная, пространная и взвешенная оценка книги принадлежит Г. Мироновой, охарактеризовавшей, в отличие от предшественников, своеобразие позиции повествователя, а также философские и эстетические аспекты восприятия Востока у Рейснер: «Автор "Афганистана" находится в позиции наблюдателя "чужого" мира. Следовательно, в путевом дневнике неизбежно возникает противостояние "своего" мира "иному", где мерилом оценки служит "свой" мир путешественника. Автор-повествователь выступает как обобщенное лицо, как носитель новой национально-культурной традиции. Такая позиция позволяет постигать Афганистан Рейснер в сравнении. <…> Ее интересует меняющийся Восток. В то время как ориентальная проза и поэзия русской классики основной тенденцией выявляла философию Востока, утверждая, что Восток располагает к размышлениям об основах бытия, о жизни человечества, о последовательной смене цивилизаций. <…> Книга очерков "Афганистан" написана и под влиянием символистского течения с его духом "всемирности", и под влиянием ориентальной прозы и поэзии. Но Л. Рейснер своим диктатом пропагандистских идей о всемирной революции разрушает художественность традиции восточных очерков» [6, 12].

Актуальность оппозиции «свое» — «чужое», интерпретация новой реальности сквозь призму революционных идей, подчеркивание исторический неизбежности мировой революции — все это кажется справедливым. В то же время выводы о сильной зависимости Рейснер от русского ориентализма, а также от интерпретации восточной темы в символизме нуждаются в проверке материалом и уточнении.

В первой трети XX века для среднего российского интеллигента Афганистан — это совершенно экзотическая страна, о природе, населении, культуре которой практически ничего не известно. Традиции научного изучения Афганистана в России сложились в конце XIX в., однако в силу исторических причин, связанных с тем, что российских исследователей британцы не допускали на территорию Афганистана, заметных успехов здесь достичь не удалось. В. Бартольд, один из ведущих востоковедов рубежа XIX—XX веков, оценивал вклад российских исследователей в изучение Афганистана как минимальный [7, 243].

Оценка эта, конечно, была односторонней, но все же не вполне беспочвенной. Афганистика XIX в. была в российском контексте довольно периферийной областью знания. В то же время у нее была довольно своеобразная история, тесно связанная с военными интересами Российской империи в регионе. Достаточно подробно эта история очерчена в работе В. Ромодина, выделившего в ней наиболее заметные вехи: «Востоковедение того времени, хотя и не было в целом передовой отраслью русской науки, все же также дало немало талантливых ученых; некоторые из них проявили себя и в области афганистики. Работы акад. Б. А. Дорна, труд проф. В. В. Григорьева "Кабулистан и Кафиристан", работы Н. В. Ханыкова и книга Н. А. Аристова "Англо-индийский Кавказ" принадлежат к числу самых ценных исследований XIX в., посвященных афганцам» [8, 149].

Если не погружаться в контекст российской афганистики конца XIX — начала XX веков, связанный с укреплением военно-политического влияния Российской империи в ситуации соперничества за влияние в Азии, не будет преувеличением сказать, что в российской культуре этого времени, при всем ее очевидном интересе к «другому», общеизвестных «ключей» к культуре Афганистана не существовало.

Л. Рейснер, отталкиваясь в своем сборнике от чувственного опыта путешественника-неофита, оказавшегося в новом для него пространстве, старается выстроить культурный контекст, подчеркивая в Афганистане его природную первозданность. Наиболее актуальными для нее оказываются библейские, античные и буддийские аллюзии, которые переплетаются в книге весьма затейливым образом.

Самое сильное первое впечатление во время поездки в Афганистан — горы, которые у Рейснер связаны с переживанием возврата к началу времен, к сотворению мира: «Дикая и прелестная картина: горы как-то неожиданно, почти внезапно сменяют плоскогорье. Лава, железо и коричневый мрамор висят зубчатыми глыбами над краями прохладных пропастей, вдоль которых солнце медленной золотой завесой опускается в неизмеримую глубину. Их непередаваемый беспорядок и великая стройность не изменялись со дня мироздания» [9, 31]. Горы по-новому настраивают зрение путешественника, учат видеть и ценить суровую красоту: «Это уже не сонные кучи

земли, насыпанные до самого неба, а те живые камни, в глубине которых родится вода, соль и металл. <…> Они приучают зрение к особенной красоте камней, к неуловимому и бесконечному разнообразию их цветов, к гармонии скалистых пород» [9, 199].

Первозданность в книге имеет целый ряд смысловых оттенков. Один из них — проявленность в максимуме возможного, предельная интенсивность цвета: «Песок не может быть более желтым, скалы не бывают белее этих, камни острее, и не может быть небо из лучшего золота, расплавленного до того, что оно стекает на горные кряжи ослепительными потоками, не имеющими окраски» [9, 37]. Другой — медитативность, способность человека испытать в этих местах расширение сознания: «Одна доска двери выбита, и в эту дыру видно ночь и небо. Я лежу очень тихо и по замедленному сердцебиению, по странным спазмам чувствую, что жизнь мою сейчас переполнит то немое и безыменное чувство, блаженное страдание, у которого самые остро-режущие, прозрачные и сладостные края» [9, 45].

Мысль о первозданности горного мира объясняет многочисленные библейские отсылки — к Книге Бытия прежде всего: «Но все кругом, — обрывы, скалы, пыль и щебень, — все пропитано пурпуром, все красно и розово, как предсмертная пена, и даже мазанки пастухов — из глины, смешанной с драгоценной металлической киноварью. Из такой глины был вылеплен человек» [9, 35]; «Черный пик подымается, как сторожевая башня, узкие окна, похожие на бойницы, и все гнездо как-то по-своему, надменно и весело, смотрит на солнечную долину. <…> Мне грезился Каин, убийца брата, отщепенец рода, любивший сестру Лилит в этих стенах, черных, как мрамор…» [9, 199].

В общем контексте книги круг библейских отсылок шире, но всякий раз любая из них сигнализирует о древности этого края и его близости к самым началам бытия: «И, может-быть, именно потому, что в маленькой библейской стране, где еще пашут деревянным плугом, так велико общее ничтожество перед стихией, будь то горная цепь, пророк или эмирская власть» [9, 87]; «Шатры из черной прокопченной и промасленной ткани, низкие и широко разостланные по земле. Под их сенью, в грязи и полумраке, целые семьи: дети поразительной красоты, пастухи и их стройные жены, которых нищета и труд освободили от чадры. В широких тазах они подносят воду и кислый кумыс утомленным всадникам так же просто и величаво, как это делали библейские женщины» [9, 33]; «У машины, небрежно и устало опираясь на пастушеский посох, стоит древний Иаков, библейский пастух с открытой грудью и белым тюрбаном; возле своей динамо он так же гол, прост и покорен, как у стад своего ветхозаветного патриарха» [9, 60].

Однако древность в книге Рейснер кодируется не только библейскими отсылками. В отдельных фрагментах теста можно найти индо-буддийские ассоциации. Один из фрагментов такого рода — портрет рабочего из главы «Машин-хане»: «Вот хозяин всего этого святая-святых, повелитель огня, света и энергии. Тонкое лицо, мягкие черты индуса, тюрбан, связанный ровно, как на статуях Будды» [9, 67]. В очерке «Праздник в Кабуле», не вошедшем в «Афганистан», но близкий содержательно к главе «Об афганской женщине, о сборе винограда и о плясках племен», появляется упоминание о Вишну: «Рядом идет муж, направляя животное, поддерживая стан своей азиатской Марии, у которой на руках спит смуглый маленький Вишну» [9, 189]. Последний контекст, соединяющий евангельское (Мария) и индуистское (Вишну) показывает, что оба этих ассоциативных ряда условны и совпадают в одном качестве: они указывают на древность, первозданность встречаемых Рейснер типажей.

Очерк «Бамиан», посвященный описанию вырубленных в скалах буддийских монастырей и двух гигантских полуразрушенных статуй, также вписывает путешествие в индо-буддийский контекст. Историки спорят о времени создания храмового комплекса: некоторые относят его к эпохе Гандхара (VI век нашей эры), некоторые — ко времени Кушанского царства (III век нашей эры). Для Рейснер историческая определенность неважна: безликость огромных статуй позволяет вписать их в контекст представления о древнем Востоке.

Характерно, что Рейснер — сознательно или по незнанию — неверно интерпретирует увиденное: в ее глазах две статуи — это не статуи Будды, а праотец и праматерь, Адам и Ева: «Ни одежда, ни несколько условная поза не отнимают женственности у обеих фигур. <…> Но всего значительнее самые торсы. Когда стоишь внизу и, закинув голову, смотришь, как солнце обливает теплом и светом классическую, легкую грудь Евы, ее могучие и стройные бедра, дышащий, удивительной красоты живот, все исполинское тело с его живой кожей, живыми мускулами, живой тенью улыбки вокруг закругленного подбородка, становится очевидно, что в фигурах праотца и праматери нет ничего страшного» [9, 206—207].

В то же время она совершенно верно понимает причины руинированного состояния и статуй, и пещерного монастырского комплекса, видя ее в борьбе с чуждым исламу религиозным влиянием: «Правоверный фанатизм железной метлой прогулялся по этим драгоценным фрескам. Он, как проказа, обрушился на лица чужих богов, почти полностью уничтожив одно и вырвав глаза, щеки, подбородок и нос у другого. Живопись пострадала еще больше: ножом, острым камнем, клыком, но каждая фреска исцарапана до неузнаваемости» [9, 208]. Известно, что в средние века комплекс буддийских монастырей получил название Кафиркала — город неверных — и неоднократно подвергался разрушению,

которое завершили в 2004 г. талибы, уничтожившие буддийские статуи.

В отличие от многих других российских авторов, испытывавших интерес к мусульманскому Востоку, Рейснер последовательна в его неприятии. В итоге из описания Афганистана парадоксальным образом оказывается изъята чрезвычайно важная составляющая его культурной жизни, — вера. О ней если упоминается, то бегло и исключительно в пренебрежительном ключе — как, например, в описании фальшивого выступления кадета на плацу перед эмиром: «Затем длинная заученная речь <…> о просвещении, о недосягаемом величии ислама, о невинной мусульманской крови, ожидающей возмездия. Все это громким голосом, однообразно, без смысла и выражения, без передышки, без возможности обернуться на свои скачущие мимо слова» [9, 99]. Рейснер интереснее другие, более древние пласты культуры, и их она связывает с тем, что часть территории Афганистана когда-то входила в состав империи Александра Македонского. Греко-индийский контекст кажется Рейснер наиболее верным ключом к истории Афганистана, и на страницах книги об этом говорится постоянно.

Исторические факты, связанные с пребыванием на территории нынешнего Афганистана Александра Великого, хорошо известны. После 330 года до н.э. территория современного Афганистана (собственно, Бактрия и Согдиана) вошла в состав империи Александра Македонского. После ее распада Афганистан был частью эллинистического государства Селевкидов, контролировавших регион до 305 года до н.э. Позднее регион становится частью Греко-бактрийского царства, которое просуществовало до 125 г. до н.э. С 180 г. до н.э. по 10 г.н.э. в Северной Индии существовало Индо-греческое царство.

Таким образом, территории, связанные с современным Афганистаном или сопредельные с ним, находились в поле эллинистического влияния сравнительно недолго — с 330 г. до н.э. по 10 г.н.э. В то же время в европейской историографии и мифологии начиная с XIX века закрепилось мнение, что македонцы не покинули эти края, а растворились в местном населении. Этот исторический миф активно используется Л. Рейснер, которая видит во многих афганцах прежде всего потомков македонцев-участников Горного похода Александра Великого. Закономерным образом это имя упоминается в ее книге едва ли не чаще, чем имена всех других исторических лиц, связанных с Афганистаном.

Охотнее всего Рейснер пишет о македонской «крови», текущей в жилах окружающих ее людей, это заставляет ее любоваться ими, вписывая экзотическую реальность в контекст хорошо знакомого античного наследия: «Высокого роста, прекрасно сложенные, с профилем греческих богов, позолоченным солнцем Индии, они носят черные волосы до плеч, ровно подстриженные над лбом и на висках. <…> Среди племен ненависть к англичанам передается из рода в род, как благородная македонская кровь, текущая в их жилах» [9, 188]; «В густом остро пахнущем камыше <…> рядом с мужем отдыхает и работает жена, стройная, черноволосая, вылепленная из старой танагрской глины со своим греческим лицом» [9, 52]; «Наконец, танец побеждает и любит с протянутыми вверх руками, радостно, налету, как орлы в горах, как люди на старых греческих вазах» [9, 57].

Однако одной только «кровью» античное присутствие здесь не исчерпывается. Так, в частности, Рейснер неоднократно упоминает различные артефакты, восходящие к эллинистической эпохе — от монет до оружия, которые еще можно найти на территории Афганистана: «Ведь всю жизнь афганец кочует <…>. Если он уроженец племен, то ежегодно, через горные перевалы Гиндукуша, от границ Индии к альпийским лугам Хазареи, <…> от стройных телеграфных столбов Ост-Индской компании, <…> к медным грошам гератского базара, где щепотку риса и хлебную лепешку еще продают за динарий Александра Македонского» [9, 7]; «Племена топчут их ногами, но бесчисленные, безыменные истребители просачиваются везде, им нет числа и меры, конца и названия. Они — тли, им не опасен меч, выкованный во времена Александра…» [9, 128].

В этом же ряду находятся и многочисленные упоминания о развалинах античных или греческих крепостей: «У ручьев, выложенных изумрудным бархатом, когтистые и седые развалины македонских крепостей, охранявших горные проходы и прохладные пастбища, так похожие на гористые луга северной Греции» [9, 47]; «Возле горы, покрытой белыми обломками античной крепости и кубическими постройками афганской деревни, в роще из странных деревьев, покрытых узкими, тусклыми, как бы шелковыми листами, расположены священные пруды» [9, 46]; «Это она спокойно, с открытым лицом, обходит вечером зубчатые стены своего дома, — глиняной крепости, одиноко стоящей в горах, на краю дороги, некогда проложенной Тимуром и Александром» [9, 52].

Отметим, что во всех этих случаях Рейснер не интересует точность: вместо ожидаемой драхмы как исторически корректного наименования греческой монеты здесь появляется римский «динарий», что является анахронизмом. То же отсутствие конкретности характеризует и упоминания «македонских крепостей», ни одна из которых не названа своим историческим именем. Вместо античной истории у Рейснер легенда, воображенное и условное прошлое.

Таким образом, книгу очерков Л. Рейснер «Афганистан» кажется вполне уместным рассматривать в контексте имагологических исследований,

поскольку на первом плане здесь не столько непосредственно осязаемая реальность, сколько реальность, увиденная сквозь призму разнообразных культурных аллюзий. Такой ход в контексте эпохи оказывается неизбежным, поскольку недостаток фактического знания о стране было необходимо чем-то заместить, и этим чем-то оказались культурные и литературные мифы. Опираясь на опыт освоения Востока русской литературой Серебряного века, Рейснер широко использует контексты, отсылающие к древним цивилизациям — с той существенной поправкой, что древность в ее книге всегда соотнесена с современной ситуацией, увиденной сквозь призму марксистского видения истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильинский И. Памяти Ларисы Рейснер / И. Ильинский // Печать и революция. — 1926. — Кн. III. — С. 66—74.
2. Радек К. Лариса Рейснер: К годовщине смерти / К. Радек // Новый мир. — 1927. — № 2. — С. 161—170.
3. Оксенов И. Лариса Рейснер. Критический очерк / И Оксенов. — Ленинград: Прибой, 1927. — 52 с.
4. Такташева Н. А. Творческий путь Л. М. Рейснер: Автореф. дис. … канд. филол. н. / Н. А. Такташева. — Томск, 1966. — 20 с.
5. Шершнева Г. Н. Творчество Л. Рейснер и советский очерк 20-х годов: Автореф. дис. … канд. филол. н. / Г. Н. Шершнева. — М., 1969. — 20 с.
6. Миронова Г. С. Личность и эпоха (творческая индивидуальность Л. М. Рейснер): Автореф. дис. … канд. филол. н. / Г. С. Миронова. — Ленинград, 1991. — 16 с.
7. Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России / В. Бартольд. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. — 288 с.
8. Ромодин В. А. Из истории изучения Афганистана и афганцев в России / В. А. Ромодин // Очерки по истории русского востоковедения. — М.: Издательство АН СССР, 1953. — С. 556—566.
9. Рейснер Л. Афганистан / Л. Рейснер. — М.: Рипол классик, 2021. — 436 с.

Воронежский государственный университет
Житенев А. А., доктор филологических наук, профессор кафедры издательского дела
E-mail: zhitenev@phil.vsu.ru

Хуссайни Сайед Хашматулла, независимый исследователь
E-mail: sayed_hashmatullah@yahoo.com

Voronezh State University
Zhitenev A. A., Doctor of Philology (PhD), professor of the Department of Publishing
E-mail: zhitenev@phil.vsu.ru

Hussaini Sayed Hashmatullah, independent researcher
E-mail: sayed_hashmatullah@yahoo.com

УДК 811.161.1

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА УГРОЗЫ

Т. В. Ильина, О. А. Швецова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 декабря 2025 г.

Аннотация*: статья посвящена анализу грамматических средств создания речевого жанра угрозы. В статье отмечается сложность трактовки термина «угроза», что связано с иллокутивной функцией анализируемого речевого жанра. Определяются цель угрозы; различие угрозы по ряду критериев; выделяются ее ключевые признаки; говорится о структуре угрозы. Рассматриваются основные грамматические особенности, характерные для речевого акта угрозы.*
Ключевые слова*: грамматические средства, угроза, речевой жанр, лингвистическая экспертиза, наклонение глагола, порядок слов.*

Abstract*: the article is devoted to the analysis of grammatical means of creating the threat speech genre. The article notes the complexity of the interpretation of the term "threat", which is associated with the illocutionary function of the analyzed speech genre. The purpose of the threat is defined; the threat is distinguished by a number of criteria; its key features are highlighted; the threat structure is discussed. The main grammatical features characteristic of the speech act of threat are considered.*
Keywords*: grammatical means, threat, speech genre, linguistic expertise, verb mood, word order.*

Проблематика изучения угрозы давно занимает центральное место в исследованиях межличностной коммуникации и правовых науках. Коммуникативный акт угрозы представляет собой сложное явление, которое имеет как этические, так и практические последствия. Это особый речевой жанр, характеризующийся наличием прямого или косвенного указания на негативные последствия для адресата в случае невыполнения определенных требований или совершения нежелательных действий. Важно не только осознавать сам факт наличия угрозы, но и уметь квалифицированно анализировать ее признаки и характеристики, чтобы принять соответствующие меры реагирования.

Законодательство большинства стран предусматривает ответственность за совершение угрозы, поэтому высказывания, ее содержащие, часто становятся предметом судебных разбирательств, а их интерпретация требует не интуитивного понимания, а строгого научного анализа. Лингвистическая экспертиза в таких случаях выступает как важнейший инструмент, призванный определить, является ли высказывание реальной угрозой или лишь эмоциональной реакцией. Эта работа находится на стыке языка и права, где лингвист отвечает на вопрос: «Что сказано?», а правоприменитель — «Подпадает ли это под состав преступления?».

Однако практика показывает, что точное определение состава преступления зачастую затруднительно вследствие сложности трактовки самого термина «угроза». Иллокутивная функция угрозы связана с изменением поведения собеседника путем вызова у адресата чувства страха и посредством этого воспрепятствование действию или намерению его реализации адресатом либо косвенная экспликация негативной оценки совершенного факта или события.

В «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова угроза в одном из своих значений определяется как «обещание причинить какое-либо зло, неприятность» [3]. Как видим, ключевым параметром здесь является намерение говорящего (коммуниканта) продемонстрировать свою силу и готовность причинить вред. Т. В. Шмелева, рассматривая угрозу в рамках теории речевых жанров, отмечает, что это «жанр, в котором говорящий стремится подчинить себе волю адресата, воздействуя на его эмоциональную сферу страхом» [12].

Цель угрозы — заставить адресата подчиниться воле говорящего и выполнить действие, идущее вразрез с его (адресата) интересами. Это своего рода инструмент давления, используемый одним субъектом для изменения поведения другого субъекта посредством словесного предупреждения. Обычно угроза выражается в форме побудительных или повествовательных предложений, содержащих прямую или косвенную угрозу.

Угрозы различаются по ряду критериев:

- ***прямые угрозы*** содержат четкую и ясную формулировку негативной перспективы («Я тебя убью»);
- ***завуалированные угрозы*** формулируются скрытно, подразумевают потенциальные риски («Держись подальше, а то…»; «Лучше молчи, иначе плохо будет»);

© Ильина Т. В., Швецова О. А., 2026

- ***скрытые угрозы*** направлены на создание ощущения неопределенности и тревоги («Может случиться беда, если…»; «Будь осторожнее, а то вдруг случится несчастье»).

Угроза характеризуется несколькими ключевыми признаками:

1) наличием негативного последствия для адресата,
2) четко обозначенным условием наступления этого последствия,
3) возможностью исполнения обещанного действия со стороны угрожающего,
4) определенным намерением изменить поведение адресата путем принуждения.

Следует учитывать и такие важные характеристики угрозы, как интенцию (намеренность и целенаправленность угрозы), фактор страха (эмоциональный компонент, оказывающий мощное психологическое воздействие на адресата), контекст (значимость обстоятельств и обстановки, в которой произносится угроза), форму изложения.

Кроме того, типичная угроза состоит из трех компонентов: сообщение о действиях угрожающего («я сделаю»); условия, при которых названные действия произойдут / не произойдут («если ты выполнишь / не выполнишь»); последствия для адресата («то пострадаешь»). Все эти компоненты могут варьироваться в зависимости от контекста и целей угрожающего.

Подробную информацию о судебных лингвистических экспертизах, связанных с угрозой, мы можем найти в работах К. И. Бринева, М. В. Горбаневского, М. А. Грачева, М. А. Осадчего, А. М. Плотниковой, Ю. Щербининой [4, 5, 6, 9, 10].

При исследовании формы изложения угрозы лингвисты-эксперты обычно погружаются в изучение лексических и стилистических средств, передающих содержание угрозы, а грамматические средства, к сожалению, все чаще находятся за пределами экспертизы. Поэтому мы считаем необходимым обратиться к подробному анализу этих языковых средств, чтобы расширить количество инструментов в работе лингвистов, судебных экспертов и всех интересующихся проблемами социального воздействия речи.

Рассмотрим основные грамматические особенности, характерные для речевого акта угрозы.

1. Ядром речевого жанра ***угроза*** следует считать глаголы [Рабенко, Нестерова, 2007, с. 237]. Часто они имеют значение физического воздействия, уничтожения или причинения вреда, например *убить, избить, покалечить, разнести, уничтожить*. Обычно эти глаголы используются в форме будущего времени или повелительного наклонения, что придает всему высказыванию особую категоричность. Ср: «Я тебя убью!» (прямое утверждение); «Смотри, как бы хуже не было» (угроза, облеченная в форму предупреждения); «Встретимся — поговорим» (эвфемистическая угроза, где глагол «поговорим» имплицитно означает агрессивное действие).

Именно категория наклонения глагола выступает одним из значимых инструментов анализа и определяет, насколько реально и обязательно событие, выражаемое глаголом, что существенно влияет на оценку угрозы.

Русский язык располагает тремя основными категориями наклонения глаголов: изъявительным, сослагательным и повелительным. Каждая из них имеет свое значение и употребление, и каждая из них может использоваться в составе угрозы, придавая ей особую окрашенность и силу воздействия.

Изъявительное наклонение используется для описания реальных фактов или событий. Например, фраза «Он меня ударил» описывает свершившееся событие. Однако в угрозах такое наклонение употребляется реже, поскольку угроза чаще всего ориентирована на будущее и предполагает возможность, а не реальность осуществления.

Повелительное наклонение применяется для выражения приказа или требования: «Иди сюда!» или «Замолчи!» В угрозах повелительное наклонение часто подчеркивает прямое требование подчиняться воле говорящего и создает атмосферу насилия и подавления воли собеседника.

Сослагательное наклонение формирует условия и предположения. Фраза «Я бы сделал это…» передает возможную ситуацию, зависящую от какого-то фактора. В угрозах эта форма часто служит для обозначения возможности наступления неприятного события, например: «Если ты еще раз повторишь, то пожалеешь».

При анализе угроз особое внимание уделяется выбору конкретного наклонения. К распространенным случаям можно отнести следующие:

1) прямые угрозы. В прямых угрозах чаще всего используются повелительные и условные формы, создающие четкость и однозначность, например: «Оставьте всё и уходите отсюда!»;
2) косвенные угрозы. Они могут быть сформулированы в сослагательном наклонении, создавая впечатление возможности предотвращения негативных последствий путем выполнения условий, например: «Лучше оставь это дело, иначе можешь пожалеть».
3) завуалированные угрозы. Они могут включать оба варианта, комбинируя повеление и предположение, например: «Делайте, как вам сказано, или сами будете виноваты».

Большой конфликтной силой обладают императивы в начальной форме глагола, например: «Молчать! А то договоришься у меня!» Инфинитив показывает в данном случае высокую степень категоричности; это же значение передают конструкции, включающие *не + инфинитив* (не подходить,

не брать и т.д.) в значении побуждения: «Хлеб со стола не брать!»

2. Использование частиц и союзов.

Одной из особенностей русского языка являются союзы и частицы, которые играют значительную роль в построении высказывания и его восприятии адресатом. Они позволяют усиливать эмоциональную окраску речи, подчеркивать ее экспрессивность и целенаправленно формировать угрозу.

Используя союзы, говорящие создают условия для восприятия угрозы, формируя взаимосвязанные части сложных предложений. В создании угрозы чаще используется союз «если» / «если … то». Союз «если» вводит условие, при выполнении которого реализуется угроза. Двойной союз «если…то» связывает условие с последствиями: «Если ты не отдашь деньги, то будешь наказан».

Семантическая структура такого рода угрозы включает в себя номинацию действия, выполнение которого требует говорящий, и номинацию действия (определенная штрафная мера), которое обязуется выполнить говорящий в случае неповиновения и которое не соответствует интересам адресата. Между этими действиями устанавливается причинно-следственная связь. Условно подобного рода отношения можно представить таким образом: *(если) ты сделаешь X, (то) я сделаю Y, что не в твоих интересах* [11, 239].

Реже в оформлении угрозы используется сочинительный союз «а»: «Будешь молчать — все обойдется, а заговоришь — пожалеешь». Противительные союзы вводят противопоставление, выделяя контраст между двумя состояниями.

Частицы — служебная часть речи, придающие дополнительное значение словам, выражениям или целым предложениям. Их задача — уточнять смысл сказанного, усиливать выразительность и эмоциональную насыщенность речи. Например, частица «все-таки» способна создавать эффект непосредственной угрозы и подчеркивать неизбежность неприятных последствий: «Все-таки придет конец моему терпению!», «Ты все-таки пожалеешь, если продолжишь свои действия», «Все-таки подумай хорошенько, иначе последствия будут серьезными».

Частица «ведь» не оформляет угрозу непосредственно, но усиливает чувство раздражения и намекает на возможные негативные последствия повторного нарушения установленных норм, например: «Почему вы снова это сделали? Ведь я предупреждал», «Разве вы не боитесь? Ведь последствия могут быть непредсказуемыми». Здесь частица «ведь» применяется для усиления эффекта страха и убеждения оппонента принять определенное решение, опасаясь возможных рисков.

Частица «только» в сочетании с глаголом в форме повелительного наклонения (*только тронь, посмей, подойди, попробуй* и т.д.) в значении отрицания, например: «Вот только подойди!» Подобные конструкции в исследуемых ситуациях выражают запрет, налагаемый одним из коммуникантов на начатое другим коммуникантом действие.

3. Эффект страха может усиливаться за счет использования личных местоимений «я» и «ты/вы», которые четко указывают на агрессора и жертву, персонализируя конфликт, например: «Я тебя убью». По мнению П. А. Катышева, «употребление форм будущего времени в сочетании с местоимениями 1-го лица является одним из самых сильных грамматических указателей прямой угрозы» [7].

Порядок слов. Проблема изучения порядка слов как инструмента формирования угрозы становится все более актуальной в современной лингвистике. Несмотря на многочисленные исследования, посвященные структуре предложения и функционированию отдельных частей речи, вопрос о том, как именно расположение слов влияет на восприятие угрозы, остается недостаточно освещенным.

Изменение порядка слов существенно влияет на восприятие угрозы. Это легко заметить при сравнении двух конструкций (Здесь важно учитывать, что восприятие угрозы зависит не только от порядка слов, но и от общего контекста). Например, одно и то же высказывание может восприниматься поразному в зависимости от тона голоса, мимики говорящего и предшествующих событий. Контекст создает дополнительные смыслы, усиливающие или смягчающие эффект угрозы): «Если ты не сдашь отчет вовремя, тебя уволят» — «Тебя уволят, если ты не сдашь отчет вовремя». Несмотря на одинаковый состав слов, первое предложение звучит более угрожающим из-за расположения сказуемого («увольнение») ближе к началу предложения. Этот феномен связан с психологической особенностью человеческого восприятия: информация, расположенная в начале предложения, воспринимается как более важная и срочная.

5. Использование пассивных конструкций и неопределенно-личных предложений, снимающих прямую ответственность с говорящего, но усиливающих ощущение роковой неизбежности, например: «С вами могут разорвать контракт», «До него недавно пытались достучаться, но безуспешно».

Таким образом, мы видим, что выражение угрозы в русском языке представляет собой сложную многоуровневую систему, изучение которой позволяет лучше понять механизмы речевого воздействия, социальную иерархию и те культурные коды, которые регулируют поведение человека в ситуации конфликта.

Угроза обладает рядом уникальных грамматических особенностей, среди которых выделяются категория наклонения глагола, использование частиц и союзов, инверсии, порядка слов, личных местоимений, пассивных конструкций и неопределенно-

личных предложений. Кроме того, семантико-прагматический анализ раскрывает важность контекста и восприятия угрозы адресатом.

Полученные в ходе проведенного исследования результаты позволяют лучше понимать природу угрозы и эффективно реагировать на нее в различных ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке / П. Адамец. — Praha: Academia, 1966. — 96 с.

2. Асефнежад А. Влияние порядка слов на восприятие содержания высказывания: автореферат дис. … кандидата филологических наук: 10.02.19 / Асефнежад Али. — Воронеж, 2013. — 22 с.

3. Большой толковый онлайн-словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова — Режим доступа: https://lexicography.online/explanatory/kuznetsov/, свободный.

4. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика / К. И. Бринев. — 3-е изд., стер. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2017. — 304 с.

5. Горбаневский М. В. Экспертиза текста: теория и практика М. В. Горбаневский. — М.: Флинта, Наука, 2019. — 280 с.

6. Грачев М. А. Язык и право: Лингвистическая экспертиза в судопроизводстве / М. А. Грачев. — Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. — 215 с.

7. Катышев П. А. Лингвистическая экспертиза текстов, содержащих угрозу: методы и принципы анализа / П. А. Катышев // Судебная экспертиза. — 2018. — № 4. — С. 45—52.

8. Осадчий М. А. Русский язык в судебном процессе: книга для судебных лингвистов экспертов, журналистов, политиков, специалистов по рекламе и PR / М. А. Осадчий. — Изд. 3-е. — М.: ЛЕНАНД, 2022. — 256 с.

9. Плотникова А. М. Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики / А. М. Плотникова. — Екатеринбург; Москва: ТХТ, 2017. — 197 с.

10. Щербинина Ю. Злоречие: Иллюстрированная история / Ю. Щербинина. –– М.: НЕОЛИТ, 2024. — 624 с.

11. Рабенко Т. Г. Языковые средства реализации речевого жанра угрозы / Т. Г. Рабенко, Н. Н. Нестерова // Юрислингвистика. Языкознание и литературоведение. — Алтай: Изд-во ФГБОУ ВО «АГУ», 2007. — С. 237––244.

12. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. Вып. 1. — Саратов: Колледж, 1997. — С. 88—98.

Воронежский государственный университет

Ильина Т. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

E-mail: ilina@phil.vsu.ru

Швецова О. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

E-mail: shvetsova@phil.vsu.ru

Voronezh State University

Ilina T. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Russian Language

E-mail: ilina@phil.vsu.ru

Shvetsova O. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Russian Language

E-mail: shvetsova@phil.vsu.ru

УДК 811.161.1

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭНТОМОНИМОВ В «СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В 4 ТОМАХ» ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. П. ЕВГЕНЬЕВОЙ

Е. П. Козявина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 февраля 2026 г.

Аннотация: *в данной статье рассмотрены способы толкования наименований насекомых. Выделено и проанализировано пять формул толкования энтомонимов. Определены метаслова в словарных статьях, описывающих энтомонимы. Названы основные признаки насекомых, которые содержатся в дефинициях.*
Ключевые слова: *русский язык, лексика, лексикография, наименования насекомых.*

Abstract: *this article examines methods for interpreting insect names. Five formulas for interpreting entomonyms are identified and analyzed. Metawords in dictionary entries describing entomonyms are identified. The key characteristics of insects contained in definitions are outlined.*
Keywords: *Russian, vocabulary, lexicography, names of insects.*

Ключевым вопросом лексикологии и лексикографии является способ представления и описания значения слова. «Комплекс проблем, возникающих при изучении семантического содержания слова, функций слова, механизмов производства и восприятия слова концентрируется в проблеме значения слова» [1, 5]. Проблемами описания значения слова в различных аспектах занимались следующие исследователи: А. В. Рудакова, 2014 [2], Е. А. Маклакова, 2017 [3], И. А. Стернин, 2018 [4].

Если лексическая единица нагружена терминологически, то есть может использоваться в качестве специальной номинации в той или иной области, проблема ее презентации в толковом словаре не является решенной. Одним из примеров являются энтомонимы — наименования насекомых, которые отличает взаимодействие признаков лингвистических и экстралингвистических. Вопрос о соотношении энциклопедической и лингвистической информации в словаре является сложным и трудно решаемым на практике [5].

Целью работы является рассмотрение способов толкования энтомонимов в русском языке. Объектом исследования выступает МАС-2, представляющий собой второе (исправленное и дополненное) издание «Словаря русского языка в 4 томах» [6]. Этот источник справедливо считается на сегодняшний день лучшим нормативным описанием лексики современного русского литературного языка [7]. Именно этот словарь послужил базой и для выделения лексико-семантического ядра русского языка [8].

Предметом нашего исследования являются формулы толкования энтомонимов. Каким образом можно обнаружить энтомоним в толковом словаре? Логично предположить, что по метаслову *'насекомое'*. Наш анализ показал, что данное метаслово используется в дефиниции неодинаково с точки зрения порядка его расположения. В Таблице 1 приводится статистика данного метаслова в зависимости от порядка его следования в дефиниции.

Таблица 1

Позиция метаслова «насекомое»	Количество номинаций
МС-1	18
МС-2	15
МС-3	19
МС-4	6
МС-5	5

Как видим метаслово «насекомое» может занимать от первой до пятой позиции, причем третья позиция по количеству дефиниций превосходит все другие. Приведем примеры:

МС-1: ПЧЕЛА ж. — Насекомое отряда перепончатокрылых, собирающее цветочный нектар и цветочную пыльцу и перерабатывающее нектар в мед, а пыльцу в пергу. БАБОЧКА ж. — Насекомое с двумя парами крыльев, покрытых пыльцой, определяющей их окраску. ЧЕРВЕЦ м. — Насекомое, являющееся опасным вредителем сельскохозяйственных культур и плодовых деревьев.

Формула толкования энтомонимов с МС-1 (насекомое) имеет следующие варианты:

1. «Насекомое отряда…+ пояснение» (экстралингвистическая информация).
2. «Насекомое семейства…+ пояснение» (экстралингвистическая информация).
3. «Насекомое с + описание» (перечисление признаков).
4. «Насекомое + что делающее».

© Козявина Е. П., 2026

МС-2: ПУХОЕД м. — Бескрылое насекомое, паразитирующее на птицах и млекопитающих. МУХА ж. — Двукрылое насекомое, являющееся переносчиком возбудителей ряда заразных болезней. ТЕРМИТЫ мн. — Отряд насекомых жарких стран, живущих сообществами в больших гнездах разной формы (как наземных, так и подземных) и являющихся вредителями древесины.

Полагаем, что первую позицию перед метасловом занимает определение, указывающее на отличительный важный признак данного насекомого (*бескрылое, двукрылое, крылатое, мелкое, паразитическое, прыгающее, сосущее, стадное, хищное*). У лексемы *термиты* первым метасловом является термин *отряд*. Поскольку менее двух крыльев у насекомых не бывает, то указание двукрылое является излишним (*бескрылое-крылатое*).

Частотная формула толкования энтомонимов с МС-2 (насекомое): «Признак+насекомое+описание (чаще начинающееся с причастия)»

МС-3: КОМАР м. — Двукрылое кровососущее насекомое с тонким тельцем. ВОШЬ ж. — Мелкое бескрылое насекомое, паразитирующее на теле человека и животных. КОБЫЛКА ж. — Название ряда насекомых сем. саранчовых.

В данном случае первые две позиции перед метасловом *насекомое* занимают либо признаки, среди которых *жалящее, перепончатокрылое, кровососущее, мелкое, хоботное*, а также ничего не значащее сочетание *название отряда*, которое в номинации кобылка подается как *название ряда*:

КОБЫЛКА ж. — Название ряда насекомых сем. саранчовых.

ПЕРЕПОНЧАТОКРЫЛЫЙ — Название отряда насекомых с двумя парами прозрачных, похожих на перепонку крыльев.

СЕТЧАТОКРЫЛЫЕ мн. — Название отряда насекомых с крыльями, покрытыми густой сетью мелких жилок.

ДВУКРЫЛЫЙ — Название отряда насекомых с одной парой крыльев, к которому относятся мухи, комары, слепни и др.

ПРЯМОКРЫЛЫЙ — Название отряда насекомых с узкими, длинными, прямыми передними крыльями, к которому относятся кузнечик, сверчок, саранча.

ТАРАКАНОВЫЙ — Название отряда насекомых, к которому относятся различные виды тараканов.

СЕНОЕДЫ мн. — Название отряда насекомых, обитающих на растениях, в почве, в домах и т.д. и питающихся органическими остатками, растительной трухой.

ЧЕШУЕКРЫЛЫЕ мн. — Название отряда насекомых; бабочки.

ЖЕСТКОКРЫЛЫЕ мн. — Название отряда насекомых; жуки.

Формула толкования энтомонимов с МС-3 (насекомое) имеет два варианта:

«Признак 1+признак 2+насекомое+описание»;

«Название отряда насекомых+описание (часто с прелогом *с…)*»

МС-4: ШЕРШЕНЬ м. — Крупное перепончатокрылое жалящее ***насекомое*** сем. ос, обычно буро-желтой окраски.

КЛОП м. — Мелкое паразитическое кровососущее ***насекомое***.

ЩИТОВКА ж. — Название мелких сосущих ***насекомых***, покрытых щитом и вредящих растениям.

В данной группе первые позиции представляют собой набор обозначенных выше признаков в произвольном порядке. Можно заметить непоследовательность в передаче признака, связанного с образом жизни некоторых насекомых, живущих на поверхности или внутри другого организма и питающихся его тканями, нанося ему вред. Это может быть прилагательное *паразитический* и приложение *паразит*. Например, КЛОП м. — Лесное 3 или водяное насекомое-паразит.

КЛОП м. — Мелкое 21 паразитическое кровососущее насекомое.

Формула толкования энтомонимов с МС-4 (насекомое) выглядит так: «Признак 1+признак 2+признак 3 + насекомое+краткое описание или без него»

МС-5: БЛОХА ж. — Мелкое паразитическое, кровососущее прыгающее насекомое.

ПЧЕЛИНЫЙ — Название группы семейств жалоносных насекомых отряда перепончатокрылых, к которым относятся оса, шмель, пчела и др.

ПИЛИЛЬЩИКИ мн. — Название нескольких семейств перепончатокрылых насекомых.

БОГОМОЛ м. — Название отряда южных хищных насекомых (данное по характерной для них позе: наклоненное вперед туловище, опущенная голова и сложенные передние ноги).

КОШЕНИЛЬ ж. — Общее 76 название нескольких видов насекомых, из самок которых добывают красную краску кармин.

Номинации, в которых метаслово насекомое занимает пятую позицию, приведены в полном объеме. Очевидно, что эти дефиниции также отличаются лишними словами — *название, общее название* и терминологически нагружены лексемами *семейство, отряд, вид*.

Формула толкования энтомонимов с МС-5 (насекомое) содержит перечисление признаков и экстралингвистическую информацию, например у *богомола* и *кошенили.*

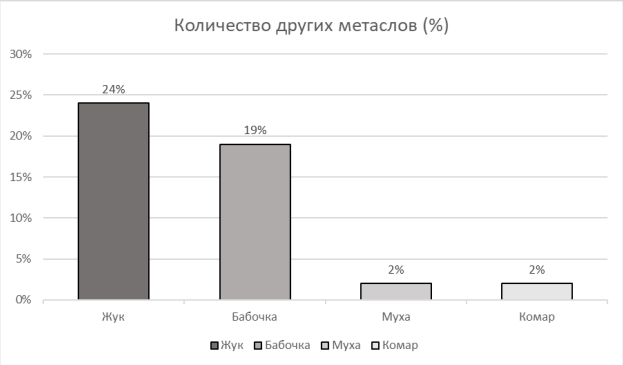
Кроме метаслова «насекомое» при толковании энтомонима используются и другие метаслова. Они также встречаются в разных позициях (ри1):

- жук — 31 номинация. *Вертячка — небольшой водяной жук* [3].
- бабочка — 24 номинации. *Боярышница — белая бабочка с чёрным рисунком на крыльях* [3].
- муха –3 номинации. *Жигалка — муха с колющи-*

ми щетинками на хоботке, появляющаяся осенью и больно кусающая [3].

- комар — 3 номинации. *Долгоножка — Название нескольких семейств комаров с длинными, тонкими ногами* [3].

Рисунок 1



В толковых словарях встречаются разные способы семантизации: описательный, синонимический, отсылочный, словообразовательный, комплексный. В дефинициях энтомонимов присутствует исключительно описательный способ толкования с фиксацией различных признаков насекомых. Среди них отмечаются: размер (крупное, мелкое), особенности окраски, особенности строения тела, наличие крыльев, особенности покрова, особенности поведения, место обитания, время появления. Например:

ВОДОМЕРКА ж. — насекомое с тонким вытянутым телом и длинными ногами, быстро скользящее по поверхности воды [3].

В данной номинации описаны особенности строения тела насекомого (тело, ноги), отмечаются признаки тела насекомого (тонкое, вытянутое) и ног (длинные). А также указывается место обитания насекомого (скользящее по поверхности воды). В качестве метаслова выступает слово *насекомое*.

ЖИГАЛКА ж. — муха с колющими щетинками на хоботке, появляющаяся осенью и больно кусающая [3].

В данной номинации используют дополнительное метаслово *муха*. Описано строение насекомого (щетинки, хоботок) и их признаки (колющие щетинки). Отмечены особенности поведения жигалки (больно кусается) и время ее появления (осень).

МЕДВЕДКА ж. — насекомое отряда прямокрылых, с покрытым короткими бархатистыми волосками телом, живущее в земле и являющееся вредителем сельскохозяйственных культур [3].

В номинации медведка используют метаслово *насекомое*. Указана принадлежность к отряду (отряд прямокрылых). Особенности строения насекомого: тело, волоски. Отмечены следующие признаки: короткие бархатистые волоски. Место обитания насекомого: живет в земле. Особенности поведения медведки: вредитель сельскохозяйственных культур.

Как видим, важное значение в описании насекомых имеет мереология (отношение между целым и его частями или множеством и его элементами). Заметим, что эти отношения вносятся самим человеком, а не присущи действительности как таковой. Это человек объединяет объекты в множества или же разделяет их на части. Носитель языка воспринимает и выделяет только те части объекта, которые для данного объекта являются функционально значимыми. Наличие одинаковой смысловой части дефиниции выражает общее знание людей о насекомых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н. Г. Комлев. — Изд. 2-е, стер. — М.: Едиториал УРСС, 2003.— 191с.

2. Рудакова А. В. Проблемы описания психолингвистического значения слова / А. В. Рудакова // Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2014. — № 3. — С. 36—42.

3. Маклакова Е. А. Проблемы описания полисемантических слов со значением собирательности / Е. А. Маклакова // Наука, образование, общество. — 2017. — N 2(12). — С. 30—39.

4. Стернин И. А. Исследование значения как феномена языкового сознания. Монография / И. А. Стернин. — Алматы: КазУМОиМЯ имени Абылай хана, издательство «Полилингва». — 2018. — 200 с.

5. Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии / Л. П. Крысин. — М.: Знак, 2008. — 320 с.

6. Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Руяз.; Полиграфресурсы, 1999.

7. Крысин Л. П. Проблема обновления толковых словарей современного русского языка / Л. П. Крысин // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2011. — том 70. — № 1. — С. 3—9.

8. Стародубцева Ю. А. Ядро русской лексики: опыт параметрического анализа / Ю. А. Стародубцева. — Воронеж: Издательский дом ВГУ. — 2020. — 177 с.

Воронежский государственный университет

Козявина Е. П., преподаватель кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации, аспирант

E-mail: elena.kozyavina.96@mail.ru

Voronezh State University

Kozyavina E. P., Lecturer at the Department of Electronic Media and Speech Communication

E-mail: elena.kozyavina.96@mail.ru

УДК 81’373.232.1

АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ ФАМИЛИИ В РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

В. В. Корнева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 февраля 2026 г.

Аннотация: *статья посвящена сравнительному анализу образования антропонимических фамилий в русском и испанском языках. В состав этих семейных имен, восходящих к разным видам антропонимов, входят патронимические и прозвищные фамилии, образование которых подчиняется определенным закономерностям. Целью статьи является выявление общих и частных закономерностей образования русских и испанских антропонимических семейных имен. Предпринимается попытка выявить возможные корреляции между семантикой фамилий и способом их формирования.*
Ключевые слова: *образование фамилий, морфологический способ, трансонимизация, антропоним, патронимические фамилии, прозвищные фамилии, русский язык, испанский язык.*

Abstract: *this article presents a comparative analysis of the formation of anthroponymic surnames in Russian and Spanish. These family names, derived from different types of anthroponyms, include patronymic, matronymic, and nickname-based surnames, whose formation follows certain regular patterns. The aim of the article is to identify both general and language-specific patterns in the formation of Russian and Spanish anthroponymic family names. An attempt is made to establish possible correlations between the semantics of surnames and the ways in which they are formed.*
Keywords: *surname formation, morphological derivation, transonymization, anthroponym, patronymic surnames, nickname-based surnames, Russian language, Spanish language.*

Среди активно обсуждаемых в ономастике проблем видное место занимают антропонимы. Наряду с различными формами именования отдельного индивида (такими, как личное имя, отчество, прозвище, псевдоним) к антропонимам относятся также наследуемые семейные имена — фамилии, которые появляются в коммуникативной практике позднее, чем формы именования индивида, и которые становятся важным источником образования семейных имен (см., например, [Никонов 1974; Суперанская, Суслова 1984; Ríos y Ríos 1871]).

Предметом нашего анализа являются основные разряды русских и испанских антропонимических фамилий (патронимические и прозвищные), поскольку русские фамилии, согласно данным Унбегауна, «обычно образуются от личных имен <…> к ним относятся как крестильные имена (то есть имена, полученные при крещении), так и прозвища, даваемые человеку по его профессии, месту проживания или каким-либо другим признакам» [Унбегаун 1989 с. 3].

Создание фамилий, как известно, даже в близкородственных языках имеет явно выраженные этноспецифические черты (см., например, [Суперанская, Суслова 1984; Ríos y Ríos 1871; Унбегаун 1989]). В связи с этим представляет научный интерес сравнительное изучение способов и средств образования антропонимических фамилий в двух неблизкородственных языках — русском и испанском. Для их корректного сопоставления представляется целесообразным учитывать отнесенность фамилий к группе патронимических и прозвищных наследуемых имен.

Прежде всего рассмотрим, как образуются русские фамилии. Основу их изучения заложили классические труды отечественных ономастов А. В. Селищева (1948), В. К. Чичагова (1968), Н. В. Никонова (1974), В. Д. Бондалетова (1983), А. В. Суперанской и А. В. Сусловой (1984), английского ученого Б. О. Унбегаума (1989) и др.

Согласно данным этих ученых, из всего многообразия морфологических средств, которыми обладает русский язык для выражения разного вида значений, в создании русских фамилий используются только суффиксы. Их состав достаточно велик, но продуктивными оказываются лишь *некоторые из них —* суффиксы *-ов*/*-ев* и *-ин*. Достаточно частотными в фамилиях, имеющих форму прилагательных, являются также суффиксы *-ск -ц*, тогда как роль остальных формантов (в частности таких, как *-их*/*-ых*) ничтожна мала (см., например, [Бондалетов 1983; Унбегаун 1989]). В связи с этим закономерно возникает вопрос: чем же обусловлена подобная вариативность суффиксов при образовании русских фамилий и связано ли это с их этимоном?

Для ответа на данный вопрос рассмотрим прежде всего патронимические фамилии. Исследователи обратили внимание на то, что эти семейные имена по сути своей являются патронимами, которые из отчеств в современном понимании данного термина с течением времени превратились в фамилии. При описании процесса зарождения русских фами-

© Корнева В. В., 2026

лий В. Д. Бондалетов останавливается на промежуточном этапе их формирования — образовании отчеств и их функционировании в составе двучленных или трехчленных номинаций индивида. Он отмечает тот факт, что отчества от личных христианских имен в XIV––XVII вв. создавались разными суффиксами, и приводит следующие примеры: *Ярославль*, *Ярославов*, *Ярославович*, *Кузьмич, Фомич, Андреевич* и др. (см. подробнее [Бондалетов 1983 с. 111—112]). В этот же период зарегистрирован и другой вид отчества — «прозвищное отчество» или «полуотчество», по терминологии автора, которое происходило от некалендарных русских имен: *Третьяков сын*, *Замятин сын* и которое уже тогда могло иметь вид *Третьяков*, *Замятин* [Там же].

Принципиально важным в наблюдениях ономастов является, во-первых, состав патронимических суффиксов, одни из которых затем специализировались на образовании фамилий, а другие — на образовании отчеств. Согласно данным О. Б. Унбегаума, уже в XVI в. подавляющее большинство русских фамилий стали использовать патронимические суффиксы *-ов/-ев* и *-ин*». По его мнению, фамилии именно с этими суффиксами образуют основной русский тип фамилий [Унбегаум 1989]. Вместе с тем исследователи также подчеркивают, что выбор патронимического суффикса *-ов/-ев* или *-ин* зависит не от семантики, а от морфологических особенностей этимона — его окончания (см. подробнее [Бондалетов 1983; Суперанская, Суслова 1984; Унбегаун 1989]).

Во-вторых, с учетом диахронических данных формирование патронимических семейных имен предстает как развернутая деривационная цепочка: *личное имя → отчество → фамилия.* Особо подчеркнем тот факт, что образование отчества происходило морфологическим (суффиксальным) способом, тогда как фамилия создается уже иным способом — способом трансонимизации, т.е. путем перехода одного вида антропонима (патронима) в другой (фамилию). В синхроническом же измерении в русистике патронимические фамилии рассматриваются иначе — как результат добавления суффикса к личному имени, и деривационная цепочка имеет уже другой вид: *имя — фамилия.*

Следует также указать, что суффиксы *-ов/-ев* или *-ин* обладают разной продуктивностью в образовании фамильных имен. Большей продуктивностью характеризуется суффикс *-ов/-ев*, поскольку именно он стал более типичным и более специализированным средством, чем суффикс *-ин* [Унбегаум 1989 с. 16—17]. Следствием этого становится экспансия данного суффикса, который может присоединяться к фамилии с суффиксом *-ин*, что приводит к плеоназму, как в следующих примерах: *Долбин — Долбинов*, *Ельчин — Ельчинов, Ильин — Ильинов*.

Патронимические фамилии являются самыми распространенными в русском языке [Унбегаум 1989 с. 7]. Во многом это объясняется тем, что патронимические фамилии образуются не только от полных форм имени, но и от гипокористических. К примеру, от имени *Иван* произошла самая распространенная русская фамилия *Иванов*, а также еще 56 других фамилий, список которых приводится в «Энциклопедии русских фамилий» Т. Ф. Вединой. Вот лишь некоторые из них: *Ивакин, Иванаев, Иванеев, Иваненко, Иваненков, Иваников, Иванин, Иванихин, Иваницкий, Иваничев, Иванкин, Иванков, Иванушкин, Ивашечкин* [Ведина 2008].

В единичных случаях в результате трансонимизации фамилией становятся личные имена, как в следующих примерах: *Авдей, Анатолий, Богдан, Борис, Васюк, Васюта, Володя, Коста, Костя, Маня, Павел* и др. [Ведина 2008]. Б. О. Унбегаун справедливо пишет по этому поводу: «В русском языке использование немодифицированных личных имен — явление исключительное» [Унбегаум 1989 с. 6], что подтверждают и наши наблюдения.

Своеобразие образования русских фамилий заключается также в том, что прозвищные фамилии, как и патронимические, тоже создаются, как правило, с помощью суффиксов *-ов/-ев* и *-ин*. Однако в их использовании существуют свои особенности, которые проявляются главным образом в том, что к одному и тому же прозвищу-этимону восходят две разные фамилии. Так в русском языке появляются этимологические дуплеты фамилий, одна из которых имеет суффикс *-ин*, а другая — суффикс *-ов*. Например, *Ракитин* и *Ракитов* от *ракита* или *Сиротин* и *Сиротов* от *сирота*. Расширение состава прозвищных фамилий за счет использования суффикса *-ов* можно считать результатом экспансии данного форманта. Исключение составляют прозвищные фамилии, восходящие к названиям профессий или статусу индивида, которые обычно создаются с помощью суффикса *-ов /-ев*: *Звонарев, Князев, Кузнецов, Мясников, Попов* и др.

Крайне редко в русском языке без каких-либо изменений внешней структуры этимона, как и в случае с личными именами, фамилией становятся уже функционирующие в коммуникативной практике прозвищные номинации человека: *Медведь*, *Саратов*, *Сирота*, *Толстой* (см., например, [Унгебаум 1989 с.113]. Способом образования таких фамилий является трансонимизация — переход одного вида антропонимов (прозвище) в другой (фамилию).

Таким образом, в русском языке образование отдельных групп антропонимических фамилий принципиально не отличается. Все они создаются морфологическим способом, главным образом с помощью суффиксов *-ов/-ев* и *-ин*. При этом наблюдается экспансия специализированного суффикса *-ов/-ев*, которая проявляется в возможности либо его использования в тех случаях, в которых традиционно употребляется суффикс *-ин*, и создавать тем самым новую фамилию от одного и того же этимо-

на, либо в его добавлении к уже существующей фамилии с суффиксом *-ин*, расширяя тем самым деривационную цепочку образования фамильных имен. Вариативность же использования суффиксальных средств определяется главным образом морфологическими свойствами этимона фамильных имен, его окончанием (см. подробнее [Унбегаун 1989]).

Патронимические фамилии в испанском языке являются отыменными. Они восходят к имени отца, и в этом их принципиальное отличие от русских патронимических фамилий, которые образованы не от имени, а от отчества (патронима) отца. Многие испанские патронимические фамилии сформировались на основе конструкций притяжательной семантики, которые указывали на родство по отцовской линии и имели следующий вид*:* [*hijo*] *de + nombre propio del padre* '[сын] + имя отца', например, [*hijo*] *de Pedro*. В ходе исторического развития в одних случаях в испанских фамилиях сохранилась исходная форма притяжательной конструкции (*de Pedro*), а в других случаях она сократилась до имени отца (*Pedro*). Так в испанском языке от одной и той же описательной номинации образовались две разные фамилии *de Pedro* и *Pedro* [Ríos y Ríos 1871; Faure 2009], причем фамилия *Pedro* оказалась идентичной и, как следствие, омонимичной личному имени [Корнева 2024]. В дальнейшем для дифференциации разных видов антропонимов (личного имени и фамилии) в испанском языке создаются специализированные патронимические суффиксы *-ez* (*Pérez*), *-iz* (*Eiriz*) и *-ía* (*García*) [Ríos y Ríos 1871]. Наиболее частотными являются суффиксы *-ez* и *-ía* [Faure 2009]. Таким образом, патронимические фамилии в испанском языке отличаются разнообразием средств и способов образования. Среди них и морфологический (суффиксальный) способ (*Pérez*), и синтаксический (*de Pedro*), и трансонимизация (*Pedro*). При этом, подчеркнем, этимоном трех разных по форме с точки зрения словообразования фамилий является одно и то же имя отца.

В испанском языке, как и в русском языке, источником патронимических фамилий могут быть не только полные, но и гипокористические формы личного имени, которые существенно отличаются своим деривационным потенциалом. Если при образовании фамилий от полных имен используются, как было сказано выше, три разных способа (морфологический, синтаксический и трансонимизация), то при их образовании от гипокористических форм личного имени возможен только один способ — трансонимизация (см. подробнее [Корнева 2025а; 2025б]). К примеру, к полному имени *Fernando* восходят три фамилии *de Fernando, Fernández* и *Fernando,* тогда как от каждого из его дериватов *Fernado*, *Fernán* и *Fer* происходит только одна фамилия, совпадающая по форме со своим этимоном *Fernado*, *Fernán* и *Fer* в результате перехода личного имени в семейное [Faure 2009 p. 345].

В испанском языке гораздо меньше гипокористических форм имен, чем в русском языке, и как следствие, от одного личного имени образуется небольшое количество фамилий. Показательны в этом отношении такое весьма популярное в Испании имя, как *Pedro* (его устаревшая форма *Pero*) и его гипокористические формы *Perico, Perillo, Perón, Perote*, давшие жизнь одноименным фамилиям. Тем не менее деривационная способность имени *Pedro* сказанным не исчерпывается, оно входит в состав сложных испанских отыменных фамилий, таких как *Perandrés* (*Pero + Andrés*), *Periañes* (*Pero + Yánes*), *Peribáñez* (*Pero + Ibáñez*), *Perogil* (*Pero + Gil*), *Peromsanchoingo* (*Pero + Mingo*) [Faure 2009 p. 588—589]. Иначе проявляются возможности формирования фамилий у другого распространенного в Испании имени — *Sancho*. От бытовавших в средние века сокращенных форм этого имени *San* и *Sa*, которые стали фамилиями, произошли в свою очередь другие патронимические фамилии, образованные суффиксальным способом: *Sanz*, *Sáez*, *Saiz*, *Sáenz* и *Sainz* [Faure 2009 p. 680]. Аналогичным образом ведут себя и фамилии, восходящие к дериватам других имен. К примеру, от отыменной фамилии *Fernado* произошла фамилия *Fernádez,* от *Fernán — Fernanz* и *Fernánez* [Ibidem p. 345]. Сказанное означает, что суффиксальный способ распространяется и на образование новых испанских фамилий от отыменных фамилий, возникших в результате трансонимизации гипокористических и сокращенных форм имени [Корнева 2025а; 2025б].

Прозвищные фамилии в испанском языке, как и в русском, образуются от прозвищ. Любые отличительные особенности индивида, будь то его внешний вид, черты характера, поведение, умственные способности, род занятий, место проживания и др., могли стать прозвищем, и с точки зрения семантики состав испанских прозвищных имен, как и в других языках, весьма разнообразен, что, однако, никак не связано с их деривационными возможностями: все прозвищные фамилии в испанском языке создаются исключительно путем трансонимизации — переходом одного вида антропонима в другой (*прозвище → фамилия*). К числу наиболее распространенных испанских прозвищных фамилий, по данным Р. Фауре, относятся *Romero, Blanco, Rubio, Delgado, Calvo, Cano, Cortés, Bravo* и др. [Faure 2009, p. 805—806]. Прозвищными являются также фамилии *Rey, Conde, Duque, Marqués, Monje, Sastre, Zapatero*, которые часто выделяют в отдельную группу профессионально-статусных фамилий.

Образование антропонимических фамилий в сравниваемых языках имеет как универсальные, так и этноспецифические черты. К числу первых относится возможность использования морфологического (суффиксального) способа образования, наличие специализированных морфологических средств — суффиксов, вариативность форм создания

патронимических фамилий, возможность их образования как от полных, так и от гипокористических форм личного имени, которые в свою очередь могут стать источником образования новых фамилий.

В то же время образование антропонимических фамильных имен в сравниваемых языках существенно различается. В русском языке и патронимические, и прозвищные фамилии создаются практически всегда морфологическим способом, используя одни и те же суффиксы, поэтому в этом отношении принципиальной разницы между данными семантическими типами фамилий нет. К числу отличительных морфологических особенностей русских фамилий относится их производный характер (с точки зрения словообразования они являются производными словами). Лишь в единичных случаях русские фамилии являются непроизводными, когда личные имена и прозвища переходят в фамильные имена без изменений своей структуры. Иными словами, образование русских фамилий независимо от их семантики происходит морфологическим (суффиксальным) способом, а трансонимизация носит окказиональный характер.

В испанском языке образование патронимических и прозвищных фамилий принципиально отличается. Патронимические фамилии образуются разными способами — морфологическим и синтаксическим, а также путем трансонимизации. Как и русские фамилии, они могут создаваться морфологическим способом с помощью специализированных суффиксов; кроме того, они также могут иметь форму притяжательной конструкции (сочетания предлога с личным именем) или быть выраженным одним только именем. Все три фамилии, разные и по способу образования, и по форме, восходят к одному и тому же этимону — имени отца и отражают разные этапы превращения исходной описательной номинации в особый вид антропонима — фамилию.

Наряду с вариативностью способов образования патронимических фамилий в испанском языке их корпус значительно расширяется за счет использования в качестве этимона, как и в русском языке, и полных, и гипокористических форм имени. Однако в испанском языке гипокористические формы имени становятся фамилиями только в результате трансонимизации, а будучи уже фамилиями, они с помощью суффиксов образуют новые фамилии.

Для образования прозвищных фамилий при всем разнообразии их семантики в испанском языке есть только один способ — трансонимизация.

В целом принципиальное различие антропонимических фамилий в русском и испанском языках заключается в способе их образования: русские фамилии создаются морфологическим (суффиксальным) способом, тогда как основным способом образования испанских семейных имен является трансонимизация, а морфологический способ — лишь один из способов образования, который наряду с другими способами используется исключительно для создания патронимических фамилий.

Выявленные различия, как представляется, суть проявление типологических свойств сравниваемых языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. — М.: Просвещение, 1983. — 224 с.

2. Никонов В. А. Имя и общество / В. А. Никонов. — М.: Русский язык, 1974. — 169 с.

3. Корнева В. В. Когнитивные основы омонимии в ономастическом пространстве испанского языка / В. В. Корнева // Когнитивные исследования языка, 2024. — Вып. 5 (61). — С. 653—658.

4. Корнева В. В. Трансонимизация как способ расширения ономастикона (на материале испанского языка) / В. В. Корнева // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2025а. — № 1. — С. 60—68.

5. Корнева В. В. Загадки испанских фамильных имен: источники и особенности образования / В. В. Корнева // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2025б. — № 4. — С. 91—101.

6. Селищев А. М. Избранные труды / А. М. Селищев. — М.: Высш. школа, 1948. — 689 с.

7. Суперанская А. В. Современные русские фамилии / А.. В. Суперанская, А. В. Суслова. — М.: Наука, 1984. — 175 с.

8. Унбегаун Б. О. Русские фамилии / Б. О. Унбегаун. — М.: Прогресс, 1989. — 354 с.

9. Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств, фамилий / В. К. Чичагов. — М.: Русский язык, 1968. — 241 с.

10. Ríos y Ríos A. de los. Ensayo histórico, etimológico y filológico sobre los apellidos castellanos: desde el siglo X hasta nuestra edad. — Madrid: Imprenta de Manuel Tello, 1871. — 259 p.

ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

11. Ведина Т. Ф. Энциклопедия русских фамилий. Тайны происхождения и значения / Т. Ф. Ведина. — М.: Астрель, АСТ, 2008.

12. Faure R. Diccionario de apellidos españoles / R. Faure, M. A. Ribes y A. García. — Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2009. — 800 p.

Воронежский государственный университет

Корнева В. В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии

E-mail: kornevavalentina@mail.ru

Voronezh State University

Korneva V. V., Doctor of Philology, Professor, Head of the Romance Philology Department

E-mail: kornevavalentina@mail.ru

УДК 398.8

ИСТОРИЯ ТРАДИЦИОНЫХ ПЕСЕН СЕЛА ПЕРШИНО НИЖНЕДЕВИЦКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Т. В. Мануковская

Воронежская государственная академия спорта

Поступила в редакцию 24 февраля 2026 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу песен «Лет семнадцати мальчишка» и «Молодка, молодка молоденькая», записанных в разные периоды в селе Першино Нижнедевицкого района Воронежской области в сравнении с ранними записями конца XVIII — начала XX века. Исторический анализ песен проводился на основе методики работы С. Г. Лазутина «Очерки по истории русской народной песни» с целью показать сохранность необрядовых лирических песен.*
Ключевые слова: *народная лирическая песня, зачин, кульминация, эпитеты, композиционные приемы, поэтика.*

Abstract: *the article is devoted to the analysis of the songs "A Seventeen-Year-Old Boy" and "A Young Woman, a Young and Pretty Woman," which were recorded in different periods in the village of Pershino in the Nizhnedevitsky District of the Voronezh Region, in comparison with earlier recordings from the late 18th and early 20th centuries. The historical analysis of the songs was conducted based on the methodology of S. G. Lazutin's work "Essays on the History of Russian Folk Songs" in order to demonstrate the preservation of non-ritual lyrical songs.*
Keywords: *folk lyrical song, introduction, climax, epithets, compositional techniques, and poetics.*

Введение. Народная песня тесно связана с жизнью народа, передает его чаяния и переживания. Жизнь человека меняется, что непременно отражается в фольклоре в целом и особенно в песнях. Село Першино Нижнедевицкого района Воронежской области исследовалось нами в 1982, 1986 и 2006 гг. индивидуально и в составе фольклорных экспедиций студентов-филологов Воронежского университета. Мои родители родом из этого села, до сих пор у меня много родственников, живущих в тех местах. Как ученица известного ученого-фольклориста, профессора С. Г. Лазутина, чье имя сейчас носит лаборатория народной культуры и этнографии ВГУ, я выбрала данное село и тему научной работы не случайно. Историко-филологическое исследование традиционных песен данного села проводится впервые, как и анализ лирических песен в современном их бытовании в сравнении с записями конца XVIII — начала XX века, что является новизной темы. Предмет исследования — освещение особенностей песенных традиций с. Першино Нижнедевицкого района Воронежской области. Объект исследования — песни «Лет семнадцати мальчишка», «Молодка, молодка молоденькая».

Цель работы — показать сохранность лирических песен данного села, объяснить причину произошедших в них изменений. Для осуществления обозначенной цели мы ставили перед собой задачи: проанализировать сохранность зачина, мотивов, традиционных образов, окончания, поэтики народных песен в современной записи в сравнении с ранними вариантами.

Научно-практическая ценность работы заключается в том, что статья может быть использована при чтении лекционных курсов и проведении практических занятий по народному творчеству и фольклору. Метод исследования — историко-филологический. Теоретико-методологической базой статьи являются работы российских фольклористов С. Г. Лазутина и Н. И. Кравцова [4].

Материалами исследования послужили литературные источники: А. И. Соболевский. Народные песни. Т. 1—7 [13]; Архив лаборатории народной культуры и этнографии Воронежского государственного университета (далее — АЛНК) [3]; Воронежские народные песни (в современной записи) [2]. Записью необрядовых песен и их историей занимались фольклористы еще в дореволюционное время: «Русские народные лирические песни», собранные Н. М. Лопатиным и В. П. Прокуниным (1889) [10], «Великорусские народные песни» (Т. 1—7) А. И. Соболевским (1895—1902) [13]. Изучением исторической судьбы народных песен в советское время посвящены работы фольклористов Т. М. Акимовой (1959) [1], В. Я. Проппа (1961) [11], Н. П. Колпаковой (1962) [5], И. Л. Лазарева (1977) [6], С. Г. Лазутина (1964, 1966, 1981) [7—9]. Такой большой период исследования позволяет провести историко-филологический анализ необрядовых песен выбранного села.

© Мануковская Т. В., 2026

Обсуждение и результаты. Рассматриваемые в статье песни разнообразны по жанровым качествам, конкретному идейно-тематическому содержанию. Песня «Лет семнадцати мальчишка» относится к мещанским романсам, «Молодка, молодка молоденькая» — к любовным.

При анализе песен мы пользовались методом, разработанным ученым С. Г. Лазутиным. «Путь к раскрытию истории русских народных песен, определению основных закономерностей песнетворческого процесса лежит через исследования возникновения и развития отдельных песенных сюжетов» [7, 5]. При анализе вариантов ученый применял метод сравнения в сюжетах зачина, образов, окончания, сохранности поэтики. Согласны с утверждением С. Г. Лазутина, что именно «сопоставление многочисленных вариантов избранных песенных сюжетов со всей наглядностью раскрывает перед нами те изменения, которые происходили с ними с конца XVIII в. и до наших дней [7, 6].

Исследуя песенные традиции, мы увидели, что село Першино уникально по своим исполнителям, по сохранности традиционного фольклора. Заселяли и осваивали территорию на протяжении XVII—XIX веков выходцы из Курской и Тульской, но также и других губерний. Переселенцами-однодворцами была занята восточная часть уезда. Западная же часть была заселена позднее — крепостными крестьянами, переводимыми помещиками. Першино находится на границе с Белгородской и Курской областями и получило название по имени помещика Першина, о чем подробно можно узнать в книге В. А. Прохорова «Вся Воронежская земля» [12]. Переходим к рассмотрению песни с. Першино «Лет семнадцати мальчишка», анализ которой помещен в работе С. Г. Лазутина «Очерки по истории русской народной песни», где ученый рассматривает сюжет, сравнивает варианты зачинов, мотивов, окончаний.

«ЛЕТ СЕМНАДЦАТИ МАЛЬЧИШКА»

Многие традиционные песни, известные в Воронежской области, обладают широким общерусским распространением. К ним относится и песня «Лет семнадцати мальчишка». Это образец мещанского романса, имевшего широкое бытование в конце XIX — начале XX в. Сохранность данной песни объясняется простым для восприятия и мелодраматичным сюжетом: молодец лет семнадцати, «неженатый, холостой», задумал жениться и просит «позволенья». Не получив у отца разрешения, молодец скачет на «коне вороном» к возлюбленной, и, скинув «шашку острую», срубает себе голову. Динамичное и напряженное повествование, в конце которого молодец «порешил» со своей жизнью, отвечает традициям мещанского романса.

Песня с. Першино начинается с мотива, в котором сразу повествуется о молодце, задумавшем жениться: Захотел мальчик жаниться,/ Он не знаить, как начать (далее указываем только село: с. Першино, АЛНК, 1982, 1986, 2006). Начало песни с. Першино полностью совпадает с более ранними вариантами. С. Г. Лазутин, сравнивая рассматриваемый вариант с записями Соколовых (1915, № 556—558), отмечает незначительную стилистическую вариацию диалога, характерную для конца XIX — начала XX века [7, 129]. В этих вариантах, как и в песне с. Першино, наблюдается утрата зачина. В записях Соболевского в песнях другого содержания встречается мотив женитьбы молодца, что считается общим местом: Как задумал я, молодец, жениться, / Некому мне, молодцу, пожуриться (Соболевский, т. 7, № 516, с. 477); Лет семнадцати мальчишка / Вздумал в Питере пожить (Соболевский, т. 6, № 552, с. 453). Здесь наблюдается привязка к определенному географическому месту, где происходит трагическое событие. В варианте песни с. Першино этот мотив утрачен.

Описательно-повествовательная часть песни переходит к обращению сына к отцу: Он подшел к отцу родному: — Разреши, кого мне взять. / Позволь, батюшка, жаниться, / Позволь взять, кого люблю (с. Першино, АЛНК, 1982, 1986, 2006). По принципу цепочного построения картин дальше следует ответ отца: Отец сыну не поверил, / Что на свете есть любовь. /– На деревне девок много, / Можно каждую любить (с. Першино, АЛНК, 1982, 1986, 2006). В ранних вариантах слова отца, хотя и разнятся, но содержание их не меняется: Отец сыну не поверил, / Что любовь на свете есть. / Все на свете люди равны, / Надо всех равно любить (Истомин и Дютш, 1894, с. 182). С небольшими стилистическими изменениями диалог сына с отцом встречается во многих ранних вариантах конца XIX — начала XX в., как, например: «Записки УОЛЕ», т. XXII, 1901, с. 194; «Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского РГО», 1901, т. 1, вып. 1, с. 172; «Сибирск. Архив», 1912, вып. X, с. 802; Соколовы, 1915, № 556—558.

Далее по сюжету события разворачиваются в духе мещанского романса: Отвернулся сын, заплакал, / Отцу слова не сказал (с. Першино, АЛНК, 1982, 1986, 2006). Образ заплакавшего сына сохранился и в ранних вариантах, и этот мотив полностью совпадает с записью в с. Першино: Отвернулся сын, заплакал, / Отцу слова не сказал (Арх. АН, ф. 104). В нашем варианте, как и во многих ранних записях конца XIX — начала XX века, сын, ничего не сказав отцу, отправился к возлюбленной: Сел на коня вороного, / Прямо к Маше в теремок (с. Першино, АЛНК, 1982, 1986, 2006). В таком виде сохранилось это место в песне в сборниках следующих авторов: Истомин и Дютш, 1894, с. 182 или «пошел в горенку нову» — «Живая старина», 1906, вып. II, отд. 1, с. 916. Но в варианте песни с. Першино нет мотива, каким путем шел молодец («шел он садом, шел зеленым»), сохраненного в ранних записях. Имя девушки тоже

разное: Шел он садом, шел зеленым, / Зашел к Сашеньке в теремок (Арх. ГО, ф. 12). Утерян и мотив обращения к девушке, прощания с ней, который сохранился в ранних записях романса: Выйди Маша на крыльцо, / Дай мне руку, дай мне праву, / Дай мне с правой руки колечко — / Люби всех, как ты меня (Арх. ГО, р. XXXV).

Далее в варианте с. Першино наступает вершина напряжения сюжета. С некоторыми изменениями этот мотив есть и в ранних записях: Скинул шашку, скинул остру, / Себе голову срубил (с. Першино, АЛНК, 1982, 1986, 2006). В вариантах конца XIX — начала XX века есть дополнительная деталь: «мальчишка» срубает себе голову на «столбовой дорожке» или в «зеленом саду». В песне с. Першино место гибели молодца не уточняется: Пошел Ванюшка по дорожке, / По дорожке столбовой. / Взял он саблю, взял он востру, / Себе голову срубил (с. Першино, АЛНК, 1982, 1986, 2006). Вариант песни с. Першино заканчивается следующей картиной-развязкой: Покатилася головка / Прямо к Маше в теремок (с. Першино, АЛНК, 1982, 1986, 2006). В полных вариантах конца XIX — начала XX века сохранилось другое окончание — смерть возлюбленной, что еще более усугубляет драматизм происшедшего: Ево письмеца печальны / К душе-Машеньке летят. / Где читала — тут и пала, / Тут скончалась Маши жизнь. / Потом отец сыну поверил, / Что любовь на свете есть (Арх. АН, ф. 104). Такое окончание песни записано в наиболее полных вариантах ранних записей.

Мы рассмотрели записанные нами в 1982, 1986, 2006 гг. в с. Першино вариант мещанского романса «Лет семнадцати мальчишка» в сравнении с полными записями, сделанными на рубеже XIX—XX столетия. Стоит отметить, что за довольно большой исторический период содержание песни хорошо сохранилось, несмотря на разрушения, такие, как потеря зачина и окончания. Согласны с высказыванием С. Г. Лазутина, что «народные песни в рассматриваемый период одновременно и разрушаются, и развиваются» [7, 134]. Причиной сохранности мещанского романса считаем запомнившийся сельскому жителю драматический сюжет о сложных патриархально-деспотических отношениях в семье. Переходим к историческому анализу следующей песни, относящейся к любовному жанру.

«МОЛОДКА, МОЛОДКА МОЛОДЕНЬКАЯ»

Песня хорошо известна и любима жителями не только Нижнедевицкого района Воронежской области. Она распространена по всей России, часто исполняется на вечерках, молодежных гуляниях, уличных и семейных праздниках. В архиве лаборатории народной культуры ВГУ имеется более 120 вариантов этой песни. В записях конца XVIII — начала XX века (здесь и далее ссылаемся на материалы Соболевского, т. 2, 3, 5, 7) песня помечена, как: плясовая (Калужская губерния, Мельгунов, выпуск 1, № 1), «обыденная» (Казанская губерния, Чебоксарский уезд, Магницкий, с. 37), хороводная (Костромская губерния, Галичский уезд, Лаговский, с. 37); (Симбирская губерния, Алтырский уезд, Балакирев № 14); протяжная (Прач, 1790 года, с. 23); (Вятская губерния, Календарь Вятской губернии из 1894 г., с. 364); «полупротяжная» (Песенник 1819 г., часть II, № 30); «проголосная» (Томская губерния. Этнографический сборник, выпуск VI, с. 83).

Вариант песни, записанной в с. Першино в 1982, 1986, 2006 гг., представляет собой рассказ девушки о встрече со своим любимым. В большинстве вариантов в песню включена картина про бобра, что придает ей шуточный характер. В таком виде нам встретились записи Соболевского. Но многие варианты имеют другое окончание, развивающее любовные отношения «девушки-молодки» с «товарищем-дружочком», «Ванюшкой-соколом». Зачин песни «Молодка, молодка молоденькая» с. Першино совпадает со многими записями конца XVIII — начала XX века: Молодка, молодка молоденькая, / Головка моя спобедненькая (с. Першино, АЛНК, 1982, 1986, 2006). Близкие варианты отмечены в сборнике «Воронежские народные песни» (1991): Якушкин, с. 16; Магницкий. № 30, с. 37; Лаговский, вып. 1, № 92—93, с. 37; Попов, № 43, с. 82; Балакирев, № 14, с. 28; Шейн, т. 1, № 556; Соболевский, т. 5, № 184—198; т. 7, № 152, 460—462; Киреевский, № 2154, 2503, 2628. Некоторые изменения в зачине читаем в записях Соболевского в следующих вариантах конца XVIII — начала XX века: Молодка, молодка молодая, / Красотка, красотка дорогая! (Песенник 1791 года, часть 1, с. 72. — Молодчик с молодкою — 1790 года, с. 81); Молодка, молодка молодая, / Солдатка, солдатка полковая! (Воронежский уезд, Воронежские Губернские Ведомости 1850 года, № 49).

Распространенная песня встречается и с другими зачинами, в которых нет упоминания о молодке: Ах ты, ноченька, ночка темная, / Ты молодушка, ты молоденька (Народные русские песни, с. 88); Ночка моя, ночка, ночка темная, / Ночка темная, да ночь осенняя, / Ночь осенняя да не последняя (Калужская губерния, Мельгунов, выпуск 1, № 1); Головушка горькая, прошла ночка темная, / Прошла ночка темная, осенняя, долгая (Якушкин, с. 600); Ноченьки темны, / Ноченьки осенни, / Ночки безвременны. / Не с кем ночки спать, / Не с кем думу думати (Вятская губерния, Календарь Вятской губернии из 1894 года, с. 364). В Терской области в песне о молодке далее появляется мотив «почуяло мое сердечушко»: Ой ты, сердце ли, ты, мое сердечушко, / Разунывное мое сердце! / Ох, знать почуяло мое сердечушко, — / Не с кем мне ночку ночевать, / Ой, осеннюю, ее переспать (Терская обл. Терский сборник, вып. 1, с. 121).

В жанре любовной песни в варианте с. Першино далее следует мотив о грусти девушки без «милого

дружка»: Не с кем мне, молодке, / Ночку ночевать, / Придя ночь темна, / Лягу спать одна, / Лягу спать одна, / Без милого дружка (с. Першино, АЛНК, 1982, 1986, 2006). Далекий вариант песни помещен в сборнике «Воронежские народные песни» (1991): Киреевский, № 2636. Укороченные варианты в сборниках: Филатов, 204; Бирюков, 1953, с. 117.

В отдельных вариантах поется о том, что девушка с горя идет в сад разгуляться, в других вариантах — в лес: Я пойду с горя в сад, разгуляюся; / Я на речку сойду, прогуляюся (Курская губерния, Кохановская, с. 66); Пойду с грусти в лес, разгуляюся, / Со милым дружечком повидаюся (Песенник 1791 года, часть III, с. 58). Предыдущие картины связаны между собой цепочкой. Девушка хочет узнать, где «милый живет»: Далеко, далеко, на той стороне, / Не близко ко мне, за быстрой рекой (Казанская губерния, Чебоксарский уезд, Магницкий, с. 37); Грусть-тоска берет, далеко милый живет. / Далеко, далеко, на той стороне, / На той стороне, не близко ко мне, / Не близко ко мне, близко к Москве (Песенник 1791 года, часть I, с. 127); В далице, далице, на той стороне, / Не близко ко мне, за быстрой рекой (Пермская область, Чердынский уезд, Попов, с. 82); Далеко мил живеть. / Далеко-далеча, / На той стороне, / На той стороне, / Не близко ко мне (с. Першино, АЛНК, 1982, 1986, 2006). Самая важная картина — встреча с милым, она выражает основное содержание песни: А вон мой милой стоит за рекой, / На той стороне машет милой. / Машет мой милой своей правою рукой (Песенник 1791 года, часть III, с. 58); Ходит мой милый той стороной, / Машет мой милый правой рукой, / Рукой правой, шляпой черной (Песенник 1791 года, часть I, с. 126). В песне, записанной в с. Першино, утеряны мотивы «машет милый правой рукой», «черной шляпою». Повествовательная часть сразу начинается диалогом парня и девушки: — Милая моя, перейди ко мне. — Я бы рада перешла, / Переход не нашла. / Переход нашла, / Жездочка тонка, / Жездочка тонка, / А речка глубока (с. Першино, АЛНК, 1982, 1986, 2006); — «Перейди, сударушка, на мою сторонушку: На моей сторонушке есть нова забавушка!» — «И я рада бы перешла, — перехода не нашла. / Переходы я нашла, — переходинка тонка». / Брошу жердочку через быстру реченьку, — «Перейди, сударушка, на мою сторонушку, / На моей сторонушке жить не веселешенько!» (Песенник 1791 года, часть III, с. 58); — «Перейди, сударушка, на мою сторонушку!» — «Я рада бы перешла, — перехода не нашла. / Переход-от я нашла, — перекладинка тонка». — Возьму сударушку за праву за рученьку, / Переведу сударушку на мою сторонушку, / Напою сударушку чаем-кофием (Песенник 1791 года, часть I, с. 126); — «Перейди, сударушка, на мою сторонушку! / На моей сторонушке все гульбы-забавушки: / Сады зеленые, соловьи веселые!» (Песенник 1791 года, часть I, с. 127); — Пройди, моя сударка! — Рада бы перешла, жердочка тонка. / Жердочка тонка, гнется, переломится (Казанская губерния, Чебоксарский уезд, Магницкий, с. 37); Жердочка тонка да речка глыбока, / Речка глыбока, вода холодна (Калужская губерния, Мельгунов, выпуск 1, № 1).

В единичных вариантах сохранился мотив, когда матушка запрещает дочери встречаться с молодцом, а также мотив, когда «милой с другой водится»: Река глыбока, водица мутна, / Улица грязна, матушка грозна: / Ходить не велит, с тобой говорить (Курская губерния, Кохановская, с. 66); / Тонка, тонка, гнется: боюсь переломится! / Знать то, мой милой с другой водится! (Москва, Отечественные записки 1861 года, том CXXIX, с. 456; Вильбоа, № 20; Якушкин, с. 606); Знать, там мой милой с иной водится. / С иной водится, да с красной девицей (Пермская губерния, Шишонко, с. 293).

С появлением мотива «речки глыбокой», «воды холодной» по принципу цепочного построения картин появляется образ бобра, который «не выкупался, да весь вымарался»: Как вы этой у речки / Купался бобер, / Чернай, молодой. / Купался, купался, / Не выкупался. / Не выкупался, / Весь вымарался (с. Першино, АЛНК, 1982, 1986, 2006). Эта картина совпадает с ранними записями конца XVIII — начала XX века: На этой на речке купался бобер, / Купался, купался, не выкупался, / Не выкупался, да весь вымарался. / На горку взашел, отряхивался, / Отряхивался, охорашивался (Калужская губерния, Мельгунов, выпуск 1, № 1). В Костромской губернии был записан вариант песни с сохранившимся образом лисы, которая будит заснувшего бобра, предупреждая его об охотниках: Ложился бобер под куст отдыхать, / Под куст отдыхать, стал заусыпать. / Лисица пришла, будила бобра: — Вставай ты, бобер, вставай, молодой (Костромская губерния, Галичский уезд, Лаговский, с. 37). Во многих вариантах сохранился образ «охотничков», которые хотят «шубу шить, бобром обложить»: Охотнички свищут, черна бобра ищут. / Хочут бобра бить, лису застрелить, / Лисью шубу шить, бобром обложить. / Девушку нарядить, гулять отпустить (Костромская губерния, Галичский уезд, Лаговский, с. 37); Хотят бобра бить, хотят застрелить, / Хотят шубу сшить, бобром обложить (Калужская губерния, Мельгунов, выпуск 1, № 1); Хочут бобра бить, хотят подстрелить, / Кунью шубу шить, бобричком пушить. / Молодка добра, шуба из бобра (Пермская область, Чердынский уезд, Попов, с. 82); Хотят бобра бить, хотят ушибить, / Кунью шубу шить, бобром обложить, / Бобром обложить, на базар ходить (Симбирская губерния, Алтырский уезд, Балакирев № 14). В большинстве вариантов нет сцены, когда девушка идет по базару в куньей шубе, опушенной бобром. Предполагаем, что это контаминация с песней «На печке сижу, заплатки плачу»: На базар идет, — как пава плывет; / У лавочки стоит, — как свеча горит. / Из барских во-

рот выходит холоп. / — «Чья это такая?» — «Портнова жена; / Шьет шубу сама. / На печи сижу, заплатки плачу, / Приплачиваю (Симбирская губерния, Алтырский уезд, Балакирев № 14). Контаминация с песней «Сашка черноброва» отмечена в сборнике «Воронежские народные песни», 1991 (Гуревич, № 44, с. 148).

Вариант с. Першино имеет довольно прозаический конец бытового характера: Бобер не дурак, / Пошел во кабак. / Пошел во кабак / И выпил на пятак, / Бобру только так (с. Першино, АЛНК, 1982, 1986, 2006). Наиболее полный вариант песни конца XVIII — начала XX века имеет дальнейшее развитие сюжета — диалог «охотничков» с молодкой: — Что же ты, молодка, не весело ходишь, / Не весело ходишь, не модно ступаешь? — Как же мне, молодке, веселою быть, / Веселою быть, нарядно ходить? / Мужа дома нету, гроза его здеся: / Шелковая плетка на стенке висит. / На стенке висит, всю ночь просвистит; Мое тело бело всю ночь проболит (Костромская губерния, Галичский уезд, Лаговский, с. 37).

Записанная нами в с. Першино песня «Молодка, молодка молоденькая» и варианты ранних записей конца XVIII — начала XX века показали, что песня хорошей сохранности. В ней сохранились постоянные эпитеты и устойчивые традиционные выражения: «ночка темная», «ночь осенняя», «сады зеленые», «соловьи веселые», «во зеленый сад», «сиз-голубчик», «родимый батюшка», «сокол мой», «бело тело»; синонимические повторы: «грусть-тоска», «спать-ночевать», «в далице, далице», гульба-забавушка»; уменьшительно-ласкательные суффиксы: «головушка», «головка победненькая», «дружочек», «сударушка», «сторонушка», «забавушка», «рученька», «реченька», «постелька», «охотнички», «переходец»; устаревшие выражения: «гульбы», «млада», кручинушка». Композиционные приемы (повествовательная часть и монолог-диалог) сохранены. Но в сравнении со старыми записями в варианте с. Першино наблюдаются потеря некоторых мотивов, сниженный стиль в окончании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные нами песни «Лет семнадцати мальчишка» и «Молодка, молодка молоденькая», записанные в 1982, 1986, 2006 гг. в с. Першино Нижнедевицкого района Воронежской области, в сравнении с записями конца XVIII — начала XX века показал, что судьба их сложилась по-разному. Тем не менее «в их изменениях проявляются общие тенденции и закономерности» [7, 154]. Так, в мещанском романсе «Лет семнадцати мальчишка» в книге С. Г. Лазутина «Очерки по истории русской народной песни» и в вариантах с. Першино мы увидели незначительное число традиционных образов и постоянных эпитетов, что вообще характерно для мещанских романсов. В записанном нами варианте драматические события переданы лишь с некоторыми стилистическими изменениями и с хорошей композиционной сохранностью. Ученый-фольклорист Лазутин отмечает, что «устойчивыми, почти неизменными оказываются те места песни, которые выполняют в ней решающую роль в выражении основного идейно-тематического содержания» [7, 134]. Такой случай встретился нам в вариантах с. Першино поздней песни «Лет семнадцати мальчишка».

Согласны с мнением С. Г. Лазутина о том, что нельзя однозначно утверждать о разрушении песен, хотя процесс забвения отдельных мотивов и образов, трансформации первоначальных композиций в записях в с. Першино наблюдается. В любовной песне «Молодка, молодка молоденькая» сохранены внутренние композиционные приемы (повествовательная часть, монолог-диалог, цепочная связь картин), традиционные эпитеты и поэтические формулы, слова с уменьшительными суффиксами. Но утрачено окончание, выпали некоторые мотивы, как, например, географические реалии, что в целом не влияет на сюжет песни, но говорит о ее частичном разрушении. При этом появляются другие картины (как, например, иной конец песни «Молодка, молодка молоденькая»). При всех элементах забвения песня развивается, меняется сюжет, в таком виде бытует среди сельского населения.

Мы пришли к выводу, что, несмотря на сокращение песенного репертуара, на разрушение традиционных образов и мотивов, необрядовая народная песня сохранилась как в живом бытовании, так и в коллективной памяти, что позволило нам записать рассмотренные варианты песен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Т. М. Очерки истории русской народной песни / Т. М. Акимова. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1977. — 186 с.

2. Архив лаборатории народной культуры Воронежского университета (АЛНК).

3. Воронежские народные песни (в современной записи). — Воронеж: ВГУ, 1991. — 136 с.

4. Кравцов Н. И., Лазутин С. Г. Русское устное народное творчество. / Н. И. Кравцов, С. Г. Лазутин. — М.: Высшая школа. — 1977. — 375 с.

5. Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня / Н. П. Колпакова. — Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1962. — 284 с.

6. Лазарев И. Л. Современная жизнь русских народных песен дооктябрьского периода: На материале Воронежской области / И. Л. Лазарев. — Киев, 1977. — 21 с.

7. Лазутин С. Г. Очерки по истории русской народной песни / С. Г. Лазутин. — Воронеж: ВГУ, 1964. — 151 с.

8. Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора / С. Г. Лазутин. — М.: Высшая школа, 1981. — 221 с.

9. Лазутин С. Г. Русские народные песни во второй половине XIX начале XX века: Автореф. дис. … д-ра филол. наук / С. Г. Лазутин. — Москва: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ло-

моносова, 1965. — 38 с.

10. Лопатин Н. М. Русские народные лирические песни / Н. М. Лопатин, В. П. Прокунин. — Москва: тип. А. И. Мамонтова, 1888—1889. — VII. — 268 с.

11. Новосельцева В. А. Зацвила калына. Традиционные песни села Горовое Красногвардейского района Белгородской области / В. А. Новосельцева; под ред. Г. Я. Сысоевой. — Воронеж, 2021. — 64 с.

12. Пропп В. Я. О русской народной лирической песне / В. Я. Пропп // Народные лирические песни. — Ленинград, 1961. — С. 5—68.

13. Прохоров В. А. Вся Воронежская земля / В. А. Прохоров. — Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1973. — 367 с.

14. Сказки и песни Черноземного края России. Материалы фольклорной экспедиции 1936 года. / Сост. Пухова Т. Ф. Примеч. Акаткина В. М. — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2006. — 264 с.

15. Соболевский А. И. Великорусские народные песни / А. И. Соболевский. — Т. 1—7, 5000 текстов. — Санкт-Петербург: Гос. тип., 1895—1902.

16. Старинные казачьи песни поет ансамбль «Бузлук» / Составитель — А. Ю. Тюлюбаева. — Воронеж: Издат-Черноземье, 2025. — 116 с.

17. Традиционная культура и песни села Истобное Репьевского района Воронежской области / Сост. А. А. Сагадатова. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. — 128 с.

18. Сторона моя, сторонка… Этнокультурные особенности Воронежского края: народные песни. — Воронеж: ГБУК ВО «Журнал «Подъем»», 2021. — 228 с.

Воронежская государственная академия спорта

Мануковская Т. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, русского и иностранных языков

E-mail: tmanukovskaja@mail.ru

Voronezh State Academy of Sports

Manukovskaya T. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Humanities, Russian and Foreign Languages

E-mail: tmanukovskaja@mail.ru

УДК 821.161.1

РЕЦЕПЦИЯ РОМАНА Н. ОСТРОВСКОГО «КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ» РАЗНЫМИ ПОКОЛЕНИЯМИ ВЬЕТНАМСКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Т. Х. Нгуен

Академия Военных Наук, Ханой, Вьетнам

Поступила в редакцию 26 июля 2025 г.

Аннотация: *в статье впервые дана полная картина влияния романа «Как закалялась сталь» советского писателя Н. А. Островского в целом и его главного героя Павла Корчагина в частности на разные поколения вьетнамского народа. Интерес к роману «Как закалялась сталь» и его главному герою сохраняется во Вьетнаме на высоком уровне и по сей день, особенно жизненные идеалы и необыкновенная сила воли Корчагина по-прежнему актуальны и в современном вьетнамском обществе. В статье показано, как образ солдата-коммуниста Павла Корчагина активно живет в сознании, мыслях, стремлениях и поступках многих поколений вьетнамских читателей.*
Ключевые слова: *Н. А. Островский, роман «Как закалялась сталь», Павел Корчагин, влияние, вьетнамские читатели, межкультурная коммуникация.*

Abstract: *this article provides the first comprehensive picture of the influence of Soviet writer N. A. Ostrovsky's novel "How the Steel Was Tempered" in general, and its protagonist Pavel Korchagin in particular, on different generations of the Vietnamese people. Interest in "How the Steel Was Tempered" and its protagonist remains high in Vietnam to this day, and Korchagin's ideals and extraordinary willpower remain particularly relevant in contemporary Vietnamese society. The article demonstrates how the image of the communist soldier Pavel Korchagin lives on in the consciousness, thoughts, aspirations, and actions of many generations of Vietnamese readers.*
Keywords: *N. A. Ostrovsky, novel «How the Steel Was Tempered», Pavel Korchagin, influence, Vietnamese readers, intercultural communication.*

«Как закалялась сталь» писателя Н. А. Островского занимает особое место в истории советской литературы и передовой мировой литературы. Являясь бессмертной эпопеей об амбициях и идеалах молодежи, этот роман оказывал и оказывает огромное влияние на миллионы молодых людей во всем мире, в том числе и во Вьетнаме. Это знаменитое произведение было впервые переведено на вьетнамский язык в 1954 году. Его перевод вышел в Ханое в обстановке вновь начавшейся американской агрессии. Авторы этого перевода Тхеп Мой и Хюи Ван [1]. С тех пор роман почти ежегодно переиздается тиражом в сотни экземпляров за раз. В апреле 2025 года роман был заново переведен на вьетнамский язык переводчиком Дао Минь Хиеп [2]. Многоразовое тиражирование и перевод романа «Как закалялась сталь» демонстрируют непрекращающийся интерес вьетнамских читателей к произведению в целом и к его главному герою Павлу Корчагину в частности.

Наше исследование посвящено значимости романа «Как закалялась сталь» и образа солдата-коммуниста Павла Корчагина в сердцах разных поколений вьетнамских читателей. В наши дни межкультурная коммуникация становится актуальной проблемой не только современной филологии, но и всех гуманитарных сфер. Изучение рецепции романа «Как закалялась сталь», в особенности его главного героя — образа солдата-коммуниста Павла Корчагина — во Вьетнаме делает национально-культурную коммуникацию между русским и вьетнамским народами более осмысленной и прочной. Проблема восприятия романа «Как закалялась сталь» Н. А. Островского во Вьетнаме и влияния образа Павла Корчагина на вьетнамских солдат нашла освещение в работах таких русских авторов, как Т. Г. Доступова [3] и Д. А. Фурманов [4]. Роль Павла Корчагина в боевой жизни таких молодых вьетнамских солдат, как Данг Тхюи Чам и Нгуен Ван Тхак также упоминала Бюи Динь Тхи Люи [5]. Однако показу места романа «Как закалялась сталь» и образа солдата-коммуниста Павла Корчагина в душе вьетнамских читателей пока не уделялось достаточного внимания.

Предметом нашего исследования является воздействие романа «Как закалялась сталь» Н. А. Островского и его главного героя Павла Корчагина на мировоззрение и деятельность вьетнамских людей. Цель настоящего исследования — показ искренней любви вьетнамских читателей к данному роману, и в частности, к его главному герою.

В нашем анализе мы не оставляем без внимания и отзывы на «Как закалялась сталь» и образ Павла

© Нгуен Т. Х., 2026

Корчагина вьетнамских солдат, политиков, критиков, поэтов, переводчиков.

Можно сказать, что роман «Как закалялась сталь» нашел и находит путь к сердцам вьетнамцев разных времен. С момента своего появления во Вьетнаме и до сегодняшнего дня роман был тепло встречен читающей публикой, став настольной книгой для многих поколений вьетнамцев. Привлекательность романа в том, что в нем показана сила веры и желание жить, посвятить всю свою жизнь Отечеству, революции. Центральный персонаж Павел Корчагин своими благородными чувствами, замечательными подвигами красноречиво продемонстрировал истину, что самая благородная цель в жизни — внести свой вклад в борьбу за освобождение человечества, за преобразование мира к лучшему. И все это тронуло сердца вьетнамских читателей. Известный поэт Вьетнама То Хыу писал: «Я чрезвычайно благодарен великому произведению “Как закалялась сталь”, которое открыло мне глаза и побудило меня вступить на путь революции и революционной литературы» [6, 429]. На III Национальном съезде деятелей вьетнамской литературы и искусств, состоявшемся в 1962 году, в своей речи образцовый коммунист, выдающийся деятель партии и вьетнамской революции Чыонг Тинь упомянул роман «Как закалялась сталь», считая его «типичным литературным произведением, которое чрезвычайно глубоко воспитывает в нас мировоззрение и гуманизм, призывает нас действовать ради революции, ради справедливости, ради человечества» [7, 274].

Павел — типичный представитель советской молодежи, в котором воплощены благородные политические качества, абсолютная преданность партии, Отечеству и народу. Он сам передал вьетнамским читателям героический стальной дух, вдохновляя их бороться за свободу любимой земли Вьетнама, а также ее строить и защищать. Среди них невозможно не упомянуть таких представителей предыдущих поколений, как мученики Фам Хонг Сон, Нгуен Ван Чой, Нгуен Ван Тхак, Чан Кань Хунг, героическая женщина-врач Данг Тюи Чам и многие, многие молодые вьетнамские люди, посвятившие свою юность Родине. В предисловии к переводу романа «Как закалялась сталь» на вьетнамский язык автор Тхеп Мой писал: «Павел Корчагин вселяет в нас желание жить и бороться. Это революционное качество, которое создали для него большевистская партия и практическая борьба. <…> Павел страстно посвятил себя служению народу, жертвуя собой с энтузиазмом, никогда не колеблясь, без расчета, все отдав ради дела борьбы за национальное освобождение, за счастье человечества. <…> В войнах сопротивления французскому колониализму и американскому империализму многие поколения вьетнамских юношей выбрали путь Павла. Под руководством президента Хо Ши Мина и вьетнамской трудовой партии мы жили и сражались за Родину с теми же революционными чувствами, как Павел. Поколение молодежи Вьетнамской Августовской революции выросло в войне сопротивления, выросло при режиме демократической республики. Мы чувствуем, что Павел очень близок нам» [1, 5—8].

Имя Павла Корчагина, его героические дела во имя Родины живут и жили среди совсем юного поколения Вьетнама в годы жестокой войны. Характерно, что в облике сражающихся молодых вьетнамских бойцов отражается образ Павла Корчагина. В взволнованной речи на Втором Всесоюзном съезде советских писателей 1954 г. известный вьетнамский писатель, поэт, драматург и литературный критик Нгуен Динь Тхи (1924—2003) с благодарностью рассказал о вдохновляющей роли советской литературы в борьбе вьетнамского народа с оккупантами. Он вспоминал, что особо широкое распространение среди бойцов Южного Вьетнама получил роман Н. Островского «Как закалялась сталь». Давно Павел Корчагин встал в ряды бойцов за свободу вьетнамской земли. Этого советского героя хорошо знали во Вьетнаме в то время [8, 72]. По его словам, Павка необходим был вьетнамским солдатам в их справедливой войне как пример мужества, как товарищ в бою. Полюбившийся роман переписывался от руки, ходил по окопам и траншеям армии Вьетминя. В окутанных дымом и огнем окопах Дьенбьенфу солдаты Вьетнамской народной армии раздавали перевод «Как закалялась сталь» [8, 75.].

Русская писательница Анна Караваева вспоминала, что в начале февраля 1956 года авторы писем, которые она получила от вьетнамских журналистов, работающих в газете «Нян Зан» («Народ»), рассказали ей о том, как ходил по рукам бойцов Южного Вьетнама роман в рукописном виде, как читали его на больших собраниях вслух, как передавали драгоценные страницы из рук в руки, что Павел жил с ними в окопах, был с ними в самые трудные минуты [3, 73]. Журналист, поэт Фан Тхе Кай писал: «Я прочитал роман «Как закалялась сталь» в средней школе и до сих пор ясно его помню. Я всегда помню страницы о жизни Павла, человека, который следовал коммунистическим идеалам, посвятив свою юность стране. Павел был смелым и энергичным человеком. Оптимизмом, радостью бытия, подлинно русским революционным размахом он воодушевил на борьбу не одно поколение вьетнамских революционеров. Когда мы были молодыми, мы передавали его по кругу, чтобы почитать. Многие люди в моей деревне проникались идеалом Павла и отправлялись на фронт. Этот роман был их жизненным руководством». На фронте безымянный боец Вьетнамской народной армии аккуратно, строка за строкой, страницу за страницей переписывал абзацы, в которых рассказывалось о Павле, в самодельную тетрадь, сшитую из листов школьных тетрадей. Эта

драгоценная тетрадь вошла во вьетнамскую историю сопротивления под именем «Красной тетради». Десять лет «Красная тетрадь», которую читали на привалах в минуты отдыха между боями, путешествовала по вьетнамским фронтам [4, 575], [5, 8]. Это доказывает, что Павел Корчагин шел с нашими вьетнамскими солдатами на передовую как близкий товарищ. И вот во Вьетнаме Павка Корчагин — любимый герой. В 1960-х годах солдат Нгуен Дак Туен писал: «В двух войнах сопротивления против французского колониализма и американского империализма вьетнамская молодежь читает «Как закалялась сталь». Благодаря этому роману мы многому научились у Павла Корчагина. Было много героических вьетнамских жертв. Они не колебались ни минуты, чтобы обменять свою кровь и кости на независимость и свободу для Отечества. Самого храброго и умного бойца мы называем Корчагиным» [9, 36].

В 50-х и 60-х годах XX века во Вьетнаме был свой Корчагин — Фам Хонг Сон. Он был командиром героического 307-го батальона — знаменитого батальона, который в то время много раз пугал французскую армию. Фам Хонг Сон одержал множество славных побед. К сожалению, в последнем бою с врагом он был ранен осколком в позвоночник. Он был парализован с одной стороны, часто страдал от высокой температуры, боли и язв в нижней части тела. Не сдаваясь судьбе, он решил самостоятельно выучить русский язык, затем он практиковался в переводе книг с русского на вьетнамский. Следуя за Павлом, он считал, что необходимо отдать все оставшиеся силы и интеллект обществу, принося пользу человечеству. Прикованный к постели 13 лет, несмотря на инвалидность и сильную физическую боль он продолжал бороться за жизнь с энтузиазмом молодости до своего последнего вздоха. До своей смерти в 1966 году Фам Хонг Сон оставил после себя десятки опубликованных переводов, таких как «Честное слово» Л. Пантелеева, «Живые и мертвые» и «Дни и ночи» К. Симонова, «Степное солнце» П. Павленко, «Железный поток» А. Серафимовича… Успех раненого солдата Фам Хонг Сона уже вызвал большой отзыв. Он нашел в себе силы жить и стал известным переводчиком советской литературы. Вьетнамский народ ласково называет его «вьетнамским Корчагиным». Ясно, что Фам Хонг Сон являлся великим революционным солдатом-коммунистом, человеком огромной духовной силы, который отказался сдаваться перед трудностями и вызовами жизни. Вслед за Павлом он стал живым примером того, «как закалялась сталь», в глазах многих вьетнамских не только солдат, но и всех молодых людей того времени.

Наши наблюдения над собранными материалами показывают, что образ Павла оказал глубокое влияние на молодежь борющегося Вьетнама. В то время появилось много вьетнамских корчагинцев! В герое — «сайгонском Корчагине» Нгуен Ван Чое — также сияют прекрасные качества солдат, закаленных в революционной борьбе, которые схожи с качествами Павла, такие как преданность делу партии, любовь к Родине, мужество и моральная чистота [3, 75]. Как и Павел, Нгуен Ван Чой представляет собой героический и неукротимый дух революционного солдата. Вступая в революционную жизнь, он всегда хорошо выполнял поставленные задачи. Попав в плен к врагу, несмотря на многочисленные пытки со стороны врага, он всегда сохранял честь солдата-коммуниста, проявляя свою сильную волю, веру в партию и революцию до последнего вздоха. Когда он находился на месте казни, враги завязали ему глаза, он сорвал черную повязку и сказал: «Дайте мне увидеть эту землю, мою любимую землю». В последний момент он громко крикнул: «Запомните мои слова! Долой американский империализм! Да здравствует Хо Ши Мин! Когда его расстреливали, он все равно встал и крикнул: Да здравствует Вьетнам!» [10]. Действительно, в храбром солдате-коммунисте Нгуен Ван Чое мы видим знакомый образ Павла.

По нашим наблюдениям, в тяжелые годы жестокой борьбы против империалистов миллионы вьетнамских молодых людей отправились на фронт, неся с собой идеологию, проповедуемую Павлом Корчагиным. Павел стал идеальным образцом для вьетнамских солдат, призывая их жить и бороться за идеалы партии и за революцию. В «Предисловии» к «Дневнику Данг Тхюи Чам», повествующему о военной карьере и самопожертвовании мученицы-врача Данг Тхюи Чам в войне сопротивления американскому империализму, известный вьетнамский литературовед Выонг Чи Нян писал: «Мы с Данг Тхюи Чам три года учились в одном классе в старшей школе Чу Ван Ан. В нашем сознании всегда жил дух Павла Корчагина из “Как закалялась сталь”» [11, 2]. В начале своего дневника мученица Данг Тхюи Чам процитировала бессмертное высказывание Павла, считая его своим девизом по жизни: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не была мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества» [11, 9]. В дневнике она много раз упоминала Павла, считая его кумиром, образцом для подражания. Выражая свое отношение к герою Павлу, она писала: «На поле битвы Дык Фо (провинции Куангнгай Вьетнама. — Нгуен Т. Х.) звуки выстрелов почти никогда не прекращались, смерть и горе тяжким бременем лежали на каждом гражданине и семье. Тем не менее в центре места, где смерть и жертвоприношение случались легче, чем прием пищи, были такие же солдаты, как мы, которые лежали под укреплениями, слышали, как враг рыл землю наверху, и все еще рассказывали друг другу истории о пар-

не Павле Корчагине из “Как закалялась сталь”» [11, 122]. Военная жизнь женщины-солдата была действительно полна трудностей, но благодаря своему безграничному патриотизму, стойкому и мужественному духу, следуя примеру Павла Корчагина, она все это преодолела. Данг Тхюи Чам пожертвовала своей юностью и жизнью ради независимости страны, свободы нации.

Нгуен Ван Тхак также являлся одним из многих молодых вьетнамцев в возрасте двадцати лет, которые впитали в себя жизненную концепцию Павла. Благодаря Павлу он осознал смысл и ценность жизни и был готов пожертвовать собой ради страны и народа. Читаем слова, выражающие его восхищение и преклонение перед Павлом: «Что скрывается за этим человеком? В чем необыкновенная сила воли Павла? Жизнь загнала его в угол, и рука дьявола коснулась его шеи. Но он вырвался, вырвался на свободу и вернулся к солнечному свету. Как горд этот советский коммунист! Он жил страстно, жил настойчиво и сильно… Его жизнь была бесконечным потоком весны. Это была жизнь молодого члена партии, жизнь красноармейца. Я жаждал жить так, как он: отдать всю свою жизнь во имя партии и народа» [12, 78]. И действительно, Нгуен Ван Тхак жил согласно данной «жажде». Он жил, боролся и посвятил всю свою жизнь, а также свою прекрасную любовь делу революции так, как Павел. В жестоком бою у древней цитадели Куангчи он был тяжело ранен, снаряд пронзил его левое бедро. Находясь на грани жизни и смерти, он все еще думал о своем благородном стремлении внести вклад в дело освобождения. Его последние слова были полны патриотизма и желания сражаться за Родину: «Я бодрствую вот так, вот-вот умру… Я сожалею только о том, что больше не могу сражаться… так много неосуществленных планов» [12, 288]. Читая об этом, мы чувствуем, будто перед нами Павел Корчагин. Почему русский солдат-коммунист Павел и вьетнамский солдат-коммунист Нгуен Ван Тхак так похожи друг на друга? Когда их жизни исчисляются лишь минутами, секундами, они все еще думали только о революционном деле, о коммунистическом идеале. Их сердца бьются как одно, в них одна и та же кровь — героическая кровь благородных идеалов, революционного дела! Эта кровь текла, течет и будет течь вечно.

В сборнике «Письма вьетнамских солдат во время войн» есть письмо, написанное мучеником Чан Кань Хунгом своей семье перед тем, как он отправился на Юг сражаться за Родину с американскими империалистами. В его письме есть следующий отрывок: «Дорогая Ле, пришло время славы — время для меня ступить на поле боя. Оставайся и старайся хорошо учиться, чтобы достичь идеала Коммунистического Союза Молодежи имени Хо Ши Мина. Мы постараемся сделать так, как сказал Павел: “Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не была мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества”. Я уверен, что ты будешь делать так, как он учил» [13, 272]. Таким образом, Павел как бы передал дух самопожертвования ради Партии и революционного дела нашему солдату Чан Кань Хунгу, а Чан Кань Хунг продолжил сохранять этот дух своей сестре. Это показывает, насколько велико было влияние Павла на поколения вьетнамского народа. Следуя словам Павла, Чан Кань Хунг посвятил свою жизнь Родине, он погиб, когда ему еще не было 17 лет.

Когда родная страна была в опасности, молодые люди, такие как Данг Тхюи Чам, Нгуен Ван Тхак, Чан Кань Хунг и многие другие герои, неся в себе горячую кровь Павла Корчагина, шли в бой. Они были готовы пасть, чтобы своя партия могла стоять навсегда. Они были представителями национальной силы, мужества и революционного энтузиазма. В зеленой форме солдат Вьетнамской народной армии мы видим Павла. Для них Павел Корчагин был образцом. Вьетнамские бойцы считали его идеалы факелом, освещающим их революционный путь. Каждое их действие, каждая мысль пронизаны духом Павла Корчагина.

В 1975 году, после окончания войны, во Вьетнаме началась новая эра — мирной жизни. Восстановление страны стало главной задачей. Тысячи деревень, которые были разрушены в ходе боевых действий, были отстроены заново. На давно заброшенных полях вьетнамские корчагинцы мирного времени собрали урожаи риса и овощей. Железная дорога «Единство», соединяющая Хошимин и Ханой, была восстановлена Бригадами Союза трудящейся молодежи Вьетнама. В бескровных сражениях за будущее страны строители, которые отличились на трудовых фронтах, назвали себя «ударниками-корчагинцами» [14, 116]. После войны возвращение раненых солдат к мирной жизни после войны совсем нелегко. Однако физические шрамы войны на телах вьетнамских солдат не умалили неукротимый дух солдат, не помешали им на пути восстановления страны. «Павел снова вдохновлял раненых вьетнамских солдат на выбранном ими пути: Быть таким, как Павел! Жить так, как жил Павел!» [14, 128].

Вьетнамские воины, ставшие на войне инвалидами, мечтали быть похожими на Павла Корчагина. Корчагинец — раненый солдат Данг Си Нгок писал: «Я добровольно пошел в армию после окончания седьмого класса. На протяжении всего похода образ молодого солдата-коммуниста Павла Корчагина в произведении «Как закалялась сталь» всегда воодушевлял и побуждал меня преодолевать все трудности и невзгоды, особенно в напряженных боях.

<…>. До сих пор во мне таятся решимость и невидимая сила жить, как мой Павел! <…>. Павел помог нам забыть остатки войны в своих телах, наполнил нас чудесной жизненной силой, неутомимым духом труда. Тело Корчагина было разбито, но дух его был силен. Он был героем духа. Подобно Павлу, мы каждый день побеждаем самих себя, свою слабость. Благодаря ему мы нашли истину жизни, чтобы лучше воплотить в жизнь лозунг президента Хо Ши Мина "выполнить любую задачу, преодолеть любую трудность, победить любого врага". Павка создал из своего несчастья счастье для нас» [15, 6—8]. И так Павел Корчагин живет в сердцах вьетнамских людей.

Образ Павла и в наши дни — живое олицетворение неиссякаемой энергии молодежи, веры в завтра. Через войны и послевоенные трудности герой советской молодежи 20—30-х годов Павел Корчагин продолжает идти в духовную жизнь вьетнамских людей. Героическая жизнь Павла Корчагина и сейчас является ярким примером беззаветного служения Отчизне, коммунистической партии, народу, а также мерилом всех благородных, смелых поступков и дел для наших вьетнамских современников.

Во Вьетнаме и сегодня поколение отцов продолжает воспитывать поколение детей — будущее страны — в духе благородных идеалов Павла. Идеалы жизни русского солдата-коммуниста были включены в предмет «Нравственное воспитание граждан» — предмет, который обучает вьетнамских школьников морали, а также принципам и нормам поведения. В теме уроке «Жизненные идеалы молодежи» в учебнике для 9-го класса написано: «Человек с благородным идеалом жизни — это тот, кто всегда думает и неустанно действует для реализации идеалов нации, человечества, для прогресса общества, и тот, кто всегда стремится к самосовершенствованию во всех аспектах, желая внести свой интеллект и силу в общее дело <…>. Молодое поколение Вьетнама должно стремиться учиться, внося вклад в строительство и защиту Отечества. Молодые люди должны "жить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества."» [16, 34—36]. По нашим наблюдениям, образ Павла также присутствует на многих экзаменах для одаренных учеников, вступительных экзаменах и выпускных экзаменах во многих вьетнамских школах. В экзаменационных вопросах требуется либо анализ характера героя, либо выражение чувств и мыслей учащихся по поводу жизненной концепции Павла, либо определение влияния Павла на героев Вьетнамской народной армии.

Таким образом, являясь неизменным спутником вьетнамских людей, роман «Как закалялась сталь» усиливает боевой дух и политические и революционные качества многих поколений вьетнамского народа. Это еще и сокровищница практического опыта революционной работы, которая помогает вьетнамским людям увидеть свет истины, а также придает солдатам-коммунистам больше сил для успешного выполнения работы по строительству и защите родины. Солдат-коммунист Павел Корчагин стал символом героизма для молодых вьетнамских людей. Его благородные идеалы и необыкновенная сила воли до сих пор живут в сердцах вьетнамских читателей.

В заключение хотелось бы привести слова вьетнамского журналиста Сюань Тханя: «Во Вьетнаме есть поколения, которые называют себя "поколением Павла". Они смело уходили на поля боя, отправлялись в отдаленные деревни, посвящая себя делу Партии и строив страну без каких-либо колебаний или подсчета прибылей и потерь. Это показывает, насколько велико влияние на вьетнамских читателей образа Павла Корчагина, передающего им героические качества, столь необходимые в их жизненном багаже, чтобы они могли прожить осмысленную жизнь. Павел Корчагин вышел за рамки влияния литературного персонажа, став идеальным образцом для подражания вьетнамской молодежи всех времен, побуждая их двигаться вперед» [17, 30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Тхеп Мой, Хюи Ван. Перевод романа «Как закалялась сталь» на вьетнамский язык. — Ханой: «Литература», 1954. — 556 с.

2. Дао Минь Хиеп. Перевод романа «Как закалялась сталь» на вьетнамский язык. — Ханой: «Литература», 2025. — 590 с.

3. Доступова Т. Г. Вторая жизнь Павла Корчагина. Судьба романа «Как закалялась сталь» Н. Островского / Т. Г. Доступова. — М.: Книга, 1978. — 92 с.

4. Фурманов Д. А. Чапаев: Роман. Н. А. Островский. Как закалялась сталь: Роман. М.: Дет. лит., 1979. — 576 с.

5. Бюи Динь Тхи Люи. Отпечаток эпох в трех произведениях: «Как закалялась сталь», «Дневник Данг Тхюи Чам» и «Вечное пламя юности». Дипломная работа. Винь, 2006. — 78 с.

6. То Хыу. Создание великой литературы, достойной нашего народа и нашего времени / Хыу То. — Ханой: «Литература», 1973. — 526 с.

7. Хо Ши Мин, Ле Зуан, Чыонг Тинь, Фам Ван Донг, Во Нгуен Зиап, Нгуен Чи Тхань. О культуре и искусстве. — Ханой: «Культура», 1972. — 986 с.

8. Нгуен Динь Тхи. Революционные литературные этапы / Динь Тхи Нгуен // Литературный журнал — 1976. — № 5. — С. 71—75.

9. Нгуен Дак Туен. Заметки военного времени / Дак Туен Нгуен. — Ханой: Ассоциация вьетнамских писателей, 1986. — 128 с.

10. Чан Динь Ван. Жить так, как жил он / Динь Ван

Чан. — Ханой: Литература, 2024. — 132 с.

11. Данг Тхюи Чам. Дневник Данг Тхюи Чам / Тхюи Чам Данг. — Ханой: Ассоциация вьетнамских писателей, 2005. — 296 с.

12. Нгуен Ван Тхак. Вечное пламя юности / Ван Тхак Нгуен. — Ханой: Молодежь, 2005. — 337 с.

13. Данг Выонг Хынг. Письма вьетнамских солдат во время войн: сборник / Выонг Хынг Данг. — Ханой: Национальная политика — Правда, 2025. — 400 с.

14. Чонг Нгиа. Герои в борьбе против США ради спасения страны и в деле построения социализма / Нгиа Чонг. — Ханой: Народная армия, 1996. — 142 с.

15. Данг Си Нгок. Павел в моем сердце / Си Нгок Данг // Ежемесячный журнал Вьетнамской народной армии — 2023. — № 8. — С. 6—8.

16. Нравственное воспитание граждан / Учебник для 9 класса. / Ханой: Вьетнамское образование, 2024. — 71 с.

17. Сюань Тхань. «Как закалялась сталь» — легенда об идеале молодежи / Тхань Сюань // Литературное исследование. — 2020. — № 4. — С. 28—30.

Академия военных наук, Ханой, Вьетнам

Нгуен Т. Х., кандидат филологических наук, факультет русского языка

E-mail: nguyenthihoan19111989@gmail.com

Academy of Military Sciences, Hanoi, Vietnam

Nguyen T. H., candidate of Philological Sciences, faculty of russian language

E-mail: nguyenthihoan19111989@gmail.com

УДК 821.161.1

КОНЦЕПЦИЯ «НОВОЙ ЖИЗНИ» В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «ЮВЕНИЛЬНОЕ МОРЕ (МОРЕ ЮНОСТИ)»

С. В. Перло (Азизова)

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15декабря 2025 г.

Аннотация: *в статье рассматривается концепция «новой жизни» в повести А. Платонова «Ювенильное море». Она раскрывается в утопических образах будущего, представленных в идеях инженера Николая Вермо, ядром которых является проект добычи «ювенильной воды». Особое внимание уделено анализу двойственности героя, предстающего, с одной стороны, изобретателем, с другой — технократом, разрушителем мироустройства. В несовпадающих ипостасях характеристик и деятельности героя получают воплощение размышления А. Платонова о пределах научного знания, выходящих за этические рамки «нового мира».*
Ключевые слова: *А. Платонов, «Ювенильное море», литература 1930-х гг., «новая жизнь», образы будущего.*

Abstract: *this article examines the concept of "new life" in A. Platonov's novella "The Sea of Youth." It is revealed in the utopian visions of the future conceived by engineer Nikolai Vermo, whose core is a project to extract "juvenile water." Particular attention is paid to the analysis of the protagonist's duality, who appears, on the one hand, as an inventor, and on the other, as a technocrat, a destroyer of the world order. The contrasting hypostases of the protagonist's characteristics and activities embody A. Platonov's reflections on the limits of scientific knowledge, which extend beyond the ethical boundaries of the "new world."*
Keywords: *A. Platonov, "The Sea of Youth", literature of the 1930s, new life, images of the future.*

Мироощущение А. Платонова формировалось на фоне устремления общества к «новой жизни». Октябрьская революция 1917 г. стала эпохальным переломом, за которым последовала глобальная реорганизация мироустройства. Как отмечает Т. А. Никонова, «в 1930-е годы мысль серебряного века о *человеке духовном* (курсив Т. А. Никоновой. — *С. П.*) была заменена концепцией *человека делающего*, строителя прекрасного будущего всего человечества» [1, 263]. В последующем разрушение старого мира происходило одновременно с высокими темпами строительства «новой жизни».

Повесть А. Платонова «Ювенильное море (Море юности)» (1932) подчеркнуто утопична. Она открывается расплывчатым образом фигуры безымянного «человека», чей пеший путь «день за днем» проложен «в глубину юго-восточной степи» СССР. В «конце пятого дня» он обнаруживает мясосовхоз под номером сто один, куда был направлен инженер-электрик сильных токов Николай Эдвардович Вермо.

В тексте «Ювенильного моря» содержатся библейские аллюзии, связанные с философией А. Платонова о глобальном *пересотворении* мира после революции. Обозначенный в повести конец дня пятого и переход к *шестому дню*: «И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. <…> И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле» (Быт. 1:25—27) [2, 7].

Мотивы экзистенциального сиротства, освоения человеком «безвестной земли» актуализируют ветхозаветный образ изгнанного из рая Адама: «И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят» (Быт. 3:23) [2, 8].

Герой повести Вермо помещен в мифологический контекст, где труд одновременно является и наказанием, и его земной миссией. Мир героев А. Платонова предстает в «неготовом», первозданном виде, который должен быть преображен всеобщими усилиями. Утопические образы будущего в идеях и проектах Вермо позволяют преодолеть жанровую сухость «производственной» прозы. Эти образы, как отмечает один из исследователей, происходят «не от безысходности, а как оправдание социального настоящего. <…> Выделяя в современности процессы, развитие которых дает право надеяться на улучшение социального бытия, авторы утопий видят в своих современниках людей, способных претворить в жизнь эту надежду» [3, 310].

Познание и преобразование мира, осиротевшего без Бога, представляется героям возможным

© Перло (Азизова) С. В., 2026

только с помощью научного знания: «…мир надо изменять как можно скорей, потому что и животные уже сходят с ума» [4, 192]. Вермо стремится открыть первопричину природных явлений и «векового переустройства земного шара» [4, 174]. В его планах есть идеи о создании оптического приемника-трансформера, способного получать ток из пульсаций солнца, луны и звезд, а также проекты вольтовой дуги, электросилосной башни. Он задумывается о радикальном техническом преобразовании животных, чтобы ликвидировать «ветхие формы» и получить «социалистических гигантов».

Первостепенной задачей Вермо является проект добычи «материнской воды» для заполнения большого озера, которого хватит для животных всей Средней Азии. Повесть можно считать концептуальным итогом размышлений А. Платонова о мелиорации, восходящих к его юношеской мечте о победе над засухой. Эта тема в повести трансформируется в полноценную натурфилософскую утопию. Рассматривая документы об инженерной работе А. Платонова в тресте «Росметровес» с 29 мая 1932 г., Е. В. Антонова отмечает, что проекты и изобретения (электрические весы, термоэлектрическая пила и электроподшипник), созданные писателем вместе с младшим братом — гидрогеологом Петром Климентовым, нашли отражение в текстах писателя. Исследователь находит параллели с повестью «Ювенильное море» (поиск и добыча подземных вод, применение для этого «вольтовой дуги». [5, 790]. Н. И. Дужина обнаруживает в герое автобиографические черты А. Платонова (возраст, инженерная деятельность) [6, 245].

Н. В. Корниенко замечает, что пьеса «Высокое напряжение» была подписана А. Платоновым именем своего героя Николая Вермо [7, 434]. Примечательна фамилия этого героя. М. Богомолова указывает на связь деятельности Вермо с мотивом «рытья, углубления, бурения земли (ср. лат. vermis — “червь”)» [8, 76—77]. По мнению А. А. Дырдина, фамилия героя могла быть образована от именования французской автомобильной компании Виктора Вермореля «Vermorel» [9, 71]. На футуристический претекст указывают Е. Толстая и Е. Яблоков [10, 259; 11, 148].

Глобальность проекта Вермо о добыче «подземных морей» напрямую вытекает из катастрофической необходимости: «Прошлый год было постановление районного съезда о бурении на глубокую воду. Я тогда докладывал, и моя речь транслировалась по радио на все колхозы-совхозы. Я добился, как факта, что у нас нет воды, ее не хватит социализму, — у нас только есть одна сырость, один земляной пот…» [4, 208].

Выход из этого тупика Вермо видит в обнаружении нового вида научного взаимодействия с материей, предлагая использовать вольтову дугу: «Резать камень надо не железом, а электрическим огнем: двое рабочих могут заготовить и сложить тысячу скотомест! — враз сообщил Вермо» [4, 212]. Утопический проект, направленный на коренное переустройство жизни, на первых этапах находит стремительный отклик у окружающих. Так, например, Босталоева задумывается об изучении инженерного дела в городе, стремясь проверить слова Вермо о вольтовой дуге и познать внутреннее устройство земного шара. В совхозе она берет на себя организацию учебного комбината для подготовки пастухов к инженерной деятельности и освоение разработки Вермо о добыче «ювенильного моря».

При этом включенность персонажей в преобразовательные инициативы Вермо не предполагает их осмысленного и целостного понимания, что усиливает утопическую условность происходящего и поддерживает мифологический характер начального этапа строительства «новой жизни». Так, секретарь райкома становится своего рода жрецом, который априори верит в идею Вермо и берется за ее воплощение с проводником Босталоевой, используя доступные ему возможности:

«– Ювенильное море! — вскричал секретарь, сам не зная, что такое, но чувствуя, что это хорошо. — Мы добьемся через крайком в порядке шефства, чтоб теперь же у вас был технический комбинат!..

— Нам нужна электротехника, гидрология и наука о мясном животноводстве, — говорила Босталоева, — плюс еще общая подготовка…

— Даю! — радовался секретарь. — Сегодня же поставлю шефство на ячейке и на общем собрании. Обними меня.

Босталоева обняла это худое тело, выгорающее сразу от всех лучших причин, какие есть в жизни.

— Достань мне электрические печи для коровников, — скромно улыбнулась Босталоева, не оставляя объятий секретаря, — и арматуру для них, и наружные изоляторы, и еще кое-что… На тебе спецификацию» [4, 220—221].

В связи со сказанным показателен мотив безумия, проявляющийся в ряде идей Вермо и тесно связанный с логикой предельной рационализации не думающего о последствиях технократа.

Как отмечает Н. В. Пенкина, наряду с экзистенциальными понятиями «скука» и «тоска», в тексте А. Платонова наблюдается «рекордное» употребление слов «бред» и «бредовой» [12, 66]. Примером является «догадка» Вермо о селекции животных для создания «социалистических гигантов» — сатирическая аллюзия на требование непосильных для животных результатов, превратив их в фантастический вид, «вроде бронтозавров».

В сочиненной Вермо сонате появляется поразительный образ будущих животных-«гигантов» с металлическими частями тела — иносказательная метафора, вызывающая ассоциации с проектами заменить животных машинами, в основе которой «железный конь» — переосмысленный символ эпохи.

В свете сугубо утилитарной технократической утопии Вермо рассматривает и людей. Взглянув на Босталоеву, он задумывается о бесполезности сооружения крематориев, лишающих возможности получать химическим путем что-то более необходимое, чем прах, например, гвозди, свечи, медь и минералы из тела человека: «Зачем строят крематории? — с грустью удивлялся инженер. — Нужно строить химзаводы для добычи из трупов цветметзолота, различных стройматериалов и оборудования!» [4, 234]. Как отмечает О. Ю. Алейников, в повести «Ювенильное море» пародийное воспроизведение актуальных тем 1930-х гг. неотделимо от гротеска (с М.: 13, 71—80).

В приведенном описании очерчены пределы научно-технического прогресса и технократической утопии, в результате которой человеческое тело редуцируется до ресурса и воспринимается лишь как сырье для научной деятельности. Еще один пример из текста: «Вермо почувствовал эту излучающую силу Босталоевой и тут же необдуманно решил использовать свет человека с народнохозяйственной целью…» [4, 210]. В этом фрагменте Н. И. Дужина определяет пародию на «энергетический императив» идейного наставника юношеских лет А. Платонова В. Освальда [14, 317].

Герои «Ювенильного моря» рассуждают о теории эволюции Чарльза Дарвина, возлагают надежды на «коммунистическое естествознание», благодаря которому появится возможность преодолеть «пропасть между человеком и любым другим существом» [4, 200]. По сведениям О. Ю. Алейникова, в то время, когда А. Платонов работал над повестью, «в СССР широко обсуждалось наследие Ч. Дарвина (50-летие со дня смерти ученого приходилось на тот же год)» [15, 204].

Как отмечает современный исследователь, развитие науки со второй половины XIX в. являлось одним из эффективных средств политической пропаганды: «Популяризация достижений естествознания стала знаменем борьбы с религией и ассоциируемым с ней общественным строем. Как вспоминал революционер С. Лазо, целое «поколение революционеров нашло в книге К. А. Тимирязева “Жизнь растений” самый короткий путь к пониманию марксизма» [16, 103]. Естествоиспытатель К. А. Тимирязев, по словам А. Платонова, «наш первый пролетарский ученый» [17, 43], в числе первых в России стал последователем и активным распространителем учения Ч. Дарвина. Согласно одному из положений, сформулированному К. А. Тимирязевым, именно дарвинизм ответил на острый вопрос, который не могла дать Библия, об образовании гармонии органического мира благодаря естественному отбору, последовательно устраняющего всё негармоничное [18, 107].

В «Науке современной жизни» (1916) ученый рассматривает научные дискуссии в английской печати, борьбу профессора химии Г. Э. Армстронга и профессора механики Джона Перри за утверждение глобального переустройства образования от литературно-классической школы к школе научной. Рассуждениям А. Платонова из статьи «Культура пролетариата» о «господстве сознания», ставшего «душой» народа и «центром человека и человечества», способного одержать победу над смертью и полом [17, 99], близка мысль Г. Э. Армстронга о возможностях, которые даруют социуму научное познание мира и «альтруистический социализм»: «Только благодаря ему [эволюционному учению Ч. Дарвина. — *С. П.*] завоевали мы полную умственную свободу, отрешились от всяких догм и сознали, что только от нас самих зависит “строительство нашей жизни”. Наука возникла и стала процветать только с того момента, когда была завоевана полная свобода мысли; ни при каких других условиях она немыслима. <…> Наш социализм должен положить в основу науку, тогда только будет он социализмом разумным, сознающим необходимость подчинять стремления личности истинным интересам общины» [18, 221].

К. А. Тимирязев проводит развернутую параллель между книгой Ч. Дарвина «Происхождение видов» (1859) и трудом К. Маркса «К критике политической экономии» (1859), осмысляя дарвинизм и марксизм как два проявления единого материалистического метода в науках о природе и обществе. Как происхождение органических форм у Ч. Дарвина, так и правоотношения и формы государственности у К. Маркса проистекают из материальных условий жизни. К. А. Тимирязев также отмечает в этих учениях общий взгляд на человека и его формирование через общественность. Рассматривая книгу Ч. Дарвина «Происхождении человека и половой отбор» (1871), ученый отмечает, что «все умственное и нравственное превосходство над животными (вся идеологическая надстройка, как выразился бы Маркс) берет начало в двух материальных особенностях — в развитии высшей области нервной системы, в головном мозге, и его результате — развитии умственных способностей и в развитии “социального инстинкта”, присущего и высшим животным» [18, 344].

Такого рода связь дарвинизма с марксизмом отчетливо наблюдается в идеях зоотехника Високовского в «Ювенильном море» А. Платонова: «Он надеялся, что эволюция животного мира, остановившаяся в прежних временах, при социализме возобновится вновь, и все бедные, обросшие шерстью существа, живущие ныне в мутном разуме, достигнут прелестной судьбы сознательной жизни» [4, 199—200]. По мысли героя, «новый» этап эволюции животных должен произойти в результате их трудовой деятельности. Обнаружив после вскрытия погибших коров нечищенную картошку, которую, вероятно, им могли дать нештатные пастухи, Високовский приходит к выводу о необходимости на-

значения на их должность быков: «…субъективно бык будет мужем и защитником коров, а объективно нашим чиновником-пастухом!» [4, 233]. Как и образ медведя-молотобойца в «Котловане», вовлеченного в общую судьбу рабочих, скот в «Ювенильном море» осмысляется как равноправный участник общего процесса по строительству «новой жизни».

При этом, в отличие от Вермо, движимого научным интересом и рациональным расчетом, стремление зоотехника сократить разрыв между человеком и природным миром определяется его любовью к животным: «Он любил скотину саму по себе и давно собирался уйти работать в область племенного животноводства, дабы воспитывать скот для рождения потомства, а не для убийства» [4, 185]. Забота Високовского проявляется в «воспитании» скота, шитье зимних чулок для кроликов, кормлении быков солеными пышками, строительстве стеклянных теплиц печного отопления и др.

«Новый» этап эволюции посредством «коммунистического естествознания» относится не только к животным, но и к людям. Становлению «нового» человека препятствует инволюция, выраженная в таком зооморфном признаке, как обрастание шерстью. В художественном мире А. Платонова такого рода трансформация персонажей свидетельствует о деградации.

Обратный процесс происходит в «Мусорном ветре», где сюжет разворачивается в фашистской Германии. Именно животные и другие природные существа, а не люди, оказываются носителями искренности и человечности: «С беспрерывной силой горел солнечный центр в мусорной пустоте пространства, сухие насекомые и различные пустяки с раздражением шумели в воздухе, а люди молчали» [20, 278]. В записной книжке за 1939 год А. Платонов переосмысливает дарвинизм и отказывается от представлений этой материалистической теории о превосходства разумного человека над другими живыми созданиями: «Люди и животные одни существа: среди животных есть морально даже более высокие существа, чем люди. Не лестница эволюции, а смешение живых существ, общий конгломерат» [21, 213].

Принцип К. А. Тимирязева о «свободной науке у свободного народа» [18, 335] получает в повести «Ювенильное море» двойственное воплощение. Как иронично отметил А. Платонов в анкете «Какой нам нужен писатель», ознакомление с философскими и политэкономическими дискуссиями дали ему «много полезного и вредного» [22, 287]. Гротескная насыщенность преобразовательных идей Вермо демонстрирует опасность абсолютизации научного знания вне этических ограничений. Определенный В. А. Чалмаевым в рассказе «Мусорный ветер» «ускоренный процесс ликвидации человеческого в человеке» [23, 139] обнаруживает свои истоки в рассуждениях Вермо [15, 205].

В «Ювенильном море» А. Платонова утопический образ будущего неизбежно сталкивается с этической проблематикой. Герой «нового» времени показан и как созидатель, и как разрушитель природного мироустройства. В этой двойственности отражается скептическое отношение А. Платонов к достижениям цивилизации и ее прогнозу «новой жизни». Писатель проблематизирует утопическое мышление современной ему эпохи и ставит фундаментальный вопрос о границах научного знания, за которыми человек утрачивает свою человечность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никонова Т. А. Динамика литературного процесса 1920—1930-х годов / Т. А. Никонова // Русская литература XX века: учеб. пособие: в 2 ч. / под ред. Т. А. Никоновой. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. — Ч. 1: Человек и художественная реальность в литературе 1890—1940-х годов. — С. 256—267.

2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета с иллюстрациями Гюстава Доре. — М.: АСТ, 2021. — 967 с.

3. Желтикова И. В. Утопия как образ будущего / И. В. Желтикова // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. — 2013. — № 9 (152). — С. 302—311.

4. Платонов А. П. Сочинения. Т. 4. — 1928—1932. Кн. 1. Повести / А. П. Платонов; гл. ред. Н. В. Корниенко. — М.: ИМЛИ РАН, 2020. — 653 с.

5. Антонова Е. В. А. Платонов — инженер треста «Росметровес» / Е. В. Антонова // Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. — М.: ИМЛИ РАН, 2000. — Вып. 4. — С. 787—793.

6. Дужина Н. И. Новые материалы к истории текста произведений Платонова 1930—1931 гг.: «Котлован», «Шарманка», «Ювенильное море». Статья и публикация / Н. И. Дужина // Архив А. П. Платонова. — М.: ИМЛИ РАН, 2009. — Книга 1. — С. 237—269.

7. Корниенко Н. В. Примечания / Н. В. Корниенко // Платонов А. П. Ноев ковчег: пьесы. — М.: Вагриус, 2006. — С. 425—462.

8. Богомолова М. Зачем Николай Вермо разрушил совхоз (Система персонажей повести «Ювенильное море») / М. Богомолова // Поэтика Андрея Платонова. Сборник 1. На пути к «Ювенильному морю» / под ред. Е. А. Яблокова. — Белград: Филологический факультет Белградского университета, 2013. — С. 59—81.

9. Дырдин А. А. «В стране трудного счастья» (этимология имен героев в повести Андрея Платонова «Ювенильное море») / А. А. Дырдин // Филологический класс. — 2017. — № 2 (48). — С. 67—74.

10. Толстая Е. Идеологические контексты Платонова / Е. Толстая // Мирпослеконца. Работы о русской литературе XX века. — М.: РГГУ, 2002. — С. 289—323.

11. Яблоков Е. Контрапункт (Проблема авторской позиции в повести «Ювенильное море») / Е. Яблоков // Поэтика Андрея Платонова. Сборник 1. На пути к «Ювенильному морю» / под ред. Е. А. Яблокова. — Белград: Филологический

факультет Белградского университета, 2013. — С. 134—171.

12. Пенкина Н. В. Философские идеи прозы Андрея Платонова: проблема человека: монография / Н. В. Пенкина. — Нижневартовск: Издательство Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2012. — 104 с.

13. Алейников О. Ю. Повесть А. Платонова «Ювенильное море» в общественно-литературном контексте 1930-х годов / О. Ю. Алейников // Андрей Платонов: Исследования и материалы. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. — С. 71—79.

14. Дужина Н. И. «Все, что видимо и что скрыто…» Коммент. к произведениям, включенным в сборник / Н. И. Дужина // Платонов А. П. Котлован: Избранная проза / А. П. Платонов. — М.: Кн. палата, 1988. — С. 312—318.

15. Алейников О. Ю. Андрей Платонов и его роман «Чевенгур». Монография / О. Ю. Алейников. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013. — 222 с.

16. Кругликова О. С. Эволюционная теория Дарвина в отражении русской консервативной и либеральной прессы второй половины XIX в. / О. С. Кругликова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2018. — № 5. — С. 101—118.

17. Платонов А. П. Сочинения. Т. 1. 1918—1927. Кн. 2. Статьи; гл. ред. Е. В. Антонова / А. П. Платонов. — М.: ИМЛИ РАН, 2004. — 512 с.

18. Тимирязев К. А. Сочинения: В 10 т. [Редкол.: В. Л. Комаров (отв. ред.) и др.] / К. А. Тимирязев. — М.: ОГИЗ-Сельхозгиз, 1939. — Наука и демократия: сборник статей 1904—1919 гг. — Т. 9. — 495 с.

19. Гюнтер Х. По обе стороны от утопии: Контексты творчества А. Платонова / Х. Гюнтер. — М.: Новое лит. обозрение, 2011. — 208 с.

20. Платонов А. П. Счастливая Москва Роман, повесть, рассказы / Сост., подгот. текста, комментарии Н. В. Корниенко / А. П. Платонов. — М.: Время, 2011. — 624 с.

21. Платонов А. П. Записные книжки. Материалы к биографии / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Н. В. Корниенко / А. П. Платонов — М.: Наследие, 2000. — 424 с.

22. Корниенко Н. В. А. Платонов. Ответ на анкету «Какой нам нужен писатель» [Примечания] / Н. В. Корниенко // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. — М.: Современный писатель, 1994. — С. 286—288.

23. Чалмаев В. А. Андрей Платонов / В. А. Чалмаев. — М.: Советская Россия, 1978. — 176 с.

Воронежский государственный университет

Перло С. В. (Азизова), аспирант кафедры русской литературы XX—XXI вв., теории литературы и гуманитарных наук

E-mail: sophiaazizova@gmail.com

Voronezh State University

Perlo S. V. (Azizova), Postgraduate Student of the Department of Russian Literature XX—XXI centuries, Theory of Literature and Humanities

E-mail: sophiaazizova@gmail.com

УДК 82—312.1

«РОКОВЫЕ ЯЙЦА» М. А. БУЛГАКОВА И «ВЕЧНЫЙ ХЛЕБ» А. Р. БЕЛЯЕВА: СОВЕТСКИЙ БИОПАНК И ЗООФОБНЫЕ МОТИВЫ

Ф. Е. Платонов

Московский университет имени А. С. Грибоедова

Л. В. Дубаков

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китайская Народная Республика

Поступила в редакцию 20 февраля 2026 г.

Аннотация: *целью статьи является сравнительный анализ повестей М. А. Булгакова «Роковые яйца» и А. Р. Беляева «Вечный хлеб». Произведения рассматриваются в качестве разновидности научной фантастики, или киберпанка в изводе биопанка, что предсказывает мрачное будущее человечества на основе развития биотехнологий и ошибок, допущенных при научных экспериментах. В статье анализируются главные герои повестей, их имена, особенности их мировоззрения, их поступки и судьба, сопоставляются центральные и второстепенные элементы сюжета, устанавливаются и осмысляются схожие мотивы указанных произведений. Особенное внимание в статье обращено на образы живого «вещества», в связи с которым в повестях осуществляется эксперимент и разражается апокалиптическая катастрофа. Оба писателя сгущают эти образы, усиливая их параллельными метафорами, вызывая отвращение и отторжение, порождаемые естественным страхом перед иной, чем человеческая, природой и как будто провоцируя зарождение различных фобий. Названные произведения Беляева и Булгакова в большой степени схожи, однако между ними есть принципиальная разница: первый из авторов испытывает оптимизм по поводу будущего и верит в возможности человека, расценивает ошибку как ошибку, которую можно скорректировать, второй — в целом сомневается в перспективах форсированного социального преображения людей, ускоренного исправления человеческой природы.*
Ключевые слова: *антиутопия, дистопия, биопанк, зоофобия, эксперимент, апокалипсис.*

Abstract: *the purpose of this article is to compare the stories «Fatal Eggs» by M. A. Bulgakov and «Eternal Bread» by A. R. Belyaev. These works are viewed as a form of science fiction, or cyberpunk in its biopunk form, predicting a bleak future for humanity based on the development of biotechnology and the errors made in scientific experiments. The article analyzes the stories' main characters, their names, their worldviews, their actions, and their fates, comparing central and secondary plot elements, and establishing similar motifs in these works. Particular attention is paid to the imagery of living «substance», which is the subject of the experiment and the apocalyptic catastrophe. Both writers condense these images, reinforcing them with parallel metaphors, evoking disgust and rejection, born of a natural fear of a nature other than human, and seemingly provoking the development of various phobias. The aforementioned stories by Belyaev and Bulgakov are largely similar, but there is a fundamental difference between them: the former is optimistic about the future and believes in human potential, viewing a mistake as one that can be corrected, while the latter generally doubts the prospects for accelerated social transformation of people, or the accelerated correction of human nature.*
Keywords: *anti-utopia; dystopia; biopunk; zoophobia, experiment; apocalypse.*

Повесть А. Р. Беляева «Вечный хлеб» опубликована в 1928 году, то есть через три года после повести М. А. Булгакова «Роковые яйца». Нет точных сведений, был ли первый знаком с булгаковским произведением, однако факт состоит в том, что тексты оказались во многом схожи. При этом беляевская повесть — произведение, конечно, самостоятельное.

Биопанк (от англ. biology «биология» и punk «панк») — один из подвидов киберпанка, разновидности научной фантастики, в текстах которого предсказывается «возможное будущее человечества на основе биотехнологий» [1, 195]. Одновременно биопанк можно назвать и вариантом антиутопии, поскольку его «наиболее распространенный сценарий» — «ошибки генной инженерии, из-за которых на свет появляются жуткие и пугающие монстры» [1, 195—196]. В представленной статье рассматриваются параллели и расхождения между «Роковыми яйцами» и «Вечным хлебом» как текстами, которые можно отнести и к научной фантастике, и к дистопии/антиутопии. «Роковые яйца» в российском литературоведении называют антиутопией довольно

© Платонов Ф. Е., Дубаков Л. В., 2026

часто (см., например, в повести Булгакова «возможности фантастики помогают усилить обличительный пафос антиутопии» [2, 19]), как и некоторые другие произведения этого писателя [3; 4], рассмотрение же в этом ключе повести Беляева осуществляется впервые.

Сюжет обоих произведений строится вокруг биологического научного открытия, которое может облагодетельствовать жизнь людей. Профессор Персиков изобретает «луч жизни», в электрическом свете которого начинают активно размножаться и увеличиваться в размерах живые существа, профессор Бройер создает простейших, которые оказываются способны на бесконечный рост, питаясь необходимыми веществами из воздуха. Заостряя возможное неприятие человеком существ, что подвергаются опыту, страх, который они вызывают у большинства, и Булгаков, и Беляев обращаются к пресмыкающимся и к одноклеточным простейшим, соответственно. Писатели, создавая ощущение опасности, исходящей от сильно отличающихся от человека существ, словно провоцируют у читателя герпето- и верминофобию. Луч жизни пробуждает к жизни огромных змей и крокодилов, изобретение профессора Бройера — простейших, что питаются бактериями.

Оба писателя еще и умножают эти образы отталкивающими сравнениями и метафорами, напоминающими не только о простейших и пресмыкающихся, но и земноводных, и головоногих, и беспозвоночных. Простейшие у Булгакова под «красным лучом» размножаются делением и уничтожают друг друга, и при этом их «ложноножки гораздо длиннее нормальных, и работали они ими, без преувеличения, как спруты щупальцами» [5]. Эксперименты над головастиками быстро превратили институт, в котором трудился профессор Персиков, в болото. Одна из глав повести содержит метафору в названии — «Живая каша»: змеи увиделись Полайтису и Щукину «червивой кашей» [5]. То есть «Роковые яйца» и беляевскую повесть сближает мотив ужасного, съедобного и одновременно съедающего. «Вечный хлеб» у Беляева как «студенистая жидкость, напоминавшая лягушечью икру»; один из попробовавших ее все время ощущал, что у него «как будто из этой лягушечьей икры <…> в желудке развелись лягушки» [6]. Бройер уподобляет принцип действия «вечного хлеба» делению дождевого червя. Ганс пробует «вечный хлеб», и все смотрят на него «с таким видом, как будто он глотает живую змею», позже Гансу и самому «мерещилось, что тесто, как серый змей, подползает к кровати и душит его…» [6]. Тесто, увеличивающееся в размерах, кажется людям тиной, которая, как известно, представляет собой водоросли; эта как будто бы болотная тина затягивает в себя людей, душит детей и взрослых, останавливает речное судоходство и мореплавание.

Фамилии обоих ученых у Булгакова и Беляева имеют двойственный характер, как и их открытия. Согласно предположению исследователей, образ Владимира Ипатьевича Персикова созвучен образу Владимира Ильича Ленина [7]: один начал в России великий социальный эксперимент, другой — эксперимент биологический, но метафора вполне прозрачна. «Красный луч» булгаковского героя ускоряет развитие живых существ и выводит на поверхность множество того «чудовищного», что в них есть. Можно отметить, что это одна из повторяющихся тем прозы Булгакова в 1920-е годы. Одновременно в фамилии Персикова видны и христианские коннотации: персик — один из символов спасения. Эта же двойственность, хотя в более приземленном виде, обнаруживается и в фамилии Бройера у Беляева. Бройер, если говорить о еврейских корнях, означает «богоблагословенный»; если прочесть ее понемецки, то Бройер — это пивовар, предлагающий людям схожий с пивом продукт — «вечный хлеб», «опьяняющий» мыслью о спасении. Кстати, выражение «культура простейших», которое использует Бройер, тоже как будто переводит биохимический эксперимент в социальный.

Профессоры Персиков и Бройер — люди не то что жестокие, но головные, а потому в каком-то смысле бессердечные. Когда Владимир Ипатьевич начал экспериментировать с «лучом жизни», он увидел, как «Вновь рожденные яростно набрасывались друг на друга и рвали в клочья и глотали. Среди рожденных лежали трупы погибших в борьбе за существование. Побеждали лучшие и сильные. И эти лучшие были ужасны» [5]. Но его возглас «чудовищно», конечно, имеет переносный, а не прямой смысл: профессор скорее восторгается, чем пугается или отвращается от увиденного. Профессор Бройер дает «вечный хлеб» Гансу, прямо называя это экспериментом: «Ганс —это тоже опыт <…> Я делал опыты над животными, вот над этими собаками и морскими свинками. Потом я делал опыт над самим собой. И, убедившись в полной безвредности, решил произвести опыт над Гансом» [6]. Позже следователь совершенно справедливо говорит: вы, «…не закончив опытов, не исследовав всех качеств теста, имели преступную неосторожность передать часть теста старому рыбаку Гансу» [6].

И у Булгакова, и у Беляева эксперимент выходит из-под контроля из-за человеческих страстей. Люди, не преодолевшие своего невежества, видят в «луче жизни» и «вечном хлебе» возможность для совершения псевдохристианского чуда насыщения. Профессор Персиков искусственным образом порождает, ускоряет жизнь, профессор Бройер насыщает миллионы голодных «пятью» хлебами. Однако персиковская и бройеровская утопии попадают в руки вначале опошляющим ее газетчикам — Бронскому и корреспонденту берлинского издания, со-

ответственно. В обоих случаях рассеянные и погруженные в науку ученые проговариваются о своих изобретениях, а журналисты превращают их эксперименты в площадную сенсацию. Следом за тем к ученым приходят «прагматики» — бизнесмены к Бройеру, энтузиасты-революционеры — к Персикову. Позже изобретения пытается взять под контроль государство. И те, и другие — одержимы одной идеей, одни — собственного обогащения, другие — насыщения всех. Однако фактически и для Рокка важны не столько голодные, сколько соревнование с Западом (Булгаков критикует советскую «утопию с позиций метафизических ценностей, высвечивая ограниченность сугубо материального человеческого существования в индустриальной Москве конца 1920-х гг.» [8, 563]). Невежество и нетерпение (слова профессоров о том, что эксперимент не окончен, никто не воспринимает), нежелание ограничивать себя в «Роковых яйцах» и «Вечном хлебе» приводит к катастрофе — к апокалипсису: у Беляева он назван «хлебным потопом», у Булгакова отсылает к «десяти казням египетским».

Профессор Персиков говорит Рокку, что не знает, злокачественны ли изменения, вызываемые «красным лучом». Профессор Бройер лишь пугает возможностью отравления и страшной смерти тех, кто ест «вечный хлеб». Однако главные «злокачественные» перемены, которые происходят с людьми, это умножение и усиление их аффектов. Фриц вначале из-за «вечного хлеба» убивает своего друга Людвига, который не удержался перед соблазном кражи «вечного хлеба», затем человека, который пытался подбросить ему разрастающееся тесто. Жители деревни оправдывают Фрица оба раза: для них это понятная защита собственности и необходимая оборона. Но, конечно, мещанская логика этих оправданий основывается на собственных страстях рыбаков — на их алчности и зависти. Когда бизнес придет скупать их собственность и построит для них игорные дома и увеселительные заведения, то к ним придут, из них самих «прорастут» и «убийства, кражи, пьянство, разврат, азарт…» [6]. Россия у Булгакова сражается с ордами змей и крокодилов, по роковой ошибке выросших из «куриных» яиц. Но в какой-то момент по улицам Москвы, «сметая все встречное, что жалось в подъезды и витрины, выдавливая стекла, прошла многотысячная, стрекочущая копытами по торцам, змея Конной армии» [5]. Метафора оказывается развернутой: как змея сломала кости жене Рокка, так и конная армия заставляет горожан «рисковать костями» [5]. Защитники сами стали представлять опасность, проявив свою сложную суть.

Кульминация разбуженных страстей — средневековый поиск виноватых. В «Вечном хлебе» обезумевшая и озверевшая толпа жителей деревни («Гнев не рассуждает» [6]) штурмует и поджигает дом профессора Бройера, в «Роковых яйцах» толпа вторгается в институт, «низкий человек, на обезьяньих кривых ногах» [5] убивает профессора Персикова. Финал «Роковых яиц» трагический, в отличие от окончания «Вечного хлеба», что больше напоминает о драмеди. Гибель героя булгаковской повести представлена натуралистически, спасение героя беляевского — комически. Отличаются и концовки экспериментов. После того, как пресмыкающихся и земноводных и заполонившее мир тесто попытались сжигать, у Булгакова змей и крокодилов губит русский холод как проявление естественного хода природной жизни, и, возможно, как метафора здорового консерватизма (хотя писатель и иронизирует, говоря о «морозном боге на машине»), у Беляева профессор Бройер изобретает «грибок», уничтожающий «вечный хлеб», и в результате море очищается, как очищается земля в «Роковых яйцах». Булгаковский холод рифмуется здесь со свежим ветром Беляева. Но человек как несостоявшийся творец у Булгакова оказывается бессилен перед природой, в отличие от уподобляющегося творцу герою Беляева [9, 444].

Итак, фантастические повести М. А. Булгакова «Роковые яйца» и А. Р. Беляева «Вечный хлеб» очевидно имеют схожие черты. Оба текста, осмысляя их жанровую специфику, можно отнести к варианту советского биопанка — произведениям, посвященным описанию краха биологического эксперимента. При этом жанровая природа булгаковской и беляевской повести усложнена их антиутопически / дистопическим характером: писатели, говоря о настоящем времени, прозревают опасности будущего. «Роковые яйца» и «Вечный хлеб» сближает сюжет, основанный на биологическом изобретении, которое должно сделать жизнь людей лучше. Но научное открытие при попытке его ускоренного внедрения невежественными и нетерпеливыми людьми оборачивается против человека. И Булгаков, и Беляев, изображая ход и последствия эксперимента, демонстрируя его «чудовищность», используют зоофобные мотивы, которые провоцируют у читателя герпето- и верминофобию, сопровождаемые в свою очередь ситофобией. Персиковский «луч жизни» и бройеровский «вечный хлеб» и то, как они воздействуют на людей, — это метафоры социального эксперимента, затеянного советской властью в 1920-е годы. При этом форсированное развитие живых существ приводит к росту не лучшего, а худшего. Схожи также финалы повестей: в конце «Роковых яиц» и «Вечного хлеба» человечество оказывается спасено. Но Булгаков не в пример более мрачно, чем Беляев, смотрит на будущее людей: у него спасение России от пресмыкающихся и земноводных происходит не по воле человека, а ученый, ставший причиной происходящей катастрофы, гибнет из-за подобных средневековым сумасшествию и озверению толпы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыльщикова Л. М. Типология жанров современного научно-фантастического дискурса / Л. М. Рыльщикова // Известия Самарского научного центра РАН. — 2011. № 2—1. — С. 193–196.

2. Николенко О. Н. От утопии к антиутопии: о творчестве А. Платонова и М. Булгакова / О. Н. Николенко. — Полтава: Издательство «Полтава», 1994. — 210 с.

3. Никольский С. В. Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова: (Поэтика скрытых мотивов) / С. В. Никольский; Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения. — М.: Индрик, 2001. — 174 с.

4. Ли Сын Ок. Элементы антиутопии в драматургии М. Булгакова 1920—1930-х годов: автореферат дис. … кандидата филологических наук. — С-Пб., 2009. — 22 с.

5. Булгаков М. А. Роковые яйца. — Режим доступа: https://www.100bestbooks.ru/files/Bulgakov_Rokovye_yaitsa.pdf?ysclid=mg5361sq89701505274 (дата обращения: 01.10.2025).

6. Беляев А. Р. Вечный хлеб // Собрание сочинений в 8 томах, Том 4. М.-Л.: «Молодая гвардия», 1928. С. 143—228. — Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%85%D0%BB%D0%B5%D0%B1_(%D0%91%D0%B5%D0%BB%D1%8F%D0%B5%D0%B2) (дата обращения: 01.10.2025).

7. Александрова А. В. Идентификация профессора Персикова в повести М. А. Булгакова «Роковые яйца» / А. В. Александрова // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 4. — С. 224–231.

8. Павлова О. А. Русская литературная утопия 1900—1920-х гг. в контексте отечественной культуры: диссертация … доктора филологических наук / О. А. Павлова. — Волгоград, 2006. — 586 с.

9. Ху Яньсинь. Идея антропоцентризма в научной фантастике А. Р. Беляева / Яньсинь Ху // Мир науки, культуры и образования. 2025. № 4 (113). — С. 442–445.

Московский университет имени А. С. Грибоедова
Платонов Ф. Е., аспирант
E-mail: fedor.platonoff@yandex.ru

Университет МГУ-ППИ Шэньчжэнь, Китай.
Дубаков Л. В., кандидат филологических наук, доцент филологического факультета
E-mail: dubakov_leonid@mail.ru

Moscow University named after A. S. Griboyedov.
Platonov F. E., Postgraduate Student
E-mail: fedor.platonoff@yandex.ru

Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, PRC
Dubakov L. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Faculty of Philology
E-mail: dubakov_leonid@mail.ru

УДК 811.161.1:811.512.16’373.611

ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЮ

М. В. Погорелова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 января 2026 г.

Аннотация: *статья посвящена сопоставительному анализу словообразовательного уровня русского и туркменского языков. В первую очередь рассматриваются такие сходные элементы, как префикс, суффикс, окончание, однокоренные слова, словообразовательное гнездо, словообразовательная цепочка. Также отмечены немногочисленные различия явлений словообразовательных систем в сопоставляемых языках, например отсутствие префиксально-суффиксального и безаффиксного способов словообразования.*

Ключевые слова: *словообразовательная система, морфема, деривация, словообразовательное гнездо, словообразовательная цепочка, русский язык, туркменский язык.*

Abstract: *the article deals with comparative analysis of the phenomena of the word-formation level of the Russian and Turkmen languages. Primarily the research examines similar word-formative units, such as prefix, suffix, ending, cognate words, word family, word-building chain. Alongside, there are some dissimilarities in the morphemic composition of words and derivational processes in the compared languages, for example, the absence of prefix-suffix and non-affix methods of word formation.*

Keywords: *word-formation system, morpheme, derivation, word-formation family, word-formation chain, Russian language, Turkmen language.*

Прикладные сопоставительные исследования в сфере обучения иностранному языку, как правило, направлены на выявление тех отличий родного языка от изучаемого, которые оказывают отрицательное интерферирующее влияние на процесс овладения неродным языком.

При системном рассмотрении особенностей русского словообразования в туркменской аудитории нам представляется более важным обратить внимание на существующие в сравниваемых языках сходства морфем и деривационных явлений, которые могут способствовать положительному переносу в освоении словообразовательного уровня.

Раздел «Словообразование» теоретической дисциплины «Русский язык», входящей в учебный план образовательной программы филологического факультета ВГУ «Русская филология», изучается на 2 курсе и предполагает освоение иностранными учащимися в рамках традиционной описательной академической лингвистики основных понятий и явлений словообразовательной системы русского языка, связанных с морфемным членением слов и процессами производства слов.

I. МОРФЕМНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ

Если рассмотреть инвентарь морфем и особенности морфемного состава слов в словообразовательных подсистемах исследуемых нами языков, то можно отметить, что и в русском, и в туркменском языках для слова обязательно наличие корневой морфемы, общей для однокоренных слов и представляющей их основное лексическое значение. Корень может самостоятельно формировать слова с нечленимой основой или входить в состав членимой основы в сочетании со служебными аффиксальными морфемами.

Рис. 1. Слова с нечленимыми и членимыми основами

Русский язык	Туркменский язык
Слова с нечленимой основой	
кофе	iş *сущ.* «работа»
Слова с членимой основой	
кофе(й)н ый; кофе(й)н я	iş le mek *глаг.* «работать»

В русском языке служебные морфемы по месту в слове делятся на префиксы, суффиксы, окончания и постфиксы, а по функции — на формообразующие и словообразующие.

В описаниях туркменского словообразования для всех служебных морфем обычно используется общий термин *аффикс*. Реже употребляется термин *суффикс*. В статье «Дидактический потенциал сопоставительного подхода при изучении русского словообразования туркменскими студентами» Н. Ю. Санникова пишет: «В туркменском языке префиксов, флексий и постфиксов не существует. Превалиру-

© Погорелова М. В., 2026

ющее количество аффиксов выполняет в структуре туркменских слов формообразующую функцию и является суффиксами, занимая постпозицию по отношению к производящей базе» [6, 51].

Позволим себе не согласиться с этими утверждениями и представить некоторые собственные наблюдения.

Прежде всего, следует отметить, что количество словообразующих аффиксов, с помощью которых образуются имена существительные, имена прилагательные, глаголы и наречия, в туркменском языке не так уж мало, хотя и, безусловно, значительно меньше, чем в русском языке (для сравнения: в «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» Т. Ф. Ефремовой [4] представлено почти 2000 морфем, большую часть которых составляют словообразующие морфемы, тогда как в англоязычной работе L. Clark «Справочник по туркменской грамматике» [10] их отмечено около 200).

При этом инвентарь туркменских словообразующих морфем не ограничивается только суффиксами, занимающими положение после корня: в туркменских словах обнаруживаются (хоть и немногочисленные) префиксальные морфемы, то есть аффиксы, которые добавляются перед корнем. Это заимствованные из персидского языка префиксы ***bi, bet, n***ä, с помощью которых достаточно регулярно образуются имена прилагательные от имен существительных или прилагательных.

Рис. 2. Префиксы в туркменском языке

bi-	*gadyr* «уважение; учтивость» → ***bi***|*gadyr* «неприветливый»
	akyl «ум, разум, рассудок» → ***bi***|*akyl* «глупый, неразумный»
bet-	*bagt* «счастье, удача» → ***bet***|*bagt* «несчастный»
	gylyk «характер, поведение» → ***bet***|*gylyk* «невоспитанный»
nä-	*rahat* «покой, спокойствие» → ***nä***|*rahat* «неспокойный»
	sag «здоровый» → ***nä***|*sag* «нездоровый, больной»

Что касается постфикса, то в строго научном смысле говорить о его существовании в туркменском языке нельзя, если рассматривать постфикс как *словообразующую* морфему, которая занимает положение после грамматических аффиксов, так как в конце туркменских слов последовательно добавляются только формообразующие морфемы. Но явлением, сходным с добавлением постфикса, нам представляется выражение вопроса с помощью аффикса ***-my / -mi***, который в структуре слова занимает положение после личных окончаний глагола. Глагольная форма в этом случае имеет морфемный состав «*корень — суффикс временной формы — личное окончание — вопросительная морфема*», например:

*Sen gel-di-**ñ**-mi?* «Ты пришел?»

*Siz ýaz-dy-**ñyz**-my?* «Вы написали?»

Туркменские формообразующие аффиксы, занимая позицию после корня, как нам кажется, довольно четко функционально подразделяются на окончания, которые служат для выражения связи слов в предложении, и грамматические суффиксы, являющиеся показателем определенной формы, но не играющие роль средства синтаксической связи.

Формообразующими суффиксами в туркменском языке следует считать глагольные аффиксы форм инфинитива, наклонений, временных форм, причастий и деепричастий, а также аффиксы, образующие формы степеней сравнения прилагательных.

См. табл. 1-2.

К окончаниям в туркменском языке можно отнести аффиксы падежных и личных форм имен существительных и глаголов. Также как и в русском языке, в туркменских грамматических парадигмах обнаруживаются формы с нулевыми окончаниями: в именительном падеже единственного числа и 3 лице единственного числа информацию о соответствующем грамматическом значении несет отсутствие специальных материально выраженных грамматических показателей.

См. табл. 3-4.

В уже упоминавшейся выше статье Н. Ю. Санникова говорит о том, что в туркменском языке «морфемная структура слова абсолютно прозрачна, поскольку фузия для него не характерна ввиду аглютинативности языка», тогда как в русском языке морфонологические явления, «которые адаптируют соседствующие морфемы друг к другу в зависимости от определенных фонетических позиций», зачастую затрудняют определение морфемных границ [6, 51].

Безусловно, границы между морфемами в туркменском языке в большинстве случаев являются более явными, чем в русском языке, но говорить о полном отсутствии фонетического приспособления соединяющихся морфем в туркменском словои формообразовании, с нашей точки зрения, не вполне корректно.

Так, например, мы наблюдаем явление чередования гласных и согласных в корне при добавлении аффиксов:

ýigit → «молодой»	ýigd|**ekçe** *сущ. разг.* «юнец, паренек»
	ýigd|**el**|**mek** «молодеть»

Регулярные чередования согласных ***(k // g, p // b, t // d, ç // j***) наблюдаются при образовании с помощью аффиксов ***-rak*** и ***-r***ä***k*** форм сравнительной степени имен прилагательных с основой на глухие согласные ***k, p, t, ç:***

a***k*** («белый») — a***g****rak* («белее»),

*erbe**t*** («плохой») — *erbe**d***r*ä**k*** («хуже») [1, с. 63].

Чередование согласных также может происходить в суффиксах. Например, в суффиксе инфинитива ***-mak / -mek*** происходит озвончение конечного звука [к] в [g] при добавлении личных и падежных

окончаний, начинающихся с гласного:

*al|ma**k*** (инфинитив глагола «брать») — *meniñ al|ma**g**|ym* (инфинитив в форме 1 лица единственного числа) — *al|ma**g**|y* (инфинитив в форме винительного падежа) [1, 106].

В случае образования уменьшительно-ласкательных существительных путем добавления суффиксов ***-jyk / -jik*** к основе на согласный *k* этот согласный выпадает, то есть можно говорить о существовании морфонологического процесса, аналогичного усечению основы в русском языке:

aýa**k** («нога») — aýa**|jyk** («ножка»),

taýa**k** («палка») — taýa**|jyk** («палочка»),

bala**k** («брюки») — bala**|jyk** («брючки») [1, с. 59].

В туркменских словах, образованных способом сложения, могут обнаруживаться межоснóвные соединительные форманты, позволяющие проводить аналогию с интерфиксацией в русском языке. Например, в слове *g*ün***e**bakar* («подсолнечник») при сложении слова *g*ün «солнце» в дательно-направительном падеже и формы глагола *bakmak* «смотреть» между основами используется совпадающий с падежным окончанием элемент, подобный русским интерфиксам в сложных словах с основой числительного в первой части: *дв**(ух)**этажный, пят**(и)**классник*.

Таблица 1.

Формообразующие глагольные суффиксы

Инфинитив		**-mak / -mek**	*al**mak*** «брать»
Форма намерения		**-çy / -çi**	*almak**çy*** «намерен брать»
Долженствовательная форма		**-maly / -meli**	*al**maly*** «должен брать»
Условная форма		**-sa / -se**	*al**sa***
Настоящее время		**-ýar / -ýär**	*alý**ar*** «берет»
Будущее	некатегорическое	-ar / -er	*al**ar*** «будет брать»
	категорическое	**-jak / -jek**	*al**jak*** «будет брать»
Прошедшее	основное	-dy / -di / -du /-dü	*al**dy*** «взял»
	многократное	**-ýardy /-ýärdi**	*alý**ardy***
	многократное длительное	**-ardy / -erdi**	*al**ardy***
	намерения	**-jakdy / -jekdi**	*al**jakdi***
	давнопрошедшее	**-ypdy / -ipdi — updy / -üpdi**	*al**ypdy***
	повествовательное	**-ypdyr / -ipdir — updyr / -üpdir**	*al**ypdyr***
Причастия	настоящего времени	**-ýan / -ýän**	*alý**an*** «читающий»
	прошедшего времени	**-an / -en / -n**	*al**an*** «читавший»
	будущего времени	**-jak / -jek**	*al**jak***
Деепричастия		**-yp / -ip / -up — üp / -p**	*al**yp*** «взяв»

Таблица 2.

Формообразующие суффиксы прилагательных

Сравнительная степень	**-rak / -räk**	*ajy**rak*** «более горький» *gög**räk*** «более синий»
Недостаточная степень	**-ymtyl / -imtil / -umtyl /** -ü**mtil** (цвет) **— ymtik / -imtik /-umtyk /** -ü**mtik / -mtyk /-mtik** (вкус)	*ag**ymtyl*** «беловатый» *gögü**mtil*** «синеватый» *ajy**mtyk*** «горьковатый» *turş**umtyk*** «кисловатый»
Ласкательная степень	**-ja / -je /-jak / -jek / -jik / -jyk**	*täze**je*** **«**новенький» *ak**ja*** **«**беленький» *oňat**ja*** «хорошенький» *kiçi**jik*** «малюсенький» *dara**jyk*** «узенький»

Таблица 3.

Падежные окончания имен существительных и глаголов

Baş düşüm (основной)		*kitap* «книга»	*almak* «брать»
Eýelik düşüm (притяжательный)	yň, iň, uň, üň / nyň, niň, nuň, nüň	*kitab**|yň***	*almag**|yň***

Ýöneliş düşüm (дательно-направительный)	a, e / na, ne	*kitab**|a***	*almag**|a***
Ýeñiş düşüm (винительный)	y, i / ny, ni	*kitab**|y***	*almag**|y***
Wagt-orun düşüm (местно-временной)	da, de / nda, nde	*kitab**|da***	*almak**|da***
Çykyş düşüm (исходный)	dan, den / ndan, nden	*kitab**|dan***	*almak**|dan***

Таблица 4.

Личные окончания глаголов и именных частей речи в сказуемом

В настоящем, будущем неопределённом, повествовательном времени						
Лицо	***Единственное число***			***Множественное число***		
1	Men	-yn / -in	*al**|ýar|**yn***	Biz	-ys / -is	*al**|ýar|**ys***
2	Sen	-syñ / -siñ	*al**|ýar|**syñ***	Siz	-syñyz / -siñiz	*al**|ýar|**syñyz***
3	Ol		*al**|ýar***	Olar	-lar / -ler	*al**|ýar|**lar***
В прошедшем времени (основном, многократном, длительном, намерения, давнопрошедшем)						
Лицо		***Единственное число***		***Множественное число***		
1	Men	-m	*al**|dy|**m***	Biz	-k	*al**|dy|**k***
2	Sen	-ñ	*al**|dy|**ñ***	Siz	-ñyz / -ñiz	*al**|dy|**ñyz***
3	Ol		*al**|dy***	Olar	-lar / -ler	*al**|dy|**lar***

II. ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ОТНОШЕНИЯ

Переходя к вопросу о словообразовательных отношениях в туркменском языке, необходимо отметить, что в туркменской деривационной системе представлены все словообразовательные единицы, изучаемые в рамках раздела «Словообразование» теоретической дисциплины «Русский язык».

На рисунке 3 приведен пример туркменского *словообразовательного гнезда*, составленного нами по материалам двуязычных словарей (русско-туркменского и туркменско-русского) и толкового словаря туркменского языка [2, 9, 11]. В рассматриваемом словообразовательном гнезде обнаруживаются: *вершина гнезда* (исходное непроизводное имя существительное ***iş*** «работа»), *словообразовательные пары* (два слова, связанных отношениями производности, производящее и производное слово: *iş «***работа***»), словообразовательные пары* (два слова, связанных отношениями производности, производящее и производное слово: *iş* → *işgär*), *словообразовательные цепочки* (ряды *из нескольких производных слов, связанных отношениями последовательной производности*: iş → i**ş**lemek → i**ş**letmek → i**ş**ledilmek) *и словообразовательные парадигмы* (*совокупности производных слов*, *образованных от одного производящего*).

Словообразовательная парадигма вершинного существительного включает в свой состав 12 производных слов:

— имена существительные (***iş**-alada* «хлопоты», ***iş**çi* «рабочий», ***iş**deş* «коллега, товарищ по работе», ***iş**gär* «работник, сотрудник», ***iş**-pişe* «занятие, работа»),

— *имена прилагательные* (***iş**eňňir* «деятельный, энергичный», ***iş**jeň* «дельный, деловой», ***iş**li* «занятый», ***iş**siz* «безработный», ***iş**söýmez* «ленивый», ***iş**ýakmaz* «ленивый»),

— *глагол* (***iş**lemek* «работать»).

На втором уровне производности парадигма глагола i**ş**lemek *содержит* 6 *дериватов, представляющих собой отглагольные имена действия и залоговые разновидности глагола*: *страдательного* (*işle**n**me**k*), *взаимно-совместного* (*işle**ş**me**k*) *и понудительного* (*işle**t**me**k*) *залога*. *От большинства имен прилагательных на второй ступени деривации образуются отвлеченные имена существительные, например işsiz* «безработный» → *işsiz**lik*** «безделье, незанятость».

См. рис. 3.

Максимальное количество звеньев в деривационных цепочках проанализированного словообразовательного гнезда — четыре, но в туркменском языке возможны и более многоступенчатые словообразовательные ряды, приводящие к образованию слов с последовательностью из 5—6 словообразовательных аффиксов.

См. рис. 4.

Студентам-туркменам известны такие словообразовательные способы, как суффиксальный (*iş* «работа» → *iş**\|jeň*** «дельный, деловой»), префиксальный (*sag* «здоровый» → ***n**äsag* «нездоровый, больной»), сложение (а) словосложение: *garry* «старый» + *gartan* «пожилой, немолодой» → *garry-gartan собир*. «старики и старухи; старые, пожилые люди»; б) основосложение: *kyrk* «сорок» + *aýak* «нога» → *kyrkaýak* «сороконожка»; в) сложносуффиксальный способ: *iş* «работа» + *pişe* «работа, занятие» → *iş**\|siz**-pişe\|siz*** прил. «праздный, ленивый», *ene* «мама» + *ata* «папа» → *ene-ata**syz*** «сирота»).

Рис. 3 Словообразовательное гнездо слова iş («работа»)

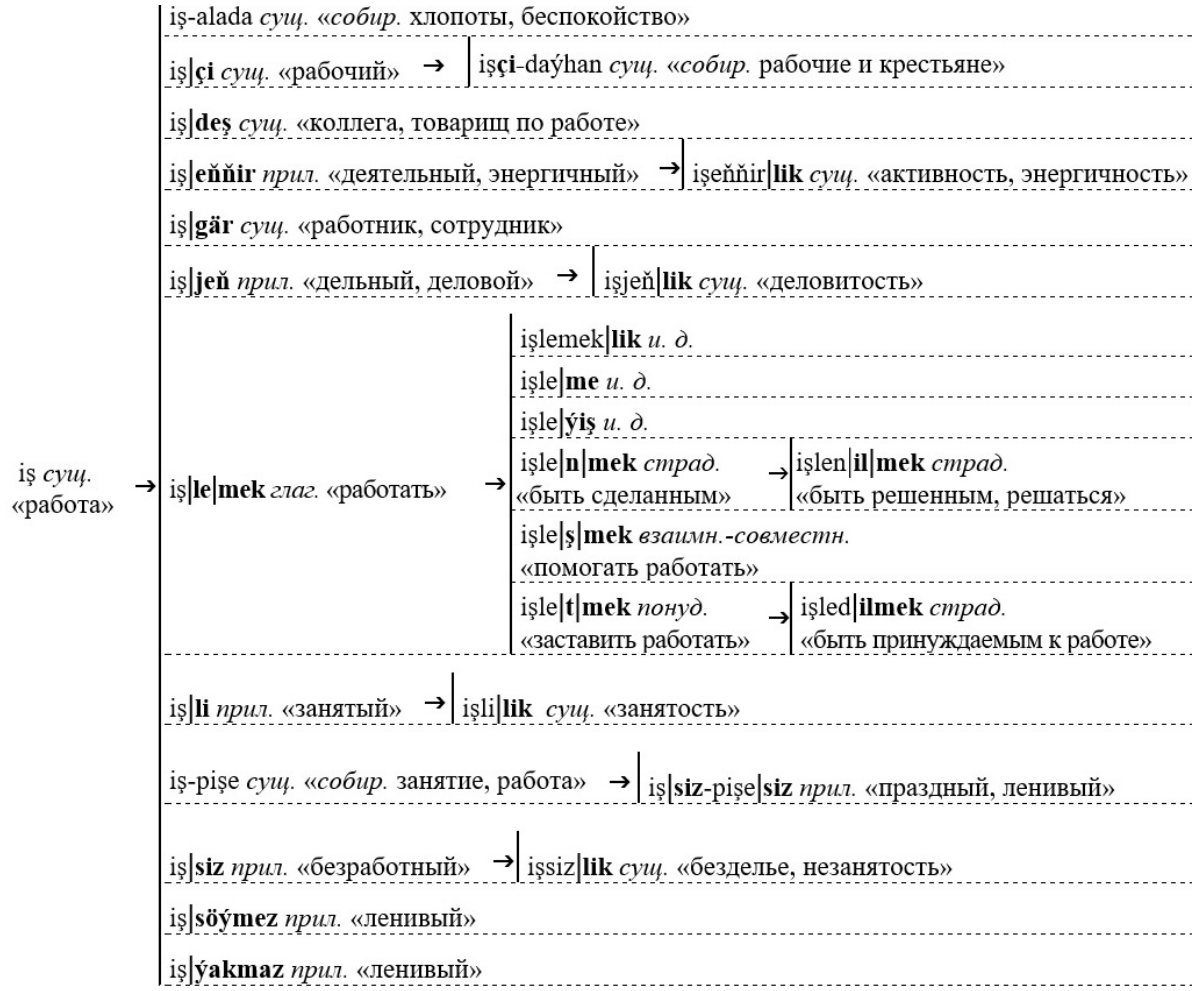


Рис. 4. Словообразовательная цепочка слова guramak («организовывать»)

gur|a|mak →	gur|a|ma →	gur|a|ma|çy →	gur|a|ma|çy|lyk →	gur|a|ma|çy|lyk|ly →	gur|a|ma|çy|lyk|ly|lyk
глаг.	*сущ.*	*сущ.*	*прил.*	*прил.*	*сущ.*
организовывать	организация	организатор	организаторский	организованный	организованность

На основе формантной общности и сходства словообразовательного способа в туркменском языке, также как и в русском, обнаруживается объединение слов в *словообразовательные типы*. Например, представленные ниже имена прилагательные образованы от имен существительных суффиксальным способом с помощью одинакового суффикса ***-siz*** и имеют одинаковое словообразовательное значение «признак, который характеризуется отсутствием явления, названного мотивирующим словом», что позволяет отнести их к одному словообразовательному типу:

iş сущ. «работа» → *iş*|**siz** *прил.* «безработный»;

akyl сущ. «ум, разум, рассудок» → *akyl*|**siz** «глупый, неразумный»;

jogap сущ. «ответ» → *jogap*|**syz** *прил.* «не имеющий ответа».

Таким образом, в туркменской словообразовательной системе обнаруживаются следующие черты сходства с русским языком:

1) слова могут иметь как нечленимую, так и членимую основу; могут быть непроизводными и производными;

3) в составе слова выделяются корень и служебные морфемы — аффиксы (префиксы, формо- и словообразующие суффиксы, окончания); окончание в составе слова может быть нулевым;

5) обнаруживаются явления фонетического приспособления морфем (морфонологические явления) — чередование звуков, усечение производящей основы, интерфиксация;

6) существуют такие способы словообразования, как префиксальный, суффиксальный, сложение;

7) на основании деривационных отношений слова объединяются в словообразовательные пары, гнезда, цепочки, парадигмы, типы.

К отличиям туркменского словообразования от русского можно отнести:

1) отсутствие некоторых словообразовательных

явлений, а именно постфиксов, наложения морфем, префиксально-суффиксального и безаффиксного способа словообразования;

2) соотношение количества морфем: в туркменском языке преобладают формообразующие (грамматические) суффиксы, префиксальные морфемы немногочисленны.

Подводя итог, следует отметить, что различия словообразовательных систем русского и туркменского языков единичны и, на наш взгляд, не столь существенны, чтобы оказывать негативное влияние в процессе обучения, тогда как обнаруженные сходства должны помочь при объяснении учебного материала раздела «Словообразование» и усвоении его туркменскими учащимися.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байджанов Б. Туркменский язык (учебное пособие по практическому курсу) / Б. Байджанов. — Ашхабад, 2008. — 158 с. — Режим доступа: https://kitaphana.net/book/1372/read (дата обращения: 14.01.2026).

2. Большой русско-туркменский словарь: [в 2 томах] / Под ред. Б. Чарыярова и С. Алтаева — М.: Русский язык, 1986—1987.

3. Головин В. Г. Очерки по морфемике и словообразованию русского языка (к 75-летию со дня рождения автора) / В. Г. Головин. — 2-е изд., исправ. и доп. — Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2011. — 195 с. — Режим доступа: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=344684 (дата обращения 28.12.2025).

4. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т. Ф. Ефремова. — М.: Русский язык, 1996. — 638 с.

5. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учебное пособие / Е. А. Земская. — 9-е изд., стереотип. — М.: ФЛИНТА, 2016. — 324 с. — Режим доступа: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=83127 (дата обращения 28.12.2025).

6. Санникова Н. Ю. Дидактический потенциал сопоставительного подхода при изучении русского словообразования туркменскими студентами / Н. Ю. Санникова // Педагогические исследования. — 2020. — Выпуск 1. — С. 49—58. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/didakticheskiy-potentsial-sopostavitelnogo-podhoda-pri-izuchenii-russkogo-slovoobrazovaniya-turkmenskimi-studentami (дата обращения: 28.12.2025).

7. Сравнительная грамматика русского и туркменского языков / Под ред. проф. Н. А. Баскакова и М. Я. Хамзаева. — Ашхабад: Туркменгосиздат, 1964. — 380 с.

8. Степанова Л. Суффикс или окончание? / Л. Степанова // Русский язык. — 2001. — № 1. — Режим доступа: https://rus.1sept.ru/article.php? ID=200100608 (дата обращения 28.12.2025).

9. Туркменско-русский словарь: около 40000 слов / Под общ. ред. Н. А. Баскакова. — М.: Сов. энциклопедия, 1968. — 832 с.

10. Clark L. Turkmen Reference Grammar / L. Clark — Wisbaden: Harrassowitz Verlag, 1998. — 659 p.

11. Türkmen diliniň düşündirişli sözlügi: [Iki tomluk]. — Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy. — 2016.

Воронежский государственный университет

Погорелова М. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы 20—21 вв., теории литературы и гуманитарных наук

E mail: mpogorelova@yandex.ru

Voronezh State University

Pogorelova M. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Literature of XX—XXI Centuries, the Theory of Literature and Humanities

E mail: mpogorelova@yandex.ru

УДК 821.161.1+821.0

В. И. ЛЕНИН О РОЛИ ЛИТЕРАТУРЫ В «ОБЩЕПРОЛЕТАРСКОМ ДЕЛЕ» И ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФУНКЦИИ САТИРЫ (ОТЗЫВ О ПАМФЛЕТЕ А. АВЕРЧЕНКО «ДЮЖИНА НОЖЕЙ В СПИНУ РЕВОЛЮЦИИ»)

Л. В. Ромащенко

Новосибирский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 15 февраля 2026 г.

Аннотация: *в статье рассматривается отзыв В. И. Ленина на книгу А. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции» в контексте полемических выступлений по поводу необходимости обращения пролетарской литературы к чистому комизму или обличающей сатире. Анализируя с точки зрения коммуникативного аспекта публицистический текст «Талантливая книжка», мы приходим к выводу, что полемика по поводу многопланового, но риторически вполне цельного памфлета А. Аверченко дает возможность с позиции современного читателя отрефлексировать процесс, завершившийся в 1930-е годы практически полным отказом от комического дискурса в его полноте и сложности. Публицистический пафос автора отзыва, направленный против идейного противника с формальным признанием его писательских достоинств, выявил потенциал риторической подмены, в результате которой читательская судьба «талантливой книжки» оказывается предрешенной.*
Ключевые слова*: комический дискурс, дискуссия о смехе, авторитарная поэтика, взаимодействие эстетического дискурса и публицистики, риторика и эстетика.*

Abstract: *the article examines V. I. Lenin's review of A. Averchenko's book "A Dozen Knives in the Back of the Revolution" in the context of polemical speeches about the need for proletarian literature to turn to pure comedy or denouncing satire. Analyzing the journalistic text "A Talented Book" from the point of view of the communicative aspect, we come to the conclusion that the polemics over the multifaceted, but rhetorically quite integral pamphlet of A. Averchenko makes it possible from the point of view of the modern reader to reflect on the process that ended in the 1930s with an almost complete rejection of the comic discourse in its fullness and complexity. The journalistic pathos of the author of the review, directed against the ideological opponent with formal recognition of his writer's merits, revealed the potential for rhetorical substitution, as a result of which the reader's fate of the "talented book" turns out to be predetermined.*
Keywords: *comic discourse, discussion about laughter, authoritarian poetics, interaction of aesthetic discourse and journalism, rhetoric and aesthetics.*

Эстетические дискуссии начала XX века и вплоть до середины 1920-х годов было бы невозможно представить без участия в них «вождя мирового пролетариата» — В. И. Ленина, чьи высказывания, по словам Б. Мейлаха, «всегда соединяли в себе безусловную точность исторической оценки роли писателя с указанием его значения для современности» [16, 10]. Анализируя вклад Ленина в становление пролетарского искусства, исследователь очерчивает круг вопросов эстетики, охваченных вниманием вождя: «В борьбе с народниками, пытавшимися представить себя хранителями "наследства", Ленин защищал традиции классиков революционно-демократической мысли и, в противовес народникам, отстаивал необходимость творческого их развития» [16,10].

Затронутые Лениным вопросы впоследствии нашли свое отражение в формировании нормативной, авторитарной эстетики, получившей определение «социалистический реализм». По словам А. А. Ревякиной, «социалистический реализм стремился занять ведущее положение в художественной жизни эпохи, противопоставляя свои, якобы единственно верные, эстетические принципы (партийность, народность, исторический оптимизм, социалистический гуманизм, интернационализм) всем иным идейно-художественным принципам» [18, 102].

Современный теоретик В. И. Тюпа определяет диалектическую связь «авторитарной художественности» с дореволюционной пролетарской поэзией и романом М. Горького «Мать», в котором горьковское богоискательство христианского типа по сути становится примером того, что соцреализм представляет собой «богостроительством дохристианского, архаичного, языческого типа, напоминающим обожествление египетских фараонов» [9, 133]. И. П. Смирнов предлагает свою версию, согласно которой «литература тоталитаризма была своего рода религией без религиозного (трансцендентного естественному миру) содержания» [19, 284].

© Ромащенко Л. В., 2026

Е. Добренко описывает предпосылки возникновения идеи Ленина о том, что искусство не может быть индивидуальным делом. Эту мысль, ставшую доктриной, он развивает в статье «Партийная организация и партийная литература»: социалистический реализм, по мнению современного исследователя, есть «культура социального одиночества, вытесняемого тоталитарной идеологической доктриной», и при этом речь идет о «культуре социальной адаптации» посредством «жесткого подавления индивидуализма частного человека», формирующая «авторитарный склад личности» [9,167]. Поскольку «внутренняя затаенность каждого человеческого существования приобретает в культуре XX в. лавинообразный характер массового явления» [21,134], политическая и художественная практика тоталитаризма формулирует свою сверхзадачу «оздоровления разобщенного общества» [21, 134].

Наиболее полной на сегодняшний день является антология под редакцией Г. Белой «Из истории советской эстетической мысли 1917—1932» [5]. Именно в ней содержатся основные статьи В. И. Ленина по поводу различных аспектов становления новой советской эстетики. Внимания заслуживает тот факт, что в процессе кристаллизации и формирования вышеуказанных принципов выявляется отношение В. И. Ленина к искусству слова: «Из русских литераторов на Ленина больше всего повлияли не поэты и не прозаики, а публицисты и литературные критики: Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов и, в меньшей степени, Писарев, а также сатирик Салтыков-Щедрин». Ленин считал, что литература должна служить общественной цели, и отрицал «искусство для искусства». «У Ленина такое отношение к искусству было в крови еще задолго до большевистской революции», — замечает Л. Фишер в книге «Жизнь Ленина» [23, 255]. Выделение из целого ряда великих писателей прошлого именно М. Е. Салтыкова-Щедрина далеко не случайно: его интерес лежит в области, связанной в первую очередь с сатирой. По словам Г. А. Жиличевой, «в советский период все смеховые произведения интерпретировались как сатирические (обличающие явления реальности)» [10, 5]. При этом автор не случайно сближает сатиру с иронией, характерной для культуры постмодерна, определяя их как «пограничные явления смеховой культуры, выходящие за пределы комического в область серьезного и нормативного» [10, 5]. Литературные вкусы Ленина и его несомненная ориентация на концепции в первую очередь критиков (серьезность и тенденциозность) обусловили и его отношение к комизму как таковому. Именно поэтому иронические пассажи в ленинских трактовках обнажают зачастую риторическую природу выдвигаемых им установок.

Выступая в качестве публициста, Ленин активно использует знаковые цитаты из произведений сатирика. Например, характеризуя настроения меньшевиков в 1907 г. как буржуазно-республиканские, Ленин опять-таки ссылается на Щедрина, давшего, по его мнению, классическую характеристику западноевропейского буржуазного республиканизма: «республика без республиканцев», с сытым буржуа во главе, в тылу и во флангах» (см. «За рубежом», т. IV): «Щедрин классически высмеял когда-то Францию, расстрелявшую коммунаров, Францию пресмыкающихся перед русскими тиранами банкиров, как республику без республиканцев» [17, 466].

По мнению Е. Макаровой, «щедринская борьба с крепостничеством, его оценка современного положения деревни, характеристика капиталистических отношений, изображение кулачества, разоблачение классовой сущности либерализма и т.д. были актуальными для последующих поколений революционеров, использовавших щедринские образы для революционной пропаганды» [17, 467]. На это указывают и вышеприведенные отзывы Ленина, которые следует дополнить его рекомендацией пропагандировать Щедрина в рабочих массах, его советами редакции газеты «Правда» заняться интерпретацией его художественных образов: «Хорошо бы вообще, от времени до времени вспоминать, цитировать и растолковывать в «Правде» Щедрина…» [17, 466] Именно об этом пишет В. И. Ленин, интерпретируя высказывание критика, интерпретирующего творчество сатирика с позиции внеэстетического плана (письмо в редакцию газеты «Правда» от 8 сентября 1912 г. по поводу статьи М. С. Ольминского о Щедрине).

Полемическая форма развития литературно-критической мысли и эстетических идей особенно характерна для 1920—1930-х годов — периода утверждения марксистско-ленинской методологии в литературоведении и литературной критике. Этот тезис можно считать общим местом. Но в реальности литературного процесса исход любой дискуссии оказывается предрешенным: отдельного разговора заслуживает факт тотального охвата всех аспектов «полемики» позицией В. И. Ленина в его статье «Партийная организация и партийная литература» (1914 г.), написанной задолго до развернувшихся дискуссий о комическом: «В чем же состоит этот принцип партийной литературы? Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, не зависимым от общего пролетарского дела» [13, 100]. Статья, написанная задолго до дискуссии, становится универсальным интерпретантом, который со временем вписывается в теоретические основы соцреализма и обосновывает их незыблемость, актуализируя запрет на формализацию определенных смыслов. Особенности полемического стиля В. И. Ленина подробно проанализированы в специальных работах [20].

В статье «Языковая репрессия: концепты и антиконцепты» Б. Крячко замечает: «На концептосферу русского языка, как и на весь менталитет русского народа, была наложена идеологическая рамка, ограничивающая развитие языкового сознания. Репрессированная — это изреченная лексика, сигнализирующая о репрессиях. Это лексика, за рамками идеологии, вошедшая с нею в конфликт и физически пострадавшая» [11, 91].

Однако в период начала 1920-х — конца 1930-х гг. появляется новая и, как показало время, устойчивая тенденция, отмеченная в статье Л. П. Юрганова, где речь идет о другом вожде, но основные параметры взаимодействия между ним и художественным дискурсом аналогичны: статья называется «Как товарищ Сталин стал руководить литературным фронтом»: «В июльских номерах журнала “На литературном посту” за 1931 г. не было ни слова о Сталине и его речи. И вдруг в его августовском номере, где была опубликована редакционная статья “Речь тов. Сталина и задачи РАПП” (№ 24), начали так превозносить Сталина, что не оставалось никакого сомнения: статья готовилась в недрах агитпропа ЦК партии и предупреждала о серьезной реорганизации деятельности РАПП» [27, 206]. До этого момента Сталин на страницах журнала не упоминался, ссылки на работы Ленина и Луначарского фигурировали как концептуальная база. Тем не менее в ходе дискуссий о природе комического фигурирует и конкретный случай, заслуживающий особого внимания — рецензия-отзыв Ленина на книгу Аркадия Аверченко с красноречивым названием.

Вопрос о том, почему занятый государственными делами В. И. Ленин решил написать отзыв на книгу Аркадия Аверченко «Дюжина ножей в спину революции», в определенной степени кроется в ее названии — откровенно провоцирующем и эмоционально определенном («книжка озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца»). Согласно обоснованному утверждению В. Д. Миленко, «появление ленинской рецензии “Талантливая книжка” следует объяснить целым комплексом объективных и субъективных причин; в числе первых — внешнеполитический курс Советской республики в ноябре 1921 года (расшатывание и разложение белой эмиграции), вторых — давний конфликт советской власти и сатириконцев, спровоцировавший закрытие “Нового Сатирикона” в июле 1918 года» [15, 118].

Поэтика «книжки» Аверченко на сегодняшний день в достаточной мере изучена (см. диссертационные исследования Е. К. Гуровой [4], О. А. Кузьминой [12], А. В. Щербаковой [25] и др.). Существует и ряд работ, посвященных именно статье Ленина [2; 3; 4; 6; 7; 8]. Однако вопрос о прагматике широко развернувшихся в 1920—1930-е гг. дискуссий о природе комического и «нашего смеха» далеко не исчерпан, даже если учесть точку зрения самого автора памфлета: «Замыленность фразы о “ножах в спину” и бессмысленность призыва к “спасению революции” — таков лейтмотив предисловия Аверченко к сборнику, а количество “ножей”, вполне вероятно, стало пародийным перифразом названия поэмы А. А. Блока “Двенадцать”» [15, 119]. Впервые вышедший в свет в Симферополе (1920 г) сборник имел совсем иную композиционную схему и иной состав рассказов, чем все другие сборники Аверченко.

В парижском издании «Дюжины ножей…» (1921) рассказы «Осенний мелкий дождичек» и «Эсдеки» были заменены рассказами «Эволюция русской книги» и «Осколки разбитого вдребезги». Как утверждает О. А. Кузьмина, «Аверченко отказывается от произведений на менее актуальные темы (эсдеки и эсеры — меньшевики в революционном движении) и сознательно делает акцент на рассказах определенной тематики, характерной для периода эмиграции (дети и революция, разрушение русской культуры, быт старой и новой России, тоска по утерянному, обличение политических деятелей Страны Советов)» [12, 11].

Нельзя не согласиться с автором, что определение аверченковского сборника как собрания политических памфлетов не исчерпывает, а скорее затемняет суть вопроса. «Предельно политизированный, имеющий ярко выраженный публицистический характер» [12,12], анализируемый сборник организован как концептуальное целое, несмотря на жанровую разнородность текстов. «Позиция автора как непримиримого врага большевиков во многом определила особенность поэтики данного сборника» [12, 12].

По словам О. А. Кузьминой, авторская позиция проявляется как в названии всего сборника, так и в заглавиях отдельно взятых рассказов. Писатель сознательно использует эмоционально маркированные названия с целью привлечения читательского внимания к особенно злободневным проблемам: дети и революция — «Трава, примятая сапогом», дореволюционный петербургский быт — «Осколки разбитого вдребезги». Для большинства рассказов характерен композиционный прием антитезы («Усадьба и городская квартира») и прием градации («Эволюция русской книги»). Данные приемы, по словам О. А. Кузьминой, используются автором с целью сравнения жизни в России до и после революции (симпатии автора при этом очевидны). Писатель «отказывается от иронии и юмора в пользу едкой сатиры; ощущение хаоса, надвигающейся катастрофы приводят к доминирующей роли гиперболизации, гротеска, фантастики» [12, 12]. Наглядно демонстрирует писатель и свое личное отношение к политическим деятелям современности. В диссертации О. А. Кузьминой приводится литературный и окололитературный материал из архива Аверченко, показывающий неприятие писателем идей Ленина, Троцкого, левых эсеров.

В рассказах сборника авторское негативное отношение проявляется и на уровне созданных карикатурных образов Ленина и Троцкого («Короли у себя дома»), и в напряженно звучащей инвективе («Чертово колесо», «Фокус великого кино»). Некоторые смысловые посылы звучат как предостережение: о близкой катастрофе («Предисловие», «Чертово колесо») опосредованно («Черты из жизни рабочего Пантелея Грымзина») или аллегорически («Новая русская сказка») говорит писатель почти во всех рассказах сборника.

Автор диссертационного исследования (О. А. Кузьмина) утверждает, что исследование «позволяет сделать предположение об устаревшем стереотипном мнении о данной книге, во многом навеянном рецензией В. И. Ленина, как "книге озлобленного до умопомрачения белогвардейца". Исследования структуры "образа автора" позволяют говорить об Аверченко прежде всего как о патриоте своей страны, глубоко и искренне переживающем за судьбу России и ее национальной культуры» [12, 11]. Сам отзыв, названный «Талантливая книжка», дает возможность риторически усложнить оценку книги Аверченко не только по идеологическим, но и по личным мотивам.

Б. М. Эйхенбаум в статье «Основные стилевые тенденции в речи Ленина», помещенной в тематически ориентированном номере журнала «Леф» за 1924 г., так характеризует утверждение о том, что у Ленина в его статьях и выступлениях отсутствует индивидуальный стиль как таковой: «Именно на фоне этих чужих стилей, насмешливой характеристике которых Ленин нередко посвящает специальные строки, а иногда и статьи, ясно выступают стилевые тенденции его собственной речи» [25, 58]. Краткость и лаконичность отзыва о памфлете А. Аверченко служит тому подтверждением.

Формат «отзыва» не требует ни обобщений, ни теоретических выводов. Однако смысловые акценты, расставленные в оценке Ленина, касаются в первую очередь тех эпизодов, где Аверченко переходит на личности, и, тем более, на личности вполне определенные: «Например, рассказ, изображающий Ленина и Троцкого в домашней жизни. Злобы много, но только не похоже, любезный гражданин Аверченко! Уверяю вас, что недостатков у Ленина и Троцкого много во всякой, в том числе, значит, и в домашней жизни. Только, чтобы о них талантливо написать, надо их знать. А вы их не знаете» [13, 1]. Приведенный ленинский комментарий относится к уже опубликованному письменному отзыву, но современный подход к объяснению стилистических особенностей речей Ленина позволяет увидеть в нем взгляд с другой стороны: «В силу присущей Ленину общей культуры ему никогда не удавалось копировать артистичный язык, и он обычно не выходил за рамки сухих риторических штампов с их утратившим былой блеск холодным пафосом. Речи Ленина — это постоянные полемические срывы, при которых не укорениться продуманной до мелочей эффектной ораторской технике: она взрывается его эмоциональностью, раздражением, гневом» [26, 168].

Вот пространная цитата из Аверченко: она позволит заметить, что в отзыве Ленина нарочито игнорируется присущая сатирическому памфлету гротескная метафоричность (Троцкий — мужское начало, Ленин — женское): «Серенькое московское утро. Кремль. Грановитая палата. За чаем мирно сидят Ленин и Троцкий. Троцкий, затянутый с утра в щеголеватый френч, обутый в лакированные сапоги со шпорами, с сигарой, вставленной в длинный янтарный мундштук, — олицетворяет собой главное, сильное, мужское начало в этом удивительном супружеском союзе. Ленин — madame, представитель подчиняющегося, более слабого, женского, начала. И он одет соответственно: затрепанный халатик, на nice нечто вроде платка, потому что в Грановитой палате всегда несколько сыровато, на ногах красные шерстяные чулки от ревматизма и мягкие ковровые туфли. Троцкий, посасывая мундштук, совсем, с головой, ушел в газетный лист; Ленин перетирает полотенцем стаканы» [1, 25].

Гротескное уподобление самого Ленина «матушке», которая упрекает «изменщика» в том, что он «сманивал… из-за границы в Россию», усиливается смешением исторических реалий с интимными подробностями быта и политической риторикой: «А как же наши доблестные красные полки, авангард мировой революции?» [1, 26]. Риторика в данном случае оказывается узнаваемой и соотносимой с выступлениями Ленина, однако именно так она и деконструируется.

Комический эффект явно контрастирует с установкой сатирического памфлета в том случае, когда диалог «супругов» приобретает саркастический характер, при этом возникшая двусмысленность не снимается даже усилением правдоподобия в вымышленном диалоге: «Откуда же я их возьму, когда тот завод не работает, этот бастует… Рожу я тебе их, что ли? Ты вот о чем подумай! — Да? Я должен думать?! Обо всем, да? Муж и воюй, и страну организуй, и то и се, а жена только по диванам валяется да глупейшего Карла Маркса читает? Эти романчики пора уже оставить…» [1, 26].

Зловещий смысл, заключенный в репликах, не снижает общего комического подтекста фельетона: «Что ты мне своей организацией глаза колешь?! — вспылил Ленин, нервно отбрасывая мокрое полотенце. — Нечего сказать — организовал страну: по улицам пройти нельзя: или рабочий мертвый лежит, или лошадь дохлая валяется» [1, 27]. Современный исследователь творчества А. Аверченко отмечает двунаправленность прагматического посыла ленинского отзыва: «Рецензия Ленина не смогла

примирить писателя с советской властью. Эта цель достигнута не была. В остальном же она стала достаточно ощутимым "ножом в спину" бежавшему из России "королю смеха". Ленин его во многом обезоружил, дав понять: мы вас не боимся настолько, что даже не держим зла, просто смеемся над вами. А еще у нас такая свобода слова, что мы ваши "ножи" перепечатаем» [14, 111].

Лейтмотивом интерпретации, представленной в ленинской «Талантливой книжке», становится именно отмечаемая «лояльность» задетого в памфлете «короля» по отношению к «озлобленному белогвардейцу»: «Огнем пышущая ненависть делает рассказы Аверченко иногда — и большей частью — *яркими до поразительности*. Есть прямо-таки превосходные *вещички,* например, "Трава, примятая сапогами", *о психологии детей, переживших и переживающих гражданскую войну*» (курсив наш. — *Л. Р.*). Нетрудно заметить, что деконструирующая ирония вопиюще несовместима с небрежно похваленной «хорошей темой» — дети и гражданская война. В отзыве Ленина развивается и метафорика «огня», и усиливается смысловой контраст за счет уничижительного «вещички». Не менее остро звучит в памфлете Аверченко и тема «мирового пожара», где отсылка к поэме Блока звучит как подтверждение символики заглавия: «Твой же этот самый *придворный поэт* (курсив наш. — *Л. Р.*) во всю глотку кричал:

Мы на горе всем буржуям,

Мировой пожар раздуем…

Раздули пожар… тоже! Хвалилась синица море зажечь. Ну, с твоей ли головой такой страной управлять, скажи, пожалуйста?!» [1, 27]

Тем не менее в отзыве Ленина акцентируется сугубо комическая, почти карнавальная сторона сюжетной организации памфлета: «До настоящего пафоса, однако, автор поднимается лишь тогда, когда говорит о еде!» [14, 1]. К слову сказать, темой еды завершается и самый острый и по-настоящему оскорбительный для Ленина-рецензента рассказ «Короли у себя дома» (рассуждения о ценах на рынке, последняя фраза Троцкого). Возражения Ленина по поводу «неправдоподобия» в изображении героев выстраиваются так, словно речь идет о мемуаристике. Фигурирующее же в отзыве слово «талант», безусловно, деконструируется: «И с поразительным талантом изображены впечатления и настроения представителя старой, помещичьей и фабрикантской, богатой, *объевшейся и объедавшейся* (курсив наш. — *Л. Р.*) России» [14, 1].

В формировании смыслового поля советской эстетики комического роль В. И. Ленина не могла оказаться ни случайной, ни малозначительной. Его оценка при всей ее завуалированности, ироничной двусмысленности не могла не повлиять на судьбу «талантливой книги». И хотя определение «сатирическая» не фигурировало, можно предположить, почему это произошло. По словам Л. Ю. Фуксона, «как последовательный объективизм в своем опредмечивании смеха доходит до полного его устранения, так и тотальный субъективизм, сводя все к беспредметной иронии, в сущности, теряет ее из виду, растворяет фундаментальную разницу между смешным и серьезным» [24, 29]. Не случайно в оценке Лениным «Дюжины ножей…» происходит полная утрата смехового компонента как предмета обсуждения и «разрушается цельность смеховой ситуации и тем самым совершенно упускается феномен смеха» [24, 29]. Отмечая «талантливость» книги, рецензент сознательно нивелирует все то, что делает ее смешной. Таким образом, любая модальность — и сатира, и комизм — требовали для восприятия или саморазоблачения объекта, или комической амбивалентности. Обвиняя Аверченко в «незнании предмета», Ленин отказывается принять историю превращения себя и Троцкого в традиционную карнавальную пару, да еще гендерно трансформированную. Созданные Аверченко ролевые маски «королей» в милой домашней обстановке становятся вызовом и сатирической проекции патетичности, и моделируют ситуацию, в которой «саркастическая псевдоиндивидуальность самоотождествляется с маской» [21,163]. Вопрос стоит о видимости причастности к бытию или разрушению комического дискурса. Выбор последнего говорит сам за себя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверченко А. Т. Дюжина ножей в спину революции / А. Т. Аверченко. — М.: Новая литература, 1990. — 28 с.
2. Борев Ю. Б. Комическое / Ю. Б. Борев // Эстетика: в 2-х т. Т. 2. — М.: Русич, 1997.
3. Борев Ю. Б. Ленинская теория отражения и природа образного мышления / Ю. Б. Борев // Вопросы литературы. — 1969. — № 9. — С. 11—34.
4. Гурова Е. К. Особенности сатирического дискурса: На материале рассказов и фельетонов А. Т. Аверченко: автореф. дис. … канд. филол. наук / Е. К. Гурова. — М., 2000. — 21 с.
5. Из истории советской эстетической мысли 1917—1932: сборник материалов / Сост. Г. А. Белая. — М.: Искусство,1980. — 455 с.
6. Дементьев А. Г. В. И. Ленин и советская журналистика / А. Г. Дементьев // Вопросы литературы. — 1962. — № 6. — С. 3—29.
7. Долгов А. Творчество Аверченко в оценке дореволюционной и советской критики / А. Долгов // Труды Киргизского государственного университета. Серия гуманитарных наук. — 1975. — № 11. — С. 167—175.
8. Елина Е. Г. Литературная критика и общественное сознание в советской России 1920-х годов / Е. Г. Елина. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1994. — 190 с.
9. Добренко Е. Госсмех: сталинизм и комическое / Е. Добренко, Н.Джонсон-Скраддоль. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 768 с.

10. Жиличева Г. А. Поэтика русского комического романа XX века: очерки: монография / Г. А. Жиличева. — Новосибирск: Открытая кафедра, 2021. — 224 с.

11. Крячко В. Б. Языковая репрессия: концепты и антиконцепты / В. Б. Крячко //Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 3—2 (57). — С. 91—93.

12. Кузьмина О. А. Рассказы А. Т. Аверченко: Жанр. Стиль. Поэтика: дисс. … канд. филол. наук: 10.01. 01 / О. А. Кузьмина. — Тверь, 2003. — 151 с.

13. Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — Т. 12. — М.: Изд-во политической литературы, 1968. — С. 99—105.

14. Ленин Н. [Ульянов В. И.]. Талантливая книжка / Н. Ленин [В. И. Ульянов] // Правда. — 1921. — 22 ноября. — № 263.

15. Миленко В. Д. «Дюжина ножей в спину революции» А. Т. Аверченко в контексте политтехнологий XX века: к 100-летию первого издания / В. Д. Миленко // Гуманитарная парадигма. — 2020. — № 4 (15). — С. 99—121.

16. Мейлах Б. С. Ленин и проблемы русской литературы XIX — начала XX вв. / Б. С. Мейлах. — М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. — 309 с.

17. Нечкина М. Щедрин у Ленина: Указатель цитат из Щедрина в произведениях Ленина / М. Нечкина, Е. Макарова // Литературное наследство. Т. 11—12: Щедрин. Кн. I и II. — М.: Журнально-газетное объединение, 1933. — С. 385—470.

18. Ревякина А. А. «Социалистический реализм»: к истории термина и понятия / А. А. Ревякина // Россия и современный мир. — 2002. — № 4. — С. 102—114.

19. Смирнов И. П. Психодиахронологика: Психоистория от романтизма до наших дней / И. П. Смирнов. — М.: Новое литературное обозрение, 1994. — 352 с.

20. Соколовский Р. А. Ленин и Аверченко — словесная дуэль / Р. А. Соколовский // Вопросы литературы. — 2011. — № . 1. — С. 498—502.

21. Тюпа В. И. Литература и ментальность / В. И. Тюпа. — М.: Вест-Консалтинг, 2009. — 276 с.

22. Чистобаева Л. В. Особенности сатирического и комического в отечественной прозе 20—30-х годов XX века / Л. В. Чистобаева. — Майкоп: Изд-во МГТУ, 2006. — 80 с.

23. Фишер Л. Жизнь Ленина <Фрагмент> / Л.Фишер // В. И. Ленин: pro et contra. Т. 2: Рефлексия ленинизма в мировой философской и социально-политической мысли / Сост., вступит. статья, коммент. В. А. Гуторова. — 2-е изд. — СПб.: РХГА, 2023. — 772 с.

24. Фуксон Л. Ю. Смех как способ истолкования / Л. Ю. Фуксон. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. — 254 с.

25. Щербакова А. В. Лексико-фразеологические средства создания языковой игры в художественной прозе авторов «Сатирикона» (на материале произведений А. Аверченко, Н. Тэффи, С. Чёрного): автореф. дис. … канд. филол. наук / А. В. Щербакова. — Иваново, 2007. — 22 с.

26. Эйхенбаум Б. М. Основные стилевые тенденции в речи Ленина / Б. М. Эйхенбаум // Леф: Журнал Левого фронта искусств. — 1924. — № 2 (6). — С. 57—104.

27. Юрганов Л. П. Как товарищ Сталин начал руководить литературным фронтом / Л. П. Юрганов // Россия и современный мир. Феноменология советского общества. — 2013. — № 3. — С. 200—221.

28. Яров С. В. Риторика вождей: В. И Ленин и И. В. Сталин как ораторы / С. В. Яров // Звезда. — 2007. — № 11. — С. 168—179.

Новосибирский государственного педагогический университет

Ромащенко Л. В., аспирант

E-mail: leonid.rmk@gmail.com

Novosibirsk State Pedagogical University

Romashchenko L. V., 2nd year postgraduate student

E-mail: leonid.rmk@gmail.com

УДК 82—3

СЕМАНТИКА ОБРАЗА ВЕРИГ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ В. А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА

Е. Л. Сузрюкова

Новосибирская православная духовная семинария

Поступила в редакцию 26 апреля 2025 г.

Аннотация*: статья посвящена анализу семантики образа вериг в рассказах В. А. Никифорова-Волгина. Значение анализируемого образа рассматривается в контексте литературной традиции. Центральным событием рассказа прозаика «Вериги» является покаяние бывшего красноармейца в совершенных им кощунствах, что выражается в добровольном ношении персонажем железных вериг. Однако образ вериг соотносится здесь с представлением о России, которая, как и персонаж рассказа, проходит духовный путь от греха к покаянию. Тема покаяния звучит и в рассказе «Вериги Толстого». В. А. Никифоров-Волгин создает своеобразную легенду о великом писателе, используя образ тайно носимых им вериг. Таким образом, вериги в произведениях писателя русского зарубежья — атрибут героя-странника. Они связаны с мотивом духовного преображения.*
Ключевые слова: *В. А. Никифоров-Волгин, рассказы, вериги, семантика, православие.*

Abstract: *the article is devoted to the analysis of the semantics of the image of fetters in the stories by V. A. Nikiforov-Volgin. The meaning of the analysed image is considered in the context of literary tradition. The central event of the novelist's 'Verigi' story is the repentance of the former Red Army soldier in the sacrileges he committed, which is expressed in the character's voluntary wearing of iron fetters. However, the image of fetters is also correlated here with the image of Russia, which, like the character in the story, is on a spiritual journey from sin to repentance. The theme of repentance is also heard in the 'Tolstoy's Fetters' story. V. A. Nikiforov-Volgin creates a kind of legend about the great writer, using the image of fetters secretly worn by him. Thus, fetters in the works of the Russian émigré writer are the attribute of a wandering protagonist. They are associated with the motif of spiritual transformation.*
Keywords: *Nikiforov-Volgin, short stories, chains, semantics, Orthodoxy.*

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля дан подробный перечень сделанных из железа вещей, носящих общее для них название «вериги»: «кандалы, цепи, железа, оковы; разного вида железные цепи, полосы, кольца, носимые спасающимися на голом теле, для смирения плоти; железная шляпа, железные подошвы, медная икона на груди, с цепями от нее, иногда пронятыми сквозь тело или кожу и пр.» [1, 197]. Как следует из словарной статьи, целью ношения вериг было спасение души через аскетическое уничижение плоти. Среди святых, прибегающих к такого рода душеспасительному средству, особенно выделяются юродивые. В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, к примеру, написано: «<…> юродивые, или блаженные, носили на себе цепи или вериги, могли всякого, даже знатного человека укорять в глаза беззаконною жизнию <…>» [2, 843].

В русской литературе XIX в., действительно, присутствуют образы юродивых, носящих вериги. Так, В «Борисе Годунове» А. С. Пушкина есть ремарка: «Входит юродивый в железной шапке, обвешанный веригами, окруженный мальчишками» [3, 77]. Здесь вериг подчеркнуто много, и они не скрыты от постороннего взгляда. Иная ситуация наблюдается в первой части трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность»: дети желают увидеть вериги, которые носит «юродивый и странник Гриша» [4, 17], не выставляя их напоказ. Для этого дети прячутся в чулане, где Грише дали ночлег. Но в результате они так и не увидели вериг, хотя можно было угадать, что вериги все же имеются: «Оставшись в одном белье, он [Гриша] тихо опустился на кровать, окрестил ее со всех сторон и, как видно было, с усилием — потому что поморщился — поправил под рубашкой вериги» [4, 34].

Также в литературе XIXв. вериги сопряжены с семантикой аскетической жизни, обычно в монастырях:

<…> Процветала церковь наша,
Аки райский крин, полна
Благодати, яко чаша
Пресладчайшего вина!

Утверждалася на книгах,
Их же имем от мужей,
Проводивших жизнь в веригах
И в умертвии страстей. <…> [5, 381]

© Сузрюкова Е. Л., 2026

(А. Н. Майков «Стрелецкое сказание о царевне Софье Алексеевне»).

Однако у М. Ю. Лермонтова вериги не способствуют духовному совершенствованию того, кто их носит:

<…> И там (как знать) найдет прошлец
Пергамент пыльный. Он увидит,
Как сердце любит по конец,
И бесконечно ненавидит,
Как ни вериги, ни клобук
Не облегчают наших мук. <…> [6, 54] («В Воскресенске» «Оставленная пустынь предо мной…»).

Ношение вериг — знак покаяния в стихотворении Н. А. Некрасова «Влас»:

<…> На груди икона медная:
Просит он на Божий храм, —
Весь в веригах, обувь бедная,
На щеке глубокий шрам;

Да с железным наконешником
Палка длинная в руке…
Говорят, великим грешником
Был он прежде. В мужике

Бога не было; побоями
В гроб жену свою вогнал;
Промышляющих разбоями,
Конокрадов укрывал;

У всего соседства бедного
Скупит хлеб, а в черный год
Не поверит гроша медного,
Втрое с нищего сдерет! <…> [7, 418]

А. Амфитеатров сравнивает ряд персонажей рассказов В. А. Никифорова-Волгина именно с героями Н. А. Некрасова: «Много истосковавшихся по Богу новых людей показывает нам г. Никифоров-Волгин, и жуткие это, трагические люди. За каждым в недавнем прошлом остались чудовищные дела кощунства, святотатства, человекоубийства, насилия и надругательства над ближними. Каждый словно вопль из покаянного канона. <…> И вдруг, в привычку равнодушного и даже веселого греха, преступлений, злодеяний — гром, тот спасительный гром «русского Бога», который в старину сделал великого грешника Власа покаянным сборщиком на построение храма Божьего и лютого атамана-разбойника Кудеяра похоронил подвижником-схимником у стен Преображенского собора в студеной Соловецкой обители» [8, 491]. Как видим, мотив духовного преображения в этих произведениях задает и внешние изменения, происходящие с героями.

Среди рассказов В. А. Никифорова-Волгина есть два, в заглавии которых присутствует анализируемый в нашей работе образ: «Вериги» (в сборнике «Земля-именинница» 1937 г.) и «Вериги Толстого» (сборник «Дорожный посох» 1938 г.).

В первом из названных текстов вериги носит безымянный персонаж, бывший красноармеец, кающийся в своих прежних кощунствах прежде всего перед Богом, и зримо — перед иеромонахом Македонием, насельником Печерского Успенского монастыря, где и совершал «разбойник» советского времени богохульные дела. Этот безымянный герой объясняет, почему надел вериги: «<…> Чтобы загладить окаянство мое, я стал изнурять свое тело. Вот, посмотрите…

Человек расстегнул рубашку и показал монаху железные вериги.

Совесть погнала меня из России… сюда… монастырским стенам поклониться и попросить прощения у святых угодников. Услышит ли меня Бог? Простит ли меня, окаянного зверя?» [9, 334]. Обратим внимание на то, что дважды в тексте обозначается материал, из которого сделаны вериги («Человек умолк и расплакался. На прощание он попросил перекрестить его. Иеромонах перекрестил, и рука его коснулась железных вериг» [9, 334]). Железо, по словам Л. В. Карасева, имеет семантику смертоносности, оно «агрессивно и беспощадно» [10, 103]. В аскетическом плане железные вериги — и символ покаяния, и способ «умерщвления» плоти, греховного начала в себе. Бывший красноармеец говорит: «Каждую ночь вижу монаха с проколотым черепом, и всюду, куда ни посмотрю, синие лампады перед глазами…» [9, 334]. Ношение вериг в этом контексте — это, вероятно, и способ избавиться от ночных кошмаров, которые, в соответствии со святоотеческим учением, являются признаком воздействия на человека демонического мира. Человек, совершивший страшные грехи и потому подвергший себя такому воздействию, должен принести и великое покаяние. Интересно, что, по народным поверьям, железо является оберегом от нечистой силы. о.-слав.); в Сочельник их втыкают в лавку и кладут под стол, чтобы оградить дом от покойников (з.-укр.) Оберегами являются также кочерга, ухват, сковорода и другие железные предметы, связанные с очагом и с огнем — с их помощью отвращали градовые тучи (полес., з.-укр., ю.-слав.)» [11, 200]. В завершающем текст абзаце сообщается: «Грозовые тучи прошли стороной» [9, 335]. Данный образ дает надежду на полное духовное исцеление страждущего.

Заметим, что в рассказе «Вериги» повествуется о советских временах, и здесь присутствует образ железа, а в цикле «Детство», открывающем ту же книгу, в состав которой входит и анализируемый нами рассказ, но относящемся к досоветской России, этот металл отсутствует. Другие металлы, упоминаемые в «Веригах», — золото и медь, но они даны, скорее, как цветовые обозначения: «Над золотыми куполами собора висели тучи с медными отсветами» [9, 332]. Гроза проходит мимо того места, где звучат покаянные слова преступника-красноармейца. Не слу-

чайно перед встречей с безымянным персонажем иеромонах Македоний вспоминает слова из летописи, в которых тоже идет речь о страшном преступлении и покаянии после его совершения: «По умерщвлении Корнилия преподобнаго, падоша Иване царь на хладныя мощи его, и зело плакася горько» [9, 332].

Мотивировка кощунственных действий красноармейцев — поиск земных сокровищ, так ими и не найденных. Упоминание золотого цвета куполов в этом рассказе — указание на истинное, неземное сокровище, ценность которого преступник осознал. Его путь — от греха к спасению души. Вериги — то, что сопровождает грешника на этом пути, по-видимому, заменяя посох. Вместо опоры — отягощающая ноша, благодаря которой, однако, открывается дорога к примирению с небом, вхождению в духовный мир[1].

В конце текста образ вериг получает еще одно символическое значение: это образ русской души, отказавшейся от веры и покаявшейся в своем заблуждении. Это образ и всей России, принявшей советскую власть и отказавшейся от своего прошлого, а затем, как и безымянный красноармеец, осознавшей свой грех: «Долго смотрел [иеромонах Македоний] ему вслед и думал о таинственных, жутких путях русской души, о величайших падениях ее и величайших восстаниях — России разбойной и России веригоносной» [9, 334]. А. С. Конюхова указывает, что «<…> это не противопоставленные понятия. Напротив, они сопрягаются в мотиве странничества, показывая, что через покаяние можно преодолеть любую пропасть и получить прощение даже за самый страшный грех» [13, 127—128]. В работе А. Любомудрова говорится об антиномичности образа России у В. А. Никифорова-Волгина: «греховно-разбойной и молитвенно-светоносной» [14, 101].

В рассказе «Вериги Толстого» прозаик, по словам О. В. Христолюбовой и Е. В. Ясновой, обращается «к теме возможного покаяния Толстого, стремления искупить свой грех, нося на своем теле, как следует из текста, тяжелые вериги, которые после его смерти были захоронены в лесу» [15, 234]. Рассказ деда Арсения, слышавшего о веригах Льва Толстого от «одного захожего человека» [9, 249—250], служившего на станции Остапово и видевшего тех, кто закопал вериги известного писателя в лесу, является ответом на вопрос, поставленный в начале текста, «о духовных исканиях Льва Толстого и о ночном бегстве его из Ясной Поляны» [9, 248]. Неслучайно в тексте подчеркивается, что историю о тайном ношении вериг дед Арсений рассказывает «медлительно, как житие» [9, 249]. Прослеживается смысловая параллель между главным персонажем приведенной в тексте истории — Львом Толстым в последние свои земные дни — и самим рассказчиком, дедом Арсением, у которого «землистое, тронутое дыханием предсмертья лицо» [9, 248]. Рассказчик на пороге смерти, по мысли автора, не лжет. Его рассказ — оправдание Л. Н. Толстого, чьи художественные произведения он высоко ценит: «До слез, говорю, книжки его люблю читать, где он про мужиков да про любовь Христову пишет…» [9, 250]. Целью пути Толстого Арсений считает монастырь, в котором писатель, как рассказывает старик, намеревался снять вериги: «Перед смертью он хотел вериги с себя снять и в монастыре их оставить…» [9, 249]. Заметим, что сама тема тайны смерти созвучна у В. А. Никифорова-Волгина с мотивом, присутствующем в ряде произведений Л. Н. Толстого («Три смерти», «Смерть Ивана Ильича», «Посмертные записки старца Федора Кузмича…» и др.). Звучит в тексте и скептическая нота:

Ну уж, дедушка, это побасенки! — улыбнулись мы. — Никаких вериг Толстой не носил. Жизнь и смерть его изучены до последней мелочи! [9, 249]

Но эта фраза, звучащая в первой половине текста, не получает своего развития, а история деда Арсения, напротив, обрастает подробностями. Л. Н. Толстой для В. А. Никифорова-Волгина в контексте и данного рассказа, и рассказа «Вериги», по-видимому, является образом раскаявшегося грешника, чье покаяние было скрыто от посторонних глаз. В тексте не упоминаются сочинения Толстого, направленные против догматов православной церкви. В. А. Никифоров-Волгин включает в свой рассказ лишь то, что способствует духовному преображению человека, то, что не противоречит его собственной вере: «книжки <…> про мужиков да про любовь Христову <…>» [9, 250]. Несомненно, это говорит о стремлении самого автора русского зарубежья XX в. видеть в человеке лучшее, что в нем есть. Читателю предоставляется возможность самостоятельно решить, прав или нет дед Арсений, рассказавший удивительную историю о Льве Толстом. Концовка текста В. А. Никифорова-Волгина, на наш взгляд, семантически созвучна завершению рассказа Л. Н. Толстого «Хозяин и работник», где читатель также вправе сам решать, какой по сути своей оказалась смерть персонажа текста: «Лучше или хуже ему там, где он, после настоящей смерти, проснулся? Разочаровался ли он или нашел там то самое, что ожидал? — мы все скоро узнаем» [16, 46].

Итак, образ вериг в текстах В. А. Никифорова-Волгина сопряжен с семантикой покаяния. Вериги — то, что тщательно скрывается от любопытных глаз, но может быть открыто тем, кто способен понять путь героя от греха к спасению души. Вериги носят герои-странники, образы которых в никифоровских произведениях могут быть прочитаны как символы России, проходящей этапы своего духовного пути.

[1] Как пишет Е. К. Щербакова, «внутренний конфликт лучших героев С. М. Голицына, И. С. Шмелева, В. А. Никифорова-Волгина всегда решается в пользу вечных православных ценностей» [12, 215].

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 3 т. / В. И. Даль. — Т. 1: А-З. М.: Олма-Пресс, 2002. — 640 с.

2. Карамзин Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. — М.: Эксмо, 2007. — 1024 с.

3. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. / А. С. Пушкин. — Т. 7. — М.: Воскресенье, 1995. — 395 с.

4. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. / Л. Н. Толстой. — Т. 1. — М.: Терра, 360 с.

5. Майков А. Н. Природы мир и мир людей. Избранное / А. Н. Майков. — М.: ООО ТД «Белый город», 2023. — 480 с.

6. Лермонтов М. Ю. Соч.: В 2 т. / М. Ю. Лермонтов. — Т. 1. — М.: Правда, 1988. — 720 с.

7. Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений: В 3 т. / Н. А. Некрасов. — Т. 1. — СПб.: Пушкинский Дом, 2021. — 688 с.

8. Амфитеатров А. Тоска по Богу / А. Амфитеатров // Никифоров-Волгин В. Заутреня святителей. Избранное. Сост. А. Стрижев. М.: Паломникъ, 2003. — С. 482—498.

9. Никифоров-Волгин В. А. Ключи заветные от радости / В. А. Никифоров-Волгин. — М.: Даръ, 2013. — 432 с.

10. Карасев Л. В. О символах Достоевского / Л. В. Карасев // Вопросы философии. — 1994. — № 10. — С. 90—111.

11. Левкиевская Е. Е. Железо / Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / Е. Е. Левкиевская. — Т. 2: Д-К (Крошки). М.: Международные отношения, 1999. — С. 198—201.

12. Щербакова Е. К. Отражение событий российской церковной истории 1921—1922 гг. в художественной литературе / Е. К. Щербакова // Вестник Оренбургской духовной семинарии. Вып. 4 (25). Оренбург, 2022. — С. 208—217.

13. Конюхова А. С. Творчество В. А. Никифорова-Волгина: поэтика сюжета и типология героев: дис. … канд. филол. наук / А. С. Конюхова. Воронеж, 2021. — 201с.

14. Любомудров А. Просветленность и надежда: художественный мир В. А. Никифорова-Волгина / А. Любомудров // Русская словесность. — № 2. — М., 2021. — С. 101—106.

15. Христолюбова О. В. Духовные портреты А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого в восприятии В. А. Никифорова-Волгина / О. В. Христолюбова, Е. В. Яснова // Проблемы гуманитарного образования: филология, журналистика, история. сборник науч. статей III Международной научно-практической конференции. Под редакцией Т. В. Стрыгиной. Пермь, 2016. — С. 232—235.

16. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. / Л. Н. Толстой. — Т. 29. — М.: Терра, 452 с.

Новосибирская православная духовная семинария

Сузрюкова Е. Л., кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин

E-mail: sellns@mail.ru

Novosibirsk Orthodox Theological Seminary

Suzryukova E. L., Candidate of Philology, Associate Professor of the Humanitarian Disciplines Department

E-mail: sellns@mail.ru

УДК 81.11
ББК 81

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ПОЛИМОДАЛЬНОСТИ В КНИГЕ А. Б. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРА «ВБЛИЗИ ТОЛСТОГО»

Г. В. Токарев

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

Поступила в редакцию 20 декабря 2025 г.

Аннотация: *статья посвящена изучению объективации субъективной модальности в мемуарах А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого». Явление, при котором разные нарраторы выражают индивидуальное отношение к действительности, определено как субъективная полимодальность, то есть отношение к действительности, исходящее от разных субъектов коммуникации. Доказано, что субъективные модальности каждого из нарраторов в воспоминаниях А. Б. Гольденвейзера детерминированы модальностью автора мемуаров.*
Ключевые слова: *коммуникативно-прагматическая стратегия, субъективная модальность, полимодальность, мемуары, А. Б. Гольденвейзер, Л. Н. Толстой.*

Abstract: *the article is devoted to the study of objectification of subjective modality in A. B. Goldenweiser's memoirs 'Vblizi Tolstogo' ('Near Tolstoy'). The study determines that the cautiousness and delight in communicating with the genius is tangible in the narrative. As the narrative progresses, the character of the notes changes: at first, Tolstoy's aphoristic sayings predominate, later — situational dialogues in which Leo Tolstoy is presented as an ordinary man, father, husband, friend. The memoirist explains the objectivity of his work by the way he organises his work, using the testimonies of Tolstoy's relatives. The article reveals that A. B. Goldenweiser's book is constructed in such a way that several subjects act as narrators.*
Keywords: *communicative-pragmatic strategy, subjective modality, polymodality, memoirs, A. B. Goldenweiser, L. N. Tolstoy.*

ВВЕДЕНИЕ

Мемуарная литература отражает особенности субъективного восприятия действительности [17, 22 и др.]. Пожалуй, каждый мемуарист стоит перед сложной дилеммой, с одной стороны, объективно передать образ прошлого [14], с другой — дать ему оценку, что становится следствием личностной интерпретации. Одной из притягивающих к себе фигур русской общественной жизни конца XIX — начала XX веков является Л. Н. Толстой. Написано немало биографий, беллетристических произведений, воспоминаний об этом человеке [3, 11, 16, 21 и др.]. Каждый мемуарист избирает генеральную коммуникативную стратегию интерпретации действительности, которая определяет выбор коммуникативных тактик и языковых средств. Большой интерес представляет книга воспоминаний А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого». В подтверждение ранее высказанных нами мыслей приведем выдержку из нее: *«Ведь, в самом деле, для нас, глядящих со стороны на жизнь Л. Н., она представляется внешним зрелищем, которое мы можем рассматривать, смотря по нашему настроению: иногда спокойно и с снисхождением, иногда с раздражением и осуждением; то с чувством личной досады, то в духе учительства и нетерпимости, то просто легкомысленно, не вникая в сущность дела и не зная и не принимая в соображение всех обстоятельств — одним словом — которое мы можем рассматривать так или иначе, но почти всегда сами находясь на духовном уровне, гораздо низшем, чем тот духовный уровень, на котором в настоящее время большею частью пребывает Л. Н.»* [10]. Как видим, мемуарист, во-первых, утверждает субъективность и ситуативность любой точки зрения, во-вторых, эксплицирует генеральную коммуникативно-прагматическую стратегию (под которой мы, вслед за Т. Б. Радбилем, понимаем «…последовательное применение языковых средств и способов для реализации коммуникативного намерения…» [19, 49]), заключающуюся в утверждении исключительности Толстого, его высокого духовного развития в сравнении с обычным человеком. Первые записи о Толстом А. Б. Гольденвейзер сделал, когда ему был двадцать один год. В изложении ощутима осторожность, восторг от общения с гением. По мере повествования меняется характер записей: сначала преобладают афористические изречения Толстого, позже — ситуативные диалоги, в которых Толстой представлен обычным человеком, отцом, мужем, другом. Александр Борисович Гольденвейзер, пианист, знакомый, а впоследствии приятель Льва Николаевича, в своих мемуарах описал впечатления от общения с Толстым на протяжении пятнадцати лет. Жанр сво-

© Токарев Г. В., 2026

их записок автор определил как дневник, что отражает проспективная хронологическая канва с 1 января 1896 до 1910 года и предопределяет субъективизм в изложении информации. В то же время А. Б. Гольденвейзер определил назначение своего труда следующим образом: *«Его цель — быть документом»* [10], а значит, автор претендовал на правдивость и беспристрастность изложения. Объективность сочинения Александр Борисович определил, во-первых, способом организации своей работы: *«…я всегда имел при себе карандаш и небольшие листки бумаги, на которых сейчас же, отойдя к сторонке или незаметно под столом, иногда даже в кармане, сокращенно записывал слова Л. Н. и реплики других»* [10], во-вторых, использованием свидетельств близких Толстого: писем, дневников, воспоминаний. Как отмечает автор мемуаров, в дневнике он стремился записать глубокие мысли Толстого, которыми он делился с окружающими в процессе повседневного общения, а также важные события его жизни. Предметом настоящего исследования является коммуникативно-прагматический потенциал языковых средств, используемых для объективации субъективно-модальных значений. Цель статьи — рассмотрение субъективно-модальной специфики в мемуарах А. Б. Гольденвейзера. Поставленная цель достигается методом коммуникативно-прагматического анализа высказывания.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Книга А. Б. Гольденвейзера построена таким образом, что в роли нарраторов выступает несколько субъектов: во-первых, сам пишущий, во-вторых, Л. Н. Толстой, в-третьих, множество его близких: жена, дети, единомышленники. Каждый из приведенных фрагментов текстов, восходящих к разным типам говорящих, несмотря на представленное в нем содержание, наделяется модальной интенцией. Эти текстовые включения служат генеральной коммуникативно-прагматической стратегии произведения — показать исключительность личности Льва Толстого, его гениальность, высокие человеческие качества. Она определяет когерентность фрагментов текста, его целостность.

Для мемуарного дискурса особенно значимой является категория субъективной модальности. С. С. Ваулина, обобщая принятое в науке определение данного вида модальности, характеризует ее как «…отношение говорящего / пишущего к сообщаемому» [4, 55]. Г. И. Берестнев отмечает: «…семантика модальности в основе своей релятивна и объединяет в единое целое три начала: говорящего субъекта как оператора языка, язык и языковую реальность, внеязыковую действительность» [2, 14]. Из данного утверждения следует, что изучение субъективной модальности должно включать описание субъекта речи, знаковых средств, ситуации общения.

Т. В. Сатина отмечает: «Модальность как своеобразный умозрительный феномен не имеет четких формальных показателей» [21, 47]. Заметим, что основным средством объективации субъективной модальности является лексика. Л. Г. Бабенко подчеркивает сложность экспликации модальных значений: «Как только предметом рассмотрения становится текстовая модальность стройность и четкость дифференциации модальных значений утрачивается, размываются их границы, наблюдается их пересекаемость и взаимодействие» [1, 134].

С. С. Ваулина и Д. А. Серганова отмечают, что «… авторская модальность теснейшим образом связана с коммуникативной установкой текста, из чего следует, что авторская модальность имеет разную степень эксплицированности в зависимости от жанрово-стилевых особенностей текста» [6, 60].

В мемуарах Гольденвейзера проявляется два вида субъективной модальности. Первая — эксплицитная, основная, вторая — имплицитная, косвенная. Первая исходит от основного нарратора, вторая — от второстепенных. Косвенная модальность подчинена основной, служит своего рода ее верификации. Так, явное одобрение написания Л. Н. Толстым завещания (Гольденвейзер сочувствует Толстому: *«…как глубоко Л. Н. чувствует свое положение, как страстно ему по временам хочется скинуть с себя свое ярмо и вместе с тем как чистосердечно и самоотверженно он ищет не своего облегчения, а только одного — выяснения того, как ему следует поступить перед своей совестью, перед тем «Богом своим», служению которому, не только словом, но и делом, он посвятил свою жизнь»* [10]), Гольденвейзер подкрепляет письмами В. Г. Черткова, самого Льва Николаевича, в которых описываются обстоятельства и причины написания этого документа, а также описанием поведения Софьи Андреевны — информационных блоков, которые косвенно объясняют модальную позицию мемуариста.

Явление, при котором разные нарраторы выражают индивидуальное отношение к действительности, мы определяем как субъективную полимодальность. Данный термин имеет разные интерпретации в современных филологических исследованиях [7, 9, 18, 20]. В нашем исследовании, под полимодальностью понимается отношение к действительности, исходящее от разных субъектов коммуникации. Субъективные модальности каждого из нарраторов в воспоминаниях А. Б. Гольденвейзера детерминированы модальностью автора мемуаров. В. З. Демьянков так характеризует это явление: «…данные из этой главной модальности проникают в подчиненные, в результате происходит адаптация друг к другу показаний разных модальностей» [12, 95]. Описываемая ситуация отчасти сходна с выражением модальности в художественном тексте [13], где персонажные модальности подчинены модальности автора. Таким образом, все, даже негативно характеризующие Толстого изречения используются

в целях реализации генеральной коммуникативно-прагматической стратегии. Например, фраза Софьи Андреевны, характеризующая отношения Л. Н. Толстого и В. Г. Черткова: *«Эта слюнявая старческая любовь к Черткову»,* — выражает пренебрежение, неодобрение, уничижение. Однако в широком контексте она, напротив, негативно характеризует говорящего (Софью Андреевну) как человека, желающего узурпировать мужа.

Поскольку в текст мемуаров включено множество прямых высказываний Толстого, они формируют так называемую автомодальность, то есть демонстрируют читателю отношение автора к самому себе, самохарактеризацию. Толстой показан требовательным, строгим к себе человеком, упрекающим себя за проступки, ревностно служащим своему делу: *«Я написал рассказ, но даже не дал переписывать. Стыдно лгать. Крестьянин, если прочтет, спросит: «Это точно так все было?»* [10]. *«…Никогда не следует обращать внимание на критику, ни на отрицательную, ни на хвалебную, а делать свое дело»* [10]. *«Ты сам свой высший суд»* [10]. *«Потом они спросили меня, чем я объясняю себе то, что в моей семье никто не последовал моим словам. Я сказал, что это, вероятно, произошло оттого, что я, как фарисей, — живу и не исполняю того, что говорю»* [10]. Данный вид модальности репрезентирован оценочными словами *стыдно, фарисей, высший суд* и др., императивами *не следует обращать внимания, делать* и др. Коммуникативно-прагматические установки, реализованные в фразах этого типа, направлены на положительную характеризацию личности Толстого и формируют соответствующую эмотивно-оценочную модальность.

Как было сказано выше, генеральная коммуникативно-прагматическая стратегия мемуаров А. Б. Гольденвейзера заключается в констатации исключительности Л. Н. Толстого. Пишущий подчеркивает значимость Толстого путем собственного уничижения: *«Мне тогда еще не минуло 21 года. Я был почти мальчик»* [10]. Гольденвейзер использует большой арсенал разнообразных прагматических средств, среди которых особое место занимают оценочные. Очевидно, что реализация данной интенции опирается на аксиологическую модальность, которую С. С. Ваулина, О. В. Девина связывают с «…аксиологическим аспектом мировидения…» [5, 8]. Е. М. Вольф отмечает: «Оценку можно рассматривать как один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения» [8, 10]. Мы полагаем, что оценочность является средством объективации модальности. А. Б. Гольденвейзер воссоздает портрет Толстого на основе собственных впечатлений: *«…В блузе, руки за поясом…»* [10], физически крепкий, несмотря на уже преклонный возраст — шестьдесят восемь лет. Например, он вспоминает, как Толстой, наравне с ним, бежал полверсты, как без труда сделал физическое упражнение, которое не смог выполнить его сын. В данных примерах оценка является следствием сопоставления физической подготовки молодого и зрелого человека. Свое восхищение Толстым пишущий передает глаголом *поразил: «…он еще более поразил меня своей физической свежестью…»* [10]. Пишущий показывает незаурядность Толстого во всем: он необыкновенно читает, прекрасный рассказчик, умеет найти нужное слово. Так, в нижеприведенной фразе исключительность передается выражениями *как он один это умеет, в самую точку,* оценочными наречиями: *просто, серьезно, удивительно*: *«Поговорив немного, как он один это умеет, просто, серьезно и как-то удивительно в самую точку, с вдовой, Л. Н. простился с ней, и мы поехали домой!»* [10]. Модальность восхищения вербализуют оценочные наречия степени: *очень, замечательно: «Л. Н. удивительно читает вслух: очень просто и в то же время замечательно выразительно»* [10]; *«Удивительно еще его искусство передать в немногих словах содержание какого-либо рассказа или повести: ничего лишнего, а получается ясная, определенная картина». «Он все такой же удивительно прекрасный, как всегда»* [10]. Пишущий восхищается способностями Толстого, его смелостью браться за новые трудные дела, несмотря на преклонный возраст: *«Л. Н. начал месяца два-три тому назад учиться голландскому языку, а сейчас уже довольно свободно читает — это на семьдесят третьем году!»* [10]. Восхищение у пишущего вызывает и способ обучения языкам, который придуман Толстым: *«Учится языкам он очень оригинально: он берет Евангелие на незнакомом ему языке и пока прочитывает, научается все понимать»* [10]. Мемуарист использует разные способы оценивания Толстого. Во-первых, он приводит оценочные суждения Толстого о себе самом: *«…не мне судить о своем значении…»* [10]*; «Теперь мне во всем мешает эта популярность: что ни сделай, обо всем будут говорить»* [10]. Во-вторых, излагает события жизни великого писателя, имеющие характеризующее значение: например, случай, когда Толстого, больного, слабого, направляющегося на лечение в Крым, приветствовала толпа на станциях: *«Потом он попросил кого-нибудь из своих выйти и сказать, что принимает эти овации не на счет своих личных заслуг, а как выражение искреннего сочувствия тому делу, которому он служит по мере своих сил»* [10].

А. Б. Гольденвейзер предпринимает попытку изменить оценочные стереотипы читателей, считающих Толстого эпатажной личностью, поскольку его жизнь расходится с тем, чему он учит. Автор мемуаров приводит ряд высказываний Толстого, в которых он говорит о том, что его мысли нередко искажают: *«Я знаю, что мою статью большинство встретит, как ряд парадоксов…»* [10], *«Это «толстовец», т.е. человек самого чуждого мне миросозерцания…»* [10].

А. Б. Гольденвейзер, цитируя высказывания Толстого, хочет разбить стереотипы: Толстой — нигилист, Толстой — безбожник, показывает их парадоксальность: *«Вот что удивительно: я всю жизнь стремился к знанию, искал и ищу его, а так называемые люди науки говорят, что я отрицаю науку; я всю жизнь занят религиозными вопросами и вне их не вижу смысла в человеческом существовании, а так называемые религиозные люди считают меня безбожником…»* [10]. В данном контексте коммуникативная тактика реализуется с опорой на противоположное, контрадикторное содержание частей фразы: *стремился к знанию vs. отрицаю науку. «У них печник, который бывал у меня, — книжки брал. И вот он теперь рассказывает им, что я говорил, что в Бога верить не надо, и еще разные несообразности. Я им сказал, что ничего нет удивительного в том, что мои слова так искажают. Если даже из слов Христа люди сумели вывести церковные обряды, благословение убийства и т.п., то что удивительного, что наши слова постоянно перетолковываются, искажаются»* [10]. Данная фраза интересна тем, что в ней парадоксальность является результатом сопоставления личности говорящего с Христом, учение которого связано с простотой веры, недопущением убийства, но трактуется это обратно.

Акцентируется внимание читателя на понимании Толстым последствий своих поступков: *«Удивляюсь, как это они меня до сих пор не посадят куда-нибудь?! Особенно теперь, после статьи о патриотизме. Может быть, они еще не читали? Надо бы им послать». «Я не умею писать цензурно. Или писать, как дама влюбилась. Да если я об этом стану писать, и то не сумею писать цензурно»* [10]. Ключевые слова этих фраз: *посадят, не умею писать цензурно* — генерируют в сознании читателя смыслы, вызывающие у читающего восхищение. Перлокуция сочувствия, сострадания ожидаема при цитировании слов Толстого: *«Впрочем, я давно привык, что со мной обращаются, как с мертвым»* [10]. Слова *давно привык* указывают на регулярность, сравнение *как с мертвым* усиливает суггестивный эффект.

А. Б. Гольденвейзер акцентирует в личности Толстого серьезное отношение к своему делу, требовательность к себе: *«Я не понимаю, как можно писать и не переделывать все множество раз. Я почти никогда не перечитываю своих уже напечатанных вещей, но если мне попадется случайно какая-нибудь страница, мне всегда кажется: это все надо переделать — вот как надо было сказать…»* [10]. Такое отношение к труду проливает свет на важное качество личности Толстого — повышенную степень рефлексии. Деятельный характер Толстого подчеркивают его творческие планы: *«Я вот умирать собираюсь, а у меня пропасть сюжетов, и нынче еще новый сюжет. У меня их целый длинный список…»* [10], *«Жить остается только одну минуту, а работы на сто лет, — сказал он»* [10]. Толстой гармоничен, он радуется настоящему: *«Как хороша старость! Я нынче думал: если бы молодые люди могли так чувствовать, как в старости!»* [10]. Он умеет наслаждаться жизнью, миром: *«В лесу Л. Н., указав мне на прелесть окружающего нас леса, сказал: Как радость это у нас!»* [10].

Одним из главных содержательных центров рассматриваемых мемуаров, особенно во второй их части, является описание отношений с женой и детьми. А. Б. Гольденвейзер дает негативную оценку будням семьи великого писателя: *«Здесь в семейной жизни Толстых радостного мало…»* [10]. *«У Толстых царит какой-то чуждый, неприятный дух, так что общение с ними мало радует»* [10]. Свою оценку он подкрепляет высказываниями Толстого: *«Все так же мучительно. Жизнь здесь, в Ясной Поляне, вполне отравлена. Куда ни выйди — стыд и страдание»* [10]. *«…Одно все мучительнее и мучительнее: неправда безумной роскоши среди недолжной нищеты, нужды, среди которой я живу. Все делается хуже и хуже, тяжелее и тяжелее. Не могу забыть, не могу видеть…»* [10]. Особое внимание мемуарист уделяет семейному конфликту на почве борьбы за дневники Толстого. А. Б. Гольденвейзер принимает сторону Льва Николаевича, сочувствует ему, акцентирует внимание читателей на недоброжелательном отношении к нему со стороны Софьи Андреевны и сыновей. В этой части книги, в целях повышения объективности повествования, цитируются письма третьих лиц: дочерей, Черткова, его матери и жены. Формируется своеобразная нарративная полифония, создающая эффект, при котором читателю предоставляется возможность самостоятельно формировать свое отношение к происходящему на основе предложенного мемуаристом фактического материала. Но это только кажущаяся свобода, предоставленная читателю. Мемуарист последовательно и четко отбирает материал, детерминированный заданной коммуникативно-прагматической стратегией, чтобы реализовать намеченную стратегию.

А. Б. Гольденвейзер вводит в фокус рефлексию Льва Николаевича на семейный конфликт: *«Там делается что-то ужасное и для меня непостижимое!»* [10].

Описывая семейные ситуации, Гольденвейзер дает прямую оценку словом *бедный* и выражает сочувствие Толстому: *«Софья Андреевна делала попытки вмешать в это объяснение и Л. Н. Бедный Л. Н.! Он страдал, морщился, с ужасом качал головой, но молчал. Величайший подвиг его жизни — кротость и терпение, с какими он относится к Софье Андреевне. Подвиг еще более тяжел тем, что за эту кротость, за это долготерпение его же люди судят… Во сколько раз легче было бы ему уйти из этой жизни, которая ему не только не нужна, а невыносима»* [10]. Поведение Толстого по отношению к членам своей семьи характеризуется оценочными словами:

кротость, терпение, подвиг. Гольденвейзера восхищает выдержка Толстого, что передается глаголом, называющим эмоциональное воздействие, *поразило,* а также противительной конструкцией, объективирующей контраст эмоциональных состояний и предпринятых действий: *«Поразило меня его самообладание. Он был бледен, слезы стояли у него в глазах, но все-таки предложил мне доиграть прерванную этой историей шахматную партию»* [10].

Гольденвейзер открывает читателю позицию Толстого на семейные неурядицы: он рассматривает их как послушание, которое должен пройти. Данная интерпретация обстоятельств актуализирует внимание на таких качествах личности Толстого, как терпимость, религиозность (Толстой верит, что это послано ему Богом): *«Живя в семье, с которой трудные отношения, человек не должен стремиться уйти оттуда. Если он уйдет, он лишит себя материала для нравственной работы. А если он останется и постарается установить любовные отношения, то он не только сам сделает шаг вперед, но, несомненно, невольно поможет и другим, окажет на них доброе влияние»* [10]. *«Это очень хорошее для меня испытание»* [10]. *«Стараюсь смотреть на мои тяжелые, скорее трудные отношения к Софье Андреевне, как на испытание нужное мне, и которое от меня зависит обратить себе в благо, но редко достигаю этого»* [10]. Ключевыми здесь являются слова: *должен, испытание, нравственная работа, благо,* в значении которых доминирует модальный компонент. Позиция Толстого конструктивна, оптимистична, он любит своих близких, прощает их: *«Как мне радостно видеть всех вас, — и заплакал»* [10]. Несомненно, такое представление ситуации не может не расположить читателя.

Завершает историю семейных отношений воспоминание разговора Александра Борисовича с Софьей Андреевной, в котором она раскаялась в своем отношении к мужу уже после его смерти: *«Что со мной было! Как я могла это сделать? Я сама не знаю, что со мной было… Как я могла дойти до такого ослепления?! Ведь я его убила!»* [10]. Эти слова графини используются мемуаристом для подтверждения своей точки зрения на этот семейный конфликт, его оценку, указание на роль в нем каждого из супругов.

ВЫВОДЫ

Итак, текст мемуаров А. Б. Гольденвейзера о Л. Н. Толстом представляет собой записи устных изречений великого писателя, его диалогов с близкими, выдержки из их дневников, писем. Изложение характеризуется множественностью нарраторов. Каждое текстовое включение обладает собственной интенциональностью, субъективной модальностью, основу которой составляет оценочный компонент. По характеру экспликации текстовые модальности представлены основными, эксплицитными и косвенными, имплицитными формами. Полимодальность не влияет на целостность, когерентность частей, что обусловлено единой коммуникативно-прагматической стратегией — показать исключительность личности Л. Н. Толстого. При конструировании образа писателя используются различные приемы, среди которых особое место занимает самохарактеризация, развенчание сложившихся негативных стереотипов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л. Г. Оценочный фактор в формировании модального пространства текста / Л. Г. Бабенко // Оценки и ценности в современном научном познании. Калининград, 2009. — С. 133—142.
2. Берестнев Г. И. Языковая модальность с точки зрения квантовой теории / Г. И. Берестнев // Модальность. Коммуникация. Текст. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2021. — С. 12—21.
3. Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого / П. И. Бирюков. — В 4 т. М.-Петроград: Государственное издательство, 1924.
4. Ваулина С. С. Модальные характеристики межкультурной коммуникации / С. С. Ваулина // Вестник КГУ им. Некрасова. — 2006. — № 7. — С. 54—58.
5. Ваулина С. С. Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) / С. С. Ваулина, О. В. Девина // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. — 2010. — № 8. — С. 8—13.
6. Ваулина С. С. Текстообразующая функция авторской модальности / С. С. Ваулина, Д. А. Серганова // Мир русского слова. — 2021. — № 3 — С. 59—66.
7. Витько М. А. Полимодальность как природно-детерминированный подход в коммуникации / М. А. Витько // Когнитивные исследования языка. — 2021. — № 1 (44). — С. 175—181.
8. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. — М.: Наука, 1985. — 226 с.
9. Гильманов В. Х. К вопросу об онтологической и гносеологической модальности в художественной реальности / В. Х. Гильманов // Модальность. Коммуникация. Текст. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2021. — С. 21—29.
10. Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. — Режим доступа: https://slovotolstogo.ru/work/goldenweiser-diaries_1896_1910. (дата обращения: 01.05.2025).
11. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии / Н. Н. Гусев. — М.: Наука, 1970. — 541 с.
12. Демьянков В. З. Согласование и адаптация модальностей / В. З. Демьянков // Когнитивные исследования языка. — Выпуск 38. — С. 88—99.
13. Донская Е. Ю. Модальность в художественном тексте: система терминологических корреляций / Е. Ю. Донская // Национальная ассоциация ученых. — 2015. — № 5—4 (10). — С. 116—118.
14. Желтикова И. В. Проблема формирования образов прошлого и образов будущего как элементов темпоральной картины мира / И. В. Желтикова, А. Л. Брызгалов

// Философская мысль. 2022. № 11. С. 73—94.

15. Краснова Т. И. Субъективность — Модальность (материалы активной грамматики) / Т. И. Краснова. — СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. — 189 с.

16. Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне / Т. А. Кузминская. — Режим доступа: // http://az.lib.ru/k/kuzminskaja_t_a/text_moya_zhizn_doma_i_v_yasnoy_polyane.shtml (дата обращения 01.02.2025)

17. Панкрашова О. С. Теоретические основы исследования народных мемуаров / О. С. Панкрашова // Язык и культура. — 2012. — № 3. — С. 93—97.

18. Пономарева О. Б. Полимодальность в рекламном дискурсе / О. Б. Пономарева // Когнитивные исследования. — 2021. — № 3 (46). — С. 607—611.

19. Радбиль Т. Б. Человеческий фактор в языке: лингвистическая прагматика и теория речевых актов (Основные термины и понятия) / Т. Б. Радбиль. — Нижний Новогород: Издательство Нижегородского университета, 2006. — 60 с.

20. Ржешевская А. А. О полимодальности и перспективе в дискурсе / А. А. Ржешевская // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2019. — № 19 (730). — С. 43—51.

21. Сатина Т. В. Модальность как универсальная категория семантики / Т. В. Сатина // Вестник ВГУ. Серия. Филология. Журналистика. — 2023. — № 1. — С. 46—51.

22. Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания / Т. Л. Сухотина-Толстая. — М.: Художественная литература, 1976. — 539 с.

23. Шкляева Е. Л. Мемуары как «текст культуры» / Е. Л. Шкляева. — Барнаул: БГПУ, 2006. — 169 с.

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

Токарев Г. В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка,

E-mail: grig72@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Tokarev G. V., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Document Studies and Stylistics of the Russian Language

E-mail: grig72@mail.ru

УДК 929: 821.161.1

«ИДУЩИЙ ПОСЕРЕДИНЕ»: А. М. ПЕШКОВ В ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОМ КРАЕ (1888)

А. Б. Удодов

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 14 января 2025 г.

Аннотация: *в статье рассмотрены актуальные аспекты литературно-краеведческого подхода применительно к изучению личностно-творческого феномена А. М. Пешкова / М. Горького в контексте биографической судьбы и социокультурных реалий Центрально-Черноземного региона конца XIX столетия. В соотнесении фактологических и автобиографических источников прослежены процессы, исходные для личностно-творческого становления будущего писателя.*
Ключевые слова: *личностное становление, творческая индивидуальность, литературное краеведение, Центрально-Черноземный край, автобиографические источники, самоидентификация, диалог культур, национальная идентичность.*

Abstract: *the article examines the current aspects of the literary and local history approach in relation to the study of the personal and creative phenomenon of A. M. Peshkov / M. Gorky in the context of the biographical fate and socio-cultural realities of the Central Chernozem region of the late 19th century. In the correlation of factual and autobiographical sources, the processes underlying the personal and creative development of the future writer are traced.*
Keywords*: personal development, creative individuality, literary local history, Central Black Earth region, autobiographical sources, self-identification, dialogue of cultures, national identity.*

В более чем 100-летней истории формирования обширнейшего корпуса текстов, нацеленного на генерацию совокупной картины жизнедеятельности А. М. Пешкова / М. Горького на исходных этапах его личностно-творческого становления (рубеж 1880—1890-х гг.), немалую значимость, естественно, имеют изыскания литературно-краеведческого характера, связанные с территориально-временной конкретикой реалий биографической судьбы будущего писателя. Здесь, начиная от «казанского» периода (ознаменованного, по его позднейшему признанию, «духовным рождением» [1, 646]), через годы странствий по приволжской, центральной и южной России до периода «тифлисского» (где был создан и напечатан первый рассказ «Макар Чудра»), — каждая из такого рода географических локаций представлена немалым количеством материалов общественной и научно-исследовательской рефлексии. Область Центрального Черноземья по-своему фигурирует в указанном ряду, хотя, конечно, уступает по масштабу разработанности тем же, например, «казанскому» или «тифлисскому» направлениям исследований.

Причины такого положения достаточно понятны и заключаются в сравнительно меньшем объеме существующих документально-фактографических источников, в силу чего литературно-краеведческим изысканиям приходится опираться, по преимуществу, на позднейшие автобиографические свидетельства самого писателя (что, впрочем, достаточно характерно в большей или меньшей мере по отношению ко всему указанному периоду рубежа 1880—1890-х гг.). При этом среди наиболее заметных «вех» по отношению к Воронежу можно указать, например, в качестве исходных «точек отсчета» на позднейшие косвенные горьковские упоминания о пребывании в воронежском Митрофановском монастыре летом 1891 г. [2, 455;], что по-своему коррелирует с деталями автобиографических текстов «Ма-аленькая!» (1895), «У схимника» (1896), а также с известным свидетельством писательницы В. И Дмитриевой о воспоминании писателя: « Во времена своей бродячей жизни забрел однажды в Воронеж и целое лито прожил в Митрофановском монастыре помощником монаха-садовника» [3, 1]. Такого рода единичные свидетельства, не подкрепленные документальными источниками, тем не менее, прочно вошли в обиход регионального литературного краеведения [3, 222] и горьковедения в целом; затем уже в качестве непреложного факта, в свою очередь, генерировали свой особый корпус исследований и общественно-культурных реалий-«артефактов» (например, открытие в 1986 г. на здании главного корпуса Воронежского государственного университета, построенного на месте Митрофановского монастыря, мемориальной доски с текстом: «В находившемся на этом месте монастырском саду летом 1891 г. работал помощником садовника великий советский писатель Алексей Максимович Горький»).

© Удодов А. Б., 2026

Отметим, что лето 1891 г. хронологически относится к периоду так называемого «второго странствия» будущего писателя по России (Поволжье, Дон, Украина, Крым, Кавказ; 1891—1892) [1, 646]. Между тем, как представляется, по отношению к Центральному Черноземью более показательно иное — именно *первое знакомство* с этим регионом, которое состоялось ранее — в период «первого странствия» (1888—1889): из Казани в Красновидово, через моздокские степи на каспийские рыболовные промыслы, затем в Царицын, на железнодорожные станции Добринка, Борисоглебск, Крутая; назад в Царицын, оттуда в Москву и обратно в Нижний Новгород [5, 80; 1, 646].

Здесь по-своему значимыми географическими локациями Центрально-Черноземного края предстают станции и одноименные населенные пункты Добринка (современная Липецкая область) и Борисоглебск (Воронежская область), где А. М. Пешков служил в ноябре-декабре 1888 года.

По отношению к указанному «пространству/времени» для биографии будущего писателя в сфере общественного восприятия XX столетии фигурирует определенный свод мемуарных и некоторых документальных источников [6, 555—556]; соответственно, в литературном краеведении региона формируется своя достаточно обширная история изучения и общественной рефлексии для данной области, — с созданием разного рода исследовательских работ, художественно-культурных артефактов (памятники, мемориальные доски) и музейных объектов [7], [8], [9], [10]. Если же говорить непосредственно о «духовной биографии», то есть о процессах личностного становления и формирования истоков творческой индивидуальности будущего художника слова, то здесь, безусловно, приоритетен «голос» самого писателя в достаточно обширном объеме позднейшей автобиографической прозы, посвященной «добринско»-«борисоглебскому» периоду.

Как уточнял М. Горький в переписке со своим биографом И. А. Груздевым, «с Каспия не возвращался в Казань, а — в Царицын», откуда был «направлен сторожем на с<тацию > Добринка Грязе-Царицынской ж<елезной > д<ороги >» [5, 318]. Уточним, в свою очередь, что протяженность Грязе-Царицынской железной дороги (по линиям современной Юго-Восточной и Средне-Волжской железных дорог), соединявшей город на Волге и крупную узловую станцию Грязи в современной Липецкой области, составляет свыше 700 километров. Алексей Пешков, «направленный» через Борисоглебск в Добринку (в 50 километрах от «конечной» станции Грязи), достаточно *быстро (впервые* в жизни) преодолел (естественно, проехал по железной дороге) всю эту многокилометровую дистанцию, тем самым *резко сменив* окружающую обстановку в географическом, естественно-природном и, в определенной мере, социокультурном параметрах. Таким образом, Центрально-Черноземная Россия открывалась ему впервые на данном этапе биографии, что называется «одномоментно» — в яркости и множественности новых впечатлений бытия (помноженных еще и на специфику «железнодорожного» уклада жизни).

В качестве автобиографических источников, так или иначе, освещавших «железнодорожный» период жизни А. М. Пешкова, принято видеть, в первую очередь, тексты очерков «Скуки ради» (1887), «Книга» (1915), «Из прошлого» (1928) и «Сторож» (1923). Последний однозначно выделяется в указанном ряду — и по текстовому объему, и по образно-смысловой насыщенности содержания, и по глубине и значимости авторской саморефлексии (напомним, кстати, что текст «Сторожа» в первоначальных редакциях имел название «На железной дороге» и включался в качестве главы в общий корпус текста «Моих университетов» [6, 554]). Главное же — «добринский» и «борисоглебский» этапы биографии занимают в композиции текста центральное место, — каждый в своей особой образно-смысловой очерченности, но одновременно в акцентированной авторской установке на их сопоставление при поиске неких собственных личностных координат в картине бытия.

Своего рода экспозицией для такого самопозиционирования в период службы Пешкова на железной дороге видится первая фраза текста «Сторожа»: «Я – ночной сторож на станции Добринка: от шести часов вечера до шести утра хожу с палкой в руке вокруг пакгаузов; со степи тысячью пастей дует ветер…» [6,138] (Здесь и далее подчеркнуто нами. — *А. У.*). Тем самым сразу намечается местоположение человека в определенной системе координат, характеризующих реалии его жизненной судьбы в пространственно-временном и социально-ролевом наполнении; при этом станция предстает как некая рукотворная точка в обширном природном пространстве степи.

Часть рассказа «Сторож», которая воссоздает период жизни будущего писателя на станции Добринка, является практически единственным источником развернутых картин его жизни того времени. Центральное место здесь (до 3/4 текста) занимает описание «радений», «буйных праздников плоти» на квартире у начальника станции, в которых принимал участие и молодой Пешков. При этом плотский элемент праздников-оргий был неотделим в его восприятии от своеобразных «оргий духа», бьющих через край человеческих эмоций и страстей: «В этом буйстве сил — сокрушительная силища, и безысходное метание ее кажется мне близким к отчаянию [6, 144].

«Опьянение до исступления» «любовью к красоте» и в то же время «служение» ей; «буйство» и вместе с тем «благоговейное», «строгое», «торжественное» отношение к «песне, пляске, к телу женщины» [6,142—144] — являются, по сути, наглядной иллю-

страцией к известной мысли о соединении «дионисийского» и «византийского» начал в национальном характере [11, 8]. Такая акцентированная антиномичность порою порождала у Пешкова состояние мучительной «тоски», «душащей его» [6, 145].

Вместе с тем «тоска» здесь выступает своеобразным общим знаменателем, объединяющим очень разных людей, участников «радений», — в некую духовную общность, своеобразное братство. Песни «мучительно грустные», «иногда торжественно поется что-то церковное» [6,142]; контрастны этому взрывы буйного веселья и нарушения «норм приличия», когда «сочетания зазорных слов победно обнаруживают прелестную гибкость русского языка» [6,143]. Все это как бы вживе иллюстрирует в «дионисийско-византийском» преломлении известное определение народной песни, данное В. Г. Белинским, где подчеркнуто антиномическое переплетение мотивов грусти и «звуков дикого отчаянного веселья» как «выхода» из состояния «тоски» [12, 329].

Дальнейший период службы Пешкова после перевода на станцию Борисоглебск знаменовал очередное (после Казани) пришествие в среду «неблагонадежной» интеллигенции. При этом, оценивая круг своих знакомых той поры как «хороших, умных интеллигентов» [6, 155], Горький в то же время вспоминал о двойственности своего отношения к ним: «мне казалось, что все они могли бы и должны делать что-то иное, отвечавшее их достоинству, способностям, прошлому» [6,150]; нынешняя же их жизнь «казалась скучной, бесцветной» [6,155]. Именно в Борисоглебске все чаще возникает мотив противовопоставления мира интеллигенции — миру «первобытной», но по-своему «эпической» жизни Добринки: «Мне казалось, что интеллигенты не осознают своего одиночества в маленьком грязном городе… На вечеринках интеллигенты осторожно ухаживали за какими-то серенькими женщинами… <…> Присматривался я ко всему этому, прислушивался и вспоминал ночи у Петровского, где, обнаженно до глубины своей, разыгрывалась буйная и темная драма инстинкта… Полудикие люди, воры и пьяницы возвышались до экстаза, великолепно и умело распевая красивые, сердечные песни своего народа, а «философы», «радикалы», «народники» нескладно пели ноющие, пошленькие стишки <…> У меня не хватало ни разума, ни воображения, никаких сил, чтоб соединить эти два мира…» [6,156].

Итак, два начала народной жизни — «безысходно мятущаяся» «сила инстинкта» и «бьющийся бескрылой птицей» «в грязной клетке быта» «разум» (6,156), — оформлялись в восприятии Пешкова как «два мира». Они оказывались локализованы по времени и месту их «прохождения» (Добринка — Борисоглебск) и персонифицированы в «первобытных» людях Добринки и «культуртрегерах»-интеллигентах; сам же будущий писатель ощущал себя «идущим посередине» [6, 150] в намеченной оппозиции. Понятие «середины» здесь по-своему концептуализируется в системе не только социокультурных, но и геоисторических координат, где указанная саморефлексия зафиксирована для сознания биографического лица именно в период его нахождения в геоисторическом *центре* большого «русского мира». При этом безрезультатные, казалось бы, попытки «соединения разных миров» на субъектном уровне индивидуальной рецепции — по-своему результативно объективируются реалиями жизненной судьбы «идущего посередине». Следование в «железнодорожный» период по этому пути Алексея Пешкова, его углубление от рубежей волжского европейско-азиатского пограничья к историческому центру страны, безусловно, способствовало дальнейшему усилению своеобразной стереоскопичности представлений о «многомирии» действительности в ее российской специфике и «многоголосии» смыслопорождающих ее начал.

Стоит в этой связи обозначить и контекст современной М. Горькому отечественной историософской мысли, где в размышлениях о «вечной борьбе» между «Русью» и «татарской степью» подчеркивалось: «Овладевая степью, Русь начинает ее любить, она находит здесь свою родину. Волга, татарская река, становится ее матушкой, кормилицей <… > Порою кажется, что сама Москва стоит на Волге. То, что Москва сжала в тройном кольце своих белых стен, Волга развернула на тысячи верст…» [13, 214].

В указанном контексте та же Грязе-Царицынская железная дорога времен молодости А. М. Пешкова может представать определенным символическим маркером для связки «Москва-Волга» — как воплощения модели формирования российской — «многомирной» и поликультурной цивилизации в историческом алгоритме *диалога культур.* «Идущий посередине», в свою очередь, персонифицирует такое связующее начало (и по-своему показательно, что на финальном этапе «первого странствия» перед возвращением в Поволжье фигурирует Москва). В этом плане знаменательным предстает в том же «борисоглебском» фрагменте «Сторожа» цитирование автобиографическим повествователем одного из представителей «людей культуры», слова которого, услышанные в Борисоглебске, оказались необычайно значимыми для молодого Пешкова и глубоко запали в его память: «Мы, кажется, и в самом деле призваны соединять несоединимое. Страшно веселимся, жестоко любим <…> А все-таки — хороший народ, мы, русские! Оттого, должно быть, и несчастны сверх меры…» (6,157).

Формула «соединения несоединимого» и представляет, по сути, *цивилизационно-культурный код* «Русского мира» в его основополагающих параметрах (от европейско-азиатского пограничья до ментальной модели национального характера). И со-

ответствующее «кодирование» молодого Алексея Пешкова, проявившееся определенным образом на этапе жизнедеятельности в Центральном Черноземье, предстает, таким образом, как один из значимых моментов для *самоидентификации* будущего писателя в горизонте отечественной цивилизации и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русские писатели. 1900—1917. Биографический словарь. — М.: Сов. энциклопедия,1989. — 672 с.
2. Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. / М. Горький. — М.: Наука,1973. — Т. 14. — 622 с.
3. Максим Горький и Воронеж / Музей им. И. С. Никитина. — Режим доступа: voronezhliter. ru›maksim-gorkij-i-voronezh.
4. Ласунский О. Г. Литературная прогулка по Воронежу / О. Г. Ласунский. — Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во,1985. — 255 с.
5. Архив А. М. Горького. — Т. XI. Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. — М.: Наука, 1966. –384 с.
6. Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т./ М. Горький. — М.: Наука, 1973. — т. 16. –631 с.
7. Бойко Н. А. А. М. Горький в Добринке / Н. А. Бойко // Подъем.– 1957. — № 3. — С. 48—56.
8. Потапов В. С. А. М. Горький в Борисоглебске / В. С. Потапов. — Балашов: [б.и.], 1962. — 30 с.
9. Зайцева А. А. Историко-культурное наследие Борисоглебской земли: материалы свода памятников Воронежской области / А. А. Зайцева, Л. В. Кригер. — М.: [б.и.], 1994. — С. 152—151.
10. Борисоглебская ЦБС — А. М. Горький в Борисоглебске. — Режим доступа: bgocbs.ru› kraevedenie / polnotekstovye-dokumenty/…
11. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. — М.: Наука, 1990. — 224 с.
12. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 9 т. / В. Г. Белинский — М.: Изд-во АН СССР, 1954. — 868 с.

Воронежский государственный педагогический университет
Удодов А. Б., профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы
E-mail: abudodov@yandex.ru

Voronesh State Pedagogical University
Udodov A. B., Professor of the Russian language, Russian and foreign literature Department
E-mail: abudodov@yandex.ru

УДК 821.161.1

НАБОКОВ И ПУШКИН: ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ «ДАР»

Чжан Хунпин, А. Г. Коваленко

Российский университет дружбы народовимени Патриса Лумумбы

Поступила в редакцию 25 января 2026 г.

Аннотация: *цель исследования — раскрыть диалогическую специфику взаимоотношения Набокова с классикой в бахтинском понимании этого термина. На примере романа «Дар» анализируется функционирование аллюзий, реминисценций, скрытых цитат, которые служат расширению смыслов пушкинских образов и мотивов, их трансформации для решения собственных художественных задач Набокова.*
Ключевые слова: *Пушкин, Набоков, роман «Дар», диалог, мотив, «чужое» слово.*

Abstract: *the aim of the study is to reveal the dialogical nature of Nabokov's engagement with the classics in the Bakhtinian sense of the term. Using the novel The Gift as an example, it demonstrates the functioning of allusions, reminiscences, hidden quotes, which serve to expand the meanings of Pushkin's images and motifs and transform them to address Nabokov's own artistic objectives.*
Keywords: *Pushkin, Nabokov, the novel The Gift, dialogue, motif, a "foreign" word.*

Диалогическая полемика Набокова с русской литературой отмечена двумя разнонаправленными векторами. С одной стороны, это было следование традиции Пушкина-Гоголя-Бунина, с другой — противостояние Достоевскому, Лескову, Чернышевскому. Базовым является представление о самоценности поэзии, ее независимости от политических и идеологических факторов, что постоянно декларировалось писателем в статьях и выступлениях.

Набокову принадлежит образ «пушкинских весов», на которых он соизмеряет свое творчество с творчеством великого русского поэта: «Зоил (пройдоха величавый, / Корыстью занятый одной) / И литератор площадной / (тревожный арендатор славы) / Меня страшатся потому, / Что зол я, холоден и весел, / Что не служу я никому, / Что жизнь и честь мою я взвесил / На пушкинских весах, и честь / Осмеливаюсь предпочесть». («Неоконченный черновик», 1931) [1].

При рассмотрении вопроса о диалогическом дискурсе Набокова следует опираться на тезис М. М. Бахтина, согласно которому «текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта вспыхивает свет, освещающий назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу» [2, 364]. Таким диалогом предстает взаимодействие набоковских текстов с наследием русских писателей. Нельзя не согласиться с тем, что многие важные для методологии понятия — традиция, интертекст, влияние, заимствование, «чужое» слово, так или иначе являются аспектами диалогического дискурса.

Говоря о традиции, мы подразумеваем здесь диалог, предполагающий наследование опыта, близость художественных форм, индивидуальных жанровых и стилевых особенностей, средств выразительности, способов создания образов. Сюда же отнесем общность мировоззренческих и эстетических взглядов, или принципов. На уровне языка и стиля диалогизм может проявляться как взаимодействие речи автора и «чужого» слова. Нередко автор как бы отодвигается от персонажа, предлагая ему первый план в повествовании. «Автор говорит не на данном языке … а как бы через язык … объективированный, отодвинутый от его уст… Разноголосица и разноречья входят в роман и организуют в нем сложную художественную систему» [3, 112—113]. В этом случае в диалоге приоритет отводится персонажу.

Понятие интертекстуальности, широко употребляемое в литературоведении, по сути, уже содержит в себе принцип диалогизма. Известно, что французские постструктуралисты в 1960-е годы активно изучали наследие М. Бахтина и стремились развивать его идеи. Интертекстуальность предполагает созвучие текстов, принадлежащих разным писателям (и сочиненных одним автором). Подобная «имитация» диалога используется в художественной практике Набокова — в его романе «Дар», например. Интертекстуальность предполагает не только близость тем, мотивов, но также отказ, отталкивание, полемику. Наследование опыта здесь сопрягается с отказом автоматически следовать ему, предполагает внесение новых элементов.

Диалогически понимаемая интертекстуальность имеет прямое отношение к интерпретации текстов Набокова, так как писателю свойственно творческое переосмысление классического опыта. Наследование сочетается с внесением нового понимания вещей,

© Чжан Хунпин, Коваленко А. Г., 2026

свободой использования приемов, осмыслением «чужого слова» для реализации авторских стратегий.

Для Набокова наследие Пушкина является эстетическим эталоном.

Им написана статья, которая может служить методологическим основанием для дальнейшей разработки этой темы. Речь идет о статье «Пушкин, или Правда и правдоподобие» [11, 411—423], в которой раскрываются возможности подлинного диалога с поэтом. Набоков противопоставляет «художественную ложь» «истине искусства». Автор статьи убежден, что создать правдивый портрет великого поэта невозможно в силу объективных психологических законов: подробности и детали его жизни, как бы живописны и занимательны они ни были, невозможно соединить вместе и наполнить жизнью. Облик поэта тонет в обилии мимолетных и субъективных ассоциативных образов. В лучшем случае получится «романтизированная биография», но живой и правдивый образ не сложится, биография останется лишь «правдоподобной» копией оригинала. «Идеальный роман» о художнике — это текст, освобожденный от «социологии» и «человеческого документа», — считает Набоков, полагая, что подлинный «лик» поэта кроется в его произведениях. Увидеть истинный облик Пушкина можно лишь погрузившись в его тексты. Чтение в союзе с воображением создают единственную подлинную основу для диалога с поэтом: «Единственно приемлемый способ его изучить — читать, размышлять над ним, говорить о нем с самим собой, но не с другими, поскольку самый лучший читатель — это эгоист, который наслаждается своими находками, укрывшись от соседей» [11, 419].

Особенности диалогических отношений Набокова с Пушкиным предопределены местом, которое тот занимает в его жизни и творчестве: он светоч, образец, учитель, произведения которого являются источником наслаждения, вдохновения и, конечно, он — собеседник, с которым через столетие Набоков ведет незримый разговор. Творчество Пушкина — источник различных реминисценций, «двигатель» сюжета и сюжетных коллизий.

Общее у Пушкина и Набокова — понимание искусства как полилогического универсума, предполагающего создание многоязычной и полифонической системы. Мир Пушкина и Набокова невозможен без непрекращающегося диалога различных национальных культур и видов искусства, мировоззрений и точек зрения, множества голосов и сознаний. Набоков вслед за Пушкиным понимает искусство не как простое отражение реального мира, но как «вторую реальность», живущую по собственным законам в вечности, имеющей своей целью постижение глубинной истины. Пушкин и Набоков видели миссию художника в независимости от злобы дня и корпоративных установок.

Набоков наследует у Пушкина идею нравственности искусства. Считает главной задача писателя утверждение истины и красоты, не признает принципов утилитаристского понимания искусства, морализаторства.

Нравственность в искусстве предполагает честность перед собой, верность красоте и истине, отказ от «учительства» и дидактизма, противостояние пошлости. Поэтому в романе «Дар» устами своего героя Годунова-Чердынцева Набоков отстаивает понимание заслуг великого русского поэта (а также Гоголя и Лермонтова) от утилитарного мышления Чернышевского: «Мы теперь подходим к его самому уязвимому месту; ибо так уж повелось, что мерой для степени чутья, ума и даровитости русского критика служит его отношение к Пушкину. Так будет, покуда литературная критика не отложит вовсе свои социологические <…> философские и прочие пособия, лишь помогающие бездарности уважать самое себя» [12, 200].

В приведенной цитате обращает на себя внимание гневный пафос, с которым обрушился герой романа на тех, кто посмел критиковать великого поэта, не имея на это никаких прав и оснований. В данном случае — на Чернышевского и Добролюбова. За честь поэта вступается человек, который не просто высоко ценит гений Пушкина, но имеет на это все основания — до мельчайших подробностей он знает тонкости его мастерства. Набоков опирается на фундаментальный принцип, сформулированный самим Пушкиным: «Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным» [13, 467].

Выступая за приоритет эстетических критериев над социологическими, Набоков подчеркивает независимость искусства, его чистоту и гармонию как самодостаточный феномен. Нельзя не заметить, что творчество Пушкина, его «взыскательной музы» Годунов-Чердынцев воспринимает со знанием секретов литературного труда. В частности, герой отмечает тонкости, которые рядовой читатель, как правило, не замечает: «шестистопная строчка» вместо пятистопной, метрическая погрешность, избыточность повторений и т.д. Им отвергаются многочисленные упреки и заниженные оценки социал-демократов в адрес Пушкина: «Чернышевский и Писарев называли стихи Пушкина “вздором и роскошью”», «Пушкин был слабым подражателем лорда Байрона», «Пушкин “сочинитель остреньких стихов о ножках”». Чудовищную степень непонимания психологии и природы творчества демонстрирует Чернышевский: «Для Чернышевского гений был здравый смысл. Если Пушкин был гений, рассуждал он, дивясь, то как истолковать количество помарок в его черновиках?» [12, 335].

Разбору заочного спора Годунова-Чердынцева и Н. Г. Чернышевского посвящена статья Н. С. Сте-

пановой «Федор Годунов-Чердынцев vs Н. Г. Чернышевский в романе В. В. Набокова "Дар"», в которой эта полемика рассматривается как философский и мировоззренческий конфликт, имеющий основополагающее значение для русской литературы и эстетики [14, 8—11].

Так называемый «здравый смысл» Чернышевского, его приверженность банальным «истинам», узко понятому прагматизму и сугубо «материалистическому» пониманию природы вещей не имеет ничего общего с «даром» восприятия многообразия мира, любви и сокровенного приобщения к нему в словесном творчестве.

Позднее «здравый смысл», раскритикованный в романе «Дар», станет синонимом ограниченности, бездуховности и пошлости, утилитарного подхода к жизни и искусству. Этой теме посвящена известная статья Набокова «Искусство литературы и здравый смысл», основной пафос которой направлен на защиту искусства как особой иррациональной области мышления, где раскрываются тайны мироздания, духовной гармонии, бесконечности и бессмертия.

Набокову принадлежит одна из интересных характеристик творчества Пушкина, которую писатель называет *«уравновешенностью».* [15, 213].

К такой оценке пушкинской гармонии приводит постоянное обращение к пушкинским текстам в поисках пушкинского кода, в попытке расшифровать его.

Пушкинские темы и мотивы в том или ином виде обнаруживаются практически во всех романах русского и зарубежного циклов писателя.

Их анализ дает возможность проследить последовательную эволюция эстетики и этики. В формировании поэтики и философии художественного мира Набокова сыграли свою роль разные произведения поэта, среди них роман «Евгений Онегин» был, безусловно, главным ориентиром.

В пушкинском наследии есть такие произведения, которые в наибольшей мере стимулируют диалог Набокова и Пушкина. О. С. Бессонова полагает, что таковыми являются «Пророк», «Моцарт и Сальери» и «Евгений Онегин» [18, 39]. Именно эти произведения заложили основу его эстетики и мировоззрения. Важно отметить, что инициированный ими диалог носит многоуровневый характер: он осуществляется на уровне прямых и скрытых цитат, на уровне интерпретации образов, на уровне мировоззрения и на уровне языка. Творческая рецепция наследия Пушкина не сводится к подражанию или заимствованию. Речь идет о глубокой творческой переработке, переосмыслении и развитии, в ходе которых возникают типологические соответствия. Из всех тем наиболее яркая — тема Поэта и Поэзии.

Роман «Евгений Онегин» — предмет глубокого и непрекращающегося интереса Набокова — исследователя литературы. Набоков переводит роман на английский язык и составляет огромный по объему комментарий к роману, благодаря которому англоязычный мир познакомится с великим русским классиком.

В романе «Дар» тема Пушкина затрагивается в диалоге Годунова-Чердынцева с Кончеевым. «Путешествие в Арзрум», которое читает Годунов-Чердынцев, станет «триггером» обращения к написанию биографии ученого-путешественника Константина Кирилловича Годунова-Чердынцева. Фигура Пушкина всплывает в эпизоде истории деда главного героя. Вернувшись из Америки в середине 1850-х годов, он будет разыгран друзьями, которые покажут «живого», но «постаревшего Пушкина», выжившего в дуэли с Дантесом.

Диалогизм Набокова можно интерпретировать как способ творческого мышления писателя, как потребность в особом отношении к тестам предшественников и современников, предполагающий процесс взаимного обмена «высказываниями», а не одностороннее поглощение одного текста другим. Небезынтересно отметить в этой связи особенности полемики вокруг представлений о «заимствовании» или «подражательности» Набокова. Прозаик отрицал любую попытку усмотреть в его творчестве следы кого-либо из современников или предшественников. Набоков ревностно отстаивал свою уникальность, самобытность и независимость. Вероятно, такое упорство объяснялось настойчивостью критиков, не особо озабоченных научной аргументацией, приписывающих ему подражание классикам. Его превращали в талантливого подражателя. Набоков на эти обвинения отвечал с большой долей иронии: «за минувшие три десятилетия в меня швырялись (ограничусь лишь немногими из артиллерийских игрушек) Гоголем, толстоевским, Джойсом, вольтером, садом, стендалем, Бальзаком, Байроном, Бирбомом, Прустом, Клейстом, макаром маринским, мари маккарти, мэридитом (!), сервантесом, Чарли чаплиным, баронессой мурасаки, Пушкиным, Рускиным и даже себастьяном Найтом» [14, 47].

Небезынтересно отметить, что в приведенной цитате смешаны в одну кучу известные и менее известные авторы, любимые и менее любимые, уничижительно искажены имена. Некоторые из них написаны без видимой мотивировки то с заглавной буквы, то с прописной. Некоторые имена окарикатурены, под «баронессой мурасаки» подразумевается великая японская писательница, автор «Повести о Гэндзи» Мурасаки Сикибу, самым изящным ироническим изобретением является «толстоевский».

Вместе с тем Набоков никогда не отрицал своей связи с классическим наследием, «он постоянно подчеркивал свою кровную генетическую связь с русской и мировой литературой» [17, 20], находился в состоянии внутреннего невидимого, но оче-

видного диалога с собратьями по перу. «Кровь Пушкина, — утверждал он в беседе с Альфредом Аппелем, — струится в жилах современной русской литературы, и с этим ничего не поделаешь — так же, как с кровью Шекспира в жилах литературы английской» [14, 590].

Пушкинская парадигма формируется в творчестве Набокова не как результат заимствований, а как плод общности духовного опыта, поддержанный диалогом. Многочисленные цитаты, аллюзии, реминисценции являются приметами этого дискурса, вовлекающее пушкинское творчество, знаками причастности к нему. На протяжении всего творчества Набоков руководствовался «истиной Пушкина».

Диалогизм в «Даре» имеет несколько проявлений. Прежде всего — в автобиографическом мифе, сотворенном писателем, Пушкин является ключевой фигурой. Набокову весьма импонировал параллелизм факта рождения. Они появились на свет с разницей ровно в сто лет: Пушкин — в 1799, Набоков — в 1899. К слову, герой романа Федоров Годунов-Чердынцев родился очень близко к этой дате — в 1900 году.

Диалог Набокова с Пушкиным начинается в первой главе романа «Дар». Годунов-Чердынцев сочиняет стихотворение «Благодарю тебя, Отчизна», которое вводит тему дара судьбы, заявленную в заглавии романа. Стихотворение перекликается с шестой главой романа «Евгений Онегин»: «О, юность легкая моя! / благодарю за наслажденья / За грусть, за милые мученья / За шум, за бури, за пиры, / За все, за все твои дары…» [19, 438]. Именно здесь, между творческими личностями, которые решают общие поэтические проблемы, возникают отношения диалога.

Далее в первой главе диалог находит свое продолжение: «Путешествие в Арзрум», «подсказывает» написать книгу об отце.

Созвучия появляются и в ходе дальнейшего развития сюжета. Фрагмент с гибелью Ленского соотносится с эпизодом самоубийства Яши Чернышевского. Характеризуя Яшу, Набоков пишет о бесталанности его стихов, о преходящем характере этого увлечения поэзией, о том, что герою, как и Ленскому, уготована судьба заурядного человека: «А может быть и то: поэта / обыкновенный ждал удел. / Прошли бы юношества лета: /в нем пыл души бы охладел. / Во многом он бы изменился, / расстался б с музами, женился, / в деревне счастлив и рогат/ носил он стеганый халат, / узнал бы жизнь на самом деле…» [19, 435].

По мнению А. А. Долинина, диалог двух поэтов носит символический смысл, прощание Пушкина с молодостью «символизирует расставание с ранней поэзией» [20, 700].

Для того чтобы вплести в текст пушкинские аллюзии, Набоков каждый раз изобретает новые стилистические приемы. И. Паперно отмечает важность приема монтажа для слияния разных образов [21, 497—498]. Во второй главе романа читатель ощущает, как окружающая реальность расцветает образами произведений Пушкина: «Навстречу шла Каролина Шмидт, девушка сильно нарумяненная, купившая кровать, на которой умер Шонинг. За Грюневальдским лесом курил трубку у своего окна похожий на Симеона Вырина смотритель. Лазоревый сарафан барышни-крестьянки мелькал среди ольховых кустов» [12, 280]. Таким образом Набоков монтирует в одном ряду персонажей ранних и незаконченных произведений Пушкина.

Обсуждая несостоятельность научных трудов Н. Г. Чернышевского, Годунов-Чердынцев обращается к стихотворению Пушкина «Сапожник». Фраза главного героя «Сапожник, заглянувший в мастерскую к Апеллесу, был скверный сапожник» [12, 195], несомненно, является отсылкой к эпиграмме Пушкина на Н. И. Надеждина, написавшего отрицательную рецензию на поэму «Полтава». В эпиграмме Апеллес советует сапожнику «судить не выше сапога».

Данная реминисценция в романе «Дар» ставит под сомнение право Чернышевского судить о Пушкине.

Таким образом, в романе Набокова диалог двух творцов реализуется в перекличке мотивов, в обращениях к фактам биографии и творчества Пушкина, в реминисценциях, в также в игре с пушкинскими образами. Функция этих приемов состоит в том, чтобы придать диалогу дополнительные смыслы, расширить семантическую диалогичность текстов. С подключением пушкинского «культурного кода» созвучные темы и мотивы в творчестве Набокова образуют системное единство. Благодаря им писатель акцентирует место творчества великого поэта в своем мировоззренческой и художественной системе. Для создателя «Дара» Пушкин — эстетический и этический идеал истории русской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Набоков В. В. Стихи / В. В. Набоков // — Режим доступа: https: //m.litlife.club/books/186349 /read?page=31 (дата обращения: 23.12.2025).

2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров; примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров / М. М. Бахтин. — М.: Искусство, 1979. — 423 с.

3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — М.: Худож. литература, 1975. — 504 с.

4. Власов А. С. «Живое присутствие». (К интерпретации образа Пушкина в романе В. Набокова «Дар») / А. С. Власов // Духовно-нравственные основы русской словесности: сб. науч. трудов. — Кострома: Костромской государственный университет, 2024. — С. 110—120.

5. Ганиева З. Ф. А. С. Пушкин в романе В. В. Набокова «Дар» / З. Ф. Ганиева, Ш. А. Мазанаев // Успехи гуманитарных наук. — 2021. — № 5. — С. 228—232.

6. Кеннисон О. Пушкин и Набоков / О. Кеннисон // — Режим доступа: http: // dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/118043 (дата обращения: 23.12.2025).

7. Монье А. В. Набоков в Пушкинском зеркале / А. Монье. — Режим доступа: https://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/mone-nabokov-v-pushkinskom-zerkale.htm (дата обращения: 23.12.2025).

8. Старк В. П. А. С. Пушкин и творчество В. В. Набокова: дис. … д-ра филол. наук в форме науч. доклада: 10.01.01. / В. П. Старк. — Санкт-Петербург, 2000. — 41 с.

9. Фомичев С. А. Пушкинская перспектива / С. А. Фомичев. — М.: Знак, 2007. — 536 с. — (Studia philologica).

10. Черемисина-Харрер И. А. Пушкинский мир в романе Владимира Набокова «Дар» / И. А. Черемисина-Харрер // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2013. — 9 (137). — С. 304—308.

11. Набоков В. В. Пушкин, или Правда и правдоподобие // Набоков В. В. Лекции по русской литературе. — М.: Независимая газета, 1996. — 440 с.

12. Набоков В. В. Собр. соч. русского периода: в 5 т. / В. В. Набоков. — Санкт-Петербург: Симпозиум, 2000. — Т. 4. — 784 с.

13. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. — Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950. — Т 10. — 568 с.

14. Степанова Н. С. Федор Годунов-Чердынцев VS Н. Г. Чернышевский в романе В. В. Набокова «Дар» / Н. С. Степанова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2017. — 4 (28). — С. 8—15.

15. Пиванова Э. В. Гармония художественного текста в метапоэтике В. Набокова / Э. П. Пиванова. — Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2008. — 213 с.

16. Шадурский В. В. Интертекст русской классики в прозе Владимира Набокова / В. В. Шадурский. — Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. — 95 с.

17. Карпов Н. А. Романтические контексты Набокова / Н. А. Карпов. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. — 188 с.

18. Бессонова А. С. «Истина Пушкина» в творческом сознании В. В. Набокова: дисс. … канд. филол. наук: 10.01.01. / А. С. Бессонова. — Коломна, 2003. — 150 с.

19. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. — Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950. — Т. 5. — 624 с.

20. Долинин А. А. Три заметки о романе В. Набокова «Дар» / А. А. Долинин // В. В. Набоков. Pro et contra. — СПб., 1997. — С. 697—740.

21. Паперно И. Как сделан «Дар» Набокова / И. Паперно // В. В. Набоков. Pro et contra. — Санкт-Петербург, 1997. — С. 491—513.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Чжан Хунпин, аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы

E-mail: z17861520732@163.com

Коваленко А. Г., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы

E-mail: ak-taurus@mail.ru

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Zhang Hongping, postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature

E-mail: z17861520732@163.com

Kovalenko A. G., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature

E-mail: ak-taurus@mail.ru

УДК 82—1/-9

О ЖАНРОВОЙ ФОРМЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Е. М. ТИТАРЕНКО

Д. А. Чугунов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 февраля 2026 г.

Аннотация*: в настоящей статье исследуются художественные особенности произведений воронежского писателя Е. М. Титаренко. Показывается, что, взятые в своей совокупности, его книги однозначно выходят за рамки литературы для детей и подростков. Продолжающиеся во времени авторские размышления, перекличка идей и образов в разных произведениях позволяют определить их жанровую форму как единый биографический Текст писателя, доступный к полному пониманию лишь в своей целостности.*
Ключевые слова*: Е. М. Титаренко, янг-эдалт, «Никодимово озеро», «На маленьком кусочке Вселенной», «Минер», «Открытия, войны, странствия адмирал-генералиссимуса и его начальника штаба на воде, на земле и под землей», «Четверо с базарной площади».*

Abstract*: this article examines the artistic features of the works of Voronezh writer E. M. Titarenko. It is shown that, taken together, his books definitely go beyond literature for children and adolescents. The author's ongoing reflections over time, the overlap of ideas and images in different works, make it possible to define their genre form as a single biographical text of the writer, accessible to full understanding only in its entirety.*
Keywords*: E. M. Titarenko, young adult, «Nikodimovo Lake», «On a small piece of the Universe», «The minesweeper», «Discoveries, wars, wanderings of the Admiral Generalissimo and his chief of Staff on water, on land and underground», «Four from the Market Square».*

В био-библиографических заметках, посвященных творчеству и личности воронежского писателя Е. М. Титаренко, легко натолкнуться на расхожее утверждение, которое характеризует его как автора, вынужденно работавшего в области художественной литературы для школьников. Так, например, автор Интернет-канала «plebiscitum: было→стало» замечает: после создания Е. М. Титаренко романа «Огнепоклонница», вызвавшего восторг среди коллег-писателей, «Титаренко заинтересовались в КГБ». Причина заключалась в том, что «главная героиня была прообразом сестры Раисы Горбачевой, тем самым раскрывались детали жизни будущей первой леди СССР». Соответственно, «брат жены компрометировал будущего Генерального секретаря СССР… Друзья посоветовали ему уехать из Москвы. Он перебрался в Воронеж. Романы перестали печатать. Заработать удавалась только на издательстве книг для детей» [1]. Похожая информация содержится и в аннотации к одному из последних прижизненных изданий писателя: «Е. Титаренко принадлежат книги повестей и рассказов для подростков: “Открытия, войны, странствия адмирал-генералиссимуса и его начальника штаба на воде, на земле и под землей”, “Четверо с базарной площади”, “Минер”, “Никодимово озеро”, “По законам войны”, “Изобрети нежность”, “Критическая температура”, “На маленьком кусочке вселенной”» [2, 4]. Журналист И. Боброва, попытавшись восстановить последовательность некоторых событий в жизни Е. М. Титаренко, приводит также интересное суждение сотрудников Центрально-Черноземного книжного издательства о писателе: «Он прославился только как детский автор, а ведь у него осталось много серьезных неопубликованных произведений» [3].

Взятые в совокупности, эти и другие подобные замечания создают картину исключительно трудной, трагичной судьбы человека, наступившего на горло собственной песне и писавшего на протяжении всей жизни в тесных творческих рамках.

Невольно напрашивающаяся антитеза «литература для взрослых» — «литература для детей» при этом не так проста, как кажется на первый взгляд. В первом приближении она подразумевает бóльшую серьезность левой части и меньшую — правой. Авторы для взрослых читателей имеют возможность говорить с читателем о самых серьезных проблемах времени, ставить перед публикой философские вопросы, создавать произведения сложных жанровых форм, а пишущие для детей якобы должны упрощать свой текст, ограничиваться определенным набором тем и проблем. По сути, именно на это и намекают многие:

«В официальной биографии писателя сказано, что “роман Титаренко “Обвал” не увидел света по цензурным соображениям”.

— Это произведение о шахтерах, о ЧП, которые происходили под землей. Такое произведение не могли пропустить в то время, — уверены работники

© Чугунов Д. А., 2026

издательства. — Позже не утвердили и вторую повесть» [3].

Однако так ли это на самом деле? Действительно ли жанровая форма произведений, интуитивно нащупанная Е. М. Титаренко, позволяет отнести их к упомянутой детской литературе, а автора — к числу тех, кто обходил стороной актуальные социальные, общественные вопросы, звучавшие в его эпоху?

Исследованию этого вопроса и будет посвящена данная статья.

Действительно, типичные герои книг Е. М. Титаренко — это школьники в возрасте от тринадцати до семнадцати лет. Генерал-адмиралиссимус Петька и его начальник штаба Никита — пионеры [4, 51]. Генка и Слава из повести «Четверо с базарной площади» учатся в шестом классе [5, 180]. Димка и Ксана, живущие то ли в уральской, то ли сибирской глубинке, — ученики восьмого класса [2, 214]. Сергей, Алена и Лешка из «Никодимова озера» — перешли из девятого класса в десятый [6, 9]. Несколько выбивается из общего ряда лишь ранняя повесть «Минер», в которой безымянный рассказчик — молодой офицер зенитной батареи в дальнем северном гарнизоне, в звании старше лейтенанта и младше майора.

Типичные конфликты этих произведений связаны с так же характерными для «детской» или «подростковой» литературы ситуациями: поиском некоей тайны, приключенческим противоборством с ярко выраженным отрицательным персонажем, переживанием первой любови и т.п. Однако означает ли все это ограниченность художественных поисков автора?

Е. М. Титаренко удалось насытить свой художественный текст множеством характерных подробностей, которые выводят повествование далеко за заданные пределы жанра. Это проявилось уже в блистательной повести «для школьников» с необычным названием — «Открытия, войны, странствия адмирал-генералиссимуса и его начальника штаба на воде, на земле и под землей», увидевшей свет в 1966 г.

В повести присутствует четкая система мировоззренческих координат советского человека. Бабка Алёна, рассказывающая Петьке и Никите легенду о спрятанном кладе, четко расставляет акценты: были «капиталисты, может, богатые, помещики до революции» [4, 45], был в здешних местах «мужик… вольный с испокон веков — белоглинские-то да курдюковские! Ярма особо не взденешь» [4, 46], были белые, красные… Отношение ее к представителям старого, досоветского мира выражено однозначно негативно через поговорку, описывающую местного хозяина жизни, и через его фамилию: «Баре у нас — наподобь Соплякова все: на пузе — шелк, а в пузе — щелк» [4, 46]. Заметим также, что и одна из глав повести носит название — «Белогвардейцы отступают» [4, 174].

Легко найти и другие характерные детали. Все мальчишки — в Белой Глине ли, Курдюковке или Рагозинке — хотят быть похожими на Чапая из известнейшего кинофильма [4, 152]. Петька бранится в адрес Прони и чернобородого уголовника словом «фашист» [4, 218], так же поступает и Никита [4, 250]. Да и вообще, «ведь это счастье — бить фашистов, стать героем», — думает Петька [4, 223]. Майор милиции, раскрывая в финале личность Прони, торжественно заявляет ребятам, что тот, кто перед ними, возможно «последний барин», которого им довелось увидеть [4, 256].

Подобные моменты повествования абсолютно соответствуют воспитательной установке советской литературы. Тем не менее следует обратить внимание на детали не столь яркие, не сразу бросающиеся в глаза, словно замаскированные среди прочих.

Во-первых, автор как бы мимоходом указывает на наметившееся расхождение между книжной и жизненной реальностью, между довольно абстрактными идеологическими сюжетами и обычной правдой жизни. Так, Петьке с Никитой «доподлинно было известно, какой цвет имеет Черное море, как выглядит американский Нью-Йорк с его небоскребами, сколько рубиновых звезд горит на Кремлевских башнях в Москве, а вот каково Верхотурье, где райцентр, или — тем более — Свердловск, где область, — ни тот, ни другой не имели ни малейшего понятия» [4, 6]. Воспитание советского человека, конечно же, подразумевало расстановку глобальных положительных и отрицательных идеологических ориентиров, однако не приводит ли это к некоторому небрежению повседневной жизнью, тихо спрашивает автор.

Во-вторых, такой же скрытый вопрос Е. М. Титаренко адресован практике решения хозяйственных вопросов. В местном сельсовете, как со скрытой иронией замечает автор, «решения всегда принимались единогласно» под руководством председателя Назара Власовича [4, 169]. Казалось бы, что плохого в единстве советских колхозников? Однако требуется едва ли не бунт школьной учительницы Валентины Сергеевны для решения внезапного, но важного вопроса, не входящего в повестку собрания.

В-третьих, о том, что не все ладно и в школьной системе, свидетельствует реплика отца одного из мальчишек. Желая обсудить, что и когда родители «проглядели» в отношении собственных детей, Владькин отец откровенно предлагает: «Надо, Валентина Сергеевна, организовать мальчишек при вас, коли уж *школа в основном отстранилась от этого дела* и коли уж вы берете на себя эту трудную обязанность. Но организовать надо интересно, *чтобы не разучивать одни и те же песни*» (курсив наш. — *Д. Ч.*) [4, 235]. Понимающему читателю было ясно, что речь идет о формализации школьного вос-

питания, о сведении его к набору символических ритуалов, не интересных подрастающему поколению.

Продолжение размышлений о советской школе и о жизни в целом мы находим в повести «На маленьком кусочке вселенной», изданной в 1982 г. И оценки Е. М. Титаренко, сделанные спустя шестнадцать лет, отличаются куда большей резкостью.

Действие повести происходит где-то за сотни километров от Донбасса, близ Урала. Мальчик Димка переезжает сюда с родителями, живет в рабочем поселке Шахты, учится в школе Ермолаевки, где находит друга Валерку и свою первую любовь — Ксану. Время действия — самые трудные послевоенные годы [2, 82], когда «еще не бороздили космос творения рук человеческих и каждый мелькнувший огонек в небе был всего лишь падающей звездой» [2, 103].

Тем не менее, несмотря на все трудности, жизнь людей была пропитана оптимизмом свершений и новостроек, ожиданием того, как изменятся «такие неблагоустроенные эти Шахты», — замечает рассказчик, смотрящий на все вокруг глазами своего героя. И произойдет это, по его мнению, тогда, «когда возведут строители обогатительный комбинат, когда вырастут огромные, на многие сотни машин и механизмов, гаражи, ремонтные мастерские, когда закончатся вскрышные работы на десятке квадратных километров площади, то есть когда экскаваторы снимут верхний слой почвы, чтобы добраться до каменного угля с поверхности, — появятся тогда в Шахтах и большущие магазины, и просторные клубы. Но тогда все станет обыкновенным, как везде» [2, 67—68]. Или: «У нас бу-ду-щее!» — убежденно произносит директор ермолаевской школы, показывая «рукой в сторону горы Долгой» [2, 128—129].

Так проявляет себя узнаваемая смысловая оппозиция «прошлое — будущее», характерная для произведений советской литературы с самого начала ее существования [см., напр., об этом: 7].

Сделаем здесь некоторое отступление. Е. М. Титаренко так же удалось запечатлеть не только идеологическую борьбу за будущее, но и борьбу за прошлое, подразумевающую выстраивание определенной картины исторических событий до 1917 г. В советском общественном сознании наиболее ярко это проявилось, пожалуй, в 1930-е гг. в создании и укреплении героического мифа о деятельности Петра Первого. При этом художественная литература сыграла здесь едва ли не определяющую роль. Так, еще до постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 1934 г. во МХАТе стали играть спектакль по пьесе А. Н. Толстого «На дыбе», посвященной активной преобразовательной деятельности царя. На генеральной репетиции 23 февраля 1930 г. присутствовал И. В. Сталин, который высказал мнение о пока еще недостаточной героизации образа Петра, что было правильно понято как идеологическая установка [см. об этом главу «Петр I в советской патриотической мифологии» в кн.: 8].

Е. М. Титаренко упоминает этот миф уже в повести «Открытия, войны, странствия адмирал-генералиссимуса и его начальника штаба на воде, на земле и под землей». Никита четко разделяет косных, невежественных дворян давней эпохи и энергичного молодого царя, поднявшего страну на дыбы. Показателен диалог между ним и Петькой:

«— Может, он французского языка не знал? — сказал Никита.

— Дворяне — они все знали… — уверил его Петька.

Начальник штаба поклялся, что не все. (*Петр Первый их заставлял учить, а они увиливали*».) (курсив наш. — *Д. Ч.*) [4, 188].

Не удивительно, что герои Е. М. Титаренко искренне убеждены в огромной пользе учения. Мечтая о том, на что можно потратить «двести восемьдесят три сиксиллиона, сто шестьдесят миллиардов, шесть миллионов» рублей (такова, предположительно, будет ценность клада), Петька решает: «Тысячу рублей положите Валентине Сергеевне на книжку, остальные — министру школьного образования — для школ…» [4, 49].

Однако со временем взгляд писателя на воспитание будущих поколений меняется, становясь все более и более трагическим. И здесь автор вновь выходит за привычные рамки подростковой литературы, насыщая свои художественные тексты печальными подробностями реальной школьной жизни.

Так, в повести «Четверо с базарной площади», вышедшей в 1967 г., учительница Эмма Викторовна показательно противопоставлена другу героев — полковнику. Заочный конфликт между ними возникает на почве… вольного чтения книг.

«Вся квартира однорукого полковника была заполнена книгами», — замечает автор. Их было столько, что герои перестали даже ходить в обычную городскую библиотеку. А Слава, «давно решивший стать самым образованным человеком в мире, считал необходимым для себя одолеть всю литературу, что была издана за последние пятнадцать-двадцать веков» [5, 162].

Показав исходную ситуацию (юный герой, тянущийся к знаниям, вставший на путь духовного возрастания), автор знакомит читателя и с ее развитием. Школа не понимает этого порыва, не принимает неизбежного нарушения установленных правил, вызванного энтузиазмом ученика, читающего книги не по программе. Нарушение регламента возрастания и воспитания оказывается недопустимым. Отняв на уроке математики (!) у шестиклассника (!) Славы последний томик «Войны и мира» (которую изучают только в девятом классе), Эмма Викторовна велит ему «прийти в школу с матерью» [5, 163].

Бинарная оппозиция «прошлое — будущее» в этот момент проявляет себя в подчеркнутом противопоставлении учительницы и полковника, владельца домашней библиотеки. Е. М. Титаренко важно показать, что полковник — герой еще времен Гражданской войны, получивший наградную шашку «в отделанных серебром ножнах “от командира Первой конной Буденного”» [5, 163]. Благодаря этому выстраивается логическая цепочка: героическое прошлое, исполненное жизнеутверждающей романтики и надежды на лучшее будущее, постепенно растворяется в безликом настоящем, пресекающем все героические порывы. А ведь порыв Славы, задумавшего прочитать такое количество книг, иначе как героическим назвать нельзя.

Автор подчеркивает свое несогласие с поступком учительницы, вместо разговора по душам выбравшей метод подавления личности ученика. Он заставляет ее отступить. Происходит это после прямого разговора полковника с учительницей. Полковник «приколол на грудь свои боевые ордена, которые всегда прикалывал, изредка выходя на улицу, и пошел в школу. Что он говорил Эмме Викторовне — осталось тайной, но дело о чтении на уроках тем и закончилось» [5, 163].

Следует оценить пока еще деликатность автора, скрывшего за «тайной» разговора серьезную проблему — выхолащивание прежних идеалов будущего, подмену их правилами и инструкциями по построению грядущего общества. При этом важно, что имя персонажа подчеркнуто не названо и даже само слово «полковник» пишется со строчной буквы. Автор типизирует персонажа, делая его представителем героического революционного поколения, тогда как учительница из настоящего, хотя и имеет имя собственное, безоговорочно проигрывает в личностном отношении безымянному герою.

В повести «На маленьком кусочке вселенной» (содержавшей скрытые отсылки к вызвавшему бурные дискуссии фильму Ю. Райзмана «А если это любовь?» (1961) и словно подтверждавшей его правоту) Е. М. Титаренко представляет этот же идейный конфликт в более жесткой форме, одновременно расширяя его, вводя в сюжетную основу. Мы видим столкновение не только Димки и Ксаны с перспективной учительницей Софьей Терентьевной, но и брожение в самой учительской среде. Если в повести «Четверо с базарной площади» Эмма Викторовна была, в сущности, эпизодическим персонажем, то здесь автор во всех красках рисует портрет распространенного типа современного учителя — карьериста, приспособленца, искусно скрывающего свое равнодушие «к тому, чем живет школа» [2, 130].

Перед читателем проходят разные фигуры. Это второй муж Софьи Терентьевны, производивший «впечатление интеллигентного человека, *с будущим*» (курсив наш. — *Д. Ч.*), чьи заметки о педагогическом опыте печатала иногда даже «Учительская газета» [2, 129]. Однако его авторитет держится лишь «на мнимой диссертации» о проблемах преподавания литературы в пятых-седьмых классах сельской школы [2, 130]. Это сама Софья Терентьевна, молодая еще женщина-карьеристка, которая, имея тысячу «обоснованных и проверенных жизнью взглядов на педагогику, на воспитание, на руководство школой» (авторская ирония!), на самом деле заботится лишь о том, чтобы «утвердить себя как можно быстрей, как можно основательнее, *любыми средствами*» (курсив наш. — *Д. Ч.*) [2, 130]. Это и директор школы Антон Сергеевич, ведущий двойную жизнь. В одном обличии он умный человек, понимающий «ложь, ханжество» школьного уклада и признающий это в частных разговорах. В другом же — исполнительный чиновник-приспособленец, добросовестно проводящий в жизнь самые нежизнеспособные установки сверху [2, 128]. По ироничному замечанию автора, «именно это и позволило ему… удержаться в директорской должности на протяжении трех десятилетий» [2, 194]. Если учесть, что Антон Сергеевич стоит на пороге своего шестидесятилетия, то выходит, что свою карьеру приспособленца он начинал в возрасте еще более молодом, нежели Софья Терентьевна!

Показательны образы и других учителей, которых автор опять-таки иронично называет «хорошим преподавательским активом», собранным директором за годы службы [2, 194].

Это, например, молоденькая географичка Валя, у которой «нет никакого собственного мнения, чтобы высказать его» [2, 99]. Однако еще более примечателен образ математика Павла Петровича, «чьи мысли, казалось, от рождения витали в области абстрактных математических связей, и все земное интересовало его лишь тогда, когда затрагивало его буквально, как пенек на дороге, о который можно споткнуться» [2, 97]. По обыкновению, Павел Петрович не участвует в педагогических спорах, поднимающихся в учительской, «сидит, вроде нет его, а сам слушает, делает какие-то выводы… и чаще всего оставляет их при себе» [2, 99].

Здесь следует указать на важную подробность: Павел Петрович — бывший фронтовик, инвалид. Таким образом, он оказывается тем же самым типом человека, что и полковник из повести «Четверо с базарной площади», — активно боровшимся за светлое будущее, проливавшим свою кровь ради страны. Именно он имеет право судить происходящее с моральной точки зрения, что однажды и делает в совершенно убийственной форме. «Бесстыдство — это порядочность, а порядочность отныне — порок», — к этой емкой формулировке сводит Павел Петрович все лукавые умозаключения Софьи Терентьевны [2, 203].

Однако различие между исходом конфликта в рассматриваемых повестях колоссально! Если в произведении 1966 года Е. М. Титаренко позволяет полковнику одержать моральную победу, то в книге, увидевшей свет шестнадцать лет спустя, торжествует безжалостная, бесчеловечная система. И даже авторитет фронтовиков уже не воспринимается как нечто ценное. Оттого так пронзительно звучат строки: «Антон Сергеевич страдальчески поморщился и, удерживая Софью Терентьевну, опять показал растопыренной пятерней что-то вроде: "Не обращайте внимания, Павел Петрович — фронтовик, инвалид, *может быть, немножко с приветом*"» (курсив наш. — *Д. Ч.*) [2, 193].

Если сопоставить два произведения Е. М. Титаренко: раннюю повесть «Минер» и позднюю — «На маленьком кусочке вселенной», то высветится тот неумолимый и трагичный послевоенный путь изменения жизненных ценностей, талантливо схваченный писателем в художественной форме. Отвечая на сложнейшие вопросы общества, фронтовики имели право на свое особенное, часто парадоксальное и не понятное обычному гражданскому человеку мнение. Это было честно высказываемое мнение, и потому к нему прислушивались, как в «Минере» рассказчик прислушивается к Разведчику, когда тот, например, утверждает: «Вы знаете, что такое пацифизм? Знаете… Слава богу: вы не безнадежны. Для меня пацифист — это что-то похожее на баптиста. А знаете ли вы, что можно ненавидеть войну так, как это ни одному пацифисту не по разуму? Только догадываетесь. Нет, нет, вы все за мир и так далее…» [2, 49].

Выдвигать тезис о ненависти к войне мог именно тот человек, который «за последние два года войны… несколько раз побывал в фашистском тылу, участвовал в уничтожении опытного образца немецкого бомбардировщика… а затем шесть месяцев пролежал почти без движения в снегу на скале, буквально в пяти-шести метрах от одного из немецких аэродромов, имея при себе четырехмесячный запас провизии, спальный мешок и рацию» [2, 43]. Такой человек всегда готов был пожертвовать и собственной жизнью уже в мирное время — ради спасения гражданских от наследия войны, как поступил Минер. (Минер, кстати, в чем-то похож на Павла Петровича: он также одинок, по-человечески глубок и даже молчалив.)

Однако моральный авторитет фронтовиков признавался лишь в первые послевоенные годы. Уже к концу пятидесятых годов, как показывает писатель, в обществе, декларативно устремленном в будущее, все чаще стало проявляться иное отношение к воевавшим, продолжавшим говорить о честности, о личностной свободе, о необходимости действием, а не пустыми словами отстаивать идеалы. «Немножко с приветом» (о неудобности фронтовиков, об их неумении показательно фальшивить) — страшная формулировка, особенно из уст директора школы.

Здесь нам представляется уместным упомянуть культурный контекст, в котором выходили в свет произведения Е. М. Титаренко, указав, например, на яркие события в мире литературы и кино в 1970-е гг. Так, в 1976 г. страна смотрела фильм «Ключ без права передачи», в котором исследовались качества, необходимые настоящему педагогу. В 1978 г. появился на экранах фильм «Расписание на послезавтра», в котором уважительное отношение к учащимся было показана как необходимая норма школьной жизни. В 1979 г. в журнале «Юность» опубликовали проблемную повесть Г. Щербаковой «Вам и не снилось» — о праве человека (пусть даже юного) на чувства, по которой в 1980 г. был снят нашумевший фильм. А вот короткая кинокартина Б. Фрумина «Дневник директора школы» (1975), снятая по пьесе А. Гребнева «Рассказ от первого лица. Дневник директора школы», где была сделана попытка анализа школьных педагогических принципов, вызвала неудовольствие высоких чиновников и была положена на полку. Как легко заметить, произведения Е. М. Титаренко не только выглядят на этом фоне актуальными, во многих случаях писатель даже предвосхищает те или иные общественные дискуссии.

Сквозная мысль о фальши в повседневной жизни звучит не только в названных ранее произведениях Е. М. Титаренко. В этот ряд можно поставить и роман «Никодимово озеро» (1973), в котором главным аспектом повествования становится моральный. Все главные действующие лица — и Сергей, и Алёна, и Лёшка — оказываются во власти сомнений, связанных с выбором своего пути в жизни. Ориентиры, предлагаемые им, не выдерживают серьезной проверки. Например, Лешка после краткого пребывания в Ленинграде, в мореходном училище, возвращается домой, чтобы закончить обыкновенную десятилетку. Условия ленинградской жизни «противоречили *свободолюбивой Лёшкиной натуре,* и понять его было можно», — замечает автор (курсив наш. — *Д. Ч.*) [6, 8].

Очень хорошо суть этих сомнений выражена в искреннем признании Алены, сделанном Сергею: «Я, Сережка, никакой не хочу быть: ни сверхправильной, ни сверхособой… — неожиданно тоскливо ответила Алена, словно бы взывая к сочувствию. — И что это все за меня решают… *Я хочу быть просто человеком*… Напридумывали, будто такая я, сякая… А я — ничего особенного. Я даже космонавтом хотела стать только ради вас, потому что вы хотели! А мне все равно — кем… Но *человеком*, Сережка, я буду! Честным человеком!» (курсив наш. — *Д. Ч.*) [6, 96].

Значимость этой фразы чрезвычайно велика. Она вписывает произведение Е. М. Титаренко ни много ни мало в контекст идеологического разговора, в заочной форме состоявшегося между К. Вольф и А. И. Солженицыным и принципиально важного для понимания исканий того времени.

В 1968 г. в ГДР была напечатана повесть К. Вольф «Размышления о Кристе Т.» («Nachdenken über Christa T.»). Главная героиня этого произведения *внутренне* не совпадала с декларируемыми движениями и победами эпохи. «Когда она слышала, как ее вызывают: “Криста Т.!”, она вставала и шла и делала то, чего от нее требовали, но кому она могла признаться, что ей надо долго вслушиваться, чтобы понять: “Это меня в самом деле вызывают? Или просто произнесли мое имя? Присчитав его к другим именам, сложив и поставив между ними знак равенства? И я могла с таким же успехом быть в другом месте и никто не заметил бы моего отсутствия?” Она видела, как люди начинают ускользать, оставляя вместо себя пустую оболочку…», — вспоминает рассказчица [9, 70]. (Заметим, что именно такой пустой оболочкой для учителей оказываются школьники в повести «На маленьком кусочке вселенной».) Именно поэтому Криста Т. отказывается играть по заданным в обществе правилам. Она (как и Алена в повести Е. М. Титаренко!) отказывается быть великим космонавтом, ученым, геологом — кем угодно, выбирая для себя куда более важную роль и стремясь сохранить в себе нечто более важное по сравнению с культивируемыми образцами для подражания. Криста Т. хочет быть *человеком*.

Точно так же и рассказчик Солженицына в рассказе «Матренин двор» (1963), в начале скрывавший цель своего повествования, в конце его замечает: рассказанная им история — это вопрос об умении видеть и понимать главное в жизни.

Дословное совпадение авторских позиций К. Вольф и Е. М. Титаренко (быть *человеком*) свидетельствует о том, что оба писателя обратили внимание на болевую точку социалистического общества второй половины XX века. При этом советский автор сделал это независимо от своей немецкой коллеги, так как русский перевод повести К. Вольф вышел лишь в 1979 г.

Более того, в их произведениях обнаруживается и еще одна перекличка. Героиня К. Вольф в одном месте фактически пересказывает евангельский тезис о важнейшей составляющей жизни: «Чего не хватает миру, чтобы достичь совершенства? Прежде всего и уже давно — совершенной любви» [9, 74]. Е. М. Титаренко по понятным причинам не мог цитировать Евангелие, даже в скрытой форме, однако сам конфликт в его повести «На маленьком кусочке вселенной» построен, в том числе, и на принятии или отрицании *любви к частному человеку*.

Анализ подобных внутренних перекличек и художественных связей между различными книгами Е. М. Титаренко можно продолжать и далее. Однако даже сделанные в настоящей статье наблюдения за развитием его художественной мысли позволяют сделать два важных вывода.

Во-первых, относить его книги к обычной литературе для детей было бы глубоко ошибочным. Е. М. Титаренко пошел по пути, проложенному до него такими авторами, как П. А. Бляхин («Красные дьволята», 1922), А. Гайдар («Тимур и его команда», 1940), В. Каверин («Два капитана», 1936—1944) и другими, когда читателю предлагается уйти от начального «детского» сюжета в сторону «взрослых» размышлений о жизни, обществе и отдельном человеке. Некоторые исследователи в последнее время даже не относят подобные произведения к детской литературе, а используют модный термин *янг-эдалт* (англ. Young adult fiction), мотивируя это тем, что эти книги интересно читать и взрослым, так как проблематика их, соотнесенная с историко-культурным контекстом, достаточно широка [см., напр.: 10]. На наш взгляд, применять термин к произведениям Е. М. Титаренко все-таки не представляется полностью оправданным, однако существенное приближение к этому жанру имеет место.

Во-вторых, — и это главное! — произведения Е. М. Титаренко принципиально образуют единый смысловой поток. Лишь воспринимаемые в своей совокупности, они открывают настоящую глубину авторских исканий и размышлений. Взятые поодиночке, они действительно напоминают произведения для детей и подростков. Если же читатель улавливает образные, смысловые, художественные переклички между ними, если он замечает развитие первоначальных идей и образов (чему способствует сознательная типизация персонажей и обстоятельств), тогда в его сознании возникает единый Текст, посвященный серьезным социальным и духовным проблемам советского общества. Этому способствует и характерная типизация повествования. В отдельных повестях, разумеется, угадываются страницы алтайской, воронежской, донбасской, столичной жизни писателя, опыт его личного общения с представителями города и деревни, с интеллигенцией и рабочим классом, с военными моряками и гражданскими лицами, но все его персонажи принципиально сводимы к характерным человеческим типам послевоенной советской действительности, которых легко было встретить в любом месте. Именно поэтому не стоит искать в текстах точных указаний на место действия и в некоторых случаях даже имен собственных. Важно другое: по точному выражению А. Старухина, «бежишь глазами по его строчкам — и они заставляют тебя трепетно соображать, громоздят в голове сложные вопросительные барьеры, порой даже и не мыслью излагаемого, а соединением этой мысли с личной, на редкость уязвимой, ущербной, если хотите, изувеченной судьбой писателя» [11].

Более того, этот единый Текст, являющийся настоящим художественным документом эпохи, позволяет разрешить загадку самой творческой биографии

Е. М. Титаренко. Фактически повесть «На маленьком кусочке вселенной» оказалась последним опубликованным произведением писателя. Другие неопубликованные рукописи писатель, по свидетельству очевидцев, уничтожил. Чем было вызвано это решение, это сознательное творческое молчание?

Обратимся вновь к биографическому контексту творчества Е. М. Титаренко и зададим себе два «неудобных» вопроса. Если публикация произведений этого писателя настолько сильно зависела от вмешательства в его судьбу партийной власти, то почему они не выходили в свет после ухода Горбачева из политики, хотя автора в писательской среде считали талантливым? И если автор надломился, тяжело заболел, едва ли не потерял собственную личность, оказавшись в психиатрической лечебнице, то почему директор Центрально-Черноземного книжного издательства, случайно пообщавшийся с Е. М. Титаренко, засвидетельствовал такую важную деталь их общения: «Я протянул ему сигарету, он поблагодарил, — рассказал Николай Сапелкин. — Я удивился осмысленности взгляда Евгения Максимовича. Он не похож на человека с органическим поражением мозга» [12]?

А вот другое свидетельство, принадлежащее Ю. М. Кургузову, тогда директору Воронежского дома литераторов. Когда в середине 1990-х гг. переиздали первую книгу Е. М. Титаренко про «адмирал-генералиссимуса, несколько экземпляров передали автору в лечебницу: «Я спрашивал потом у врачей, какова же была реакция Титаренко? — вспоминает Кургузов. — Сказали, что он взял книгу в руки, долго сидел с нею, гладил, на глазах у него выступили слезы… Все это трогательно, щемяще грустно… Это была последняя книга, вышедшая при его жизни…» [цит. по: 13, 187].

Чтобы ответить на них, как раз и следует внимательно взглянуть на единый Текст писателя, впитавший в себя не только биографию всей страны, но и факты его биографии, его собственные переживания. Абсолютно верно заметил В. Е. Новохатский, лично знавший Е. М. Титаренко: «О чем бы человек ни писал, он пишет, прежде всего, о себе» [13, 185].

В начале этого Текста, в повести «Открытия, войны, странствия адмирал-генералиссимуса и его начальника штаба на воде, на земле и под землей», все главные персонажи исполнены жизненного оптимизма. Не случайно во время общей военно-патриотической игры один из них ликующе горланит: «Служу Советскому Союзу!» [4, 269].

А в завершающем произведении Текста, в конце повести «На маленьком кусочке вселенной», автор, описывая переживания своего героя, метафорически замечает: «Какая-то жестокая сила убрала с Димкиного лица радость» [2, 246]. В этом смысле абсолютно точна формулировка Е. Г. Новичихина — «талант, сломанный временем» [14, 68].

Думается, это и есть объяснение. Единый Текст Е. М. Титаренко завершился вместе с самой эпохой. И после начала «перестройки», потери прежних идеалов, после развала Советского Союза продолжать его в новой стране было невозможно. Радости творчества уже не было.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евгений Титаренко — писатель и брат Раисы Максимовны: о чем писал и почему стал помехой для Михаила Горбачева // plebiscitum: было→стало:2021. — 12 августа. — Режим доступа: https://dzen.ru/a/YRVeThCQWWcqAhjD (дата обращения: 30.12.2025).

2. Титаренко Е. М. На маленьком кусочке вселенной / Е. М. Титаренко. — Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1985. — 351 с.

3. Боброва И. Брат Раисы Горбачевой: «Я всегда всем мешал» // Московский комсомолец. — 2006. — 31 октября. — Режим доступа: HTTPS://WWW.MK.RU/EDITIONS/DAILY/ARTICLE/2006/10/31/175848-BRAT-RAISYI-GORBACHEVOY-YA-VSEGDA-VSEM—MESHAL.HTML (дата обращения: 09.01.2026).

4. Титаренко Е. М. Открытия, войны, странствия адмирал-генералиссимуса и его начальника штаба на воде, на земле и под землей / Е. М. Титаренко. — Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1988. — 271 с.

5. Титаренко Е. М. Четверо с базарной площади / Е. М. Титаренко. — Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1983. — 318 с.

6. Титаренко Е. М. Никодимово озеро / Е. М. Титаренко. — Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1974. — 280.

7. Осьмухина О. Ю. Особенности романа перевоспитания в отечественной литературе 1920 — начала 1930-х гг. / О. Ю. Осьмухина, Е. П. Овсянникова // Новый филологический вестник. — 2025. — № 3 (74). — С. 214—225.

8. Резников К. Ю. Мифы и факты русской истории. От лихолетья Смуты до империи Петра I / К. Ю. Резников. — М.: Вече, 2017. — 560 с.

9. Вольф К. Избранное / К. Вольф. — М.: Художественная литература, 1980. — 552 с.

10. Киця Т. А. Янг-эдалт в России / Т. А. Киця // Большая российская энциклопедия. — 2023. — 23 февраля. — Режим доступа: https://bigenc.ru/c/iang-edalt-v-rossii-e89808 (дата обращения: 30.12.2025).

11. Старухин А. Августейший узник Орловки, или На маленьком кусочке вселенной / А. Старухин // Дети Ра. — 2008. — № 4. — Режим доступа: https://magazines.gorky.media/ra/2008/4/avgustejshij-uznik-orlovki-ili-na-malenkom-kusochke-vselennoj.html?ysclid=mk8svg8zb6633799117 (дата обращения: 10.01.2026).

12. Брат Раисы Горбачевой зря провел 30 лет в воронежской психиатрической клинике? // Мое-онлайн. — 2017. — 28 августа. — Режим доступа: https://moe-online.ru/news/health/368548?ysclid=mk9unwezx3142575289?utm_source=copypast (дата обращения: 30.12.2025).

13. Новохатский В. Е. В «гнезде кукушки» на краю своей вселенной: трагическая история писателя Евгения

Титаренко / В. Е. Новохатский // Подъем. — 2018. — № 7. — С. 183—189.

14. Новичихин Е. Талант, сломанный временем // Былого лики и черты воспоминания, очерки и путевые заметки, публицистика. — Воронеж, 2012. — С. 68—72.

Воронежский государственный университет

Чугунов Д. А., доктор филологических наук, профессор кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы

E-mail: dr-chugunov@yandex.ru

Voronezh State University

Chugunov D. A., Doctor of Philology, Professor of the Department of History and Typology of Russian and Foreign Literature

E-mail: dr-chugunov@yandex.ru

УДК 811.161.1

ДВЕ ГРАФИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ: ПРИВЛЕЧЕНИЕ ВНИМАНИЯ К СООБЩЕНИЮ

А. С. Щербак

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 3 сентября 2025 г.

Аннотация*: целью данного исследования является рассмотрение особенностей сочетания кириллического и латинского алфавитов как показатель кирилло-латиницы на материале смешанных эргонимов, отражающих переход графем от одного алфавита к другому, что служит источником смыслообразования эргонимов-сообщений, в которых латинские вкрапления выполняют роль графического акцента. Источниками для исследования послужили тамбовские эргонимы.*
Ключевые слова*: ономастическое пространство города, заимствование, кириллица, латиница, переход алфавита, иностранная графема, смешанные эргонимы, эргоним как сообщение.*

Abstract*: the purpose of this study is to consider the features of the combination of the Cyrillic and Latin alphabets as an indicator of the Cyrillic-Latin alphabet based on the material of mixed ergonyms, reflecting the transition of graphemes from one alphabet to another, which serves as a source of meaning for ergonyms-messages in which Latin inclusions act as a graphic accent. The sources for the study were Tambov ergonyms.*
Keywords*: onomastic space of the city, borrowing, Cyrillic, Latin, transition of the alphabet, foreign grapheme, mixed ergonyms, ergonym as a message.*

«Время писать по-русски» особенно ощущается в наши дни, когда за пределами России происходят заметные внешние события по отношению к русскому языку, когда в нашей стране усиленно стал прививаться русский дух через кириллическую (русскую) букву, чтобы по кирпичику складывать образ России.

Озабоченность Правительства Российской Федерации в отношении языковых норм в русском языке совершенно очевидна: утвержден список нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка (распоряжение Правительства РФ от 30 апреля 2025 года); принят закон о защите русского языка от чрезмерного использования заимствований в публичном пространстве, который вступит в силу с 1 марта 2026 года; подписан указ об утверждении Основ государственной языковой политики РФ (11 июля 2025 года). С февраля 2025 года разрабатывается новый российский стиль с опорой на традиционные ценности и лингвокультурный код России с отказом от чрезмерного использования заимствований в публичном пространстве.

Традиционно под термином «заимствование» понимается заимствованное слово в словарном составе принимающего языка и «процесс перехода элементов одного языка в другой» [1, 158]. К элементам чужого языка относится слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п., а также вкрапления отдельно взятых букв, перенесенных из одного языка в другой, например, когда буква «Л» транслитерируется как латинская «L», а буква «В» транслитерируется как латинская буква «V».

Отмеченный термин «эргоним» в словаре русской ономастической терминологии Н. В. Подольской [2, 151] служит для обозначения разнообразных объектов городского пространства, к числу которых относятся названия магазинов, коммерческих предприятий, заведений общественного питания и других сфер обслуживания населения, которые особенно подвержены «ономастической игре, что становится частью модного речевого поведения» [3, 36].

Анализ 250 действующих на сегодня эргонимов города Тамбова, собранных методом наблюдения (фиксация вывесок на центральных улицах города в 2023—2025 гг., извлечение из рекламных текстов и интернет-ресурсов), показал, что в эргонимическом пространстве отражается процесс двуалфавитных образований, который стал характерной чертой эргонимов, демонстрирующих открытость для заимствований. В эргонимах отражается устойчивая тенденция к сочетанию кириллической и латинской графики и словотворчество номинатора, например, пекарни, буфет-пекарни, кафе, ресторан под названием «БУLКИ».

В настоящее время единичная замена кириллической буквы на латинскую является одной из востребованной в номинации эргонимов, в различных рекламных текстах, поскольку «чужая» буква на фоне родных букв для адресата не затрудняет прочтение слова в целом, «чужая» буква имеет экс-

© Щербак А. С., 2026

прессивную окраску и тем самым привлекает внимание адресата.

Так называемые смешанные образования, или гибридные образования, содержат в пределах одной лексемы графемы разных языковых систем Ср.: «TopGовля», (наименование предприятия, указывающего вид деятельности, связанный с продажей товаров), «Coffee» (кофе-бар), «Эгоist» (магазин мужской одежды).

Особенность такого написания состоит в том, что фонетически слово остается русским, но запись латиницей придает ему «модный» и «современный» облик, предлагает новые возможности для прочтения еще неявных смыслов слов, которые возникли в ходе языковой игры, например: «Пирожникофф» (тамбовский бренд кондитерских изделий) или «Мир Zвука» (магазин аудио- и видеотехники).

Так, оригинальное написание слова ЧELOVEK, которое предлагает М. Эпштейн, вниманию посетителей сетевого проекта «Дар слова»[1], представляет графику сплетения латиницы и кириллицы. М. Эпштейн усматривает новое прочтение в слове «velovek» английского «lave» — любовь. Ученый приводит строки Александра Блока: «только влюбленный имеет право на звание человека».

Между тем слово «человек» является, согласно этимологическим словарям, общеславянским по происхождению. Оно имеет производные слова *человеколюбие, человечность, человечный*, *человечество* и ряд других, появление которых стало возможным лишь благодаря существованию слова «человек» в русском языке.

Следует обратить внимание на следующий факт: если в языке не появляется новых слов, созданных посредством его собственных ресурсов, то язык погибает, а его пространство захватывают другие языки, которые переносят в него свой алфавит.

Эргонимы, в которых присутствует буквенное смешение, вряд ли когда-нибудь будут иметь производные слова. Слово «velovek» не способно иметь производные слова в русском языке.

Однако аргументом в пользу корректности написания, когда используются и кириллица, и латиница, можно считать тот факт, что западные славяне используют алфавит, основанный на латинице, а в некоторых балканских странах кириллица и латиница существуют параллельно.

Как известно, идею латинизации алфавита пытались использовать большевики, которые провозгласили, что кириллическая графика является идеологически чуждой новому строю. Латинизация рассматривалась как способ упростить письменность, сделать ее более доступной для изучения [4, 8—28].

В наши дни смешение латиницы и кириллицы стало активно использоваться для стилизации и выделения эргонимов, отдельных слов в интернет-культуре, рекламных текстах, дизайне и мемах.

Проблема смешения графических систем в эргонимах рассматривается в работах, освещающих употребление городских эргонимов в речи с определенной креативностью [5—8]. Так, казанский эргоним «Сушилар» (Суши-бар) образован присоединением тюркского аффикса -ЛАР (показателя множественного числа) к несклоняемому в русском языке слову «суши», которое имеет отношение и к японскому и китайскому языкам. В татарский язык слово пришло из русского языка.

Из сказанного следует, что название «Сушилар» сохраняет в себе элементы всех четырех языков [9, 178], отражая нестандартное номинативное решение для сообщения информации о назначении заведения, в котором посетителям предлагается традиционное восточное блюдо.

Эргонимы представляют собой значимый пласт в ономастическом пространстве города и несут в себе информацию о предприятиях, заведениях, организациях, которые осуществляют деятельность в различных сферах общества, таких как социальная, экономическая, культурная и др.

В широком понимании эргонимы можно считать сообщением. Этому суждению способствует следующий фактор — эргонимы несут информацию, передаваемую от номинатора (адресанта) к получателю (адресату) с целью что-то сообщить, донести смысл или вызвать реакцию.

Эргонимическое сообщение — это то, что сообщается эргонимом, это информация, известие, сведения, заложенные в семантике названия. Речь идет о том, что эргонимы сообщают что-то об учреждении, заведении, торговой точке и т.п., например их специализацию. Ср. тамбовские эргонимы:

«Доктор Proffi» → медицинское учреждение (<немецкое, в значении «профессионал»);

«ZOOмагазин» → продукты и товары для животных (<греческое, в значении «живое существо», отношение к животному миру);

EuroMix» → качественные товары бренда, стиль бренда (<английское «Euro» часто используется в брендах для ассоциации с Европой), элемент «Mix» указывает на высшую степень. Название «EuroMix» означает «европейская смесь» или «смесь европейского качества», что подчеркивает идею продукта, созданного с применением европейских стандартов и технологий. Это слово обычно используется в брендинге для создания впечатления надежности, стандарта высокого качества европейского уровня.

«Pro Образ» → салон красоты высокой профессиональной направленности, на что указывает префикс «Pro» (<латинское, несет значение движения вперед, продвижения).

[1] Эпштейн М. Дар слова. Сетевой проект. http //subscribe.ru/catalog/linguistics.lexicon

Название может привлекать внимание, вызывать ассоциации, мотивировать к определенному действию, скажем, зайти внутрь, например:

«Re Форма» → фитнес-центр, где можно привести себя в хорошую физическую форму, заняться спортом, на что указывает элемент «Re» (<латинское, несет значение «снова», «заново» или «повторно», т.е. идею обновления).

Приведенные выше визуально выделенные иноязычные элементы в эргониме позволяют адресату дважды его прочитать, поскольку элемент латиницы являет собой самостоятельное слово и наряду с русским словом закрепляет в сознании человека ту или иную информацию.

Следовательно, эргоним — это короткое сообщение, которое передает определенную информацию и влияет на восприятие человека. В этом случае эргоним как сообщение может быть стратегическим элементом маркетинга, то есть коммуникации.

Анализ тамбовских эргонимов показал, что две графические системы (кириллица + латиница) в смешанных (гибридных) формах составляют около 41% среди эргонимов, которые полностью состоят из латинских графем (около 18%) типа название ресторана «Klondike» (от испанского «позолоченный»). Слово «клондайк» в переносном смысле» для тамбовчанина эквивалентно слову «Эльдорадо» в значении «источник неистощимых богатств».

Эльдорадо — это мифическая страна в Южной Америке, богатая золотом и драгоценными камнями, о которой ходили легенды еще с XVI века. Слово Эльдорадо служит тем тамбовским названием, которое связано с языковым оформлением окружающей среды, прежде всего, с городским культурно-языковым ландшафтом. Трудно не согласиться с тем, что лицо города в значительной степени сегодня формируют кафе под названием «Эльдорадо», песчаный пляж «Эльдорадо», дачный поселок Эльдорадо, остров Эльдорадо — историческая зона отдыха на реке Цне, на левом берегу которой расположен город Тамбов.

Принятый закон о защите русского языка от чрезмерного использования заимствований в публичном пространстве будет запрещать использование иностранных слов при наличии аналогов в русском языке в таких сферах, как реклама, вывески, информационные таблички, делопроизводство, деятельность государственных и муниципальных органов, а также в СМИ. Исключение сделано для слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке. Перечень таких слов будет закреплен в нормативных словарях, утверждаемых правительством на основании предложений Правительственной комиссии по русскому языку.

Однако вопрос, насколько необходим, да и необходим ли русским словам выход из одного (кириллического) алфавитного пространства в другое (латинское) отдельными графемами, остается открытым, поскольку речь в законе идет только о запрете иностранных слов, т.е. полных заимствованиях.

Думается, что этот закон не коснется эргонимов, содержащих иноязычный словообразовательный элемент или только одну графему. Уже освоенные русским языком, смешанные эргонимы будут фиксировать с помощью буквенных элементов чужого языка семантику названия, выполняя функцию знака престижности, элемента языковой игры и креативного самовыражения. Особенность использования современных эргонимов с элементами латиницы состоит в том, что такие эргонимы маркируют интернациональные понятия, воспринимаемые как «застывшие» языковые единицы.

Однако какие бы внешние преобразования ни происходили в обществе, необходимо помнить, что вопрос перехода от одного алфавита к другому является культурно-лингвистическим. В этом видится актуальная проблема экологии языка, связанная с сохранением целостного облика кириллического написания русского слова, а вместе с тем и русского национального духа.

На сегодня существует ряд причин активного внедрения элементов латиницы в эргонимию, обусловленных общероссийскими тенденциями, к числу которых относятся следующие.

1. Маркетинговая привлекательность: маркетинговые стратегии ориентированы на молодежную среду; латиница воспринимается как модная и современная; в бизнесе и рекламе доминирует английский язык, алфавит которого создан на основе латиницы.

2. Глобализация и культурное влияние: ассоциации с современностью, техногенностью, креативностью и модой; привычка молодежи пользоваться латиницей в Интернете и соцсетях.

3. Коммерческие причины: латиница делает названия универсальными, понятными не только местным жителям, но и туристам; для некоторых сфер (ресторана, кафе, бара) использование элементов латиницы в названиях помогает выделиться среди конкурентов.

4. Визуальная составляющая: современные дизайнерские шрифты ориентированы именно на латинский алфавит, буквы латиницы более «графичны»; сочетание двух алфавитов усиливает выразительность эргонима.

5. «*Мнимый престиж» и символика латиницы*: использование латиницы создает ощущение дистанцированности от «обыденности» и причастности к «европейскости».

6. Локальные особенности: попытка городских предпринимателей интегрироваться в более широкие культурные и экономические процессы, выходящие за рамки региона.

Таким образом, в ономастическом пространстве города Тамбова преобладают именно смешанные формы эргонимов, за которыми может «скрываться» равнодушие к сохранению ценности и консервативности русского слова.

Учитывая особенности современной языковой ситуации, следует обратить внимание на повышение сферы речевой ответственности за употребление эргонимов, которые являются полными заимствованиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия. — 1990.
2. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — М.: Наука, 1988. — 102 с.
3. Врублевская О. В. Языковая мода в русской ономастике: автореф. дис. …д-ра фил. наук / О. В. Врублевская. — Волгоград, 2017. — 40 с.
4. Алпатов В. М. Русская латиница М. Ф. Яковлева / В. М. Алпатов // Научный диалог. — 2015. — № 3 (39).
5. Овсянникова К. В. Особенности номинации предприятий общественного питания: на примере коммерческих названий г. Воронежа и г. Москвы: дис. … канд. фил. наук / К. В. Овсянникова. — Воронеж, 2016. — 217 с.
6. Голомидова М. В. Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы / М. В. Голомидова // Вопросы ономастики. — 2018. — Т. 15. — № 3. — С. 36—61.
7. Новичихина М. Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации: автореф. дис. … д-ра фил. наук / М. Е. Новичихина. — Воронеж, 2004. — 36 с.
8. Крюкова И. В. Речевой портрет субъекта искусственной ономастической номинации / И. В. Крюкова // Человек в коммуникации: мотивы, стратегии и тактики: коллективная монография. — Волгоград: Перемена, 2010. — С. 155—166.
9. Салимова Д. А. Фактор лингвокреативности в формулировке эргонимов современной Казани / Д. А. Салимова // Ономастика Поволжья: мат-лы XXII Междунар. научн. конф. / ред. кол.: Н. И. Данилина, В. И. Супрун. — Саратов: Сарат. гос. мед. ун-т, 2024. — С. 275—280.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Щербак А. С., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы

E-mail: ant_scherbak@mail.ru

Tambov State University named after G. R. Derzhavina

Shcherbak A. S., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language, Russian and Foreign Literature

E-mail: ant_scherbak@mail.ru

УДК 070.15

ОБРАЗЫ РОССИИ И КИТАЯ В ПУБЛИЧНЫХ СФЕРАХ ДВУХ СТРАН В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ МЕДИАСОТРУДНИЧЕСТВА

А. Айзиер

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Поступила в редакцию 14 февраля 2025 г.

Аннотация: *В работе проблема взаимных образов России и Китая и их репрезентации в публичных сферах, начиная с XVII века до современности впервые рассматривается в контексте истории развития медиасотрудничества России и Китая. Рассматриваются исторические этапы формирования взаимовосприятия и роль СМИ в развитии отношений.*
Ключевые слова: *взаимные образы, Россия, Китай, российско-китайские отношения, медиасотрудничество, СМИ, историческая перспектива, культурный обмен, экономические связи, информационные платформы, БРИКС, медиа практики.*

Abstract: *This article examines for the first time the problem of mutual images of Russia and China and their representation in the public sphere, from the 17th century to the present day, within the context of the historical development of media cooperation between Russia and China. The article examines the historical stages in the formation of mutual perceptions and the role of the media in the development of these relations.*
Key words*: mutual images, Russia, China, Russian-Chinese relations, media cooperation, mass media, historical perspective, cultural exchange, economic relations, information platforms, BRICS, media practices.*

История совместных взаимоотношений России и Китая насчитывает более 400 лет, при этом до начала советской эпохи трудно, конечно, говорить о каком-то полноценном сотрудничестве в медийной сфере. Ранние примитивные формы первых газет в России, замкнутость на китайской проблематике и официальной хронике старинных газет Китая, слабое развитие технологий, отсутствие надёжных, постоянно действующих коммуникаций делали невозможным полноценное взаимодействие журналистик двух стран, находившихся ещё к тому же в зачаточном состоянии.

Однако взаимное узнавание, налаживание связей, особенно торговых, а потом и политических — происходило между странами всё это время. Говоря о сфере журналистской или пражурналистской, на всех этапах до 1917 г., скорее можно сосредоточиться на вопросах создания взаимных образов России и Китая в прессе и в работах публицистов двух стран и последовательной эволюции этих образов с течением времени, нежели о полноценном медийном сотрудничестве, которое начнётся только после создания государств СССР и КНР в XX веке.

Тема исследования образов Китая и России, создаваемых в текстах публицистики в ранние исторические периоды возникновения и формирования отношений между двумя этими странами — сама по себе ещё довольно нова, и только осваивается исследователями. Один из крупнейших российских специалистов в этой сфере А. В. Лукин, в своём труде, названном «Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках», и изданном в 2007 году, замечает: «Несмотря на важное значение российско-китайских отношений и наличие многочисленных работ, посвященных этой теме, всеобъемлющее исследование российского образа Китая и его влияния на внешнюю политику России еще не проводилось» [1,15].

Учёный считает: «Взаимное восприятие играет особенно важную роль в отношениях между соседями, связанными долгой и непростой историей отношений. К таким странам, безусловно, принадлежат Россия и Китай» [1, 14]. С этим выводом вполне соотносится и та проблематика, которую мы вынесли как основную в заглавие этой статьи: конечно, медиасотрудничество между Китаем и Россией (а ранее Советским Союзом) строилось на основе тех образов двух стран, которые создавали публицисты в своих сочинениях ещё в прошлые эпохи, и которые потом закреплялись в сознании политических и общественных лидеров двух стран. Поэтому важно и нам, хотя бы кратко и обзорно проследить эволюцию этих образов, имевших медийную природу (хотя самого термина масс-медиа тогда и не существовало).

Перед этим ещё приведём мнение ещё одного учёного, на этот раз представителя китайской науки Ду Вэймина «Принимая во внимание фрагментацию современного мира, изучение взаимных представлений является жизненно важным шагом к формули-

© Айзиер А., 2026

рованию более всеобъемлющей и последовательной ценностной ориентации, разделяемой различными культурами. Хотя развитие новых политических и административных структур, способных примирить различные интересы, — цель труднодостижимая, ее предпосылкой является стремление заинтересованных сторон понимать и ценить радикально различные мировоззрения» [2, 87].

Совместная история России и Китая начинается с XVII века (именно в этот период государства впервые стали соседями), что совпало с глобальными процессами роста грамотности, расширения международных контактов и распространения книгопечатания. Эти явления привели к формированию и первых газет, которые сыграли определённую роль в создании представлений народов двух стран друг о друге. Первая русская печатная газета «Ведомости» появилась в XVIII веке, однако образ Китая в российском сознании начал формироваться ещё раньше.

В конце XVII—XVIII вв. начался первый этап становления российско-китайских связей, который можно охарактеризовать как период накопления знаний. Российская экспансия в Забайкалье и на Дальний Восток, включая присоединение территорий до реки Амур и побережья Тихого океана, способствовала развитию отношений с Китаем. Информация о Китае в это время основывалась на описаниях иностранных путешественников, таких как Николай Спафарий, который оставил записки о поездке в Китай [3].

Образ Китая в России XVII века был стереотипным и упрощённым — страна воспринималась как загадочная и экзотическая. В то время как информация о России в Китае была ограниченной. В китайских документах, например, в «Пиндин лоча фанлюэ» («Стратегические планы усмирения русских»), русские изображались как воинственные и решительные люди с особенностями в поведении, отличными от китайских норм. Также в каталогах рисунков и карт династии Цин фиксировались представления о русских, акцентируя внимание на их привычках и образе жизни.

Конец XVIII — начало XX века стало вторым этапом развития взаимовосприятия. Период был отмечен усилением торговых отношений, особенно после Кяхтинского договора 1727 г., который открыл русским купцам доступ на китайский рынок и способствовал активизации двусторонней торговли. Появление таких работ, как исследования Российской духовной миссии в Пекине, а также публикаций в журналах и газетах, углубило понимание Китая в России. Китай всё чаще упоминался в русской литературе, становясь объектом рассуждений о дихотомии Восток-Запад. Его одновременно изображали как страну мудрецов и философов, просветительский идеал, и как пример общества, погрязшего в стагнации.

И всё же, памятуя о главной ракурсе, которому посвящена настоящая статья — медиасотрудничестве — следует отметить, в процессе формирования образа Китая в России, на протяжении XVIII—XIX вв. именно китайские источники играли слабую роль. Основными источниками сведений о Китае для русских явились труды европейских мыслителей. То есть как такового «медийного сотрудничества» в современном понимании между Россией и Китаем тогда практически не существовало, либо оно было на весьма зачаточном уровне. Сошлёмся на выводы А. Лукина: «Несмотря на доступность первичной информации и свидетельства российских очевидцев и специалистов о Китае, в XVIII в. европейское влияние все же преобладало. Европоцентризм настолько укоренился в России, что и правительство, и общество в целом зачастую игнорировали свидетельства из первых рук и гораздо больше интересовались тем, что говорили про Китай французские философы и писатели. Именно с Запада, особенно из Франции, а не из самого Китая пришла в Россию мода подражать китайскому стилю, хотя много модных вещей привозили из Китая русские купцы, которые после заключения в 1689 г. Нерчинского договора получили возможность ездить в Китай с казенными торговыми караванами» [1, 54].

Российские публицисты и мыслители XIX века, такие как П. Я. Чаадаев, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, часто в негативном ключе оценивали азиатские модели управления и культуры, противопоставляя их европейскому пути прогресса. Одновременно Китай ассоциировался с изысканной культурой, что отразилось в переводах китайских литературных и философских произведений. В Китае же формирование представлений о России было связано с ввозом пушнины, что создавало стереотипы о северной стране с обилием лесов и диких животных. Большую роль сыграли переводы русской литературы, которые открыли китайской интеллигенции такие имена, как Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев. Эти произведения распространяли идеи гуманизма и нравственного поиска, что вызывало большой интерес среди образованных слоёв китайского общества [4].

Именно переводы традиционных китайских текстов, как художественных, так и текстов законодательств, (примеры которых мы фиксируем в России ещё с XVIII в.) могут считаться, если говорить об этом языком современной терминологии — первыми актами медиасотрудничества. С российской стороны главными акторами такой деятельности делались учёные, китаеведы. Среди ранних российских переводов, упомянем перевод официальной истории династии Цин, вышедший в России ещё в 1757 г. в 16 томах. По поручению сената, переводом занимались русские китаисты И. Россохин и А. Леонтьев. Позже, уже по заданию Императрицы Екатерины II

был осуществлён перевод цинского уголовного кодекса, а также трёхтомный сборник законов этой династии. В XVIII в., замечают исследователи [1, 54] по переводам китайских сочинений Россия сильно опережала другие страны Европы.

Третий этап развития российско-китайских отношений охватывает период с середины 1920-х до начала 1990-х гг. и связан с советским периодом. Именно с этого времени можно говорить и о полноценном медийном (либо в терминах того времени — газетном; журналистском) сотрудничестве. Формирование взаимных образов Китая и России происходило теперь в общем контексте выстраиваемого в эту эпоху не только политического, но и, как уже было сказано выше — медийного или журналистского взаимодействия.

С приходом к власти Коммунистической партии Китая и образованием КНР началась новая эра сотрудничества, основанная на идеологических общностях. Однако в 1960—1970-е гг. отношения осложнились из-за пограничных конфликтов и разногласий в подходах к социализму. Это отразилось в СМИ, которые выполняли пропагандистскую роль.

Советская пресса, включая такие издания, как «Правда» и «Известия», освещала как положительные моменты, так и напряженность в отношениях с Китаем. Например, ещё в 1920-е гг. «Известия» публиковали материалы о положении китайских рабочих, а после войны — репортажи о социалистических преобразованиях в Китае. Газета «Правда» также освещала культурную жизнь Китая в рамках рубрики «В странах народной демократии».

Китайская пресса, в том числе официальный орган КПК «Жэньминь жибао», сыграла значительную роль в формировании образа СССР, выпустив специальное приложение о советской журналистике в 1950 году. Также Китайско-российское информационное агентство под руководством Г. Н. Войтинского предоставляло репортажи о жизни в Советском Союзе для шанхайских изданий, таких как «Миньго жибао» и «Шэньбао». Уже в этот период медиасотрудничество двух стран начинает быть нацелено не только на взаимное узнавание. Общность политических платформ двух государств приводило к солидарным компаниям в прессе Советского Союза и Китая по борьбе с общими врагами.

Несмотря на ухудшение отношений в 1960—1970-е гг., в первой половине XX века Китай воспринимался в России как страна с глубокой философской и культурной традицией, а китайская литература активно осмысляла советскую реальность. Соответственно, СМИ сыграли важную роль в формировании взаимных представлений, отражая как моменты сотрудничества, так и идеологические конфликты.

Четвёртый этап российско-китайских отношений начинается с 1990-х гг. и продолжается до сих пор, характеризуясь активным сотрудничеством в политической, экономической и гуманитарной сферах. Современные СМИ освещают партнёрские отношения двух стран в рамках таких организаций, как ШОС и БРИКС. В России Китай ассоциируется с древними традициями, боевыми искусствами и кулинарией, а в Китае Россия воспринимается как источник классической литературы и важный партнёр.

Важную роль в этом процессе играют ведущие СМИ. ТАСС и «РИА Новости» публикуют материалы о сотрудничестве двух стран, освещая актуальные события. CCTV и агентство «Синьхуа» акцентируют внимание на российско-китайской дружбе и экономических интересах. Газета «Гоцзи шанбао» освещает вопросы торговли и коммерческих связей.

Таким образом, на протяжении истории взаимное восприятие России и Китая развивалось от упрощённых и стереотипных образов до глубокого и многогранного понимания, чему способствовали СМИ, культурные обмены и сотрудничество в различных сферах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках / А. В. Лукин // М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

2. Tu W. Chinese Perceptions of America, in Dragon and Eagle / W. Tu ed. Michel Oksenberg and Robert B. Oxnam // New York: Basic Books, 1973.

3. Бай С. Китайско-российское гуманитарное сотрудничество: состояние, проблемы и перспективы / С. Бай // Власть и управление на Востоке России, 2022. — № 3(100). — С. 52.

4. Башкатова А. Китай заразит российскую экономику кризисом // Независимая газета. — Электронный ресурс. — Режим доступа: [http://www.ng.ru/economics/2019—02—28/2_7521_ china.html]. — Дата обращения: 03.11.2024.

5. Жуков А. В., Жукова А. А., Образы Китая в сознании русских Байкальского региона / А. В. Жуков, А. А. Жукова // Политология. Религиоведение, 2014. — № 8. — С. 47.

6. Feng Y., Media's Agenda setting and China's National Image / Y. Feng // AAU, 2013. — p. 7—13.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Айзиер А., аспирант Института социально-философских наук и массовых коммуникаций по специальности «Медиакоммуникации и журналистика».

E-mail: aykbayer96@bk.ru

Kazan (Volga Region) Federal University

Aizier A., postgraduate student at the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, specializing in Media Communications and Journalism.

E-mail: aykbayer96@bk.ru

УДК 004.8:338.48

ДИПФЕЙК КАК ИНСТРУМЕНТ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕКЛАМНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

О. Н. Аксенова

Воронежский государственный университет

Е. В. Швец

Воронежский государственный технический университет

Поступила в редакцию 2 сентября 2025 г.

Аннотация: *в статье рассматривается влияние такого инструмента, как дипфейк, на цифровые трансфомации рекламных технологий в современном обществе. Анализируется его потенциал для создания уникального контента, индивидуализации рекламных сообщений и снижения затрат на видеопроизводство. Особое внимание уделяется этическим и юридическим вопросам, а также угрозам мошенничества и дезинформации.*
Ключевые слова: *дипфейк, цифровой аватар, контент, рекламные технологии, цифровые платформы, гиперперсонализация, нейросеть, мультиязычная адаптация, нейроинтерфейсы.*

Abstract: *the article examines the impact of such a tool as deepfake on the digital transformation of advertising technologies in modern society. Its potential for creating unique content, individualizing advertising messages and reducing video production costs is analyzed. Particular attention is paid to ethical and legal issues, as well as the threats of fraud and disinformation.*
Keywords: *deepfake, digital avatar, content, advertising technologies, digital platforms, hyperpersonalization, neural network, multilingual adaptation, neural interfaces.*

Постановка проблемы. Одной из наиболее обсуждаемых и перспективных технологий последних лет стал дипфейк. Если изначально он ассоциировался преимущественно с рисками, связанными с подделкой личностей и распространением фейковой информации, то сегодня дипфейк все чаще рассматривается как мощный инструмент для креативных решений в различных сферах, в том числе и в рекламе.

Прогресс в развитии самообучающихся программ на базе искусственного интеллекта несет в себе повышенную эффективность влияния рекламы на общество. В условиях высокой конкуренции на рынке и необходимости постоянного поиска новых форм коммуникации с потребителем применение дипфейков открывает перед рекламой новые креативные возможности. Однако вместе с ростом популярности дипфейков увеличиваются и риски, связанные с распространением недостоверной информации, манипуляциями и мошенничеством. Это подчеркивает важность комплексного изучения этических, правовых и технологических аспектов, а также креативных практик использования дипфейков в рекламе.

Существует неопределенность в трактовке термина «дипфейк» как в научной, так и в юридической областях (в российском праве нет официального определения этого термина). В связи с этим некоторые исследователи предлагают следующее определение: «дипфейк» (англ. *deepfake*) состоит из двух понятий: «глубинное обучение» (англ. *deep learning*) и «подделка» (англ. *fake*). Таким образом, понятие дипфейка можно определить как метод синтеза цифровой информации (контента), основанный на искусственном интеллекте, в котором реалистично созданный контент является поддельным (фейковым)» [1].

В этом определении термин «дипфейк» сузился только до создания изображений, однако с технической точки зрения дипфейки могут проявляться в различных формах. Тем не менее для всех форм дипфейка «следует говорить о генерации цифрового продукта, причем не «основанном на искусственном интеллекте», а созданном при помощи конкретных нейросетевых технологий» [2].

Примеры применения дипфейков в рекламе. В настоящее время дипфейки с актерами и знаменитостями воспринимаются как нечто креативное, что помогает видео «вируситься» и делает рекламу эффективнее.

Но проблема в том, что дипфейки используются не только в легальной рекламе. Все чаще встречаются случаи, когда их незаконно создают в рекламных целях. Ситуация усугубляется тем, что технологии становятся доступнее, а дипфейки — популярнее. Быстрое развитие цифровых технологий и искус-

© Аксенова О. Н., Швец Е. В., 2026

ственного интеллекта выявляет новые риски для всех, кто участвует в создании рекламного контента.

Чем больше используется искусственный интеллект, включая дипфейки, тем больше возникает споров, связанных с этими технологиями. Одна из главных причин — непонятно, кому принадлежат права на произведения, созданные с помощью нейросетей.

Технология дипфейков помогает справиться с недостатком подходящих визуальных материалов. Данный метод уже активно используется в кино и имеет возможности для широкого применения в рекламных видео. Он может стать важнейшей частью эмоционального маркетинга для компаний. С помощью такого видеоконтента у бренда будет возможность использовать силу эмоций в своих интересах, создать крепкие связи с аудиторией, повысить уровень конверсии и укрепить лояльность. Креативные решения упрощают процесс съемки и реализуют даже самые оригинальные идеи. Они позволяют использовать образы известных актеров и спортсменов, как ушедших из жизни, так и завершивших карьеру или не способных участвовать в съемочном процессе по состоянию здоровья. Чаще всего права на образ передаются наследниками знаменитости, что позволяет сократить репутационные риски, однако реакция аудитории остается неоднозначной. Приведем лишь некоторые примеры использования дипфейк-технологий в рекламе.

В 2021 г. Ziraat Bank снял ролик с образом ушедшего из жизни актера Камала Сунала [3], воссозданным с помощью актера Мехмета Курта и технологии дипфейка [4]. Данный проект вызвал неоднозначные отклики в турецком интернете.

В 2020 г. «Сбер» использовал дипфейк Леонида Куравлева для создания образа Жоржа Милославского из фильма «Иван Васильевич меняет профессию». Это решение вызвало критику и стало поводом для множества мемов.

В 2021 г. компания «Мегафон» запустила рекламную кампанию с цифровым аватаром Брюса Уиллиса, гонорар за использование дипфейка мог составлять $1—2 млн.

В 2022 г. сеть «Пятёрочка» сэкономила 20—60% бюджета, создав дипфейк актрисы Ольги Медынич для рекламы линии сыров Liebendorf. Охват в 23,5 млн. пользователей вдвое превысил запланированные цели [5].

Использование архивных кадров и дипфейка знаменитого футболиста Лионеля Месси в рекламе Mastercard также показало эффективность подобной технологии.

Однако незаконное использование дипфейков известных лиц (Том Хэнкс, Скарлетт Йоханссон, Киану Ривз) привели к судебным спорам и штрафам.

Анализ примеров применения дипфейк-технологий в рекламе позволил нам выделить три основных типа креативных подходов:

1. Ревитализация исторических персонажей создает ностальгический контент, что усиливает эмоциональную связь с аудиторией.

2. Персонализация материалов. Алгоритмы позволяют генерировать различные версии роликов с учетом языка и внешности представителей бренда.

3. Экономия ресурсов. Уменьшаются затраты на создание роликов, так как один и тот же видеоролик можно адаптировать для социальных сетей, телевидения и наружной рекламы без необходимости повторной съемки.

Технологии дипфейков меняют креативные стратегии компаний, объединяя технические возможности с эмоциональным вовлечением. Однако их использование требует соблюдения баланса между новаторством и этическими нормами.

Дипфейк как инструмент цифровых афер. Становясь все более простыми и доступными, технологии дипфейков вызывают интерес у мошенников. Зачастую их применяют в рекламе ресурсов, связанных с криптовалютным мошенничеством. Для того чтобы привлечь внимание к подобным сайтам или каналам, используют ролики с участием различных медийных личностей, политиков, бизнесменов и спортсменов. «Ролики, которые генерируют с помощью наиболее ходовых инструментов, как платных, так и бесплатных, имеют заметные дефекты, очевидна неестественная мимика. Видео ориентированы на англоязычную аудиторию и размещаются на международных площадках, прежде всего в социальных сетях и на видеохостингах. На глобальном рынке охват выше, как и потенциальные заработки. Есть и группировки, специализирующиеся на русскоязычной аудитории, в конце 2024 г. их было как минимум пять, по данным компании F6. Также мошенники применяют дипфейк-ролики для того, чтобы заманить потенциальных жертв на фишинговые сайты» [6].

«В 2025 году стоит ожидать лавинообразного роста атак с использованием дипфейков. По прогнозам VisionLabs (подразделение МТС), численность пострадавших в России может составить 30 млн. человек уже в нынешнем году» [6].

Технические средства защиты от дипфейков уже существуют, но их действенность недостаточна для уверенной диагностики. Эффективность уменьшилась с развитием инструментов, доступных злоумышленникам. Применение систем маркировки контента, созданного с помощью ИИ, и изменения в популярных нейросетевых технологиях вряд ли помогут решить проблему. Злоумышленники не станут использовать общедоступные инструменты или найдут способы обойти встроенные системы безопасности. Необходимо повышать осведомленность у широкой аудитории, особенно среди наиболее уязвимых групп: детей, подростков, пожилых людей. Эту задачу могут взять на себя государственные структуры, бизнес, общественные организации и средства массовой информации.

В первом квартале 2025 г. по всему миру наблюдался настораживающий рост случаев мошенничества с использованием дипфейков, чему способствовали достижения в технологиях искусственного интеллекта. Наиболее часто мишенью выступают знаменитости и публичные лица (41% случаев), однако участились случаи, когда жертвами дипфейков становятся обычные граждане. В каждом третьем случае в дипфейках комбинируются видео, фотографии и аудио. Общие убытки от мошенничества с дипфейками в первом квартале превысили 200 млн. долларов. Эти сведения представлены в отчете *Q12025 Deepfake Incident Report*, подготовленном компанией Resemble AI на основе 163 зафиксированных инцидентов с дипфейками [7].

«То, что мы видим сейчас, это, по большому счету, только начало. Достоверность дипфейков будет расти, в том числе по мере накопления так называемых библиотек данных, — отмечает руководитель отдела внедрения и технического сопровождения компании «Призма-С» Антон Киселев. — Весь видео-, фото- и аудиоконтент, которые люди сами создают, загружают в соцсети и мессенджеры, служит базой для обучения нейросетей и генерации дипфейков. Сейчас в видеодипфейках еще можно заметить неестественную мимику или «пластмассовую» медлительность в движениях, но в будущем эти недостатки исчезнут. Развитие технологий вооружает и мошенников тоже, к сожалению» [8].

Технология дипфейков переживает экспоненциальный рост, становясь ключевым инструментом цифровой трансформации рекламных технологий.

Технологическая эволюция дипфейков. Современные генеративные модели, такие как GAN (Generative Adversarial Networks) и диффузионные архитектуры (Stable Diffusion, DALL-E 3), стали основой для создания высокодетализированного видеоконтента. Например, сервис DeepBrain AI использует гибридный подход, комбинируя нейросети для генерации 4K-видео с точной синхронизацией губ в реальном времени. Технология Wav2Lip, упомянутая в научных исследованиях, использует многокадровый анализ и предварительно обученные дискриминаторы для удаления артефактов, достигая 90% точности синхронизации даже в сложных условиях. Мультимодальная интеграция осуществляется с помощью комбинации моделей NLP (например, ChatGPT) и компьютерного зрения.

Сейчас технологии позволяют создавать сценарии, которые зависят от того, что происходит вокруг: аватары могут через камеру считывать эмоции пользователей и менять свою интонацию и мимику в зависимости от настроения. Такие технологии уже внедряют компании вроде DeepBrain и HeyGen: их аватары поддерживают больше 80 языков и даже умеют автоматически менять акценты.

Чат-боты с цифровыми двойниками уже работают в службах поддержки: они распознают речь и видео клиентов и дают персональные ответы. Вот несколько примеров:

— DeepBrain AI превращает текст в видео с очень естественной артикуляцией: губы аватара двигаются так, будто он реально говорит.

— HeyGen подстраивает контент под разные регионы: меняет язык, жесты и даже манеру поведения аватара.

— Synthesia использует AI auto-sync для корпоративного обучения: цифровые ведущие сами подстраиваются под изменения в сценарии, без лишней работы редакторов.

В целом мы уходим от статичных видео к адаптивным форматам, где каждый элемент создается динамично на основе разных данных.

Такие технологии меняют всю финансовую модель рекламы: с одной стороны, затраты снижаются, с другой — открываются новые возможности для заработка. Например, с помощью замены лиц и голосов можно адаптировать рекламу сразу для более 30 стран всего за пару дней, используя многоязычных аватаров. При этом контент легко подстраивается под разные платформы — вертикальные видео, квадратные форматы и так далее.

Еще появляется возможность обновлять видео без участия актеров. Чтобы поменять цену или слоган, необходимо просто изменить фразы цифрового двойника, и все готово.

Появилась и гиперперсонализация: бренды теперь могут менять оттенок кожи моделей, чтобы лучше подходить под этнический состав аудитории, и даже обращаться к клиентам по имени.

Кроме того, благодаря автоматизации и отказу от съемок в студии расходы значительно падают. Один ролик с цифровым персонажем может заменить сразу 10—15 локализованных версий, экономя бюджет на дубляж. А время производства сокращается с недель до двух-трех дней.

Тенденции развития технологий дипфейков в рекламе. В ближайшие 5—10 лет дипфейки ждут следующее изменения:

Еще более реалистичные образы — алгоритмы станут настолько совершенными, что синтетические лица и видео будет сложно отличить от настоящих — вплоть до мельчайших деталей, как текстура кожи или отражения в глазах. Можно будет создавать цифровых двойников знаменитостей с их уникальными манерами и поведением.

Мультиязычная адаптация и локализация — видео автоматически будут подстраиваться под язык и культуру зрителей: движения губ, мимика, жесты, даже фон и детали — все будет учитываться и меняться под регион.

Интерактивная реклама — пользователи смогут общаться с цифровыми аватарами в реальном

времени через голос или текст.

Новые бизнес-модели **—** появятся площадки для лицензирования цифровых двойников знаменитостей — своего рода аукционы или NFT-рынки[1] для виртуальных образов.

Оптимизация производства **—** меньше живых актеров — меньше затрат на гонорары, логистику и съемки. Все станет быстрее и дешевле.

Технологические прорывы **—** например, нейроинтерфейсы смогут считывать мысли и превращать их в изображения или видео — уже идут эксперименты с Neuralink.

Этика и закон **—** с развитием технологий ужесточится законодательство по защите персональных данных и цифровых образов. Появятся четкие правила, как и когда можно создавать цифровых двойников, чтобы избежать злоупотреблений — например, фейковых новостей или мошенничества. Возможно, введут уголовную ответственность за «цифровое клонирование», как в настоящее время за незаконный оборот биометрических данных.

Интеграция с метавселенными — **д**ипфейки станут основой для создания персонифицированных аватаров в виртуальных пространствах, где бренды смогут проводить интерактивные ивенты с участием синтетических инфлюенсеров. Это откроет новые каналы для эмоционального вовлечения аудитории.

Персонализация на уровне Big Data — комбинируя дипфейк с анализатором предпочтений пользователя, рекламные системы смогут генерировать контент с внешностью, голосом и стилем коммуникации, максимально приближенными к ожиданиям целевой группы. Например, видеопоздравления от цифровых копий знаменитостей для отдельных клиентов.

К 2026 г., согласно прогнозам Gartner, 10% цифрового контента будет создаваться с использованием нейросетей, причем дипфейки займут значительную долю в рекламном сегменте. Тем не менее расширение этой технологии потребует решения вопросов цифровой идентификации, внедрения технологий водяных знаков для маркировки синтетического контента и разработки международных стандартов для его регулирования. Технология открывает возможности для «гиперперсонализированного» маркетинга, в рамках которого каждый клиент взаимодействует с уникальной версией бренда, создаваемой в режиме реального времени.

[1] NFT-рынок — это цифровая платформа, где создатели могут размещать, а коллекционеры — покупать или торговать уникальными цифровыми активами. Это может быть все что угодно: от картин и фотографий до музыки и игр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поздняк И. Н. Цифровые угрозы в современном мире: технология Deepfake / И. Н. Поздняк. — Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_73623269_90683267.pdf (дата обращения: 06.05.2025).

2. Бодров Н. Ф. Понятие дипфейка (deepfake) в российском праве, его классификация и проблемы правового регулирования / Н. Ф. Бодров. — Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_60030722_91220223.pdf (дата обращения: 06.05.2025).

3. Алиев Э. В. Проблемы использования цифровых технологий в киноиндустрии / Э. В. Алиев // European Journal of Arts. — 2023. — № 1. — С. 33—37.

4. Kemal Sunal Ziraat Bankası reklamı gerçek mi? — Режим доступа: https://www.ensonhaber.com/gundem/kemal-sunal-ziraat-bankasi-reklami-gercek-mi-deepfake-uygulamasi-nedir (дата обращения: 19.05.2025).

5. Как «Пятёрочка» использовала дипфейк в рекламе СТМ: кейс. — Режим доступа: https://www.sostav.ru/publication/pyat-rochka-dipfejk-58592.html22.01.2023 (дата обращения: 19.05.2025).

6. Шпунт Я. Дипфейк-атаки: ждем лавинообразного роста / Я. Шпунт. — Режим доступа: https://www.anti-malware.ru/analytics/Threats_Analysis/Waiting-for-Deepfake-attacks (дата обращения: 19.05.2025).

7. Выручка рынка дипфейков в первом квартале превысила $200 млн. — Режим доступа: https://adpass.ru/ushcherb-ot-moshchennichestva-s-dipfejkami-sostavil-200-mln-dollarov/ (дата обращения: 04.06.2025).

8. В Новосибирске IT-эксперт предупредил о дальнейшем совершенствовании дипфейков. — Режим доступа: https://dzen.ru/a/aAmGjztc7VcIPltM (дата обращения: 04.06.2025).

Воронежский государственный университет

Аксенова О. Н., кандидат исторических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна

E-mail: aksenova.on@mail.ru

Воронежский государственный технический университет

Швец Е. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью

E-mail: shvetsel@mail.ru

Voronezh State University

Aksenova O. N., Candidate of History, Associate Professor of the Department of Public Relations, Advertising and Design

E-mail: aksenova.on@mail.ru

Voronezh State Technical University

Shvets E. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Public Relations

E-mail: shvetsel@mail.ru

УДК 316.77:004.77

«ИНТЕРНЕТ ВСЕГО» КАК НОВАЯ КОММУНИКАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА

Ф. Ф. Ахмедова

Московский государственный институт международных отношений

Поступила в редакцию 6 ноября 2025 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу трансформации коммуникационных процессов под влиянием парадигмы «интернета всего» (Internet of Everything). Выявляются и анализируются ключевые характеристики новой коммуникационной парадигмы: гиперконтекстуальность, преобладание машинно опосредованной коммуникации, стирание границ между физическим и цифровым пространством и автономность коммуникационных актов. В заключительной части статьи систематизируются ключевые вызовы для сферы PR и медиакоммуникаций, порождаемые новой реальностью, включая кризис доверия, проблемы этики данных, управление репутацией в реальном времени и гибридный характер кризисов.*
Ключевые слова: *интернет вещей, интернет всего, коммуникация, цифровизация, цифровые технологии, информация.*

Abstract: *this article examines the transformation of communicative processes under the paradigm of the "Internet of Everything" (IoE). It identifies and analyses the core characteristics of this new communication paradigm, namely: hyper-contextuality, the predominance of machine-mediated communication, the erosion of boundaries between physical and digital spaces, and the autonomy of communicative acts. The concluding section systematizes the principal challenges for public relations and media communications arising from this new reality, including a crisis of trust, data ethics concerns, real-time reputation management, and the emergent hybrid nature of crises.*
Keywords: *Internet of things, Internet of everything, communication, digitalization, digital technology, data.*

Интернет по праву считается одним из величайших достижений человечества, кардинально трансформировавших основы общества и глобальной коммуникации. Возникнув как технологическая инновация, он быстро эволюционировал в фундаментальную среду, открывшую беспрецедентные возможности для общения, доступа к информации и ведения бизнеса. Цифровые технологии, став неотъемлемой частью повседневной жизни, принципиально изменили то, как люди взаимодействуют, получают знания и организуют свою деятельность.

После того как интернет объединил миллиарды людей, а повсеместное распространение смартфонов и их приложений окончательно стерло границы между цифровым и физическим миром, закономерным этапом технологической эволюции стало возникновение так называемого «интернета вещей» (Internet of Things, IoT). Суть данного феномена заключается в наделении обычных физических объектов "способностью" подключения к интернету для сбора и обмена данными [1, 2]. Речь идет не только о смартфонах и компьютерах, но и о бытовых приборах, автомобилях, медицинских устройствах, а также о датчиках, размещаемых на животных, растениях, трубопроводах и других элементах окружающего мира. Наглядной иллюстрацией этого явления служат умные часы, которые из аксессуара для получения оповещений превратились в настоящего медицинского ассистента. Эти гаджеты фиксируют частоту сердечных сокращений, измеряют уровень активности, контролируют фазы сна и, обрабатывая эту информацию, дают пользователю персональные советы по укреплению здоровья. Такого рода интеграция технологий и интернета открывает возможность для принципиально нового уровня анализа.

Эволюция концепции «интернета вещей», создавшей технологическую основу для цифровизации физических объектов, привела к формированию более комплексной парадигмы — «интернета всего» (Internet of Everything, IoE). Если IoT ограничивается преимущественно машинно-машинным взаимодействием (machine to machine, M2M), то IoE знаменует качественный скачок, интегрируя в единую интеллектуальную систему четыре ключевых компонента: людей, процессы, данные и вещи [2, 1]. Фундаментальное отличие данного феномена заключается не просто в увеличении числа подключенных устройств, а в обеспечении их согласованной работы. Этот эффект достигается за счет оптимизированных процессов, направленных на извлечение релевантной информации из данных для поддержки принятия решений. Таким образом, сущностной характеристикой IoE выступает его целостный и междисциплинарный характер, где технологии стано-

© Ахмедова Ф. Ф., 2026

вятся не целью, а инструментом трансформации таких сфер, как городское управление, здравоохранение, образование и пр. Этот феномен знаменует качественный скачок в развитии Глобальной сети, фундаментально трансформирующий ее суть.

Переход от машинно-ориентированного "интернета вещей" к целостной парадигме "интернета всего", где субъекты интегрированы в единую интеллектуальную систему, знаменует собой не просто технологический прогресс, но и фундаментальный сдвиг в самой природе коммуникационных процессов. Если традиционная коммуникация рассматривалась преимущественно как целенаправленное взаимодействие между людьми, то IoE порождает принципиально иную, гибридную среду. В этой среде коммуникация приобретает комплексный, кросс-субъектный и часто неперсонифицированный характер, выходя за рамки человекоцентричной модели и охватывая взаимодействия «человек — машина», «машина — машина» и «машина — данные — процесс — человек».

Фундаментальные изменения, привносимые парадигмой «интернета всего», требуют выявления и анализа ключевых характеристик, определяющих новую природу коммуникационных процессов в этой гибридной среде. Эти характеристики не просто дополняют традиционные модели, но формируют качественно иную коммуникационную логику, сущность которой раскрывается через несколько взаимосвязанных аспектов.

Прежде всего, коммуникация приобретает свойство гиперконтекстуальности, утрачивая универсальный характер. Она возникает, видоизменяется и адаптируется в режиме реального времени в прямой зависимости от непрерывно меняющегося контекста. Так, умные часы, анализируя данные о пульсе пользователя и синхронизируясь с его цифровым календарем, могут инициировать коммуникационный акт, предлагая перенести деловую встречу в связи с повышенным уровнем стресса. В другом случае умный дом при обнаружении приближения владельца не ограничивается автоматическим включением света, а генерирует напоминание о необходимости купить молоко, если встроенный датчик холодильника фиксирует его отсутствие. Так сообщение, от устройства или бренда, интегрируется не в обезличенный медиапоток, а непосредственно в жизненный контекст человека, что делает коммуникацию высокорелевантной и ситуативной.

Другим сущностным признаком новой парадигмы становится преобладание машинно опосредованной коммуникации, где алгоритм выступает не пассивным каналом передачи информации, подобно телевидению или сайту, а активным агентом-посредником. Этот алгоритмический агент берет на себя функции интерпретации, фильтрации, генерации контента и принятия решения об оптимальном моменте и форме его доставки. Подобная трансформация ставит под сомнение традиционное понятие «авторства» сообщения и выдвигает новые требования к коммуникатору, который должен теперь учитывать не только целевую аудиторию, но и логику работы алгоритмов, фактически учась «разговаривать» с ними для обеспечения эффективности коммуникационных стратегий.

Новая парадигма также характеризуется стиранием границ между физическим и цифровым коммуникационным пространством, в результате чего любое физическое действие индивида неизбежно оставляет цифровой след, интегрируемый в последующие коммуникационные процессы. К примеру, обычный поход в магазин может оставить цифровой след. Данные о местоположении покупателя используются для формирования персональных рекламных предложений, которые он получает позже. Таким образом, цифровое сообщение, основанное на физическом действии, напрямую влияет на следующее решение человека что купить, замыкая непрерывный цикл взаимодействия между реальным и виртуальным мирами.

Важнейшей чертой является возрастающая автономность коммуникационных актов, когда значительная часть информационного обмена происходит без прямого человеческого участия по схеме machine-to-machine (M2M). Логистический алгоритм, общаясь со складскими роботами-исполнителями, или умная электросеть, перераспределяющая нагрузку между бытовыми приборами, — все это примеры фоновых, но критически важных коммуникационных потоков. Для коммуникатора это создает уникальный вызов и возможность: хотя данный информационный обмен часто невидим для конечного потребителя, он напрямую формирует его опыт и восприятие бренда, например гарантируя бесперебойность доставки товара или стабильность работы умной домашней инфраструктуры.

Наконец, коммуникация становится все более автономной. Устройства теперь обмениваются данными напрямую, без участия человека. Логистическая программа сама отдает команды устройствам в зависимости от цели. Для специалиста по коммуникациям это означает, что, хотя этот обмен и происходит невидимо для потребителя, он напрямую влияет на его впечатления от бренда (например, обеспечивая быструю доставку или стабильную работу умных устройств).

Формирование новой коммуникационной парадигмы под влиянием «интернета всего», наряду с открывающимися возможностями, порождает и комплекс серьезных вызовов для сферы медиакоммуникаций, требующих кардинального пересмотра устоявшихся подходов.

Одним из наиболее фундаментальных является кризис доверия и прозрачности. В условиях, когда со-

общения генерируются алгоритмами, чья внутренняя логика часто остается непрозрачной, у потребителя закономерно возникает вопрос: можно ли доверять такому сообщению? Персонализированные предложения могут вызывать подозрение в манипуляции. В этой новой реальности ключевой задачей PR-специалиста становится не просто продвижение, а разработка и открытая коммуникация этичных и прозрачных принципов работы алгоритмов, чтобы доказывать их надежность и честность по отношению к пользователю.

Непосредственно с этим связана и острейшая проблема конфиденциальности персональных данных и этики. Грань между уместной релевантностью и навязчивым вторжением в частную жизнь становится чрезвычайно тонкой. В связи с этим роль коммуникатора расширяется: он должен быть не только технически грамотным, но и выступать в роли внутреннего этического адвоката, отстаивая внутри компании принципы минимально необходимого сбора данных и гарантируя подлинно информированное согласие пользователей.

Кроме того, кардинально меняется подход к управлению репутацией, которое должно осуществляться в режиме реального времени. В эпоху IoE репутация бренда формируется не столько через медиа, сколько через совокупный пользовательский опыт взаимодействия с его умными продуктами. Единичный сбой в работе умного замка или утечка данных с фитнес-трекера способны нанести мгновенный и масштабный урон, сопоставимый с крупным медийным скандалом. Следовательно, мониторинг репутации необходимо вести не только в традиционных СМИ, но и в отзывах на площадках приложений, на специализированных форумах и даже через отслеживание показателей стабильности работы самих устройств.

Меняется сама природа кризисов, которые приобретают гибридный характер. Реальностью становятся кибератаки, выводящие из строя умную городскую инфраструктуру, или сбои алгоритмов, приводящие к массовым ошибочным поставкам товаров. Для эффективного противодействия PR-отдел должен быть тесно интегрирован в команды по кибербезопасности и IT-разработке. Только такой комплексный и междисциплинарный подход позволяет обеспечить оперативное и адекватное реагирование на кризисы, стирающие границы между цифровым и физическим миром.

Таким образом, «интернет всего» утверждает себя не просто как технологический тренд, но как новая коммуникационная парадигма, требующая глубокого переосмысления устоявшихся стратегий, инструментов и профессиональных компетенций. Дальнейшее успешное развитие сферы медиакоммуникаций в этих условиях будет напрямую зависеть от способности специалистов адаптироваться к логике гибридной, алгоритмически опосредованной и целостной коммуникационной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Internet of Things. How the Next Evolution of the Internet Is Changing Everything. — Режим доступа: https://www.cisco.com/c/dam/en_us/about/ac79/docs/innov/IoT_IBSG_0411FINAL.pdf (дата обращения: 04.10.2025).

2. The Internet of Everything. Cisco IoE Value Index Study. — Режим доступа: https://www.cisco.com/c/dam/en_us/about/business-insights/docs/ioe-value-index-faq.pdf (дата обращения: 03.10.2025).

Московский государственный институт международных отношений

Ахмедова Ф. Ф., преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью

E-mail: fidan8@bk.ru

Moscow State Institute of International Relations

Akhmedova F. F., Lecturer of the Public Relations and Advertising Department

E-mail: fidan8@bk.ru

УДК 070.49

СВЯЗЬ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ВИЗУАЛИЗАЦИИ СМИ

Е. М. Бебчук, В. В. Тулупов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 января 2026 г.

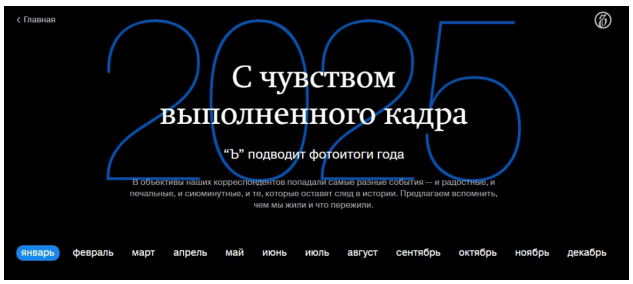
Аннотация: *в статье анализируется связь вербальных и невербальных компонентов в современных медиасообщениях. В качестве примеров рассматриваются номер газеты «Коммерсантъ», все страницы которого с суперрубрикой «2025 Лучшие кадры» отданы под фотографии, а также публикации известного фотожурналиста и исследователя пресс-фотографии А. А. Колосова.*
Ключевые слова*: дизайн, визуализация, фотография, вербальные и невербальные компоненты медиасообщения.*

Abstract: *this article analyzes the relationship between verbal and nonverbal components in modern media messages. Examples include an issue of Kommersant newspaper, whose entire page, under the "2025 Best Shots" section, is devoted to photography, as well as publications by renowned photojournalist and press photography researcher A. A. Kolosov.*
Keywords*: design, visualization, photography, verbal and nonverbal components of media messages.*

Визуализация как общемировая медиатенденция объясняется как внешними, так и внутренними факторами [1—3]: *сущностным*, отражающим специфику массовой коммуникации; *психологическим*, связанным с психологией восприятия массовой информации; *технологическим*, диктуемым изменениями в технике и технологии производства и транслирования массовой информации; *типологическим*, связанным с целями, характером СМИ и особенностями целевой группы воздействия, и *эстетическим*, отражающим доминирующие стили в представлении массовой информации. Не детализируя каждый из факторов, отметим, в частности, что благодаря, например, компьютеризации возросли возможности использования изображения, а также выработки универсального графического языка, используемого при представлении общемирового контента (см., например, газетно-журнальную и интернет-навигацию, где применяются универсальные символы, заставки и знаки, понятные большинству [4; 5, 152—177]); из-за усиления конкуренции на медиарынке еще большее значение придается фирменному дизайну («упаковке») и др.

Так, все двенадцать страниц последнего в 2025 г. номера газеты «Коммерсантъ» были отданы под снимки (один или два на полосе) с подписями, набранными титульными шрифтами. На сайте редакция также разместила 159 работ фотокоров, выполненных с января по декабрь уходящего года [6]. В этом заслуга прежде всего бильдредакторов, которые в течение года формировали архив лучших редакционных фотографий. В связи с этим уместно вспомнить, что профессиональные особенности мышления фотокорреспондентов и литераторов связаны с определенным типом образности: мыслительный тип первых приближается к целостности детского восприятия (единство цвета и контура, буквалистичность метафор и др.); для вторых характерны быстрота оценочных реакций, противопоставление цвета и контура, умозрительность метафор и проч. [7]. Вполне логично предположить, что мышление бильдредактора скорее всего *визуально-словесное,* т.е. объединяющее описанные типы образности.

© Бебчук Е. М., Тулупов В. В., 2026



Класс редактирования прямо влияет на оптимизацию процесса восприятия медиасообщения. Так, профессиональный *бильдредактор* не только и не столько специалист в области фотосъемки, сколько эстетически образованный человек и непременно журналист, понимающий природу прессы, полиграфического дизайна, оценивающий значимость тех или иных фотоизображений, грамотно и нестандартно компонующий, при необходимости кадрирующий их, выявляющий жанровую специфику снимков. То есть бильдредактор, оценивающий одновременно идейную и эстетическую значимость видеоряда, — это знаток поэтики графики и фотографии, обладающий чувством композиции и ритма, умеющий выявлять информативные, иллюстративные и символико-пиктографические функции, а также художественно-публицистическую образность иллюстраций. Компоновкой самых заурядных снимков, расположенных в определенном порядке (монтажный метод), можно добиться эмоционального сюжетного эффекта, как и при умелой верстке различных, но близких по теме фотографий и текста. Если их соседство органично, возникает своеобразный симбиоз от журналистики, когда снимки и текст, взаимообогащая, дополняя друг друга, воспринимаются как единое целое.

Попутно уточним содержание таких важнейших категорий массмедиа, как *визуальная* и *вербальная составляющие медиасообщений*: визуальная составляющая — это все видимые глазу элементы: от изображений до «воздуха», т.е. не только рисунки, фотографии, информационная графика, но также буквы, знаки, украшения, разделительные средства и пробелы; вербальная составляющая — это все виды текста (рубрики, элементы заголовочного комплекса, основной текст, авторская подпись, территориальная ссылка), осознаваемые на уровне *смыслового восприятия информации.* Процесс, включающий понимание связи и соотношения вербальных и невербальных компонентов медиасообщений, протекает для аудитории тем успешнее, чем точнее при этом соотносятся два семиотических ряда, что происходит, если бильдредактор, учитывая тип СМИ, тему, проблему и формат (жанр) медиасообщения, подходя творчески к сочетанию вербальных и невербальных компонентов, стремится добиться публицистического эффекта. Это происходит при условии, что аудитория, проходя такие формы ***внимания,*** как *непроизвольное* или *гипнотическое*, приходит к высшей — *сознательной* — форме, и возникает полноценный контакт, ***понимание*** как результат осмысленного восприятия того или иного сообщения.

В приведенном выше примере иллюстрирования в газете «Коммерсантъ» бильдредакторы каждую фотографию сопроводили заголовком и подписью, расширяющими смысл запечатленного события. Можно предположить, каков был принцип отбора 159 фотографий, выполненных с января по декабрь 2025 г. *Тематико-проблемный аспект* отражен в поясняющем лиде: «В объективы наших корреспондентов попадали самые разные события — и радостные, и печальные, и сиюминутные, и те, которые оставят след в истории. Предлагаем вспомнить, чем мы жили и что пережили». *Публицистический эффект* достигается в результате воздействия текста (в нашем случае — заголовков и кратких подписей) и фотографии с целью информирования и одновременно *эмоционального убеждения* аудитории по отношению к некоему значимому для общества вопросу, ситуации, факту; создания определенного мнения или побуждения к действию. *Эстетический критерий* применен при оценке совокупности содержательных (авторский замысел), художественных и технических элементов (настроение и атмосфера, сюжет, композиция, ракурс, детали и др.) фотографии, а также выразительности (актуальность, экспрессивность и др.) текста.

Рассмотрим также в качестве примера публикации Алексея Колосова[1] в вологодской газете «Красный север», которые являются креолизованными текстами. Автор текста и фотографий, ведущий постоянной рубрики «Фотовзгляд», нередко выступал также в качестве бильдредактора и дизайнера полос.

Герои зарисовки «Зачем поэту чужую боль воспринимать?..» — родник и поэт Анатолий Шамгин, автор гимна Вологды. Перед нами креолизованный текст. В нем рассказывается о деревне Трубаково, в которой остаются пять жителей в четырех домах из 14, хотя «к лету оживают остальные 10, а население увеличивается втрое». Текст сопровождается большим панорамным снимком, показывающим типичную русскую деревню. Три фотографии (4, 5, 6) посвящены роднику и, по классификации

[1] Колосов Алексей Алексеевич (1953—2019) — член Союза журналистов России, член Международной ассоциации журналистов, участник и лауреат всесоюзных, общероссийских и международных фотоконкурсов. Окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета, где преподавал фотодело. Работал в ряде периодических изданий в разных регионах СССР и России (Бишкек, Вологда, Воронеж). Автор главы о жанрах фотожурналистики в учебнике «Техника и технология СМИ: печать, радио, телевидение, Интернет» (СПб, 2006).

М. В. Терских [8, 79—81], отражают ***отношения дублирования***, в нашей классификации — ***поддерживания*** вербального текста: «В живописной низине на границе между лесом и полями есть родник. Воду из него брали еще родители нынешних трубаковских пенсионеров. <…> А сейчас в деревне Трубаково действует летний водопровод, подведенный к каждому дому. За водой на обустроенный Трубаковский родник зимой и летом едут люди не только из окрестных сел, но и из Сямжи. А совсем недавно на улице и у родника появились фонари». И все это благодаря Анатолию Шамгину, который, сложив с себя депутатские полномочия и сменив милицейский китель на гражданский костюм, вернулся из Вологды в Трубаково, где и организовал восстановление родника, «уставшего бороться с временем, илом и сорняками». На снимке Анатолий Алексеевич запечатлен читающим свои стихи, строки из которых вынесены в заголовок.

ФОТОВЗГЛЯД

«Зачем поэту чужую боль воспринимать?..»

Фотографии 1, 2 с подписями «Не пустуют кормушки» и «Свет в окне — жива деревня!» углубляют публицистический эффект (читатель окунается не только в атмосферу «уходящей истории», но и в атмосферу сегодняшних сельских будней) и демонстрируют ***отношения автономности***, при которых иллюстрацию легко можно декодировать, используя минимальный вербальный текст, в данном случае — с помощью подписи под фото. Каждая деталь играет на авторскую идею: показать жизнь современной северной деревни, заботы сельских жителей, включая тех, кто из города возвращается на «милую малую родину»: «До утра в его доме светятся окна — муза приходит к поэтам в любое время, но шлифовать слова поэты предпочитают по ночам. Днем в деревне много работы…»

ФОТОВЗГЛЯД

Рыбак рыбака любит издалека

Иную задачу поставил перед собой автор в публикации «Рыбак рыбака любит издалека». Уже в заголовке — трансформированном фразеологизме — чувствуется особое отношение автора к рыбной ловле. Будучи сам страстным рыболовом, А. Колосов, по сути, поэтически воспел романтику подледного лова, что проявилось и в цветовой — «снежно-иневой» — гамме, и в панорамном пейзаже, и в репортажных снимках, снятых с улыбкой и любовью. Оттолкнувшись от конкретных фактов («В региональной общественной организации охотников и рыболовов зарегистрировано около 9200 человек. И если следовать статистике дальше, то выходит, что на каждого “официального” рыбака или охотника в Вологодской области приходится по две с половиной реки, речки, озера или озерца!»), публицист в небольшом по объему тексте (традиция, идущая от В. М. Пескова, Ю. М. Роста) демонстрирует не только «знание узкой темы», но также мышление краеведа и эколога: «…настоящая рыбалка — это не “крутизна” снастей в твоих руках, не только умение поймать рыбу в любой “луже”, даже если ее там нет, но и трепетное отношение к природе и уважение к себе подобным».

Автор расширяет контент, сообщая, что в Вологде «есть и знаменитые семейные пары рыбацкие, такие, как Валерьян и Светлана Крысановы (фото 2, 4). А вологодские рыболовы-спортсмены не раз привозили домой самые высокие награды со всесоюзных, общероссийских и международных сорев-

нований… Бесспорные лидеры по посещаемости — озера Кубенское, Белое, Воже, Онежское, Рыбинское водохранилище, реки Сухона, Кубена, Суда, Шексна, Вологда, Лежа…» Фотографии 3, 5, 6 демонстрируют качество улова: здесь и обилие выловленной рыбы, и уникальность некоторых пород-эндемиков. Иллюстрации в данном случае по отношению к тексту выполняют функцию ***дополнительности***. Последнее, панорамное фото подтверждает высказанную автором мысль о том, что «на деле же круглогодичной, зимней или летней рыбалкой <…> у нас занимаются десятки тысяч человек. И стар, и мал!»

В публикации «В ладу со временем» А. Колосов представляет человека особой, достаточно редкой, требующей высокой квалификации профессии — реставратора икон Сергея Павловича Белова. «Реставраторы — не фокусники, конечно, а потому к ловкости рук они обязательно добавляют еще и подлинные знания из невероятно широкого, уходящего в глубину веков спектра видов деятельности каменщиков, плотников, столяров, художников, иконописцев», — пишет автор.

ФОТОВЗГЛЯД

В ладу со всеми временами

За этой дверью время и люди взаимодействуют по-особому, часто вопреки обывательским стереотипам о неизбежности разрушительной силы «реки времен». Реставраторы – не фокусники, конечно, а потому к ловкости рук они обязательно добавляют еще и подлинные знания из невероятно широкого, уходящего в глубину веков спектра видов деятельности каменщиков, плотников, столяров, художников, иконописцев…

ЗЕМЛЯКИ

Алексей КОЛОСОВ

Процесс реставрации икон – явление не столько материальное, как может показаться при первичном обследовании «пациента», сколько духовное. Иконы – существа одушевленные, живые. Как все живое, с течением времени они обрастают опытом. «Напоминают», увы, которые становятся их новой историей. Разные итоги – разные истории, разные школы и стили иконописи, разные пристрастия и предпочтения авторов-иконописцев. Добраться до изначального изображения из-под двадцать первого века приходится чаще всего через множественные записи, сделанные в веках предыдущих, а не только через «культурный слой» копоти. На этом пути солгать невозможно, но ошибиться легко. Как людей зачастую старается «сделать лучше» такая не слишком, так «улучшают» из века в век иконы, случается. Из частых побуждений, разумеется. До тех пор, пока не настроит время увидеть повествование первоначальное, истинное. И тогда художник-реставратор отправляется в непростое плавание по реке времени. Как мудрый капитан. Стремясь не навредить…

Художник-реставратор Сергей Павлович Белов. | Фото автора

Художник-реставратор Сергей Павлович Белов кочует из века в век с четырех лесов на первый взгляд набором красок и кистей 43 года. Более 170 икон обращались к нему за помощью, и эта помощь им была оказана. Течет река времени.

– Собираю свои вещички потихоньку… Пора уходить. Нет, какой пенсия?! Буду делать то, что собирался уже много лет, – надо разобрать домашний деятельного века одного из наших земляков… Вот закончим восстанавливать иконы преподобного Александра Куштского. Много утрат было на ней. С апреля прошлого года работаю… говорит он.

…Мы вернулись в сегодняшний день. Середина марта 2019 года. Вологда.

История, кривясь, искусство, художник-реставратор Сергей Павлович Белов возвращается из глубины веков. Чтобы возвращение оказалось человеком, как и все пребывающие путешествия во времени, кто-то и надо, чтобы мастер был в ладу со всеми временами…

Иконам помогает и живопись.

Художник-реставратор нового поколения Михаил Кашоид.

Двери в любые времена.

Целый год были вместе, настало время расставаться.

При этом внимание журналиста сосредоточено на человеческих качествах героя (недаром, помимо суперрубрики «Фотовзгляд», материал дополнен рубрикой «Земляки»): подборка содержит портрет героя, его фигуру в обстановке мастерской, крупный план рук. Фотографии иллюстрируют моменты работы с иконами. Из текста мы узнаем о тонкостях искусства реставрации икон, но главное — о мастере, который «кочует из века в век с нехитрым лишь на первый взгляд набором красок и кистей 43 года. Более 170 икон обращались к нему за помощью, и эта помощь им была оказана». Вербальный компонент расширен фото, на котором изображен художник-реставратор нового поколения Михаил Кашоид. В данном случае имеют место быть ***отношения автономности*** изображения, когда для понимания смысла, заложенного в фото, достаточно короткой подписи.

ФОТОВЗГЛЯД

Вологжане встретили в Софийском соборе Воскресение Христово

В нынешнем году митрополит Вологодский и Кирилловский Игнатий совершил Пасхальное торжественное богослужение в Софийском Успенском кафедральном соборе впервые больше чем за 250 лет.

ПРАЗДНИК

Андрей САЛЬНИКОВ

Чисто репортажная съемка, дополненная информативным и эмоциональным текстом, расширяет границы жанра публикации «Вологжане встретили в Софийском соборе Воскресение Христово», подготовленной А. Колосовым совместно с коллегой журналистом А. Сальниковым. Перед нами — зарисовка о важном для вологжан событии. Сообщается также об истории собора, возведенного по решению царя Иоанна IV Грозного, о современном его состоянии, о событии сегодняшнего дня. Перед нами креолизованный текст, в котором фотографии 1, 3, 5, полностью отражают лид: «В нынешнем году митрополит Вологодский и Кирилловский Игнатий совершил Пасхальное торжественное богослужение в Софийском Успенском кафедральном соборе впервые больше чем за 250 лет». По классификации М. В. Терских, реализуются ***отношения дублирования***. А вот изображения 2 и 4 подтверждены лишь подписями под иллюстрациями, что соответствует ***отношениям автономности***, при которых изображение адекватно интерпретируется без широкого вербального контекста. Фото 6 соответствует тексту: «Песнопения за богослужением исполнял хор кафедрального собора под управлением Анны Бурдиной», тем не менее, на наш взгляд, здесь реализуются **отношения дополнительности** — так в тексте уточняется имя-фамилия руководителя хора.

«Пасхальная ночь завершилась, но торжества в честь праздника праздников продолжаются. Всю Светлую седмицу, первую неделю после Пасхи, Литургии завершаются крестными ходами, а пасхальный призыв “Христос воскресе!” будет звучать в храмах еще сорок дней». Эта информация, как и сообщение о том, что митрополит Игнатий встретил Благодатный огонь из Иерусалима, который традиционно привозят в Москву в Великую субботу, откуда он и прибывает в Вологду, никак не подтверждается визуально. Такой подход способствует работе на воображение читателя.

Автор фотографий Алексей Колосов представил портреты священнослужителей и паствы, обряд причастия и момент песнопения на фоне древних стен собора. Колорит и композиция фотоизображений передают состояние умиротворенности и благоговения, что, видимо, и ставилось в качестве идейно-творческой задачи вологодскими журналистами.

Текст и фотографии, связанные либо событием (***репортажность***), либо проблемой (***аналитизм***), могут представлять собой также разновидность ***эссеистского*** жанра (*размышления, раздумья, полемические заметки* и др.), что расширяет масштаб взгляда публициста на действительность. Взаимообусловленность публикаций в газете порой больше, чем в любом сборнике, хрестоматии или коллективной монографии, особенно когда за рубрикой закреплена конкретная страница. Так в публикациях, подготовленных Алексеем Колосовым, наблюдаются разные типы отношений между изображением и текстом (дублирования, поддерживания, дополнительности, автономности), но благодаря бильдредакторским усилиям они образуют целостное публицистическое произведение, части которого (текст, заголовочный комплекс, фотосерия) объединены предметно, событийно, проблемно или ассоциативно.

В заключение заметим следующее: понимая, что визуализация — это объективный процесс, все же преобладание визуальной составляющей над вербальной в печатных СМИ может негативно сказаться на эффективности и действенности информирования. Кричащая, агрессивная, довлеющая форма ослабляет коммуникацию, а как бы не замечаемая форма, напротив, повышает ее эффективность. Документальная фотография при всей ее конкретности менее точна, чем даже слабая в профессиональном отношении словесная публикация (текст). Ориентация человека лишь на визуальную коммуникацию отчуждает его от словесности, которая способствует целенаправленному и скорейшему формированию общего информационного, эстетического — культурного — кода (что, кстати, облегчает расшифровку и визуального кода как частного случая).

ЛИТЕРАТУРА

1. Колосов А. А. Визуальная коммуникация в печатных СМИ: объективные сложности становления / А. А. Колосов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2007. — № 1. — С. 144—156.

2. Тулупов В. В. Визуализация СМИ как факт и необходимость / В. В. Тулупов // Акценты. Новое в массовой коммуникации. — 2005. — № 7—8. — С. 3—5.

3. Тулупов В. В. Визуализация печатных СМИ: потенциал и угрозы / В. В. Тулупов // Главный редактор. — 2008. — № 4. — С. 46—48.

4. Цветкова А. В. Дизайн журналов в контексте новых художественных практик XX века: автореф. дис. … канд. филол. наук / А. В. Цветкова. — М., 2015.

5. Цветкова А. В. Этапы визуализации журнальной формы в контексте абстрактных художественных течений / А. В. Цветкова // Медиадизайн: история, теория, практика: межвузовский сборник научных статей. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. — С. 152—177.

6. С чувством выполненного кадра. «Ъ» подводит фотоитоги года. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/projects/photo2025#KMO_202517_00008_1hh (дата обращения: 13.01.2026).

7. Пронина Е. Е. Визуальная коммуникация и социокультурная функция фоторепортажа / Е. Е. Пронина, Е. И. Пронин // Вестник МГУ. Сер. X. Журналистика. — 1990. — № 4. — С. 20—28.

8. Терских М. В. Взаимодействие вербального и визуального компонентов в метафоризированных текстах социальной рекламы // М. В. Терских // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2017. — № 3. — С. 76—83.

Воронежский государственный университет

Бебчук Е. М., кандидат филологических наук, доцент кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации

E-mail: bebchuk52@yandex.ru

Тулупов В. В., доктор филологических наук, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и дизайна

E-mail: vlvtul@mail.ru

Voronezh State University

Bebchuk E. M., Candidate of Philology, Associate Professor of the Electronic Mass Media and Communication Department

E-mail: bebchuk52@yandex.ru

Tulupov V. V., Doctor of Philology, Head of the Public Relations, Advertising and Design Department

E-mail: vlvtul@mail.ru

УДК 070.1

ФЕНОМЕН ПОПУЛЯРНОСТИ ЛИЧНЫХ («КОМЬЮНИТИ») СТРИМОВ В КИБЕРСПОРТЕ

И. А. Бодакин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 17 октября 2025 г.

Аннотация*: в статье выявляются причины популярности комьюнити-каста в киберспорте на основании опроса аудитории о просмотре турниров. Определяются причины выбора комьюнити-кастов — это интерес к личности стримера, неформальность подачи контента и более живой чат. Причины выбора официальных студий — профессиональный формат, качественное комментирование и аналитика. Делается вывод о том, что аудитория предпочитает скорее не качество показа матчей, а общение и эмоциональное вовлечение в его контекст.*
Ключевые слова*: стрим, киберспорт, киберспортивные медиа, медиапотребление.*

Abstract*: the article investigates the determinants of the popularity of community streams in esports using a viewer survey focused on tournament watching. It identifies the motives for choosing community streams–interest in the streamer's persona, an informal presentation style, more active chat–and for opting for official broadcasts–professional production, high-quality commentary, and analytical depth. The study concludes that viewers value social interaction and emotional involvement in the viewing context more than the production quality of match coverage.*
Keywords*: stream, esports, eports media, media consumption.*

Введение. В работе исследуется феномен личных («комьюнити») стримов в киберспорте, которые, несмотря на серьезные ограничения из-за медиаправ, обладая меньшими техническими и контентными ресурсами, зачастую выигрывают конкуренцию у официальных профессиональных студий[1]. Например, на турнире The International 2025 по дисциплине Dota2 трансляция Александра Левина (Nix) установила рекорд по пиковому одновременному количеству зрителей (400 тысяч), что примерно в два раза превзошло просмотры официальной студии и стало рекордом для русскоязычного Twitch в целом[2]. В дисциплине Counter-Strike (CS) 2 комьюнити-касты тоже составляют конкуренцию официальным стримам[3].

В последние годы стрим, оказывающий принципиальное влияние на всю растущую индустрию киберспорта [1], активно исследуется как перспективная платформа бизнес-коммуникаций [2], лингвистический феномен [3], новый медиаформат взаимодействия с аудиторией [4]. Авторы делают выводы о интерактивности и обратной связи в киберспортивной медиасфере [5]. Игровой стрим обладает этими особенностями и представляет «полимодальное оформление типических ситуаций социального взаимодействия, объединяющего в себе элементы интерактивного диалога» [6].

Современный стрим — не только развлечение, но и важный социальный феномен, исследователями он называется «инструментом формирования идентичности и социальных связей» в молодежной среде [7]. Шире стрим рассматривается как «новая коммуникативная среда», формирующая «новые типы социальных связей и культурных практик» [6]. Сами стримеры — «лидеры социальных групп», они могут

[1] Ultimate GG: Как эфиры киберспортивных инфлюенсеров опережают официальные трансляции? Dzen.ru. 2023. Июнь, 28. Режим доступа: https://dzen.ru/a/ZJwvjmk_hW80X6pJ (дата обращения 10.07.2025); См.: Победитель рейтинга «30 до 30» в номинации «Новые медиа» Александр «Nix» Левин. Режим доступа: https://30-under-30.forbes.ru/2023/487988-aleksandr-nix-levin (дата обращения: 10.07.2025)

[2] Nix стал самым популярным русскоязычным стримером на Twitch — онлайн выше 400 тысяч в пике [Обновлено] // Escorenews. 2025. Сент., 14. Режим доступа: https://escorenews.com/ru/dota-2/news/71955-nix-stal-samym-populyarnym-russkoyazychnym-strimerom-na-twitch-onlayn-vyshe-400-tysyach-v-pike-obnovleno (дата обращения: 10.07.2025)

[3] Shadowkek обошёл официальную англоязычную трансляцию Perfect World Shanghai Major 2024 по пиковому онлайну // Cybersport.ru. 2024. Дек., 16. Режим доступа: https://www.cybersport.ru/tags/cs2/shadowkek-oboshel-ofitsialnuiu-angloiazychnuiu-transliatsiiu-perfect-world-shanghai-major-2024-po-pikovomu-onlainu (дата обращения: 10.07.2025)

© Бодакин И. А., 2026

«мотивировать интернет-пользователей на социальную активность» [8].

Социальное взаимодействие и взаимодействие в сообществе — мотив просмотра прямых трансляций на Twitch для всех типов зрителей [9]. Аудитория Twitch часто формируют парасоциальные отношения с понравившимся стримером, а стримеры заинтересованы в том, чтобы создать лояльное онлайн-сообщество [10].

В исследовании используется собственное определение стрима: стрим — это онлайн (гипер)медиажанр, предполагающий техническое и содержательное прямое участие аудитории в создании контента в реальном времени.

Методика. Предметом стало потребление трансляций двух крупнейших турниров по наиболее массовым киберспортивным дисциплинам[4] — Dota2 и CS2: The International 2023 (финал состоялся 29 октября 2023 года) и PGL Major Copenhagen 2024 (31 марта 2024, были выбраны наиболее календарно близкие крупные турниры). Фокус на конкретных соревнованиях позволил зафиксировать особенности медиапотребления в привязке к реальным практикам. В последние годы крупные киберспортивные ивенты проходят либо полностью онлайн, либо за пределами России, а целевая аудитория функционирует преимущественно в онлайн-среде, поэтому поиск респондентов и сам опрос осуществлялись через Интернет с учётом ограничений такого метода.

Исследование опирается на данные онлайн-опроса, реализованного с помощью Google Forms. Сбор анкет проходил в течение недели после завершения матчей каждого из турниров. Опрос проводился на тематических онлайн-площадках «ВКонтакте», в Telegram и на Twitch — в том числе в новостных пабликах (DOTA2 HS), профильных чатах («Чат CS2 NEWS» в Telegram) и на каналах стримеров (iltw1 на Twitch). Подбор ресурсов осуществлялся по их популярности и с учетом того, чтобы площадка не осуществляла прямой трансляции выбранных турниров. Итого получено 330 анкет с ответами на 19 вопросов (187 по Dota2 и 143 по CS2, вопросы одинаковы для обеих дисциплин). Вопросы касались выбора каналов для просмотра турниров и причин этого выбора, возраста респондентов, устройств и площадок просмотра, а также практик медиапотребления, таких как просмотр стрима «фоном» и в записи. Анализировались как ответы на вопросы, так и корреляция предпочтений в выборе типа стрима с остальными практиками медиапотребления.

Киберспортивный стриминг: контекст. Для понимания киберспортивного стрима важно учитывать особенность медиаправ в данной индустрии. Организаторы турниров продают права официальной профессиональной студии (она одна для каждого языка вещания), которая получает уникальные права на показ матчей и контента вокруг игр: зрителей на стадионе, эмоций и интервью игроков.

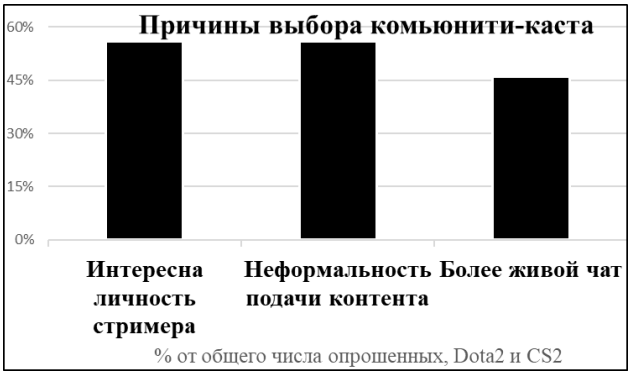
Однако транслировать сами матчи без дополнительного контента могут все желающие стримеры, которые в данном исследовании и называются комьюнити или личные (их может быть неограниченное количество). Организаторы для соблюдения медиаправ накладывают на такие эфиры ограничения, зависящие от конкретного турнира: стримеры должны вести трансляцию с задержкой в несколько минут, не могут организовывать профессиональную съемку в формате студии, должны соблюдать ограничения по рекламе. Это дает официальным студиям ощутимые преимущества.

Чат — встроенный элемент трансляции, который обеспечивает текстовое общение стримера и аудитории. Он есть на всех изучаемых платформах и составляет важнейшую часть стрима как жанра. Под «дополнительными функциями» понимаются форматы взаимодействия зрителя и стрима вне рамок аудиовизуального эфира и прямого текстового общения зрителей: ставки на результаты матчей за условные баллы, чат-бот, голосования в чате.

Зрители личных каналов и официальных студий: различия. Личные каналы отдельных стримеров или комьюнити-касты во время просмотра турниров предпочитают 77% зрителей Dota2 и 46% CS2.

Три главных причины выбора личных стримов: интерес к личности стримера (69% в Dota2 и 39% в CS2), неформальность подачи контента (69% в Dota2 и 39% в CS2), «более живой чат» (53% в Dota2 и 38% в CS2). Рейтинг причин полностью совпал в обеих дисциплинах.

Рисунок 1.

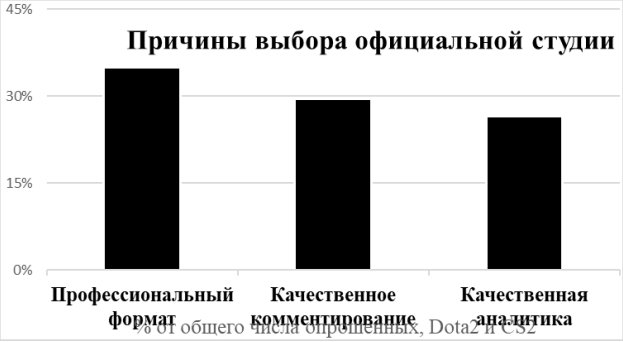


Причины выбора официальных студий: «более профессиональный формат» (34% в Dota2 и 37% CS2), который предполагает освещение без задержки, мата, респонденты отмечали важность дополнительного контента со стадионов, чего нет на личных каналах. Также респонденты указывали как причину более качественное комментирование (27% и 41%)

[4] Аудитория киберспорта в России — исследование Mediascope. Mediascope.net. 2022. Авг., 17. Режим доступа: https://mediascope.net/news/1492649/ (дата обращения: 10.07.2025)

и более качественную аналитику на стримах официальных студий (15% и 42%). Рейтинги причин для обеих дисциплин полностью совпал, что позволяет говорить об общей тенденции.

Рисунок 2.



И пишут в чат, и читают его более активно аудитория на личных стримах. Причина «более живой и интересный чат» для выбора официальных студий стала самой непопулярной из шести предложенных в обеих играх: 4% в Dota2 и 22% в CS2. Среди тех, кто предпочитает смотреть турниры на официальных каналах студий, «часто писали в чат» менее 5% в Dota2 и 12% в CS2. Среди тех, кто предпочитает личные стримы, «часто писали в чат» 12% и 21% соответственно. Не читали чат те, кто предпочитает официальные студии, 44% в Dota2 и 34% в CS2. Не читали чат те, кто предпочитает личные стримы, 21% в обоих играх.

Зрители, предпочитающие личные стримы, моложе и в Dota2, и в CS2. В сумме среди аудитории личных стримов 66% респондентов оказались моложе 22 лет, а среди аудитории официальных 52%.

Предпочитающие официальные студии чаще слушают комментирование матча, чем зрители личных каналов. Зрители личных каналов «обычно слушали» комментирование матча в 52% случаев в Dota2 и 45,5% в CS2. Зрители профессиональных студий же «обычно слушали» комментирование в 72% случаев в Dota2 и 63,6% в CS2.

Зрители, предпочитающие личные стримы, чаще имеют платную подписку на канал и/или чаще донатят, чем зрители официальных студий. Читающие чат чаще имеют подписку/донатят, чем не читающие (8,7% против 2% в Dota2 и 32% против 12,5% в CS2, а пишущие в чат значительно чаще имеют подписку/донатят, чем не пишущие (14,5% против 1,8% в Dota2 и 41,2% против 13,3% в CS2). Также интересовались рекламой на стриме и совершали покупки по этой рекламе чаще те, кто читал чат, и особенно часто те, кто писал в чат: такие зрители интересовались рекламой в 34% случаев в Dota2 и 51,5% в CS2, совершали покупки 10,5% и 22% соответственно.

Комьюнити-каст неоднороден. Из-за всплеска внимания к киберспорту во время крупных турниров создается конкуренция среди комьюнити стримеров в борьбе за внимание зрителей. Это приводит к сегментации аудитории по возрастному признаку: согласно опросу, зрителей младше 21 года на канале Nix оказалось 67%, а на канале just_ns 23%. Однако различий в практиках медиапотребления у этих аудиторий выявлено не было.

Зрители личных каналов и официальных студий: сходства. Не было замечено корреляций между выбором типа канала и площадкой просмотра (Twitch и YouTube), используемым устройством (ПК/смартфон). Зрители разных типов каналов одинаково часто смотрели стримы «фоном», также не было различий в том, насколько часто зрители смотрели стримы в записи после их окончания.

Также принципиальных различий не было в том, как часто аудитория личных и профессиональных стримов интересовалась рекламой на трансляции и делала покупки и/или использовала промокод для оплаты. На это существеннее влияет использование чата. Зрители обоих типов трансляций примерно одинаково часто использовали дополнительные функции чата.

Выводы и дискуссия. По данным проведенного опроса, аудитория предпочитает личные стримы из-за интереса к личности стримера, неформальности подачи контента и более живого чата. Такие зрители в среднем моложе, чаще читают чат трансляции и чаще пишут в него, чаще донатят или покупают платную подписку на канал.

Официальные студии зрители предпочитают из-за более профессионального формата, более качественного комментирования и аналитики. Такие зрители в среднем старше, реже взаимодействуют с чатом, но чаще слушают комментирование матчей.

Многие особенности не зависели от типа стрима: площадки и устройства просмотра, использование дополнительных функций чата, интерес к рекламе на стримах, частота фонового просмотра контента и просмотра стримов в записи. Показательно, что общие черты в большей степени относятся к техническим и формальным практикам медиапотребления

Уместно предположить, что феномен популярности личных стримов объясняется большей вовлеченностью аудитории по сравнению с официальными студиями. Интерес к личности стримера повышает эмоциональное вовлечение, а «живой чат» подталкивает зрителя к активности, и работают эти причины в синергии. Причинами выбора профессиональных студий стало то, что непосредственно относится к матчам. Из этого можно сделать во многом парадоксальный вывод: аудитория киберспортивного стрима предпочитает скорее не качество самого контента, а общение и эмоциональное вовлечение в его контекст. При этом сопоставление этого феномена с популярностью, например, личных Telegram-каналов, выигрывающих конкуренцию у крупных СМИ, или видеоблогеров позволяет говорить о не до конца исследованном глобальном тренде в современных медиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макеева Е. О. Влияние прямых трансляций на развитие киберспортивной индустрии на примере стримингового сервиса «Twitch» / Е. О. Макеева, Н. В. Протасова // Государственное управление в сфере физической культуры и спорта в России: история, теория, практика. — 2023. — С. 191—195.

2. Комарова А. А. Киберспорт как платформа для бизнес-коммуникаций / А. А. Комарова // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Технологическое лидерство: взгляд за горизонт: материалы IV Междунар. науч. форума. — М.: Гос. ун-т управления, 2021. — С. 297—304.

3. Болотнов А. В. Стрим как новый гипермедиажанр / А. В. Болотнов // Вестник ВолГ У. Сер. 2: Языкознание. — 2021. — Т. 20, № 2. — С. 111—120.

4. Мирошник М. А. Формирование стрима как нового медиаформата распространения информации и взаимодействия с аудиторией. Игровые и неигровые стримы / М. А. Мирошник // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2022. — № 2 (44). — С. 76—82.

5. Шарахина Л. В. Медиаплатформы киберспортивного сообщества / Л. В. Шарахина, В. В. Богуславская, А. О. Азизулова, Е. А. Будник // Дискурс. — 2018. — № 5. — С. 85—96.

6. Акимова О. В. Игровой стрим как новая коммуникативная среда интернет-пользователей / О. В. Акимова, Е. Н. Галичкина // Вестник Калмыцкого университета. — 2025. — № 1 (65). — С. 58—66. — DOI: 10.53315/1995-0713-2025-65-1-58-66.

7. Климова Е. Г. Стримы как формат коммуникации в молодежной среде / Е. Г. Климова, И. В. Шавырина // Социальная жизнь в оценках молодых социологов: сб. ст. студентов и молодых ученых VIII Всерос. студенч. науч.-практ. конф. — М.: Рос. гос. соц. ун-т, 2024. — С. 138—141.

8. Савченкова И. Н. Стример как лидер социальной группы / И. Н. Савченкова, В. М. Савенкова // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. — 2022. — № 1 (2). — С. 52—56.

9. Hilvert-Bruce Z. Social motivations of live-streaming viewer engagement on Twitch / Z. Hilvert-Bruce, J. T. Neill, M. Sjöblom, J. Hamari // Computers in Human Behavior. — 2018. — Vol. 84. — P. 58—67.

10. Speed A. Beyond the Game: Understanding why people enjoy viewing Twitch / A. Speed, A. Burnett, T. Robinson II // Entertainment Computing. — 2023. — Vol. 45.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Бодакин И. А., аспирант кафедры теории и экономики СМИ

E-mail: i.bodakin@mail.ru

Lomonosov Moscow State University

Bodakin I. A., Postgraduate Student of the Media Theory and Economics Department

E-mail: i.bodakin@mail.ru

УДК 070

САМОРЕКЛАМА ИЗДАНИЙ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА: СПОСОБЫ, ПОДХОДЫ, РЕАЛИЗАЦИЯ

М. Ю. Ватолина

Тамбовский государственный университет им Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 14 ноября 2025 г.

Аннотация: *в статье рассматриваются варианты саморекламы и анонсирования подписки на газеты в периодической печати Тамбовской губернии начала XX века. Особое место отводится анализу подходов в оформлении и размещении подписки в изданиях. Рассматривается реклама типографий на открытках и особенности наружной рекламы.*
Ключевые слова: *реклама издания, провинциальная открытка, самореклама, подписка, типография.*

Abstract: *this article examines self-promotion and newspaper subscription announcements in periodicals in Tambov Province in the early 20th century. Special attention is given to approaches to subscription design and placement in publications. Printing house advertising on postcards and the specifics of outdoor advertising are also discussed.*
Keywords: *publication advertisement, provincial postcard, self-promotion, subscription, printing house.*

Реклама в России к началу XX века становится одним из важнейших каналов донесения информации до потребителей, важной частью информационной культурной и социальной системы, а также мощным стимулом развития средств массовой информации. В этот период резко возрастает количество издаваемых газет и журналов не только в Санкт-Петербурге и Москве, но и в российской провинции. Рост количества газет естественно провоцирует и рост издательств. Так, в 1901 году в Тамбове было всего 4 типографии, а в 1910 уже 13 типографий и переплётных мастерских [1].

Эти факты говорят о том, что газета, как основное средство массовой информации, не только информирует читателей о текущих событиях, но и является основной площадкой для демонстрации производимых в регионе товаров и услуг. Реклама становится важным финансовым источником деятельности периодического издания, и потому её изучение позволяет понять экономическую систему провинциальной губернии и увидеть срез потребностей, образ жизни и характер взаимоотношений общества того периода.

Анализ значения рекламы в жизни общества как сейчас, так и 150 лет назад является объектом изучения экономистов, маркетологов, историков и журналистов. Уже в начале XX века современники прекрасно понимали, что реклама, как экономическое и культурологическое явление, нуждается в исследовании и систематизации. Так некоторые аспекты развития рекламы представлены в работах исследователей на рубеже XIX—XX вв. [2; 3]. Свой взгляд на особенности рекламы был и в советский период [4; 5]. Современные исследователи неизменно обращаются к историческим корням развития рекламы, рассматривая изучаемый период с точки зрения современных методов маркетинга [6—8]. Но несмотря на это, самореклама в прессе и информация о подписке на собственное издание как средство продвижения в дореволюционной периодике являются темой малоизученной.

© Ватолина М. Ю., 2026

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

В своей работе мы, опираясь на сохранившиеся экземпляры периодических изданий в Государственном архиве Тамбовской области и Тамбовской областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина, рассмотрим, как издания рекламировали себя. Используя методы историко-культурологического анализа, контент-анализа, систематизации и классификации полученной информации, изучим роль саморекламы и объявлений о подписке в процессе формирования читательской аудитории и усилении популярности периодических изданий в дореволюционной Тамбовской области. Особое внимание уделим содержанию и форме подачи подобной информации, эффективности используемых приёмов.

Роль печатной периодики в описываемый период сложно недооценить. Как отмечают исследователи: «Пресса… < >… это — особый феномен, который формирует культурный код провинциального города и включает в себя представления о территории и поведенческих стратегиях жителей провинции» [9, 618]. Поскольку вилять на поведенческую стратегию населения, особенно в части приобретения собственной газеты хотело каждое издание, редакции

газет и типографии были напрямую заинтересованы в увеличении не только количества потенциальных рекламодателей, но и тиража газеты, в увеличении аудитории. Самореклама представляла собой комплекс мероприятий, направленных на представление собственного издания публике. Она осуществлялась различными способами: публикации хвалебных отзывов о газете, призывы подписываться на новый номер, анонсы интересных публикаций, организация специальных акций и конкурсов.

Особенно эффективной оказалась подача объявлений о подписке. Эти объявления зачастую сопровождались обещаниями скидок, бонусов, подарков, предлагая читателям ощутимую выгоду от регулярной покупки газеты или журнала. Соответственно, самореклама размещалась на самых выгодных и просматриваемых позициях. Объявления о подписке, тираже и стоимости объявлений для рекламодателей публиковались на первой полосе.

Так, в одном из старейших изданий Тамбовской губернии, газете «Тамбовские губернские ведомости» с 1911 г. на титульной полосе появляется «Такса троекратным публикациям обязательных объявлений». Указано, что «плата за объявления частного характера на первой странице взимается за строку: в первый раз 15 коп. и за последующие разы по 10 коп. и на последней странице — в первый раз 10 коп. и в последующие по 5 коп. со строки». Интересно и примечание: «при печатании объявлений допускается употребление разных шрифтов, и заказчику предоставляется право выбора шрифта, имеющегося в типографии» [10].

В газете «Тамбовский листок» за 1915 г. на первой полосе, самой первой строкой непосредственно над титульной частью расположена информация «Цена отдельного номера повсюду 3 коп.», а ниже, под названием — условия подписки на год, полгода, 4 месяца и месяц. Также размещена информация о «плате за объявления» и «адрес редакции и конторы» [11].

Проправительственная газета «Тамбовский край» позиционирующая себя, как «безпартийная газета» и так же в самом верхнем правом углу первой страницы ёмко указывает цену «Цена № 5 коп». Ниже указано, что «подписка только с 1 числа каждого месяца» и цена на подписку за 1 год, полгода, три месяца и месяц. Есть информация для рекламодателей: «ОБЪЯВЛЕНИЯ за строку петита, или занимаемое место, на последней странице (после текста) — 20 коп., на первой странице (впереди текста) — цена двойная». Далее также адрес редакции и телефон. С уточнением: «Контора открыта с 10 до 5 час. ежедневно, кроме праздников. Личные переговоры по делам Редакции от 12 до 1 часу» [12].

Даже редакция еженедельного журнала «Тамбовские епархиальные ведомости», выходившего в губернии с 1861 г., прекрасно отдавала себе отчёт в необходимости информирования населения о подписке на свой журнал. На титульном листе журнала за 1914 г. имеется информация «Годовая цена с пересылк. и дост. 6 р. 25 к. Подписка на время не менее года и продажа отдельных номеров не допускаются» [13].

Саморекламу как продвижение своих товаров и услуг, своего бренда через собственные каналы коммуникации не следует путать с указанием выходных данных. Название газеты и контактные данные указывались на последней странице издания мелким шрифтом, без каких-либо расценок и маркетинговых призывов.

Применение саморекламы и объявлений о подписке оказывало значительное воздействие на повышение известности изданий и увеличение числа постоянных читателей. Используя разнообразные техники привлечения внимания, редакторы добивались роста аудитории и расширения географии распространения собственной продукции.

Рассмотренные материалы наглядно демонстрируют успешность внедрения вышеуказанных методов продвижения и указывают на необходимость тщательного планирования рекламной кампании для поддержания устойчивого интереса к изданию.

ПОЛИГРАФИЯ

Этикетка и открытка как инструменты рекламы торговых домов в дореволюционной Тамбовской области — довольно распространённый приём. Одним из наиболее эффективных средств достижения этой цели становится печатная рекламная продукция в виде нанесения названия торговой марки на упаковку товаров и распространение иллюстрированных открыток. Материалом для настоящей работы послужили оригинальные образцы этикеток и открыток, хранящиеся в фондах музеев и частных коллекций, а также опубликованные исследования историков и культурологов. Для выявления закономерностей использовались методы качественного анализа текста и изображений, а также сравнительно-исторический подход.

Первые видовые открытки города Тамбова начали издаваться в 1900 г. Как сообщают исследователи: «Все черно-белые, тоновые и многокрасочные тиражи тамбовских открыток изготовлялись за пределами губернии. Заказчиками были частные типографии, книжные и аптекарские магазины, аптеки, торговые дома» [1, 108]. Часть дореволюционных открыток с видами Тамбова издавалась ведущими фирмами Санкт-Петербурга и Москвы, часть за границей — в Стокгольме.

Интерес к приобретению открыток у населения рос, и местные предприниматели со временем самостоятельно осваивали их печать. Большинство таких открыток отличалось высоким уровнем художественного исполнения и оригинальностью подачи материала. Обычно на лицевой стороне помещал-

ся вид известного здания, пейзаж, местоположение предприятия или символический образ губернской местности. Часто подобные открытки отправлялись партнёрам или частным лицам, усиливая узнаваемость тамбовской губернии.

Для нас, как для исследователей саморекламы, примечательно, что несмотря на место печати открытки начала XX века, на титульной или оборотной стороне непременно имелось указание выходных данных в виде штампа заказчика — Торговый дом «Н. Бердоносов, Ф. Пригорин и Ко», г. Тамбов, Аптекарский магазин Б. С. Боровского, г. Тамбов, Магазин А. Н. Васильева, г. Тамбов, Книжный магазин И. Ф. Зотова, г. Тамбов, Издание А. А. Лана, г. Тамбов. Таким образом, иногородний потребитель могу получить информацию о тамбовских типографиях и магазинах. Но это обязательная юридическая информация.

Обратить своё внимание нам бы хотелось на серию особенных открыток. Пожалуй, самым успешным изготовителем и распространителем открыток была типография П. С. Москалёва. На открытках, отпечатанных по заказу этого учреждения, маркировка имелась и на титульной стороне. На некоторых открытках из серий «Тамбов» и «Окрестности Тамбова» можно обнаружить штамп: «Окрестности Тамбова. Широкий пролив реки Цны. Собственность издания типогр. П. С. Москалёва. (копии воспрещ.) Снимок фотографии О. Ф. Енкен в Тамбове» [1]. Это уже нельзя считать просто выходными данными типографии, поскольку содержит призыв к действию, а вернее запрет на действие, запрет на копирование изображения.

Этикетка начала XX века представляла собой небольшой лист бумаги или ткани, наклеиваемый на товар и содержащий основную информацию о производителе и самом изделии. Её предназначение заключалось не только в маркировке продукта, но и в привлечении внимания покупателя, увеличении продаж и закреплении определённой торговой марки в сознании аудитории.

Так, название производителя можно найти на этикетках Пивоваренного завода Пелагеи Тимофеевны Жуковской города Кирсанова Тамбовской губернии, или непосредственно на самих товарах — например, на пивных бутылках этого же завода имелась объёмная гравировка «Пивоваренный заводъ Жуковской», а в центре — изображение фирменного знака «КИРСАНОВЪ». Сохранились бутылки с объёмной выпуклой надписью на стекле и тамбовского пиво-медоваренного завода. Надпись «Новая Бавария» — безусловная отсылка к немецкому производителю. Гравировка на пивных бутылках была делом затратным и не обязательным. В данном случае тамбовские производители предусматривали исключительно маркетинговый ход — сама бутылка была брендом пивоваренной продукции.

Указание магазина или завода на этикетках не стоит путать с юридически обязательным указанием выходных данных, поскольку помимо названия отмечено, что завод «за качество продуктов удостоен высшей награды Grand prix и большой золотой медали в 1913 году на выставке в Италии», а на этикетках тамбовского колбасного заведения братьев В. и Г. Робнртъ города Кирсанова указано, что их продукты «За выставку в г. Феллине награждены серебряной медалью в 1910 году». Указание наград и заслуг на этикетках является маркетинговым ходом, выделяющим данный товар авторитетной оценкой зарубежных экспертов.

На сохранившихся в государственном архиве Тамбовской области афишах о предстоящих спектаклях и развлечениях внизу мелким шрифтом непременно указана типография, в которой была отпечатано данное изделие. Например, афиша о представлениях любительского спектакля, который был показан 19 февраля 1911 г. на станции Сасово, была отпечатана городе Рязани (в то время часть Тамбовской губернии), в типографии С. Н. Хударовского. А огромное объявление «О распределении казенных жеребцов Тамбовской заводской конюшни по случным пунктам» в 1911 г. было изготовлено в электро-типографии губернского правления [14]. Несмотря на то, что эта информация всего лишь указание выходных данных типографии, для иногородних рекламодателей это важная информация, позволяющая ориентироваться в мире печати тамбовской губернии.

Полученные результаты подтверждают важность учёта культурных и экономических факторов при разработке современной маркетинговой стратегии предприятий, работающих на локальном рынке. Несмотря на прошедшие десятилетия, опыт самоидентификации дореволюционных тамбовских маркетологов остаётся актуальным и сегодня.

НАРУЖНАЯ РЕКЛАМА

На редких сохранившихся фотографиях и открытках конца XIX — начала XX вв. можно увидеть улицы Тамбова, здания гостиниц, аптек и торговых домов. О том, что это гостиницы, аптеки и торговые дома нам сообщают вывески на этих зданиях. Специфика рекламных технологий зависела от уровня экономического развития региона, традиций местного населения и доступности современных методов коммуникации.

Одним из распространённых способов популяризации торговой марки были надписи имени владельца на зданиях магазинов, лавок, складских помещений. Тамбов, как и любой другой провинциальный город того времени, был украшен довольно широкими деревянными вывесками с указанием не только назначения здания, но и с именем владельца, служившими как справочно-указательной информаци-

ей, так и своего рода гарантией качества. Известны и узнаваемы до сих пор вывески аптеки А. А. Лана, торгового тома Шоршова, типографии П. С. Москалёва и др.

Имена владельцев торгового дома, провизора или издателя — это рекламный ход, позволяющий идентифицировать производителя. Имя собственника магазина, фабрики или предприятия служило эффективным инструментом маркетинга в условиях российской провинции начала XX в. Это объяснялось несколькими факторами: 1) всё ещё относительно низкий уровень грамотности населения ограничивал возможности абстрактного позиционирования продуктов — использование личного имени создавало ощущение доверия и персональной ответственности за качество предлагаемого товара; 2) ограниченность финансовых ресурсов большинства провинциальных предпринимателей не позволяла инвестировать значительные суммы в создание профессиональных логотипов и фирменных стилей в отличие от зарубежных или столичных производителей; 3) архитектурные особенности города обусловливали большие размеры вывесок и упрощённый дизайн оформления фасадов.

Проведённое исследование позволяет выявить важную роль вывесок с наличием имён владельцев в формировании маркетинговой стратегии и продвижении товаров и услуг Тамбовской губернии начала XX в. Данный элемент являлся эффективным инструментом увеличения конкурентоспособности региональных производителей и создателей мелких предприятий розничной торговли. Очевидная связь индивидуального наименования с качеством выпускаемого товара укрепляла доверие покупателя и повышала вероятность повторного приобретения продукции данной фирмы.

Использование традиционных приёмов графического исполнения фамильных символов способствовало сохранению культурной преемственности и обеспечило преемственность опыта поколений в сфере коммерции. Анализируя современные тенденции развития малого и среднего провинциального бизнеса, можно наблюдать аналогичную практику возвращения к истокам семейной истории, созданию персонализированного образа бренда, ассоциирующегося с личным брендом основателя компании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Климкова М. А. Тамбовская губерния на дореволюционных открытках.Т.1. Тамбов и окрестности / М. А. Климкова. — 2017.

2. Плисский Н. Реклама, ее значение, происхождение и история / Н. Плисский. — СПб., 1894.

3. Хайновский В. В. Успешная реклама и как ей пользоваться / В. В. Хайновский. — Киев, 1913.

4. Есин Б. И. Русская дореволюционная газета: 1702—1917 гг.: краткий очерк / Б. И. Есин. — М., 1971.

5. Киселев А. П. Реклама в дореволюционной газете / А. П. Киселев // Вестник МГУ. Журналистика. — 1990. — № 4. — С. 28—34.

6. Сальникова М. В. Рекламная деятельность в русской провинции в конце XIX — начале XX в. на примере Тамбовской и Воронежской губерний: автореф. дис. … канд. ист. Наук / М. В. Сальникова. — Тамбов, 2007.

7. Барышникова Т. А. Частная провинциальная газета дореволюционной России как социокультурный феномен: дис. … канд. филол. Наук / Т. А. Барышникова. — Челябинск, 2016.

8. Плотникова Г. Н. Становление и развитие рекламы в российской провинции в последней четверти XIX века (по материалам газеты «Екатеринбургская неделя») / Г. Н. Плотникова, МС.Н. Плотников // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 1(60). С. 186—194.

9. Видная О. Е. Культурный код провинциального города в дореволюционной прессе Тамбовской губернии / О. Е. Видная, Е. А. Зверева // Ученые записки НовГ У. — 2024. — № 4 (55). — С. 609—622.

10. Тамбовские губернские ведомости. № 30: 16 апр. 1911 г. / ред. В. Толмачев. — Тамбов, 1911.

11. Тамбовский листок: общественно-политическая газета / редактор-издатель А. В. Смирнов [1914—1915]. — Тамбов, 1915, № 3—126

12. Тамбовский край. № 59: 15 марта 1916 г. / изд. Б. А. Богданович, за ред. Г. Г. Эккерт [1907—1917]. — Тамбов.

13. Тамбовския Епархиальныя Ведомости. В 52 номерах, № 14, № 15. 19 апреля 1914 года/ ред. Оффиц. Части, Секретарь Консистории, Н. Покровский; И об. Редактора, Ректор. Сем., Прот. И. Панормов. — Тамбов, 1914.

14. ГАТО. Ф. 4 Оп. 1 Д. 7410

Тамбовский государственный университет им Г. Р. Державина

Ватолина М. Ю., соискатель, сотрудник научно-практической лаборатории новых медиа кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью

E-mail: mariashaturina@mail.ru

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

Vatolina M. Y., Applicant, Employee of The Scientific And Practical Laboratory of New Media.

E-mail: mariashaturina@mail.ru

УДК 821.161.1

РОССИЯ И ЕЕ ИЗМЕРЕНИЯ В ФИЛОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Ю. В. МАМЛЕЕВА

Т. Б. Заиченко

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 4 декабря 2025 г.

Аннотация: *в настоящей статье анализируется философская публицистика Ю. В. Мамлеева, посвященная осмыслению феномена России. Материалом исследования стали такие работы Мамлеева, как «Россия Вечная» и «Судьба бытия», а также примыкающие к ним статьи и интервью, позволяющие прояснить его ключевые идеи и специфику философско-публицистического дискурса.*
Ключевые слова: *Россия, метафизика, хаос, душа, православие, поэзия, интуиция.*

Abstract: *in the present article, the philosophical journalism of Yu. V. Mamleev, dedicated to the comprehension of the phenomenon of Russia, is analyzed. The research material includes such works by Mamleev as «Russia Eternal» and «The Fate of Being», as well as related articles and interviews that allow clarifying his key ideas and the specificity of the philosophical-journalistic discourse.*
Keywords: *Russia, metaphysics, chaos, soul, Orthodoxy, poetry, intuition.*

Философская система Ю. В. Мамлеева требует четких методологических ориентиров. Исходный пункт его мысли — невозможность свести феномен России к привычным категориям страны или государства. Мамлеев предлагает рассматривать Россию в системе трех координат: пространства (страна), времени (государство) и экзистенции (народ как душа).

Если государственный аспект достаточно изучен, то категории страны и, в особенности категория народа как души, требуют иного подхода. Он предполагает обращение к источникам, способным говорить на языке метафизики. Таковы, безусловно, труды русских религиозных философов — от Чаадаева до Бердяева. Однако, по мнению Мамлеева, их концептуальный аппарат не вполне адекватен для раскрытия глубинной сущности России. Причина в том, что философия лишена «аналитической оптики», способной обнажить душу народа.

Именно в силу своей аффективной и иррациональной природы «душа» — со всей ее амбивалентностью взлетов и падений, смятения и ясности — оказывается неподвластна строгому понятийному языку философии. Мамлеев видит разрешение этого методологического тупика в обращении к литературе, которая, по его словам, «несет в себе философию значительно… более глубокую, чем… собственно русская философия… так как образ глубже идеи» [2, 5]. Художественный образ становится для Мамлеева не просто инструментом описания, а единственным адекватным способом воплощения метафизической реальности.

Эту функцию и выполняет русская литература, определяемая им как «великая духовная река». Она выступает ключевым механизмом анализа, поскольку в ее рамках — как в дилемме Раскольникова «тварь я дрожащая или право имею» — экзистенциальные конфликты русской души обретают плоть и кровь, становятся зримыми событиями внутренней жизни. Таким образом, целостная картина российского феномена формируется не в философских трактатах, а в литературном дискурсе, где история и метафизика сплавлены в нерасторжимое единство.

Эта иррациональная, парадоксальная природа русского менталитета, запечатленная литературой, находит прямое выражение в самой русской истории, для которой характерны резкие цивилизационные сломы и стремительная утрата Decades-их завоеваний. Непредсказуемость исторического пути России является, по Мамлееву, не следствием случайности, а внешним проявлением глубинного «русского Хаоса». Однако, чем ближе исторический период к современности, тем сложнее отделить его сущностные характеристики от сиюминутного политического контекста. Следовательно, необходимая для подлинного понимания дистанция достигается не через хронологическое отдаление, а через метафизическое углубление — то самое, на которое и способна литература.

В «России вечной» Мамлеев предлагает обратиться к языческому субстрату русской культуры, видя в нем не примитивные суеверия, а живой источник «сверхиндивидуальной памяти». Преодолевая расхожее представление о язычестве как о чем-то недостоверном и архаичном, он показывает, как сказочные нарративы, былинные сюжеты и архаичные музыкальные мотивы служат каналом передачи глубинных импульсов, формирующих психику русского человека. Эта связь, по Мамлееву, активирует интуитивное восприятие прошлого, позволяющее заглянуть во «вселенский туман» истории. Как он сам

© Заиченко Т. Б., 2026

утверждает: «Интуиция играет не последнюю роль в этом погружении в собственное прошлое, а значит, и в прошлое собственной души, ибо «гены», «сверхиндивидуальная память» — не пустой звук…» [3, 90].

Этот «туман прошлого» имеет, однако, не только эпистемологическую, но и онтологическую природу. Если для историка это — проблема недостатка данных, преодолеваемая рациональной интерпретацией, то в «сверхиндивидуальной памяти» народа туман оказывается способом бытования прошлого, в котором смутно проступают его ключевые архетипы. Именно из этого иррационального источника, по Мамлееву, и проистекает фундаментальное свойство русского духа — его «родимый хаос».

Этот Хаос, отмеченный еще Чаадаевым, не сводим к разрушению или беспорядку. Он является метафизической основой русской парадоксальности, о которой писали и Достоевский (широта натуры), и Бердяев (поляризация любви и ненависти к России). Мамлеев развивает эту мысль, утверждая, что «непредсказуемость (наша глубинная черта) как раз и является одним из признаков присутствия или проявления Хаоса», и подчеркивая, что «наш «родимый хаос» имеет на самом деле величайшее метафизическое измерение» [3, 96]. Таким образом, русский Хаос предстает не как недостаток, а как сакральная стихия, несущая в себе «глубочайший духовный смысл».

Эта диалектика получает у Мамлеева историческое измерение. Русская история предстает как нескончаемый поединок между Хаосом и Порядком: от призвания варягов, которое можно трактовать как акт добровольного самоограничения во имя порядка, до пугачевского бунта, революций и «контрреволюции» 1990-х как взрывов стихийной вольности. Каждой такой вспышке Хаоса власть отвечает «уборкой» — усилением систематизации и контроля. Однако, по точному замечанию Мамлеева, «никогда Порядок не сможет победить Хаос, потому что Порядок — это система, а значит, ограничение, отрицание чего-то другого…» [3, 97]. Хаос остается вечным оппонентом и источником жизненной силы, чья «тонкая струйка», по выражению мыслителя, продолжает питать душу народа. Эта мысль находит удивительное созвучие в строках Высоцкого: «Мы не сделали скандала — нам вождя недоставало. Настоящих буйных мало — вот и нету вожаков».

Ю. В. Мамлеев выявляет в дихотомии Хаоса и Порядка дополнительную силу, регулирующую диалектику стихий — Провидение. Этот элемент является необходимым для целостного осмысления России. Божественная воля трансцендентно присутствует в российском бытии, придавая его хаотичности сакральный характер: «Само Провидение поддерживает Сакральный Хаос, ибо эти Великие Возможности должны когда-то проявиться, а не быть раздавленными тупым и ограниченным порядком» [3, 97]. Пульсирующая динамика русской истории — от хаоса к порядку и от порядка к хаосу. Если представить ее широкими мазками, то выглядеть это будет примерно так: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами» – условная точка консолидации племен русского пространства. Далее следует формирование «городов-государств», территориальная экспансия, затем очередная фаза Хаоса в форме монголо-татарского нашествия, стояние на реке Угре, Смутное время, установление династии Романовых, церковная реформа, внедрение Петром I иерархических структур по западноевропейским образцам, закрепощение крестьянства.

На всякого рода ограничительные меры всегда следовала ответная реакция в душе русского человека. И эта реакция опять-таки наиболее ярко и экспрессивно находила выражение в русской литературе. «В России наши поэты и писатели фактически создали грандиозную панораму метафизической жизни России, картину ее внутреннего самосознания» [3, 23]. И, конечно, немаловажная роль здесь принадлежит Пушкину, который внес собственный хаос в языковую панораму русской речи в рамках художественного дискурса. Содержательное наполнение приобретало метафизическую глубину. При этом изначально, по наблюдению Мамлеева, в русской поэзии доминировал патриотический компонент, ярко выраженный и у Пушкина: «Патриотизм Пушкина, его широчайшая, как бы слитая со стихией русских народных легенд и сказок, любовь к России бесконечны…» [3, 25].

Таким образом, ключевой парадокс русской идентичности заключается в следующем: несмотря на разрушительную диалектику государственного насилия и метафизического хаоса, патриотическое чувство в России не только не исчезает, но приобретает особую, сверхразумную устойчивость. Мамлеев находит ключ к этому феномену в лермонтовской строке — «Люблю отчизну я, но странною любовью!». Комментируя ее, он подчеркивает, что эта любовь «не основана на обычных патриотических воззрениях» [3, 26]. Это не любовь к историческим победам или государственным институтам, а мистическая тяга к некой «тайной сути» России, которую сам поэт лишь смутно прозревает. Именно Лермонтов, по мнению Мамлеева, становится «первооснователем» этой традиции «странной» любви, укорененной не в рассудке, а в непосредственном соприкосновении с иррациональным бытием России [3, 26, 53].

Эта логика «странной любви» позволяет выстроить и мамлеевскую иерархию русских гениев. Если Пушкин, с его «патриотизмом… бесконечным», явил пространственный размах русской души и ее слияние с народной стихией, а Достоевский погрузился в ее экзистенциальные бездны, то их преемником становится сам Мамлеев. Он следует за Достоевским,

для которого «на чисто человеческом уровне» ключевые «темы» оказались неразрешимы. Цитируя Мамлеева, чтобы «шагнуть дальше», требуется «перейти на другой уровень — представленный только в восточной метафизике» [3, 55]. Этим шагом и является философия Мамлеева: он использует интуицию «странной любви» (Лермонтов), чтобы принять вызов экзистенциальной бездны (Достоевский), и находит язык для ее выражения в синтезе с восточной метафизикой, выводя анализ России на новый, трансцендентный уровень.

Обращение Мамлеева к индийской философии и, в частности, к учению Адвайта-Веданты — это не просто экзотическое заимствование, а стратегический ход, вызванный внутренней логикой его поисков. Пытаясь выразить «невыразимое» в русской душе — ее хаос, метафизическую тоску и стремление к запредельному — он находит в Веданте адекватный понятийный аппарат. Однако для Мамлеева это неуход от национальной почвы, а, напротив, ее углубление. Он обнаруживает глубинное, «тихое дыхание», «поток, навеки соединивший Россию и Индию» [3, 101], видя в них не разные цивилизации, а варианты единой «вечной культуры», устремленной к трансцендентному.

Это позволяет ему совершить ключевой синтез. Кажущийся уход в индийскую парадигму оборачивается возвращением к православию — но на новом, универсальном уровне. Мамлеев выявляет их родство в главном: в утверждении, что подлинное бытие и счастье достижимы лишь через единство с вечным духовным началом. Его отсылка к Упанишадам — «не ищите счастья в малом, счастье возможно только в большом» — и последующий христианский комментарий [3, 79] — это не эклектика, а демонстрация единой метафизической истины, разными языками выраженной в Писании и Упанишадах. Таким образом, русский Хаос и индийская Нирвана, православное обожение и адвайтическое единение с Абсолютом сходятся в одной точке — в необходимости трансцендирования индивидуального «я» как единственного пути к преодолению экзистенциального тупика, описанного еще Достоевским.

Таким образом, универсализм мамлеевской мысли, объединяющей Россию и Индию, проистекает из его ключевой антропологической интуиции. В центре его философии оказывается парадокс русского сознания, раскрывающийся через столкновение метафизической бездны («русского Хаоса») и онтологической укорененности в православной традиции. Даже в условиях секуляризации мысль о вечном в России неизбежно отсылает к православию, которое, по словам самого писателя, «глубоко проникло в народ» [6, 145]. Однако у Мамлеева это не просто наследие, а поле напряженного диалога: христианские истины не подавляют «бездну» в душе русского человека, но вступают с ней в резонанс, порождая ту самую экзистенциальную реакцию, которую автор определял как «хохот» перед лицом смерти. Этот хохот – не кощунство, а следствие встречи абсолютной веры с абсолютным ужасом небытия, своеобразный прорыв вечного в ткань временного.

Эта уникальная религиозность, сопротивляющаяся секуляризму Просвещения и нигилизму модерна, находит свое выражение в концепции «народа-богоносца». Однако Мамлеев переосмысливает эту традиционную для русской философии (Достоевский) идею. Для него богоносность – это не только историческая миссия, но и метафизический потенциал каждой личности, способной, по его словам, «уподобиться Христу». Ключ к этому пониманию – в особой интерпретации фигуры Спасителя. Мамлеев подчеркивает, что Христос – это «Богочеловек, который изначально… был не только Богом, но одновременно и человеком» [6, 193]. Это изначальное единство открывает путь к обожению не как к сверхъестественной благодати, а как к реализации изначальной, вечной человеческой сущности, делающей человека «центром творения».

В свете этой богочеловеческой природы личности и Россия обретает у Мамлеева черты живого метафизического организма. Его философская публицистика представляет Россию не как географический или исторический объект, а как живой метафизический организм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горичева Т. М. Новый Град Китеж / Т. М. Горичева, Ю. В. Мамлеев. — М., 2020.

2. Мамлеев Ю. В. Судьба бытия. За пределами индуизма и буддизма / Ю. В. Мамлеев. — М., 2006.

3. Мамлеев Ю. В. Россия Вечная / Ю. В. Мамлеев. — М., 2020.

4. Азбука веры. Православный интернет-портал. — Режим доступа: https://azbyka.ru/ (дата обращения: 13.07.2025).

5. Православная энциклопедия. — Режим доступа: https://m.pravenc.ru (дата обращения: 14.07.2025).

6. Мамлеев Ю. В. Статьи и интервью. Сборник / Ю. В. Мамлеев. — М., 2019.

Воронежский государственный педагогический университет

Заиченко Т. Б., соискатель кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

E-mail: t.kunakov@yandex.ru

Voronezh State Pedagogical University

Zaichenko T. B., Postgraduate Student of the Theory, History and Methods of Teaching Russian Language and Literature Department

E-mail: t.kunakov@yandex.ru

УДК 808.2

РИТОРИЧЕСКИЙ ЭТАЛОН ГЛАЗАМИ ПОКОЛЕНИЯ Z: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Н. Н. Кириллова

Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева

Поступила в редакцию 10 ноября 2025 г.

Аннотация: *статья посвящена изменениям в восприятии риторического эталона в молодежной среде, произошедшим за последнее десятилетие. В ходе экспериментов выявлены предпочтения представителей поколения Z, проанализированы трансформации ценностных ориентиров студентов, критериев оценивания образцов речевого поведения. В работе сопоставляется видение трех образов — оратора, шоумена и блогера. По мнению молодежи, в перспективе эталонная модель речевого поведения — это синтез риторических, развлекательных приемов и прямого взаимодействия.*
Ключевые слова: *риторический эталон, образец речевого поведения, поколение Z, оратор, шоумен, блогер.*

Abstract: *the article is devoted to changes in the perception of the rhetorical standard among young people. This transformation has occurred in a dramatic way during the past decade. In the course of the experiments, preferences of Gen-Z students were identified, transformations of students' value orientations and criteria for evaluating speech behavior patterns were analyzed. The work compares the vision of three images such as a speaker, a showman, and a blogger. In the future, according to young people, the reference model of speech behavior is a synthesis of rhetorical, entertaining techniques, and direct interaction.*
Keywords: *rhetorical standard, example of speech behavior, generation Z (Gen-Z), speaker, showman, blogger.*

Проблема «риторического идеала» (или по другой терминологии — риторического эталона, [1]) в современном коммуникативном пространстве является дискуссионной.

Традиционная концепция, представленная как следование античному риторическому канону, изложена в работах А. К. Михальской: «Система наиболее общих требований к речи и речевому поведению, исторически сложившаяся в той или иной культуре и отражающая систему ее ценностей» [2, 449]. Акцент на ценностных ориентирах и аксиологических доминантах и сегодня является одним из критериальных признаков риторического идеала [3].

Нет единства мнений в поиске подходов и оценке современных образцов речевого поведения [1]. Образ ритора характеризуется прагматической направленностью целей, мотивационных установок, жизненных приоритетов в целом. Именно такой утилитарный, прикладной характер мы видим в толковании эталона оратора в работах И. А. Стернина [4], что, собственно, целесообразно в методическом плане для успешного обучения ораторскому мастерству.

Значительная часть исследований сегодня посвящена выявлению конкретных личностей, которых молодое поколение выбирает в качестве ориентиров, образцов речевого поведения [5]. В то же время нельзя не отметить и противоположное мнение. Так, С. В. Боброва и А. С. Максименко отмечают в современном коммуникативном пространстве «деградацию представлений о риторическом образце и полное отсутствие идеалов», что ведет в итоге к падению общей речевой культуры [6, 619].

В настоящей статье мы бы хотели остановиться на восприятии современной молодежью эталонных образцов речевого поведения, а точнее на тех изменениях картины мира поколения Z, вызванных стремительным погружением нашей молодежи в «пучину» цифровой реальности. За термином «поколение Z» закреплены временные параметры (рожденные в 2003 г. и позже), что точно соответствуют возрастным характеристикам студентов, на чье мнение мы будем опираться [7].

Объектом изучения в нашем исследовании стали творческие работы студентов, посвященные указанной теме. Однако нам было важно проследить, как меняются взгляды представителей молодежи об эталоне оратора в некотором временном промежутке (в нашем случае с разницей в 9 лет). Причем при подведении итогов мы делали акцент не на статистических данных, а на содержательных характеристиках работ студентов. Отсюда основными методами исследования стали анализ письменных работ, в том числе сопоставительный анализ и лингвоаксиологическая интерпретация материала.

Впервые к данной тематике и опросам студентов мы обратились в 2016 г. [8]. Для выявления предпочтений молодежи относительно эталона речевого поведения испытуемым было предложено написать

© Кириллова Н. Н., 2026

в свободной форме сочинение-эссе на тему «Мой риторический идеал», причем рекомендовано было в качестве эталона рассматривать реальных персонажей. В эксперименте участвовало 95 студентов технических специальностей НГТУ, в программах которых нет отдельного курса риторики, их знания по теме ограничивались одной лекцией по ораторскому мастерству в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи».

Выбор публичных персон в качестве эталона оратора и критерии оценки речевого поведения этих персонажей во многом совпадают с результатами исследований других авторов [5]. В нашем эксперименте следует отметить широкое разнообразие мнений по поводу риторического идеала и отсутствие у испытуемых единых критериев отбора, тогда как исторически требования к речевому поведению оратора формирует общество, и они универсальны. Мы знаем параметры античного риторического идеала, характеристики эталонного оратора в христианской традиции и пр.

По итогам эксперимента в 2016 г. значительная доля респондентов (25%) отдали предпочтение политическим лидерам современности, что соответствует традиционным представлениям о риторическом идеале. Ведь образ ритора, начиная с античности, всегда был связан с общественно-политической деятельностью. Участники опроса разбирали речевые характеристики таких политических фигур, как В. В. Путин, Б. Обама, Р. А. Кадыров, В. В. Жириновский, Г. А. Зюганов, И. М. Хакамада, С. В. Лавров и др. В комментариях респонденты делали акценты на разных коммуникативных компетенциях — уверенности в своих словах, убежденности в своих действиях, харизматичности, свободном владении словом (в отличие от советских лидеров, читающих по бумажке), умении вести диалог «на равных», интеллекте и высокой культуре и др. В работах критерии могли разниться, но главное, что объединяло всех политиков и отражено в ответах, — это успешность на выбранном поприще, способность реализовать избранные коммуникативные стратегии и тактики.

Вторая по популярности категория предпочтений (23%) — это любимые педагоги, в том числе родители. Такой выбор свидетельствует о глубокой связи в картине мира наших студентов риторического идеала и лучших педагогических образцов. Деятельность педагога сопряжена с ораторством и, наоборот, любой ритор, воздействуя на аудиторию, так или иначе выполняет педагогическую функцию. И педагог, и оратор в какой-то мере являются образцом для подражания аудитории. Эта глубокая общность подчеркивается и в классических риториках, и в некоторых современных изысканиях [9].

Самую большую категорию (27%) составили работы, посвященные людям, которых авторы считают успешными в разных сферах (бизнесмены, деятели шоу-бизнеса, мотивационные ораторы и пр.). И здесь выбор респондентов был наиболее разнообразен — от всемирно известных деятелей типа Стива Джобса, Ника Вуйчича и до успешных личностей из круга общения самих студентов. Из анализируемых работ было очевидно, что в качестве образца для подражания молодежь выбирает людей, стремящихся к успеху и добивающихся своих целей.

Также было отмечено, что на восприятие студентами эталонов речевого поведения большое влияние оказывает медиакультура и интернет-ресурсы, о чем свидетельствует выбор заметной части участников эксперимента (12%). В эту группу вошли популярные русские телеведущие и артисты, такие как А. Малахов, В. Познер и др. Эти люди, безусловно, владеющие риторическим арсеналом средств и приемов, привлекали своим обаянием, остроумием, непринужденностью в общении, но все это лишь внешняя оболочка, интересная «упаковка»; по крайней мере, авторы указанных работ видят в основном именно ее, таким образом, риторический эталон в отношении медийных личностей понимается ими очень узко, поверхностно.

Незначительная доля работ студентов (10%) не соответствовала заявленным параметрам. Их авторы заявили, что затруднились с выбором современных персонажей, и посвятили свои эссе выдающимся деятелям прошлого. Как правило, эти работы носили несамостоятельный, реферативный, а иногда формальный характер. Но дело не только в нерадивости этих студентов. Аналогичное задание мы предлагали на занятиях и в более поздние годы, и доля авторов, затрудняющихся с выбором современных эталонов, только возрастала. Мы связываем это с изменением ценностных ориентиров пресловутого поколения Z, в их восприятии нивелируется само понятие «идеал»; возможно, в их картине мира он представляется чем-то недостижимым или ненужным, то есть у студентов пропадает потребность искать для себя какой-то речевой эталон.

Кроме того, в последние годы, по опросам ВЦИОМ, для 44% молодежи основным источником информации и новостей являются форумы, сайты, блоги, социальные сети [10, 204]. Меняется коммуникативное пространство молодежного сообщества, цифровая реальность накладывает отпечаток на условия взаимодействия. На всех этих платформах мы увидим мало ораторов в классическом понимании, отсюда постановка задания в прежнем виде (о риторическом идеале) представляется нам не совсем корректной, она ограничивает мнения студента некоторыми рамками.

В связи с указанными соображениями мы изменили формулировку задания, и уже в 2025 г. студентам была предложена другая тема эссе: «Настоящий оратор, шоумен или блогер». Причем задание сопровождалось дополнительными комментариями: ра-

бота предполагала сопоставление указанных типов с использованием примеров, оценку перспектив существования каждой категории, выявление предпочтений молодежи и собственное видение речевого эталона в будущем. Охват аудитории на втором этапе эксперимента — 100 человек.

Из анализа работ следует, что большинство авторов считает важным ораторское искусство сегодня в определенных сферах — в основном в политике и образовании, хотя ораторством в чистом виде молодежь все меньше интересуется, «фигуры ораторов ассоциируются с чем-то классическим и даже немного устаревшим». Примерами эталона ритора реципиенты единодушно называют выдающихся лидеров прошлого (М. Л. Кинг, У. Черчиль, В. И. Ленин и др.), отмечается также фигура В. В. Путина. Настоящему оратору, по мнению студентов, отводится особая роль: «Оратор — это не просто говорящий человек, это лидер, который способен быть голосом целого народа». Такие люди способны менять ход истории и в то же время брать на себя ответственность за будущее. Как мы видим, в качестве критерия оценивания ритора — акцент на ценностных ориентирах, нравственно-этических категориях. Также отмечается, что совершенный оратор должен обладать природным талантом, хорошей памятью, быть эрудированным.

Однако роль оратора, по мнению студентов, сегодня существенно меняется, они уже «не имеют монополии на истину». И образ оратора в массовом сознании теряет свою исключительность. В наш цифровой век практически любой человек с минимальными речевыми навыками может выйти в интернет и начать вещать на различных платформах, и найдутся люди, которые будут его слушать. И здесь возникает следующий вопрос: а как привлечь и удержать внимание современной аудитории? По мнению молодежного сообщества, для этого в выступлении важно учитывать не только содержание, но и форму подачи.

С этим прекрасно справляется особая категория публичных людей — шоумены. В изучаемых работах студенты активно сопоставляют два типажа — оратора и шоумена. Отмечается, что и в том, и в другом случае эти персонажи успешно используют большой арсенал риторических приемов. Вот только тематика речей и (главное!) цели в их выступлениях кардинально различаются. Оратор опирается на глубокие знания, логику, аргументацию, его миссия — «нести знания в массы, он призван вести за собой, влиять на умы людей», напротив, шоумены «делают акцент на зрелищность, а не на глубину и серьезность», их цель — развлечь человека, «отвлечь его от тягости рутины». Молодежь считает, что образ шоумена сегодня востребован, эти люди являются «проводниками новых трендов, смело экспериментируют с формой и контентом». Думается, медийные персонажи оказывают определенное влияние на часть молодежной аудитории, но в качестве речевого эталона они их выбирают редко. Среди персоналий из этой группы можно выделить, например, П. Волю, С. Безрукова.

Следует отметить и критику наших авторов деятелей шоу-бизнеса за «поверхностность выступлений и программ, излишнюю зависимость от внешних эффектов, когда зрелищность затмевает смысл» и пр. В отдельных эссе указывается, что в некоторых случаях оратор и шоумен зачастую меняются ролями для наиболее эффективного воздействия на аудиторию, особенно часто это встречается среди политических лидеров (Р. Рейган, Д. Трамп и др.), что еще раз подчеркивает и общность условий взаимодействия для рассматриваемых образов (публичное пространство), и совпадение во многом тактик и приемов.

Предсказуемым результатом в нашем исследовании стало наличие множества работ, где доминирующее место занимают рассуждения о блогерах. В условиях, когда блогинг становится «естественной частью потребления информации все большего числа индивидов», наши респонденты лучше знают, оценивают и выбирают именно блогеров [10, 204]. Отдельные авторы называют их кумирами поколения, героями нашего времени. Почему? Преимущества их стиля, как указывают студенты, — это близость к реальной жизни, прямое общение, честность, вовлеченность в диалог, простота и доступность. Авторы констатируют очевидные истины (хотя и не самые приятные для образованного сообщества): «Молодежь всегда идет туда, где проще и интереснее».

Уровень доверия к этим людям достаточно высок. Блогеры кажутся «своими», ведь каждый может стать частью этого пространства, задать вопрос, оставить комментарий. На сегодняшний день и ученые, и общественные деятели единодушны во мнении с нашими авторами, утверждающими, что для поколения Z именно блогеры «формируют новые ценности, создают собственные идеологии и влияют на мнение своих подписчиков через непрерывный поток контента». Примерами блогеров с огромной аудиторией подписчиков опрошенные называют американца Д. Дональдсона, россиян Х. Нурмагомедова, П. Волю и др.

Стоит заметить, что никто из опрошенных не относит блогеров к риторическому эталону и даже более того — подвергает серьезной критике некоторых «популярных» личностей. Формат блогинга критикуют за этическую безответственность, в частности публикации некоторых материалов ради заработка, ради «хайпа» и пр. Также в отдельных случаях не выдерживает критики параметр достоверности информации в данном контенте. Таким образом, современное цифровое поколение обращается к различным интернет-ресурсам не в поиске каких-то эталонных моделей или образцов для подражания, а с целью найти для себя что-то новое, интересную информа-

цию, близких по духу людей, и главное — удобную платформу для самовыражения.

Возвращаясь к эталонному образу, стоит заметить, что большинство наших авторов видят будущее речевого искусства как синтез обозначенных форматов. «Идеальный речевой эталон сегодня — это гибрид, соединяющий в себе качества оратора, шоумена и блогера». Причем многие считают, что такой человек не должен бояться быть многогранным. Кроме того, выбранная коммуникатором роль должна зависеть от ситуации, поэтому все — ораторы, шоумены и блогеры — *в определенных обстоятельствах* нужны и важны.

Правда, мы столкнулись и с противоположным мнением. Двое из опрошенных утверждают, что ценность настоящего публичного выступления со временем будет утрачиваться. «В будущем с развитием технологий нейросетей никакие ораторские способности за пределами обычной жизни, к примеру на телевидении, в интернете или на радио, не будут ни на что влиять, ведь любой голос, тембр и даже интонацию скорее всего можно будет сделать искусственно…» И это действительно вызов нашего времени. В то же время, исходя из здравого смысла, мы никогда не переместимся в цифровую реальность полностью, живое общение сохранится, а значит, коммуницировать нам все равно придется, нужно вырабатывать правильные подходы к изменяющимся коммуникативным условиям и, возможно, менять собственное речевое поведение.

Подводя итог нашему исследованию, стоит заметить, что взгляды и ценности представителей молодого поколения сегодня чрезвычайно быстро меняются. Даже промежуток в одно десятилетие уже иллюстрирует эту динамику. Ключевой фактор влияния — цифровизация коммуникативного пространства, активное развитие технологий. Меняется социум, условия существования человека и, как следствие, ценностная переориентация. Заметим, наши реципиенты не отвергают «риторические эталоны» прошлого, просто последние становятся невостребованными в современных реалиях.

В этой связи возникает вопрос: чему и как учить это новое поколение? Не будет ли «навязывание» идеалов, транслирующих идеи прошлого, совершенно неэффективным? Думается, педагогическому сообществу нужно искать некую «золотую середину»: с одной стороны, знакомить с речевыми образцами и эталонами прошлых эпох, не пытаясь влиять на мнение аудитории в выборе идеала, а с другой стороны, идти прагматическим путем — изучать эффективные речевые тактики и приемы, в том числе с использованием возможностей современных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хлебникова М. С. «Стремимся к речевому совершенству!»: к вопросу об организации изучения категории «риторический идеал» в высшей школе / М. С. Хлебникова // Сибирский педагогический журнал. — 2007. — № 5. — С. 115—119.

2. Михальская А. К. Основы риторики: учебник для общеобразовательных учреждений / А. К. Михальская. — М., 2002.

3. Машкович О. А. Аксиологические доминанты риторического идеала современного студенчества в текстах президентских выступлений / О. А. Машкович // Филология: научные исследования. — 2021. — № 6. — С. 34—44

4. Стернин И. А. Опыт экспериментального выявления риторического идеала носителя русской коммуникативной культуры / И. А. Стернин // Риторические дисциплины в новых государственных стандартах. — М., 2002. — С. 102—109.

5. Шмаков А. А. Риторический идеал поколения Z (на материале социолингвистического эксперимента) / А. А. Шмаков // Филология и человек. — 2021. — № 3. — С. 61—75.

6. Боброва С. В. Речевой идеал современной молодежи / С. В. Боброва, А. С. Максименко // Риторические традиции и коммуникативные процессы в эпоху цифровизации. Материалы XXIII Международной научной конференции. — М., 2020. — С. 619—629.

7. Зинурова Р. И. Социальные практики и социально-психологические характеристики поколения Z / Р. И. Зинурова, Т. Н. Никитина, Л. З. Фатхуллина // Вестник Томского государственного университета. — 2022. — № 476. — С. 146—158

8. Кириллова Н. Н. Риторический идеал с точки зрения современного студента / Н. Н. Кириллова // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. — 2016. — № 3. — С. 39—45.

9. Тимонина И. В. К вопросу о корреляции понятий «педагогический идеал» и «риторический идеал»: историко-педагогический аспект / И. В. Тимонина // Образование и наука. — 2010. — № 11. — С. 88—97.

10. Щекотуров А. В. Основания и значение доверия блогерам в академической молодежной среде / А. В. Щекотуров, А. М. Дудузова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2024. — № 4 (76). — С. 204—211.

Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева

Кириллова Н. Н., кандидат педагогических наук, доцент кафедры методологии, истории и философии науки

E-mail: riknnk@list.ru

Nizniy Novgorod State Technical University n.a. R. E. Alekseev

Kirillova N. N., Candidate of Pedagogics, Associate Professor of the Methodology, History and Philosophy of Science Department

E-mail: riknnk@list.ru

УДК 316.77:004—057.875

ПРОВОКАЦИОННЫЙ КОНТЕНТ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Е. Ю. Красова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 сентября 2025 г.

Аннотация: *в центре внимания статьи проблема провокационного контента в социальных медиа. На материале социально-психологического исследования анализируются особенности восприятия воронежскими студентами провокационного содержания мультимедийных продуктов. Используется проективный метод неоконченных предложений. На основе полученных данных определено, что провокационный контент стал привычным явлением, хотя и осуждается студентами.*
Ключевые слова: *провокационный контент, провокативность, социальные медиа, вербальная агрессия, двусмысленная информация, техника проекции.*

Abstract*: the article deals with the problem of provocation content on social media. Based upon the results of the socio-psychological investigations, the peculiarities of Voronezh student's perception of the aggressive and conflictual content of media products are analyzed. The method, used in the study, — quality unfinished sentence technique. Based on the received data it was determined that provocation content has become a common occurrence, although the students condemn it.*
Keywords: *provocative content, provocative, social media, verbal aggression, ambiguous information, projection technique.*

В современной массовой коммуникации широко применяются стратегии и методы провокации с целью привлечения внимания к контенту медиа, рекламе и номинациям, отстройки от конкурентов, а также для формирования широкого общественного резонанса. Авторы провокационных материалов нарушают культурные нормы и традиции, этические принципы коммуникации, используя табуированные темы, шокирующие образы и двусмысленность. Например, названия сети кофеен в Саратове «Безопасный кекс», кафе «Саквояж для беременной шпионки», магазина одежды в Санкт-Петербурге «Мыльная белка».

«Соцсеть — это поле брани» — так маркетологи формулируют тренд 2025 г., называя его годом постиронии: хлесткие комментарии, черный юмор и саморазрушение [1]. В постиронии сочетается жизненность и абсурдность, когда не понятно, что это — шутка или реальность. Приобретает другой оттенок вирусность: именно негативная реакция аудитории на медиаплатформах лежит в основе значительных охватов [2]. Так, российская сеть Pims, которая продает напитки на основе чая, опубликовала видеоролик, в которой мужчина грубо обыскивает девушку, оголяя некоторые части ее тела, со слоганом: «Pims Police для тех, кто решил приготовить Pims дома» [3]. После возмущения пользователей в компании заявили, что выступают против любого насилия, однако, по словам представителей бренда, социальные сети являются территорией креатива — экспериментами с формой, жанрами, гипотезами и атмосферой, вдохновленными мемами.

В социальных медиа получает распространение троллинг — намеренное задевание участников коммуникации оценочными суждениями, в том числе оскорбительным, с целью спровоцировать конфликт в форуме [4, 170]. Причем характерным для сетевой коммуникации молодежи является типичная вербальная агрессия в речевом поведении, которая воспринимается как близкое к норме явление, вполне допустимое в непринужденной коммуникации. Стилистика молодежных видеоблогов содержит черты, характерные, с одной стороны, для развлекательных юмористических шоу, с другой — сетевых дискуссий на повышенных тонах [5, 168]. Предполагается разговорный стиль общения, яркие образы, провокации, сарказм и сатира.

Совершенно очевидно, что провокационный контент является неоднозначным явлением, поэтому следует уточнить понятия «провокация», «провокативность», «токсичный медиатекст», «хайп». Согласно словарному определению, провокация является видом манипуляции с целью оказания эмоционального воздействия и побуждения пользователя к определенным действиям с негативными последствиями [6]. Среди синонимов называют *подстрекательство* и *троллинг*, а среди вызываемых сильных эмоций и чувств — негодование, ярость, возмущение и унижение. Это рискогенная форма социального взаимодействия [7, 1]. Что касается медиа, то прямая вербальная провокация часто вызывает агрессивную реакцию и может гораздо сильнее

© Красова Е. Ю., 2026

влиять на стремление проявить агрессию, чем сам характер этих действий [8, 136, 141].

В контексте интернет-коммуникации отмечается семантическое различие между понятиями «провокационность» и «провокативность» [9, 107—108]. Есть мнение, что провокативность синонимична провокационности в нейтральном контексте — что-то пикантное и соблазнительное [10, 250—252]. Реклама может быть скандальной, шокирующей и эпатажной с функциями привлечения внимания, отстройки от конкурентов в рамках конкретной товарной категории, запоминаемости информации. К примеру, в рекламе банка Tinkoff используется тюремный жаргон, в том числе фразы «Карта в радость, кешбэк в сладость» и «Молодым платить не по масти».

Близким по значению также является понятие «токсичный медиатекст», который концептуализирует сдвиг в массмедийной коммуникации в сторону давления на психику реципиента и способствует утверждению новых форм общения в любых других коммуникационных системах [11, 50]. Сценарий сериала «В клетке» был настолько провокационным и смелым для телевидения, что возникла необходимость создать две версии: для эфира и демонстрации в интернете [12]. По-видимому, предполагалось, что для интернет-площадок токсичность допустима.

Для обозначения технологий интернет-продвижения, когда создается ажиотаж с помощью искусственной сенсационности, скандала или провокации вокруг определенного явления или персоны, используется термин «хайп» («раскрутить, раздуть, нечестный способ повысить популярность») [13, 123—124]. С одной стороны, достигается расширение охвата аудитории за счет определенной вульгаризации дискурса, с другой — происходит обесценивание публичной сферы как площадки осмысленной общественной дискуссии. Ярким примером являются скандальные постановочные видео истории блогера Д. Зотеевой (псевдоним Instasamka): придуманные ограбление квартиры и авария бойфренда, грубость по отношению к курьеру сервиса заказа быстрой доставки еды «Яндекс Еда», оскорбления и порча имущества опоздавших на съемку визажистов.

Между тем маркетологи указывают, насколько тонкой может быть грань между допустимым и неприемлемым с точки зрения аудитории в ситуации, когда бренды пытаются повлиять на социальные проблемы с помощью провокационного маркетинга [14, 207]. Опрос мнения пользователей сервисов бронирования и покупки авиабилетов Aviasales (1000 человек жителей городов-миллионников) показал, что рекламные провокации не только не привели к негативному восприятию бренда, но и привлекли новых клиентов [15].

Однако ученые выражают обеспокоенность применением подобных стратегий и тактик в социальных медиа. Ставится вопрос о границах провокационности из-за ее деструктивного характера, порождающего в ответ агрессию и конфликты [16, 77]. Предлагается серьезно задуматься о правовых и этических регуляторах использования провокаций. Это касается и провокативных материалов. Исследователи полагают, что не стоит рассматривать эпатажные медиатексты с речевой неоднозначностью как безобидное явление: они должны получать лингвоэтическую оценку [17, 73].

Все эти соображения побудили автора провести исследование с использованием проективной техники «На завершение задания», позволяющей выявлять у аудитории завуалированные, неосознаваемые побуждения и снижать эффект социальной желательности. Был проведен эксперимент с применением неоконченных предложений для изучения представлений воронежских студентов о провокационных материалах в социальных медиа. Ставились задачи выявления ассоциаций и эмоциональных реакций, определения привлекательности или отторжения подобного контента, а также факторов его запоминаемости. В эксперименте приняли участие 70 студентов десяти вузов г. Воронежа: классического университета (ВГУ), педагогического университета (ВГПУ), института физической культуры (ВГИФК), агроуниверситета (ВГАУ), лесотехнического университета (ВГЛТУ), медицинского университета (ВГМУ), института искусств (ВГИИ), технического университета (ВГТУ), института Федеральной службы исполнения наказаний (ВИФСИН), университета инженерных технологий (ВГУИТ). В выборке учитывались гуманитарное, техническое, естественнонаучное направления (за исключением специальностей «журналистика», «реклама и PR»).

Испытуемых попросили закончить три предложения, касающиеся их реакций на провокационные материалы в социальных сетях — продвижения идей, товаров или услуг. Нужно было указать ВУЗ, факультет, курс и пол.

Ниже представлен анализ и интерпретация полученных результатов, которые иллюстрируются самыми интересными высказываниями студентов (указываются их социально-демографические признаки) — см. таблицы 1, 2, 3.

Отрицательных реакций студентов на неоконченный стимул оказалось в два раза больше, нежели положительных, причем негатив особенно характерен для девушек-студенток. При отрицательном подходе применялись ассоциативные словесные символы: *провокация, обман, мошенники, буллинг, желтая пресса, возмущение, отторжение, отвращение, раздражение, бред, ступор, обеспокоенность*. При положительном отношении использовались слова: *интересно, увлекательно, цепляет, любопытно*. Были и нейтральные продолжения с выражением недоумения, скептицизма, сомнения и равнодушия. Симптоматично, что положительных реакций в совокупности

с нейтральными оказались столько же, сколько отрицательных, хотя экспрессивность негативных высказываний была выше. Во многих случаях выражалось желание проверить достоверность информации.

Таблица 1.

«Первое, что приходит на ум, когда сталкиваешься в Сети с двусмысленной информацией, противоречащей распространенным в обществе нормам, это…»

Категория
Положительные реакции «Очень увлекательно, потому что авторы не боятся выражать непопулярное мнение» (ВГУ, экономический ф-т, 2-й курс, женщина). «Смотря какая это информация. Если тема мне интересна, то я бы изучил ее более подробно» (ВГТУ, ф-т машиностроения и аэрокосмической техники, 5-й курс, мужчина). «Вызывает интерес и желание узнать больше» (ВГИИ, музыкальный ф-т, 3-й курс, мужчина). «Это понимание того, сколько людей, столько же мнений и информации» (ВГУ, юридический ф-т, 2-й курс, мужчина).
Нейтральные реакции «Возникает чувство недоумения» (ВГМУ, лечебный ф-т, 3-й курс, мужчина). «Мне все равно» (ВГУ, экономический ф-т, 3-й курс, мужчина). «Кто-то пытается «поймать хайп» и привлечь внимание в интернете» (ВГУИТ, ф-т управления и информатики в технологических системах, 4-й курс, женщина). «Странно для меня» (ВГУ, экономический ф-т, 2-й курс, женщина). «В данной ситуации стоит разбираться» (ВГПУ, ф-т иностранных языков, 4-й курс).
Отрицательные реакции «Очень неприятно. Хочется, чтобы такой информации было в разы меньше, а со временем она пропала бы совсем» (ВГУ, экономический ф-т, 3-й курс, женщина). «Отталкивает от этого информационного ресурса и наводит на мысль о том, чтобы покинуть канал» (ВГТУ, ф-т машиностроения и аэрокосмической техники, 5-й курс, мужчина). «Зачем все это в Сети вообще, сведения должны быть достоверными и информативными, а не сеющими панику и создающими ложную картину» (ВГУ, исторический ф-т, 4-й курс, женщина). «Возникает вопрос, в какую сторону может измениться общество при использовании новой информации, которая противоречит современным устоям» (ВГАУ, ф-т землеустройства и кадастров, 4-й курс, мужчина). «Либо это очень радикальные мысли, либо пропаганда, которая нацелена на раскачку обстановки в стране» (ВГУ, ф-т романо-германской филологии, 5-й курс, мужчина). «Данный материал должен быть с дисклеймером и «зацензурен» (ВГИФК, спортивный ф-т, 1-й курс, женщина). «Информация о военных конфликтах, где Западная Европа и США позиционируют себя как гуманистические государства, при этом поставляя оружие и боеприпасы для продолжения войны в той или иной стране» (ВГУ, ф-т международных отношений, 4-й курс, женщина).

Негатив преобладает и в этом случае. Определения были более разнообразными, нежели при симпатии к контенту: *лживость, притворство, двойные стандарты, показушность, страх, некомпетентность, неэтичность, агрессивность, навязывание мнений, оскорбления, нарушение общественных норм и морали, манипулятивность, отсутствие аргументов, преувеличение, неадекватность, распространение слухов, нарушение границ личного пространства*. Если же провокационный контент привлекал, то использовались такие слова и выражения, как *смелость, оригинальность, эмоциональность, вызов устоявшимся взглядам, развлекательность, интересные темы, юмор, яркость*. Заканчивая фразу, студенты часто использовали наречия «излишне», «чрезмерно», «преувеличенно» «слишком», имея в виду, судя по контексту, превышение нормы или границы социально приемлемого. Имеет место противоречивость взглядов: зачастую провокационный контент и привлекал чем-то конкретного студента, и одновременно отталкивал.

Таблица 2.

«В провокационных высказываниях блогеров или рекламе меня привлекает (отталкивает)…»

Категория
Привлекает «Возможность обсудить острые социальные вопросы и сформировать свое мнение на эту тему» (ВГТУ, строительный ф-т, 4-й курс, женщина). «Аргументированная и поставленная речь, хорошо подобранный видеоряд» (ВГУ, ф-т романо-германской филологии, 5-й курс, мужчина). «Эмоциональность высказываний, а также споры между людьми, если это какой-нибудь подкаст» (ВГТУ, гуманитарный ф-т, 4-й курс, женщина). «Мысль о том, что я могу прочитать смешные комментарии под их постами» (ВГУ, ф-т романо-германской филологии, 2-й курс, женщина).
Отталкивает «Кривляние, неадекватное поведение и тонны разных ругательств» (ВГМУ, лечебный ф-т, 1-й курс, мужчина). «Неискренность, постоянные преувеличения или игры с понятиями (ВГУИТ, ф-т управления и информатики в технологических системах, 4-й курс, женщина). «Когда блогеры «настраивают» подписчиков придерживаться их мнения, а также двуличие жен блогеров, которые сначала говорят одно, а потом совсем другое. В этот момент у меня появляется страх и недоверие ко всей информации, что я потребляю» (ВГУ, исторический ф-т, 3-й курс, женщина). «Чрезмерная агрессивность и нарушение этических границ» (ВГУ, экономический ф-т, 2-й курс, мужчина). «Тупость блогеров, которые часто говорят о вещах, в которых ничего не понимают» (ВГУ, экономический ф-т, 3-й курс, мужчина). «Слишком большое влияние на умы подростков, что может отрицательно сказаться на их восприятии социальных ситуаций» (ВГИФК, спортивный ф-т, 1-й курс, женщина).

Несколько студентов заявили: «меня не интересуют «блогеры-миллионники» (ВГПУ, ф-т иностранных языков, 4-й курс, женщина», «я не слежу за блогерами, а рекламу не слушаю и не смотрю» (ВГТУ, ф-т машиностроения и аэрокосмической техники, 5-й курс, мужчина) и др.

Таблица 3.

«Запоминается провокационное видео, которое отличается...»

Категория
Эмоциональностью «Вызывает эмоциональный шок и заставляет задуматься о том, насколько гибки границы между информацией и манипуляцией в цифровых медиа (ВГУ, экономический ф-т, 2-й курс, мужчина). «Если надавили на больное, например у меня айфон, а в видео сказали, что айфон — отстой» (ВГИФК, тренерский ф-т, 4-й курс, мужчина). «Вызывает негативный эмоциональный отклик, например при демонстрации сцены насилия» (ВГУ, юридический ф-т, 4-й курс, женщина). «Вызывает противоречивые эмоции (внутреннее одобрение, но в тоже время сомнение в «правильности» этого одобрения» (ВГИИ, театральный ф-т, 4-й курс, мужчина). «Что-то шокирующее и пугающее, например запись выступления в немецком театре: огромное количество крови, похабщины и грязи» (ВГУ, ф-т прикладной математики и механики, 2-й курс, женщина).
Антисоциальностью «Чем-то аморальным» (ВГУ, экономический ф-т, 4-й курс, женщина). «Видео, в котором автор почти с пеной у рта пытается доказать какую-нибудь психически нездоровую идею, топча при этом напрочь все нормы морали» (ВГМУ, лечебный ф-т, 4-й курс, мужчина). «Тем, что общеизвестные факты выворачиваются наизнанку и начинают обозначать противоположные явления: блогер заставляет тебя сомневаться в непреложности истин, которые раньше были само собой разумеющимися. Все это погружает тебя в цепочку бесконечных размышлений и сомнений» (ВГУ, филологический ф-т, 4-й курс, женщина). «Которое отличается жестокостью» (ВГУ, ф-т международных отношений, 2-й курс, мужчина). «Благодаря тому, что показывают неприемлемое поведение участников, которое не одобряется обществом» (ВГУ, ф-т романо-германской филологии, 3-й курс, женщина).
Актуальностью тематики «Тем, что в нем есть инфоповод, который будет обсуждаться некоторое время» (ВГУ, физический ф-т, 4-й курс, мужчина). «Тем, что затрагивают актуальные проблемы, например гендерное неравенство или расизм, представляя их в шокирующей форме (ВГИИ, театральный ф-т, 2-й курс, женщина). «Освещает актуальные темы или агрессивно выделяется среди других видеороликов, например за счет необычной музыки или эффективной монтажной обработки» (ВГИИ, музыкальный ф-т, 3-й курс, мужчина).
Необычностью «Оригинальностью, неожиданными поворотами сюжета или мощными визуальными образами, но не за счет шокирующего или неэтичного содержания (ВГУ, исторический ф-т, 4-й курс, мужчина). «Если оно отличается оригинальной концепцией и необычным визуальным стилем» (ВГПУ, ф-т иностранных языков, 4-й курс, женщина). «Имеет смелость отойти от укоренившихся шаблонов, принося новые идеи и взгляды» (ВГАУ, ф-т землеустройства и кадастров, 4-й курс, мужчина).
Скандальностью «Люди готовы на все ради популярности и хайпа, например подраться с кем-то или снимать видео на большой скорости» (ВГИФК, спортивный ф-т, 1-й курс, женщина). «Какой-нибудь скандальной темой, например видео про недвижимость политиков с попыткой найти в этом лицемерие и злодейство» (ВГТУ, гуманитарный ф-т, 4-й курс женщина).
Абсурдностью «Видео, которое отличается абсурдом, намеренно обманывающим подходом к освещению темы, например о теориях заговора» (ВГУ, медико-биологический ф-т, 2-й курс, женщина). «Запоминаются обычно какие-то абсурдные доводы или высказывания уровня «радужное мороженое — пропаганда ЛГБТ» именно своей глупостью и радикальностью» (ВГУИТ, ф-т управления и информатики в технологических системах, 4-й курс, женщина).

Факторами запоминаемости провокационного контента в оценках студентов стали (проранжировано в зависимости от удельного веса суждений):

— сильные эмоции, которые он вызывает (шок, угроза, гнев, злость, страх, отвращение и т.п.);

— демонстрация нарушения общественных устоев (попрание норм морали, жестокость, дискредитация кого-то и т.п.);

— поднимаемые в нем острые темы (вызывает общественный резонанс, отличается несправедливостью, произошло трагическое и т.п.);

— оригинальность контента (необычность, позволяет отойти от стереотипов, без укоренившихся шаблонов, нестандартная подача, выбивается из общей канвы и т.п.);

— демонстрация скандалов (упоминались имена селебрити, которых отличает скандальное поведение — Д. Зотеева, А. Ищук, Н. Кологривый и др.);

— абсурдность (идиотизм, глупые аргументы, голословные заявления, подмена понятий и т.п.).

Встречались и такие взгляды: «провокационный контент особо не запоминается, ибо засорять свой мозг лишней информацией не хочу», «в них обычно нет ничего важного», «мне не встречались провокационные видео».

Студенткой технического университета невольно были красиво проиллюстрированы современные тенденции в социальных медиа и обобщен взгляд на них молодежи. Она процитировала стихотворение «Этот мир не спасти!» [18].

Этот мир не спасти, запускайте Потоп!
Можно серу с небес, по-другому нет смысла.
Что случилось с людьми? Будто бесов поток
их толкает под руку, контролирует мысли.
Этот мир не спасти, ведь сон разума тут
порождает чудовищ мерзких до жути.
Все азартной толпой к ложной цели бегут,
не желая увидеть гнилой ее сути.
Этот мир не спасти, здравый смысл побежден.
И понятно одно, что не будет как прежде!
Всем придется пойти под свинцовым дождем

И спасенье найти в правде, дружбе, надежде.
Игорь Кучер

Подводя итог исследованию особенностей восприятия воронежскими студентами провокационного контента в социальных медиа, можно сделать ряд выводов.

Активность и информированность студентов в качестве пользователей медиа значительна. Провокационность стала привычным явлением, хотя и вызывающим негативные ассоциации и реакции. Во взглядах находит отражение противоречивость феномена. Проявляется эмоциональная двойственность: контент зачастую и привлекает, и отталкивает. Студенты запоминают провокационное видео и вербальные материалы, так как на эмоциональную память влияет яркость впечатлений, причем преодолевается барьер воздействия негативных эмоций. Провокационность отвечает своеобразным запросам аудитории, так как реализуются потребности в драматизме жизни и переживаниях, в психологической защите.

В целом же оценки имеют социальную направленность. Студенты оперируют понятиями «мораль» и «общественные устои». Представления основываются на рациональном понимании опасности провокационных материалов в социальных медиа для общества в целом, а для подростков и молодежи в особенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тренды контента 2025: бойня за внимание в мире перенасыщенного инфополя. — Режим доступа: https://vc.ru/marketing/1645552-trendy-kontenta-2025-boinya-za-vnimanie-v-mire-perenasyshennogo-infopolya?ysclid=meh7d7fq336522269 (дата обращения: 12.05.2025).

2. Новая виральность: как создавать контент, которым будут делиться в 2025 году. — Режим доступа: https://mastera.academy/going-viral/?ysclid=meh7ibrz4497086862 (дата обращения: 19.05.2025).

3. Большаков Н. Какая реклама запрещена и считается неэтичной: примеры и штрафы / Н. Большаков. — 2022. — Режим доступа: https://www.calltouch.ru/blog/kakaya-reklama-zapreshhena-i-schitaetsya-neetichnoj-primery-i-shtrafy/?ysclid=mf3pyljzhl39331411 (дата обращения: 27.05.2025).

4. Глущенко О. А. Экология коммуникации: факторы токсичности в медийных текстах / О. А. Глущенко, Н. В. Гришанин, Н. В. Кириллина // Коммуникология. — 2021. — Т. 9. — № 4. — С. 160—178.

5. Грушевская В. Ю. Дискурсивные особенности молодежных видеоблогов в российском сегменте YouTube / В. Ю. Грушевская // Дискурс-Пи. — 2021. — Т. 18. – № 3. — С. 160—175.

6. Толковый словарь Ожегова — Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/186882?ysclid=m4kxpfx9ft132905155 (дата обращения: 03.07.2025).

7. Тумский С. В. Провокация как социальное действие: определение феномена в контексте кроссдисциплинарного анализа / С. В. Тумский // Социодинамика. — 2017. — № 8. — С. 1—11.

8. Бэрон Р. Агрессия / Э. Бэрон, Д. Ричардсон. — СПб.: Питер, 1997. — 336 с.

9. Солодухо А. С. Провокативность в интернет-коммуникации: проблема определения понятия / А. С. Солодухо, А. В. Лозовский // Журнал Белорусского государственного университета. Серия: Философия. Психология. — 2019. — № 1. — С. 104—109.

10. Терских М. В. Провокативная реклама: понятие, функции, типология / М. В. Терских, О. А. Зайцева // Коммуникативные исследования. — 2021. — Т. 8. — № 2. — С. 248—262.

11. Антропова В. В. «Токсичный медиатекст» как новый термин: опыт концепт-анализа / В. В. Антропова [и др.] // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2024. — № 3 (53). — С. 50—59.

12. Айвазян М. Никита Кологривый / М. Айвазян. — Режим доступа: https://24smi.org/celebrity/144976-nikita-kologrivyi.html?ysclid=lwdh586zp4409600425 (дата обращения: 16.05.2025).

13. Грушевская В. Ю. Влияние методов вирусного продвижения видеоблогов на свойства информационного пространства / В. Ю. Грушевская // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сб. материалов VIII Международной научно-исследовательской конференции (г. Грозный, 10—11 декабря 2021 г.). — Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ, 2021. — С. 119—125.

14. Терских М. В. Отношение аудитории к провокационной рекламе: критерии оценки коммуникативной эффективности / М. В. Терских // Неофилология. — 2020. — Т. 6. — № 21. — С. 201—212.

15. Коваленко В. Пиар на провокациях: исследование на примере Aviasales / В. Коваленко. — Режим доступа: https://www.cossa.ru/trends/167233/?ysclid=lvopm6wkz5604382432 (дата обращения 21.06.2025).

16. Дзялошинский И. М. Провокация в системе коммуникационных технологий / И. М. Дзялошинский, Р. В. Жолудь // Коммуникации. Медиа. Дизайн. — 2017. — Т. 2. — № 2. — С. 62—81.

17. Ряжских Е. А. Эпатажные рекламные медиатексты с речевой неоднозначностью и их восприятие потребителем: лингвоэтический аспект / Е. А. Ряжских, И. В. Хорошунова // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия Филология. Журналистика. — 2020. — № 1. — С. 71—76.

18. Этот мир не спасти! — 2022. — Режим доступа: https://stihi.ru/2022/04/18/5578?ysclid=mesamx32ya180210847 (дата обращения: 30.06.2025).

Воронежский государственный университет
Красова Е. Ю., кандидат исторических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна
E-mail: kelan20042004@mail.ru

Voronezh State University
Krasova E. Yu., Candidate of History, Associate Professor of the Public Relations, Advertising and Design Department
E-mail: kelan20042004@mail.ru

УДК 659.3+316.77

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРИМЕНЕНИЯ UGC В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ БРЕНДА С МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИЕЙ

С. В. Меликян

Воронежский государственный технический университет

Поступила в редакцию 23 ноября 2025 г.

Аннотация: *в статье рассматриваются вопросы использования пользовательского контента в системе профессиональных коммуникаций бренда с молодежной аудиторией. Приводятся аргументы в пользу перспективности и выбора UGC для коммуникаций с аудиторией поколений Y и Z, а также универсальности этого инструмента по отношению к CJM (пути клиента).*
Ключевые слова: *коммуникации бренда, пользовательский контент (UGC), социальные сети, молодежная аудитория.*

Abstract: *this article examines the use of user-generated content in professional brand communications with a youth audience. Arguments are presented in favor of the potential and choice of UGC for communications with Generations Y and Z, as well as the versatility of this tool in relation to the CJM (customer journey).*
Keywords: *brand communications, user-generated content (UGC), social media, youth audience.*

Постановка проблемы. Траектория развития бизнеса в постпандемийную эпоху стала определяющей для большинства компаний в плане активной реализации коммуникации в интернет-пространстве с потребителем, перешедшим в цифровую среду. В условиях высокой конкурентной среды и изменений требований потребительских аудиторий к брендам традиционные практики коммуникаций субъектов бизнеса становятся не релевантны. Сегодня массовый потребитель становится частью информационного пространства, в котором живут и развиваются бренды, встраиваясь в их окружение. Мотивами активного участия потребителя в комьюнити бренда становится желание демонстрировать общественности свое отношение к бренду, создавать собственный контент (визуальный, текстовый или аудиальный), тем самым удовлетворяя потребность в самопрезентации как носителя корпоративных ценностей бренда. Обозначенные аспекты особенно ярко представлены в отношении молодежной аудитории миллениалов и поколения Z.

Роль цифровых технологий и активность молодежи. Технологическая грамотность «цифровых аборигенов» обоих поколений как неотъемлемая часть их жизни позволяет использовать социальные сети, мобильные устройства и онлайн-сервисы для коммуникации, обучения и работы в режиме нонстоп. Новая информационно-коммуникационная среда включает в себя источники, из которых формируется значимая для поколения миллениалов статусная самооценка, а также необходимый и высоко оцениваемый этой аудиторией социальный капитал [1]. Причем источники эти во многом более доступны и разнообразны, чем традиционные. Поколение Z, с осознанным потреблением и стремлением к самовыражению и идентичности, ориентировано на активную демонстрацию культурных аспектов своей жизненной философии [2].

Значение и особенности UGC. Безусловно, с уверенностью можно говорить, что появление такого феномена, как «пользовательский контент», тесно связано с развитием интернет-технологий и процессом цифровизации всех сфер жизнедеятельности социума. В свою очередь, обозначенные явления привели к трансформации информационно-коммуникационных инструментов и активному применению UGC в профессиональных коммуникациях бренда с молодежной аудиторией как активным участником дискурса в Сети.

Термин UGC, сегодня уже широко распространенный в научной литературе и профессиональных практиках, представляет собой аббревиатуру понятия User-generated content (англ.) и употребляется наряду с термином «пользовательский контент» в равной степени. Под понятием UGC подразумевается любой находящийся в открытом доступе оригинальный контент, источником создания и распространения которого является не сама компания, а ее аудитория. Пользователи генерируют такого рода контент добровольно и безвозмездно в большинстве случаев. В настоящее время UGC как метод коммуникации бренда входит в систему информационно-коммуникационных технологий успешных компаний и привычно используется в сферах маркетинга, PR и рекламы.

Уже на этапе развития интернет-технологий Web 2.0 бизнес получил в свое распоряжение возможность, открывшую перед любой компанией ши-

© Меликян С. В., 2026

рокие перспективы в плане привлечения целевых аудиторий и сбора данных о потребительских предпочтениях, запросах и привычках. Такой возможностью стало установление обратной связи с аудиторией. Сущностные характеристики социальных сетей (*new media*) позволяют относить их к полноценным агентам социализации человека и говорить о медиареальности как о новом типе субъективной реальности, в формировании которой играют одну из главных ролей именно социальные медиаресурсы [3]. К факторам, определяющим специфику социальных сетей, по мнению исследователей, можно отнести доступность размещаемой информации, отсутствие ограничений (как во времени, так и в пространстве), оперативность, мультимедийность, гипертекстуальность и диверсификацию [4].

Многочисленные исследования потребительского поведения активной аудитории в сети показывают, что UGC может оказывать значительное влияние на выбор услуги или решение о покупке продукта. «91% респондентов утверждают, что положительные отзывы влияют на решение купить товар или заказать услугу бренда. 94% клиентов утверждают, что онлайн-отзывы когда-то убедили их отказаться от покупки у торговой сети. 15% покупателей совсем не доверяют компаниям без отзывов [5]». Более того, интернет-ресурсы, контент которых включает в себя UGC, в целом вызывают большее доверие молодежной аудитории по ряду причин. «В основе информационной стратегии платформ пользовательского контента лежит максимальная свобода публикации авторского материала (текста, аудио, видео, мемов, комментариев, графики и так далее), в то время как сетевые СМИ опираются на медиастратегию, включающую базовые принципы верификации журналистских материалов (proof-подход и аналогичные техники) и правила упаковки новостей в медиаформат [6]». Доверие пользователей основано на том, что и на уровне тематики контента, и на уровне стиля подачи материала платформы, включающие UGC, демонстрируют большую открытость, что органично встраивается в картину мира активной аудитории поколений миллениалов и зуммеров.

Результаты представленных исследований показывают, что сегодня большинство потребителей при покупке товаров и услуг в сети Интернет тщательно изучают отзывы, читают комментарии и просматривают фото- и видеоконтент других потребителей. Таким образом, контент, созданный другими пользователями, в некоторой степени призван и способен решить задачу заполнения лакуны коммуникации в вопросно-ответной форме, по аналогии с офлайн-магазином, в отсутствие в виртуальной среде продавца-консультанта. В целом пользовательский контент обладает рядом объективных преимуществ, выявленных и описанных в результате ранее проведенных исследований поведения потребителей в цифровой среде [7].

Влияние UGC на потребительское поведение. UGC формирует доверие к бренду еще до момента покупки, повышает вовлеченность и создает эмоциональную связь с брендом, использует социальное доказательство: для пользователя выбор из огромного количества однотипных товаров усложняется отсутствием уверенности, что данная покупка сможет решить его проблему, а положительные отзывы таких же рядовых покупателей, как он сам, помогают быстрее решиться на покупку.

Современные компании, стремящиеся быть успешными на конкурентном рынке, сегодня не ограничиваются корпоративным сайтом, актуализируя свое присутствие в социальных сетях, они создают комьюнити и продвигают оригинальный контент, что, в свою очередь, становится не столько инструментом промоушен-коммуникаций брендов, сколько площадкой для поддержания имиджа и реализации возможности «быть в тренде». Совокупность специфических характеристик социальных сетей делает их на сегодняшний день одним из ключевых каналов коммуникации бренда, позволяющим не только информировать и привлекать внимание потребителя, но и формировать необходимое представление о бренде, стимулировать продажи и проводить отстройку от конкурентов. Исследования показывают, что миллениалы и зуммеры мало доверяют онлайн-рекламе, рекламе на площадках социальных сетей и инфлюенсеров, но обращают повышенное внимание на покупательский опыт, позиционирование бренда и соответствие собственным идейным принципам [2].

Отмечая преимущества использования UGC в коммуникационной и маркетинговой стратегии бренда, специалисты-практики, в частности Леонид Елецких, директор по продажам Adjust в России и Восточной Европе, акцентируют внимание на определенных аспектах [8]. Прежде всего, это широкий охват и максимум возможностей в плане контакта с аудиторией, которые обеспечивает UGC. Такой контент представляет бренд без рекламной ретуши, поэтому пользователи воспринимают его как более аутентичную и честную информацию о компании. Еще одним преимуществом UGC для бренда является создание сообщества, поскольку поиск единомышленников, разделяющих интересы, заложенный в социальной природе человека, для поколения миллениалов представляет собой актуальную сущностную характеристику: активность в социальных сетях формирует так необходимый этой аудитории социальный капитал, заключающийся в разнообразии межличностных контактов, умении развивать и поддерживать сетевые отношения с высоким уровнем доверия [1]. О несомненном интересе самих пользователей к пользовательскому

контенту свидетельствует тот факт, что практически в любом сообществе различных брендов в социальных сетях, в комментариях — самом популярном виде пользовательского контента — пользователи вступают в диалог с другими пользователями: задают вопросы, отвечают на вопросы, оставляют реакции и сообщения под комментариями.

Широкое разнообразие форматов и высокая адаптивность UGC делают его практически универсальным коммуникативным инструментом, органично вписывающимся в любой этап Customer Journey Map (сокращенно *CJM*, дословно с английского — «карта путешествия / пути пользователя») [9] — от размещения такого рода контента на официальном сайте и страницах бренда в соцсетях, до добавления на лендинги, в email-рассылки и в различные формы нативной рекламы.

Таким образом, очевидно, что пользовательский контент, обладая рядом уникальных характеристик, является сегодня не только ценным ресурсом коммуникации, одновременно значимым как для потребителя, так и для бренда, но и высоко перспективным в плане взаимодействия с молодежной аудиторией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авраамова Е. М. Социальное позиционирование и социальные практики российских миллениалов / Е. М. Авраамова // Вестник Института социологии. — 2019. — № 3. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-pozitsionirovanie-i-sotsialnye-praktiki-rossiyskih-millenialov (дата обращения: 21.10.2025).

2. Колчин Д. Ю. Жизненная философия поколения Z / Д. Ю. Колчин // Манускрипт. — 2025. — № 1. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznennaya-filosofiya-pokoleniya-z (дата обращения: 21.10.2025).

3. Дунас Д. В. Мотивационные факторы медиапотребления российской «цифровой молодежи»: результаты пилотного исследования / Д. В. Дунас и др. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. — 2020. — № 2. — С. 3—27.

4. Меликян С. В. UGC как перспективный инструмент продвижения локального туризма / С. В. Меликян // Человек в системе коммуникаций: профессиональные коммуникации в цифровую эпоху: сборник статей по материалам XV Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Елизаветы Петровны Савруцкой, НГЛУ, 29—30 ноября 2022 г. — Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2023. — С. 277—281.

5. Свистунова Д. Сила пользовательского контента: исследования, механики сбора и примеры / Д. Свистунова // Материалы конференции «Маркетинг мертв: новые коммуникации», Москва, 22 ноября 2022 г. — Режим доступа: https://gkrstb.ru/blog/marketingovye-kommunikacii-chto-novogo-chast-vtoraya/ (дата обращения: 21.10.2025).

6. Коноплев Д. Э. UGC против интернет-СМИ: конкурентные стратегии пользовательского контента / Д. Э. Коноплев // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2021. — № 3 (41). — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ugc-protiv-internet-smi-konkurentnye-strategii-polzovatelskogo-kontenta (дата обращения: 21.10.2025).

7. Гаврилов А. Формируем лояльность к бренду с помощью контент-маркетинга / А. Гаврилов // Uplab.ru [сайт]. — 2018. — Режим доступа: https://www.uplab.ru/blog/ generated-brand-loyalty-with-content-marketing/ (дата обращения: 21.10.2025).

8. Елецких Л. Сделай сам: что такое пользовательский контент и почему маркетологу выгодно с ним работать / Л. Елецких // Sostav.ru. — 2021. — 29 авг. — Режим доступа: https://www.sostav.ru/publication/sdelaj-sam-chto-takoe-polzovatelskij-kontent-i-chem-on-interesen-marketologam-50099.html (дата обращения: 21.10.2025).

9. Андреева А. CJM. Вариативность подходов с примерами / А. Андреева //Серия семинаров образовательного объединения АПГРЕЙД «Рынок рекламы в России». — Режим доступа: https://akarussia.ru/education/obrazovatelno-obedinenie-apgrejd/#seriya-seminarov (дата обращения: 21.10.2025).

Воронежский государственный технический университет

Меликян С. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью

E-mail: smel_@mail.ru

Voronezh State Technical University

Melikyan S. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Public Relations Department

E-mail: smel_@mail.ru

УДК 070

СМИ КВЕБЕКА: МЕДИАРЕГИОНАЛИЗМ VS. МЕДИАБИЛИНГВИЗМ

Е. Ф. Овчаренко

Тверской государственный университет

Поступила в редакцию 23 июля 2025 г.

Аннотация*: в статье исследуется причина, по которой современная печать провинции Квебек противопоставляет свой французский язык официальному билингвизму Канады, хотя двуязычие присутствовало в ранней периодике Квебека за 200 лет до принятия Закона о билингвизме (1969). Анализируется и влияние на квебекские СМИ франкоканадского национального вопроса, возникшего еще в середине XVIII века, после перехода Квебека к Великобритании. Современная информационная политика СМИ Квебека характеризуется термином «медиарегионализм», заключающемся в монолингвизме СМИ (только французский язык) и актуализации регионального контента. Поэтому медиарегионализм как тип информационной политики имеет обратную сторону: ни одно франкоязычное СМИ Квебека не смогло стать общенациональным. Можно заключить, что тенденция к медиарегионализму сохранится и в ближайшее время как способ защиты идентичности квебекцев.*
Ключевые слова*: Квебек, Канада, франкоканадский национальный вопрос, медиамонолингвизм, медиабилингвизм, медиарегионализм.*

Abstract*: our article examines the next problem: why modern Quebec media oppose French language of province to official Canadian bilingualism, despite the fact that bilingualism was early periodicals' phenomenon two centuries before "Official Language Act" (1969). Also, French-Canadian National Problem's influence on Quebec media is analyzed from the middle of 18 century to our days, when Nouvelle France, or Canada became new English colony. In our opinion, Quebec's modern information politics is characterized as Media Regionalism: French language only and actualization of regional content. So, Media Regionalism has reverse side, because the rest 9 provinces don't want to read in French Quebec local news. We can conclude that in future two tendencies — Media Regionalism and Monolingualism will use by Quebec media for protection of National identity.*
Keywords*: Quebec, Canada, Franco-Canadian National Problem, Media Monolingualism, Media Bilingualism, Media Regionalism.*

Равный доступ к информации для всех граждан многонациональных государств (например, таких как Канада и Россия) является их законным правом. Для канадцев эту задачу попыталось решить в 1969 г. правительство Пьера Трюдо, инициировав Закон об официальном билингвизме страны, хотя большинство ее жителей говорили и говорят на английском языке. Решение было связано с исторической проблемой страны — франкоканадским меньшинством провинции Квебек. В 2024 г. закону исполнилось 55 лет, но населенный потомками французских переселенцев Квебек с 1977 г. фактически отказался от официального билингвизма, объявив французский единственным языком провинции, что поддержало подавляющее большинство квебекских СМИ.

Однако если обратиться к истории печати Квебека, то можно обнаружить, что для ранней периодики провинции, за 200 лет до принятия Закона о билингвизме, было характерно именно двуязычие, которое стало результатом исторических событий середины XVIII века. Едва в 1763 г. был заключен Парижский мир, по которому колония Новая Франция, или Канада, перешла к Великобритании, как в 1764 г. там появилось первое печатное издание — «Квебекская газета», основанная выходцами из английских колоний Уильямом Брауном и Томасом Гилмором. Разумеется, она печаталась на английском языке, но для многочисленного франкоязычного населения колонии переводилась на французский.

Хотя первые печатные издания были завезены в Канаду одновременно с ее открытием французским моряком Жаком Картье (1534), однако за все время французского владычества здесь не существовало ни типографий, ни газет, и миссионерам приходилось рисовать от руки календари церковных праздников для обращенных в христианство кочующих индейских племен [1, 101]. А после перехода Канады к Великобритании и появления первой газеты и типографии, официальным языком для франкоговорящего населения был объявлен английский. «Прокламация Георга III росчерком пера упразднила прежнюю Канаду… Канада не существовала, но канадцы остались. Для них Канада не исчезла. Пото-

© Овчаренко Е. Ф., 2026

му что Канада была их родиной», — писал крупный квебекский историк XX века Мишель Брюне о зарождении франкоканадского национального вопроса, напрямую связанного с этим решением [2, 18] и впоследствии не раз угрожавшего целостности Канадской конфедерации.

Двуязычная «Квебекская газета» положила начало печати современного Квебека, и медиабилингвизм первого издания, избранный ее владельцами, кстати, по совету Б. Франклина [3, 77—78] за 200 лет до принятия Закона об официальном билингвизме, был продиктован необходимостью. Уже с октября 1764 г. газета приняла официальный статус, поскольку губернатор Квебека Джеймс Мюррей обещал издателям финансовую помощь в обмен на публикацию приказов и других документов колониальной администрации. Медиабилингвизм первой газеты Квебека был выгоден губернаторам-англичанам, которые стремились контролировать едва появившуюся прессу, но уже тогда он работал не идеально. Например, перевод содержания «Квебекского акта» Георга III (1774), где снова не было ни слова про родной язык большинства населения, франкоговорящие жители Квебека получили более четырех месяцев спустя после публикации текста на языке оригинала. Качество перевода также оставляло желать лучшего [4, 30].

Появление второго печатного издания Квебека, тоже двуязычного, опять было связано с именем Бенджамина Франклина [Подробнее см.: 3, 90—97]. Французский печатник Флери Мепле, приглашенный Франклином на службу Континентального конгресса для распространения среди населения Канады идей Американской революции, прибыл в Монреаль накануне его взятия английскими войсками и оказался в тюрьме. Выйдя на свободу, он после ряда злоключений с 1785 г. начал издавать по примеру «Квебекской газеты» (г. Квебек) двуязычное издание для Монреаля — «Газетт де Монреаль». Переводы в ней делались с французского на английский. К этому времени стала расширяться сеть периодики в колонии, и владельцы новых изданий также стремились сделать их двуязычными, чтобы набрать больше подписчиков, но в отличие от стабильно выходивших каждую неделю «Квебекской газеты» и «Газетт де Монреаль» большинство других изданий оказались нерегулярными и недолговечными [подробнее см.: 5, 11; 6, 5].

Отметим, что двуязычные «Квебекская газета» и «Газетт де Монреаль» в силу своего зависимого финансового положения почти всегда придерживались точки зрения колониальной администрации. Удивительно, что прогубернаторская «Квебекская газета» все же рискнула напечатать речь депутата Парламента Квебека франкоканадца Эсташа-Гаспара де Лобиньера, произнесенную в декабре 1792 г., в которой он потребовал признать равноправие английского и французского языков в колонии [7]. Однако постепенно медиабилингвизм двух первых изданий Квебека приобретал все более официальный характер, так же как постепенно выпуски изданий на английском языке — языке колониальной администрации — становились основными. Первую трещину медиабилингвизм ранней периодики Квебека дал на рубеже XVIII—XIX веков, когда «Квебекская газета» не стала освещать продолжавшуюся борьбу депутатов-франкоканадцев за право выступать в Парламенте на французском языке, несмотря на то, что продолжала издаваться на двух языках. Конец медиабилингвизму прессы в колонии положило появление двух моноязычных газет-оппонентов. В 1805 г. Томас Кэри, бывший секретарь губернатора Прескотта, начал издавать англоязычную газету «Квебек Меркури», отличавшуюся неприкрытой франкофобией. А в 1806 г. появилась франкоязычная газета депутата Парламента Пьера Бедара «Канадьен» («Канадец»), которая стала защищать права франкоканадцев. «Его редакция стала очагом размышлений и политических дискуссий», — отмечал квебекский историк Камиль Руа [8, 24]. С противостояния «Канадьен» и «Квебек Меркури» [5, 14] начинается новый период в истории СМИ Квебека — эпоха политической журналистики, а эпоха медиабилингвизма завершилась [подробнее см.: 3, 126—130]. Именно тогда началось разделение медиа провинции по языковому принципу и контенту, переход к медиамонолингвизму, что и сегодня отчетливо наблюдается в обособленном сосуществовании двух систем СМИ в Квебеке — обширной франкоязычной и практически отсутствующей англоязычной: в провинции всего два значительных издания на английском языке: «Газетт» в Монреале и «Рикорд» в Шербруке. Однако в XIX веке франкоканадцы длительное время ощущали свое неравноправие в информационной сфере. Например, с мая 1832 г. старейшая двуязычная «Квебекская газета» стала выходить только на английском языке [5, 1]. «Газетт де Монреаль» после кончины Ф. Мепле оставалась двуязычной лишь до 1824 г. [5, 5—6; 6, 5], хотя как англоязычное издание газета дожила до наших дней — это крупнейшее издание страны «Газетт». Квебекские журналисты второй половины XIX века боролись против такой тенденции перехода двуязычных изданий на моноязычные английские выпуски не только на страницах своих изданий; им принадлежал ряд публицистических работ в защиту французского языка. Наполеон Лежандр (1841—1907) — автор исследований «Провинция Квебек и французский язык» (1884) и «Язык, на котором мы говорим» (1887); Артюр Бюи (1840—1901) написал брошюру «Англицизмы и канадианизмы» (1888); Альфонс Люзиньян (1843—1892) опубликовал целый сборник статей «Работа над ошибками» (1890); Жюль-Поль Тардивель (1851—1905) защи-

щал французский язык в брошюрах «Враг по имени англицизм» (1880) и «Французский язык в Канаде» (1901) [15, 82—87]. В XX веке традиция защиты родного языка была продолжена, и многие газеты вели рубрики «Языковые хроники». Именно из такой рубрики в 1959 г. на страницах газеты «Девуар» вышла громкая дискуссия по поводу «народного» варианта французского языка в Квебеке — т.н. «жуаля»[1]. Большинство франкоязычных журналистов высказались против подобного «недо-языка» (выражение Поля Шамберлана из журнала «Парти при»), насыщенного англицизмами и искаженными французскими словами; вскоре мода на него даже среди творческой интеллигенции постепенно начала проходить.

Медиабилингвизм, присущий первым изданиям Квебека, безвозвратно ушел в прошлое в 1970-х г. XX столетия, когда к власти в провинции пришла суверенистская Квебекская партия во главе с журналистом Рене Левеком. Именно его правительство приняло в 1977 г. знаменитый Закон № 101, или «Хартию французского языка». В его Преамбуле говорилось: «Язык, характерный для народа, в большинстве своем франкофонного, — французский язык — позволяет квебекскому народу выражать свою идентичность» [9, 27]. Инициативу суверенистов поддержали журналисты печатной прессы, а в XXI веке — и новых медиа Квебека. В таблице 1 показаны результаты опроса населения Канады о предпочтительных источниках новостей, проведенного в январе — феврале 2025 г. Центром изучения медиа Лавальского университета (г. Квебек). Оказалось, что жители провинции по-прежнему отдают предпочтение квебекским СМИ на французском языке, а иностранные медиахолдинги создают специально для квебекцев медиаконтент на их родном языке. Однако иная картина в 9 англоязычных провинциях: там значительная часть аудитории предпочитает новости из США и Великобритании новостям канадских медиа [10]. И это еще один пример «двух одиночеств» (известное определение канадского писателя Хью Макленнана), т.е. обособленного сосуществования двух наций-основательниц современной Канады, которые разделены не только языком и верой, но и историческим прошлым. Неудивительно, что на фоне официального билингвизма Канады основой своей информационной политики Квебек сделал медиарегионализм. Это не только французский язык медиа провинции, но и специфическая «повестка дня» квебекских СМИ, очень верно охарактеризованная Королевской комиссией по газетам (1981): «Франкоязычная журналистика с самого начала взяла на себя единственную миссию — спасти нацию, как говорили раньше, и этот священный долг настраивал на определенное презрение к обыкновенным новостям и большую привязанность к анализу, патриотическим тирадам и проповедям. Журналистский Пантеон Французской Канады населен в своем преобладающем большинстве памфлетистами и авторами передовых статей. Простой репортер здесь не фигурирует» [11, 25]. Конечно, это полная противоположность контенту и подходу к информации англо-саксонских СМИ Канады, а также следствие того неравноправия, которое почти два с половиной века испытывали франкоговорящие жители Квебека по сравнению с канадцами-англофонами[2]. Флагман информационной политики медиарегионализма в Квебеке — ежедневная независимая и влиятельная газета «Девуар», получившая титул «квебекской “Монд”». Крупный политический деятель Французской Канады Анри Бурасса (1868—1952), основавший это издание с символичным названием «Долг» 115 лет назад, видел его миссию в защите идентичности Квебека и в качестве девиза издания выбрал слова: «Делай, что должно» («Faits ce que dois») [Подробнее о газете см.: 12, 231—235]. Кстати, редакция «Девуар» давно заявила, что будет не «газетой новостей», а «газетой, которая информирует, комментирует и анализирует…» [11, 100].

Вероятно, политика медиарегионализма для Квебека — это средство выживания в англоязычном окружении и способ противостояния федеральной доктрине «одна страна — одна нация, говорящая на двух языках», положенной в основу Закона об официальном билингвизме. Однако медиарегионализм имеет для Квебека и обратную сторону: ни одно франкоязычное СМИ провинции не стало общенациональным, в отличие, например, от англоязычной «Газетт» (когда-то двуязычной «Газетт де Монреаль»). И вряд ли в Квебеке с его политикой медиарегионализма когда-нибудь появится такое мультикультурное и полилингвистическое СМИ, как Radio CHIN. В 2026 г. эта радиостанция, вещающая из Торонто и федеральной столицы Оттавы, отметит свое шестидесятилетие. Основанная ветераном Второй мировой войны, канадцем итальянского происхождения Джонни Ломбарди первая радиостанция открыла свой офис в 1966 г. в Торонто, еще до принятия Закона о билингвизме (1969). Уже тогда Д. Ломбарди понимал, что медиаподдержка «канадской мозаики» с ее более чем 200 национальностей, очень важна [13, 72]. Радио ЧИН, вещающее не только на официальных, но и, например, на русском языке, пока остается самым удачным примером би- и полилингвизма СМИ в Стране Кленового листа.

В заключение отметим, что в современном Квебеке хорошо помнят: две нации-основательницы стояли у истоков сегодняшней Канадской конфе-

[1] Жуаль (joual) — от искаженного французского слова “cheval” — «лошадь» (Е. О.).

[2] Официальное «признание квебекской нации» состоялось лишь в 2006 году, когда у власти находились консерваторы во главе со Стивеном Харпером (Е.О.).

дерации. Однако даже такой прозорливый ум, как Бенджамин Франклин, посетив Квебек в 1760 г., утверждал, что франкоговорящее население бывшей Новой Франции «в этой малонаселенной стране будет менее чем за полстолетия, под давлением англичан, обосновавшихся в колонии повсюду, совершенно смешано и слито с нашим народом, у которого оно позаимствует язык и обычаи» [14, 45—46]. Такого же мнения придерживалась и известный отечественный лингвист Е. А. Реферовская, автор монографии «Французский язык в Канаде» (1972). Побывав в Квебеке 200 лет спустя после Франклина, она писала: «Еще несколько десятилетий — и французский язык, отдельность франкоканадской культуры и особое национальное самосознание франкоканадцев растворятся в понятии единой канадской нации, говорящей на английском языке» [15, 57]. Однако девиз на Гербе Квебека, появившийся в 1883 г., гласит: «Я помню» [«Je me souviens»], и медиарегионализм как тип информационной политики СМИ Квебека направлен на выживание в англоязычном окружении.

Таблица 1.

Из каких источников вы предпочитаете узнавать новости?

%	Франкофоны	%	Англофоны
27	ТВА Нувель (Квебек)	23	Си-Би-Си Ньюз (Канада)
26	«Пресс» (Квебек)	19	СТВ Ньюз (Канада)
24	ИСИ Радио-Канада (Квебек)	16	Си-Эн-Эн (США)
21	«Журналь де Квебек», «Журналь де Монреаль» (Квебек)	14	Яху! Ньюз (США)
11	МСН-Актюалите (США, на французском языке)	14	Глобал Ньюз (Канада)
10	«Актюалите» (Квебек)	13	Би-Би-Си Ньюз (Великобритания)
9	Радио локаль ан линь (Квебек)	10	МСН Ньюз (США)
9	Яху! Актюалите (США, для Квебека на французском языке)	10	«Глоб энд Мейл» (Канада)
7	«Девуар» (Квебек)	9	«Нью-Йорк Таймс» (США)

ЛИТЕРАТУРА

1. Федин А. В. Становление системы редукций в Новой Франции в 1637—1660 гг. / А. В. Федин // Вопросы истории. — 2011. — № 12. — С. 96—109.

2. Brunet M. Canadians et Canadiens. Etudes sur l'histoire et la pensée des deux Canadas / M. Brunet. — Montréal, 1967.

3. Овчаренко Е. Ф. Печать Квебека от зарождения до признания квебекской нации (1764—2006). Том первый: XVIII—XIX века / Е. Ф. Овчаренко. — М.: 2022.

4. Lagrave J.-P. de. Les origines de la presse au Québec (1760—1791) / J.-P. de Lagrave. — Montréal, 1975.

5. Beaulieu A. La presse québécoise des origines à nos jours. Tome premier: 1764—1859 / A. Beaulieu, J. Hamelin. — Québec, 1973.

6. Kesterton W. H. A History of Journalism in Canada / W. H. Kesterton. — Toronto, 1967.

7. The Quebec Gazette / La Gazette de Québec. — 1793. — Le 31 janvier.

8. Roy C. Manuel d'histoire de la littérature canadienne de la langue française. 21-e éd. / C. Roy. — Montréal, 1959.

9. 400 (quatre) ans. La langue française au Québec: quelques repères / Recherche et redaction Christine Eddie, Sécretariat à la politique linguistique. — Québec, 2008.

10. Regard sur les pratiques d'information au Canada / Digital News Report 2025. Режим доступа: https://www.vf-dnr-pratiques-dinformation-2025.pdf (дата обращения: 22.07.25).

11. Commission royal sur les quotidiens // Royal Commission on Newspapers. — Ottawa, 1981. 12. Овчаренко Е. Ф. Столетие «Долга»: к юбилею канадской газеты «Le Devoir» / Е. Ф. Овчаренко // Канадский ежегодник. Выпуск 14. — М.: Российское общество изучения Канады, 2010. — С. 231—235.

12. Калиберда Е. О русской программе на Радио ЧИН Оттавы и о двух радиопередачах 2015 г. / Е. Калиберда // Северные грани. — 2016. — № 6. — С. 72—75.

13. Franklin B. The Interest of Great Britain Considered with Regard to Her Colonies / B. Franklin. — London, 1760.

14. Реферовская Е. А. Французский язык в Канаде / Е. А. Реферовская. — Л.: 1972.

Тверской государственный университет

Овчаренко Е. Ф., кандидат филологических наук, докторант

E-mail: felicella@inbox.ru

Tver State University

Ovcharenko E. F., Candidate of Philology, Doctoral Student

E-mail: felicella@inbox.ru

УДК 070.4

«ССЫЛКА НЕ ДОСТИГАЕТ СВОЕЙ ЦЕЛИ»: ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ САХАЛИНА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ» В 1870-Е — НАЧАЛЕ 1880-Х ГГ.

Е. В. Перевалова

Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина

Поступила в редакцию 29 октября 2025 г.

Аннотация: *в статье рассматриваются выступления газеты «Московские ведомости» 1870-х — начала 1880-х гг. по вопросам освоения Сахалина. Сделан вывод, что издание отрицало экономический эффект вольных поселений на острове и активно поддерживало правительственную политику его штрафной колонизации. В то же время дальневосточные корреспонденты издания отмечали низкую эффективность «казенных» разработок природных ресурсов Сахалина и указывали на необходимость привлечения частного капитала и применения более эффективных технологий, а также создания приемлемых условий труда и быта для каторжного населения.*
Ключевые слова: *«Московские ведомости», Сахалин, штрафная колонизация, каторга, экономическая эффективность.*

Annotation: *the article examines the speeches of the Moskovskie Vedomosti newspaper in the 1870s and early 1880s on the development of Sakhalin. It is concluded that the publication denied the economic effect of free settlements on the island and actively supported the government's policy of penal colonization. At the same time, the Far Eastern correspondents of the publication noted the low efficiency of state-owned development of Sakhalin's natural resources and pointed out the need to attract private capital and use more efficient technologies, as well as create acceptable working and living conditions for the convict population.*
Keywords: *Moskovskie Vedomosti, Sakhalin, penal colonization, penal servitude, economic efficiency.*

Учреждение в апреле 1869 г. на острове Сахалин каторги дало толчок оживленной общественной дискуссии, в центре внимания которой был вопрос о целесообразности использования принудительного труда ссыльнокаторжных для освоения природных богатств острова и формирования его инфраструктуры. С одной стороны, указ императора Александра II, согласно которому генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев был обязан «немедленно приступить к высылке на Сахалин до 800 человек ссыльнокаторжных, для употреблениях их там в соответствующие назначению работы» [1, 73], предполагал, помимо пенитенциарных, и экономические цели: освоение малонаселенных и необжитых земель острова, основание поселений, возведение хозяйственных и административных зданий, морских причалов, строительство дорожной сети, разработку месторождений железных руд и каменного угля, развитие сельского хозяйства и т.п. С другой — опыт освоения территории Сибири с привлечением ссыльнокаторжных показал низкую эффективность их труда, а также крайне негативное влияние каторги на нравственность как самих ссыльных, так и коренного населения сибирского края [2—4]. В обсуждении вопроса о путях освоения Сахалина принимали участие представители самых разных сфер деятельности: горные инженеры А. А. Носов, И. А. Лопатин, В. Дейхман, А. П. Кеппен, И. С. Боголюбский, Л. Ф. Бацевич, юристы Д. Г. Тальберг и Н. Я. Новомбергский, журналист А. А. Панов, врач Н. С. Лобас, агроном М. С. Мицуль, предприниматель Я. Н. Бутковский, чиновник Министерства внутренних дел В. И. Власов, начальник Главного тюремного управления М. Н. Галкин и др. [5—6]. Большой резонанс имели опубликованные в 1893—1894 гг. в журнале «Русская мысль» очерки А. П. Чехова «Остров Сахалин» и вышедшая десятилетием позже книга очерков В. М. Дорошевича «Сахалин (Каторга)». Но если «сахалинская тема» в публицистике Чехова и Дорошевича всесторонне исследована [7—10 и др.], то большая часть выступлений периодической печати тех лет остается вне поля внимания исследователей. Исключение составляют лишь публикации Н. И. Горской [11] и С. Л. Курас [12], в которых анализируется полемика в прессе в связи с тюремной реформой 1879 г., статья С. Г. Пятковой [13], посвященная освещению политической ссылки на страницах журнала «Русский архив», а также статья Е. П. Переваловой [14], предметом которой стала тема сибирской каторги и ссылки в публицистике Д. И. Завалишина, однако вопросы, связанные с сахалинской каторгой, в них почти не рассматриваются. Таким образом, роль периодической печати

© Перевалова Е. В., 2026

второй половины XIX века в освещении данного вопроса по-прежнему изучена недостаточно, позиция ведущих общественно-политических изданий остается невыясненной.

В настоящей статье рассмотрены выступления авторитетной консервативной газеты «Московские ведомости» 1870—1880-х гг. по вопросу освоения Сахалина. Актуальность исследования обусловлена ростом интереса к роли отечественной печати в социальной и экономической жизни пореформенной России. Научная новизна исследования определяется недостаточной изученностью роли отечественной периодики в данном вопросе и состоит во введении в научный оборот малоизвестных публикаций.

«Московские ведомости» энергично поддерживали идею освоения Сахалина, который рассматривался в них как форпост империи на Дальнем Востоке. Газета с энтузиазмом писала о перспективах разработки природных ресурсов острова, подчеркивая, что это «способствовало бы оживлению пустынных берегов нашего крайнего Востока, долженствующем со временем приобрести весьма важное значение для нашего отечества. Здесь, и только здесь, как нам кажется, Россия может стать поистине морской державой» [15]. В публикациях дальневосточного корреспондента газеты[1] отмечалось, что «остров Сахалин представляет неистощимый запас каменного угля и кроме того чрезвычайно важен в других отношениях» [16], указывалось на его значение для стратегических планов России на Дальнем Востоке. Дальнейшее развитие экономики острова автор корреспонденций рассматривал неотрывно от вопроса о применении принудительного труда каторжников, использование которого он считал рациональным при условии сокращения доли «казенного горного производства», привлечения частного капитала и перенесения основных каменноугольных разработок в южную часть острова, полагая, что «только каменный уголь южных гаваней и отчасти южного Сахалина может приобрести хорошее место на всемирном рынке, найти обширный сбыт и успешно конкурировать» [16].

Интерес к «каторжной теме» усилился в середине 1870-х гг., когда на острове началось интенсивное строительство: в 1876 г. в Дуэ — самом крупном поселении Сахалина — открылась первая каторжная тюрьма, вскоре были возведены Александровская, Рыковская, Корсаковская, а затем Онорская, Дербинская, Тарейская и центральная каторжная (пересыльная) тюрьма в основанном в 1881 г. поселении Александровский, ставшем административным центром сахалинской каторги. В апреле 1875 г. в «Московских ведомостях» были опубликованы две корреспонденции с Сахалина, в первой из которых давалась краткая, но при этом весьма емкая характеристика инфраструктуры Дуэ, организации труда каторжников и условий их жизни, а во второй — рассмотрена возможность заселения острова вольными переселенцами. Отмечая, что после 1869 г. передвижение на Сахалин партий ссыльнокаторжных «приняло постоянные и значительные размеры и правильную форму», а количество каторжников уже превысило тысячу человек, автор достаточно подробно рассмотрел негативные стороны организации каторги на острове. Он убедительно доказывал, что хотя удаленность и изолированность от материка, а также отсутствие портов весьма затрудняют возможность побега с Сахалина, но, с другой — создают большие сложности в обеспечении его каторжного населения всем необходимым, в первую очередь — продовольствием, которое часто доставлялось с материка с большим опозданием или испорченным, вследствие опасностей и сложностей его переправки «на ветхих и убогих судах Сибирской флотилии» через бурный Татарский пролив. Приводились примеры, как продукты для каторжных вместо Сахалина нередко завозились во Владивосток, попадали в Японию или выбрасывались на берег «в нескольких десятках или сотнях верст от всякого жилья, без присмотра и без защиты от непогоды и зверей» [17]. Так, в 1872 г. десятки бочек заготовленной для острова солонины были выброшены, т.к. их содержимое оказалось безнадежно испорчено; в 1873 г. вследствие плохих погодных условий продовольствие пришлось отправлять на остров «зимним путем на собаках, перетаскивая грузы и собак через скалы и утесы на руках», что было сопряжено с большими трудностями и финансовыми издержками и т.п.

В корреспонденции отмечалась еще одна большая проблема Сахалина — отсутствие лазаретов, медикаментов, врачей, фельдшеров, вследствие чего каторжники не получали медицинской помощи, и лишь в случаях крайней необходимости им ее могли оказать «военные и гражданские врачи, находящиеся по месту расположения каторжных», но и в них, и в медикаментах на острове также был «большой недостаток». А потребность в медицинской помощи была весьма велика, ввиду крайне изнурительных условий труда на каменноугольных рудниках, где каторжные, «оборванные и нередко полуголодные, исполняют весьма тяжелые работы, отягчаемые еще более неправильным устройством копей, с слишком узким и, шероховатыми и порожистыми переходами, по которым, ползая на груди и на коленях, каторжные таскают уголья

[1] К сожалению, эти корреспонденции были подписаны лишь криптонимом N, и потому определить имя их автора крайне затруднительно, однако по обилию содержащихся в них цифровых данных и других фактических сведений, можно предположить, что он не один год прожил на Дальнем Востоке и был весьма неплохо осведомлен о состоянии экономики края и условиях жизни его населения.

в небольших корзинках за плечами» [17]. Морально-нравственная сторона каторги в корреспонденции не затрагивалась, однако автор с сожалением отмечал, что «каторжные в Дуэ лишены … религиозного утешения, т.к. в Дуэ на расстоянии многих сот верст, нет ни священника, ни церкви». Завершалась корреспонденция неутешительным выводом, что, «не достигая карательно-исправительных целей, ссылка в Приморскую область при настоящем положении работ каторжных не приносит и пользы для края в том размере, как этого можно желать и ожидать» [17].

В второй корреспонденции дальневосточный автор «Московских ведомостей» попытался ответить на вопрос, насколько реализуема перспектива заселения острова добровольными переселенцами? Им была рассмотрена совокупность сразу нескольких факторов: во-первых, экономическая целесообразность вольной колонизации, во-вторых, вероятная угроза Сахалину в случае военного конфликта России с Японией и Китаем, которые «на Дальнем Востоке, у самых дверей наших, быстро устраиваются в военном отношении», и, наконец, возможность совмещения вольных поселений на острове с уже существующей каторгой. Во всех трех случаях ответ корреспондента газеты был отрицательным. Ссылаясь на многочисленные безуспешные попытки хозяйственного освоения Камчатки, а также на недавний неудачный опыт освоения Южно-Уссурийского края, территория которого представляла гораздо более благоприятные условия для проживания, нежели земли даже самой южной части Сахалина, он категорический отрицал положительный экономический эффект организации вольных поселений на острове, полагая, что это не приведет ни к чему, «кроме потери расходов казны и гибели людей» [18]. Автор полагал, что в случае военного противостояния России с ее дальневосточными соседями Сахалину может угрожать блокада, а его населению — голод, т.к. оно вряд ли сможет обойтись без подвоза продовольствия с материка: «Мы заняли Амурский край уже двадцать лет тому назад, и даже Южно-Уссурийский край уже пятнадцать лет, — подчеркивалось в корреспонденции. — И тот и другой не могут обойтись без подвоза продовольствия сверху. Через сколько десятков лет надеются развить вольную колонизацию на Сахалине настолько, чтобы она смогла продовольствовать и себя, и непроизводительное население (арестантов и караулы), в несколько раз превосходящее производительное численностью?» [18] Автор полагал, что с появлением на Сахалине вольных поселений значительно возрастет число побегов, и в доказательство приводил пример Сибири, вольное население которой охотно принимало беглых, особенно в летнее время, на полевые работы, и где нередко вскрывались случаи многолетнего укрывательства ссыльных на заимках, потому что «такой работник считался даже выгоднее, так как он безответен» [18].

Таким образом, дальневосточный корреспондент «Москковских ведомостей» не отвергал сложившуюся на Сахалине каторжную систему, но при этом считал, что она не совместима с вольными поселениями на острове, а ее организация нуждается в серьезных преобразованиях. Как комментарий к этим корреспонденциям можно рассматривать публикацию в газете в мае 1875 г. выписки из письма некоего торгового агента в японской Иокогаме, в которой тот рассказывал об опыте японского правительства колонизировать остров Матемай[2] путем заселения его ссыльными. Несмотря на более комфортные, нежели на Сахалине, природные условия, искусственно возникший город был вскоре заброшен, а невольным поселенцам пришлось вернуться на материк. «Для русских, предпринимающих заселение острова Сахалин, весьма должен быть интересен и поучителен пример недавней попытки японского правительства», — отмечал автор публикации, подчеркивая, что основная ошибка японцев состояла в том, что «вместо того, чтобы вести колонизацию постепенно, от заселенных уже прибрежных мест и из добровольных переселенцев, колонистов поселили внутри острова с большими неудобствами и расходами» [19]. Однако дальнейшего развития эта дискуссия в «Московских ведомостях» не получила. Напротив, в печати тех лет преобладало мнение, что принудительная ссылка на остров является единственным средством его заселения. Такой позиции придерживались многие их тех, кто бывал в 1870-е гг. на Сахалине по роду службы или занятий. Так, предприниматель Я. Н. Бутковский, основавший акционерную компанию по разработке минеральных богатств «Сахалин», утверждал, что использование труда ссыльнокаторжных — самый простой и дешевый путь колонизации острова: «Укрепить его пушками и дорого, и неудобно, — писал коммерсант, — гораздо прочнее закрепится он за нами, если будет заселен русским элементом, нет нужды, ежели первоначальный элемент его будет ссыльнокаторжным» [20, 135]. Увеличить число каторжников для достижения большего эффекта сельскохозяйственных работ на Сахалине предлагал агроном М. С. Мицуль [21, 140—141]; о каторге как о главном средстве развития экономики острова писал горный инженер А. П. Кеппен, настаивая, что организация «депортационных колоний является единственным сред-

[2] Остров Матемай или Матмай, Иезо (в русских источниках известен как 22-й остров Курильского архипелага) — прежнее русское название острова Хоккайдо. В 1875 г. Япония полностью отказалась от претензий на Сахалин в обмен на уступку Россией Курильских островов, в т.ч. и Матемая, после чего стало предпринимать усиленные попытки освоения его территории.

ством к достижению желаемой цели видеть остров заселенным» [22, 125] и т.п.

Важной вехой в освоении Сахалина стало открытие в 1879 г. трансокеанской линии Одесса-Дальний Восток и начало регулярного пароходного сообщения между «каторжным островом» и европейской частью России. «Московские ведомости» откликнулись на это событие публикацией отрывка из путевых записок доктора Ф. М. Августиновича, летом того же года сопровождавшего партию из 590 ссыльнокаторжных на грузопассажирском пароходе «Нижний Новгород». Это был первый рейс трансокеанской линии Добровольного флота из Одессы на Сахалин через недавно открытый Суэцкий канал. Доктор прибыл на остров не впервые: в 1872 г. он уже побывал на нем в составе комиссии для исследования условий каторжных работ, оставался там около девяти месяцев и за это время успел основательно изучить как природные условия Сахалина, так и суровый быт каторжников и даже опубликовал в 1874 г. обширный очерк в журнале «Всемирный путешественник». Теперь, спустя семь лет, он сравнивал увиденное со своими прежними впечатлениями и с энтузиазмом описывал «резкие перемены к лучшему». Жизнь острова, условия труда и быта его ссыльнокаторжного населения в записках доктора рисовались исключительно как улучшающиеся год от году. Так, если в 1872 г., по словам Августиновича, в Дуэ «находилось только несколько ветхих построек и была проведена только одна грязная улица; ведущая от пристани внутрь поста», то «теперь на месте старых лачужек стоят новые деревянные дома, с необходимыми при них службами, имеющие хотя скромную, но весьма приличную наружность, и обнесенные палисадниками», в которых живут семейства ссыльных; «по всем направлениям проведены довольно широкие улицы, вымощенные наподобие шоссе и в некоторых местах, над оврагами, обставленные перилами» [23]. Особенно хорошее впечатление на доктора произвели зажиточный вид и хозяйственное устройство деревни Александровки в Тымовской долине, какие, по его словам, «нечасто можно встретить в России, в богатых деревнях»: красивые домики «с весьма хорошей деревенской обстановкой и достаточным запасом домашней утвари», «все без исключения содержатся весьма опрятно, как снаружи, так и внутри; комнаты в них сухие, светлые, просторные и безукоризненно чистые»; «дворы и амбары, бани и очень хорошие хлевы для коров»; построены помещение для смотрителя, дом для старшего надзирателя, обширная казарма для ссыльных, кухня, лекарня и «очень хороший скотный двор» [23]. Августинович скрупулезно перечисляет количество жителей Александровки, их семейный статус, пол, возраст, приводит данные о численности скота, размерах посевов злаковых и овощных культур, называет цифры, свидетельствующие о хороших результатах земледельческих работ, что особенно его удивляет, т.к. «поселенцы не имеют никаких земледельческих орудий, кроме лопат, которыми вскапывают (вместо сохи) поле под засев хлебов и обрабатывают свой огород» [23]. Высокие урожаи ячменя, озимой ржи («рост ее превышает иногда рост человека»), яровой пшеницы, картофеля, капусты, редьки, репы, лука и других огородных культур позволяют жителям деревни не только избежать голода, но и питаться обильно и вкусно, в подтверждение чего автор описывает аппетитный завтрак, которым его угостили в одном из домов: густое как сливки коровье молоко, сметана, яйца, превосходный ржаной хлеб, овощи со своего огорода… Своим процветанием деревня была обязана, по его мнению, не только расположению и хорошему климату, но, в первую очередь, смотрителю, унтерофицеру Я. А. Рыкову, который несколько лет назад удачно выбрал место для поселения и сумел «весьма усердным исполнением своих обязанностей вселить в поселенцев любовь к труду, плодами которого они начинают пользоваться» [23].

Однако положительная тенденция в освещении штрафной колонизации Сахалина, намеченная в записках Августиновича, дальнейшего продолжения в «Московских ведомостях» не получила. Скорее, наоборот: в 1883 г. в газете была опубликована корреспонденция «С острова Сахалин», автор которой писал о безотрадной жизни на каторжном острове и давал крайне неблагоприятный прогноз на будущее: труд на рудниках по-прежнему оставался столь же тяжелым, технологии разработки копей и доставка каменного угля на берег для погрузки на суда — столь же примитивными («пользуясь возвышенностью берега, уголь просто скатывают вниз по наклонной плоскости, от чего он сильно измельчается и теряет свою ценность» [24]), а сами горные разработки не сулят каких-либо блестящих перспектив для островной экономики вследствие плохого технического оснащения копей и неудобств его доставки к местам возможной коммерческой реализации. Стоит отметить, что эти заключения корреспондента «Московских ведомостей» находят подтверждение в работах современных исследователей, которые отмечают, что «с задачей освоения угольных копей на острове Сахалин российская администрация не справилась» [25, 21]. Столь же малоэффективным оставалось сельское хозяйство, которое, как отмечал автор «Московских ведомостей», «на острове вообще развивается очень медленно», несмотря на то что по окончании сроков каторги ссыльные получают пособия от правительства в виде «самых необходимых предметов в хозяйстве, как то: лес для избы, лошадь, соху, зерно для посева и прочее». Причину низких урожаев корреспондент газеты видел в сложных климатических условиях острова («рожь родится очень плохо, часто побива-

ется морозами, и только картофель дает порядочный урожай»), но, самое главное — в том, что «поселенцы гарантированы от голодной смерти казенным пайком», [24] и потому у них нет стимула трудиться и обеспечивать себя и семейство самостоятельно. Все это в совокупности вело к частым побегам с острова, когда, как подчеркивалось в корреспонденции, «каторжные ежегодно бегут на материк целыми десятками», хотя «едва ли один из ста их достигает жилого места на материке» и большинство погибает от голода и истощения или еще на острове, или едва достигнув материка, на мысу с говорящим названием мыс Смерти, вся земля которого «усеяна костями беглецов каторжных, умерших от стужи и от голода» [24]. Кроме того, немало беглых становилось жертвами стрел сахалинских гиляков, которые устраивают на них настоящую «правильную охоту», чтобы снять с мертвеца тулуп, валенки и шапку. С другой стороны, и сами беглые каторжники представляли немалую угрозу для коренного населения, о чем газета также писала [26].

«Московские ведомости» нечасто обращались к сахалинской тематике, тем не менее на их страницах нашли отражение основные этапы штрафной колонизации острова в 1870 — начале 1880-х гг. Основание вольных поселений газета признавала экономически нецелесообразным и поддерживала правительственную политику штрафной колонизации Сахалина, рассматривая каторжные работы как основной путь освоения его природных ресурсов и формирования инфраструктуры. Признавая низкую эффективность казенной горной добычи, корреспонденты «Московских ведомостей» проводили мысль о необходимости привлечения к горным разработкам на острове частного капитала и применения более эффективных технологий угледобычи, а также создания приемлемых условий труда и быта для каторжного населения. Эти публикации формировали общественный интерес к «каторжному острову» и предварили дальнейшее развитие «каторжной темы» в публицистике конца XIX — начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кораблин К. К. Каторга на Сахалине как опыт принудительной колонизации / К. К. Кораблин // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук, 2005. — № 2. — С. 72—83.
2. Архипов С. В. Опыт организации поселений ссыльных в реализации колонизационной политики России в первой половине XIX в.: историко-правовой аспект / С. В. Архипов, Г. С. Шкабин // Московский юридический журнал, 2021. — № 4. — С. 24—35.
3. Власов В. И. Взгляд на причины преступности в России за тысячелетие. Ч. 2. / В. И. Власов, Н. Ф. Гончаров. — Домодедово, 1998.
4. Сальникова Е. С. Быт, нравы, образ жизни уголовных ссыльных Восточных Сибири 80—90-х гг. XIX в. / Е. С. Сальникова // Общество: история, философия, культура, 2024. — № 6. — С. 208—212.
5. Галлямова Г. И. Освоение Сахалина в оценке российских исследователей второй половины XIX- начала XX в. / Г. И. Галлямова // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук, 2006. — № 3 (127). — С. 156—162.
6. Гридяева М. В. Остров Сахалин во второй половине XIX — начале XX века: административное устройство и управление / М. В. Гридяева. — Южно-Сахалинск, 2008.
7. Новикова Е. Г. Кругосветное путешествие А. П. Чехова как поездка на Сахалин: позиция писателя / Е. Г. Новикова // Вестник Томского государственного университета, 2012. — № 3 (19). — С. 75—81.
8. Станько А. И. А. И. Чехов-публицист о системе наказаний в России / А. И. Станько, О. И. Лепилкина // Гуманитарные и юридические исследования. — Ставрополь, 2018. — С. 216—220.
9. Минералов А. Ю. Мир каторги В. М. Дорошевича / А. Ю. Минералов // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2008.
10. Прокурова Н. С. В. М. Дорошевич и его книга «Сахалин. Каторга и преступления (к 150-летию со дня рождения писателя) / Н. С. Прокурова, С. В. Прокурова // Вестник Волгоградской академии МВД России, 2014. — № 4. — С. 177—184.
11. Горская Н. И. Тюремная реформа и ее отражение на страницах «Вестника Европы» и «Русского вестника» / Н. И. Горская // Известия Смоленского государственного университета, 2018. — № 3 (43). — С. 324—342.
12. Курас С. Л. Отражение вопросов системы наказания на страницах журнала «Тюремный вестник» / С. Л. Курас // Власть, 2013. — № 12. — С. 178—181.
13. Пяткова С. Г. Политическая ссылка на страницах журнала «Русский архив» второй половины XIX — начала XX века / С. Г. Пяткова // Современные проблемы науки и образования, 2023. — № 4. — Режим доступа: https://science-education.ru/ru/article/view?id=9712 (дата обращения: 10.02.2025).
14. Перевалова Е. В. Тема сибирской ссылки и каторги в цикле очерков Д. И. Завалишина «Письма о Сибири» («Московские ведомости», 1864—1866 гг.) / Е. В. Перевалова // Вопросы журналистики, 2025. — № 17. — С. 114—136.
15. Б.п. <Катков М. Н.> Передовая статья // Московские ведомости, 15.03.1874, № 66.
16. N. С Амура и берегов Великого Океана // Московские ведомости, 19.08.1874, № 207.
17. N. С берегов Амура // Московские ведомости, 19.04.1875, № 96.
18. N. Вольная колонизация острова Сахалина // Московские ведомости, 24.04.1875, № 101.
19. К вопросу о колонизации Сахалина (Выписка из письма торгового агента в Иокогаме) // Московские ведомости, 13.05.1875, № 119.
20. Бутковский Я. Н. Сахалин и его значение / Я. Н. Бутковский // Морской сборник, 1874. — № 4. — С. 121—149.
21. Мицуль М. С. Очерк острова Сахалина в сельско-

хозяйственном отношении / М. С. Мицуль. — СПб., 1873.

22. Кеппен А. П. Остров Сахалин. Его каменноугольные месторождения и развивающаяся на нем каменноугольная промышленность / А. П. Кеппен. — СПб., 1875.

23. Из путевых записок доктора Августиновича. Пребывание на острове Сахалин в августе 1879 года // Московские ведомости, 23.12.1879, № 327.

24. *** С острова Сахалин // Московские ведомости, 13.12.1883, № 345.

25. Новиков М. С. Сахалинские угольные копи как фактор развития русского Дальнего Востока. Вторая половина XIX в. / М. С. Новиков // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность», 2018. — № 1. — С. 17—21.

26. Б.п. Побеги и грабежи каторжных на Сахалине // Московские ведомости, 5.12.1885, № 336.

Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина

Перевалова Е. В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и телевизионных технологий

E-mail: helenpv@yandex.ru

Kosygin Russian State University

Perevalova E. V., Doctor of Philology, Professor at the Department of Journalism and Television Technologies

E-mail: helenpv@yandex.ru

УДК 002.2(470.345) “19”

СТАНОВЛЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ МОРДОВСКОГО КРАЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Е. М. Пыреськина

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Поступила в редакцию 4 августа 2025 г.

Аннотация: *в статье представлены результаты исследования периодической печати мордовского края первой половины XX века. С помощью историко-типологического и контент-аналитического методов выявлены основные этапы становления и развития, характеристики изданий; сделан акцент на тематические, языковые, функциональные особенности.*
Ключевые слова: *мордовский край, периодическая печать, первая половина XX века, становление, особенности, язык.*

Abstract: *the article presents the results of a study of the periodical press of the Mordovian region in the first half of the 20th century. Using historical-typological and content-analytical methods, the main stages of formation and development, characteristics of publications are identified; emphasis is placed on thematic, linguistic, and functional features.*
Keywords: *Mordovian region, periodicals, first half of the 20th century, formation, features, language.*

Научные труды историков и филологов, направленные на изучение вопросов, связанных с развитием мордовской периодической печати, являются значимыми. Благодаря их работам, понимаем: выход первых газет датируются началом XX века; газеты издавались на русском языке; обстановка в стране способствовала выходу периодических изданий.

В основу данной статьи легли исследования В. К. Абрамова, который анализирует не только историческое положение страны в 1905—1907 гг., а также обращает внимание на периодическую печать края — первые провинциальные газеты «Мужикъ» (1906 г.) и «Саранские вѣсти» (1912 г.), издателем которых являлся выходец из крестьянского сословия В. В. Бажанов [1].

С. В. Пивкина и С. А. Ржанова отмечают, что газета «Мужикъ» функционировала недолго: вышло в свет только двадцать два номера (за критику она была закрыта, а В. В. Бажанов жестоко наказан: арестован и заключен в тюрьму, а затем отправлен в ссылку вместе с женой и четырьмя малолетними детьми). В фондах Мордовского краеведческого музея имени И. Д. Воронина хранится единственный экземпляр газеты — шестой номер за 1906 г., в содержании которого имеется и литературная страничка [2].

Авторами фиксируется, что «жестокие репрессии не сломили воли энтузиаста печатного дела, и он открывает другое печатное издание — “Саранские вѣсти” (1912 г.)» [2, 36]; «под ее заголовком было указано: “Политическая, экономическая, научная и литературная, строго беспартийная, ежедневная газета”. Внизу подпись: “Редактор-издатель крестьянин В. В. Бажанов”» [1, 10].

В этом контексте следует подчеркнуть, кроме редакторской деятельности он активно сотрудничал с центральными изданиями, и «им было напечатано более пятидесяти художественных и публицистических произведений на русском языке: фельетоны, очерки, рассказы» [1, 12]. Таким образом, можем утверждать, что в историю мордовской культуры В. В. Бажанов внес существенный вклад, позволивший открыть летопись периодической печати края.

Отдельного внимания заслуживает факт — мордовская периодическая печать создавалась при некоторых существенных трудностях, так как в начале XX века он представлял собой в территориальном плане еще довольно разобщенное пространство, с различными административными центрами [3, 126]. Некоторые сведения о газетах, их тиражах и числе рабселькоров имеются в исторической литературе [4], но следует обратить внимание на то, что не совсем четко отражены многие факты, события и процессы, связанные с возникновением и развитием местной печати, и многие сведения носят фрагментарный характер. Более подробный анализ первых печатных советских изданий находим в учебном пособии «История мордовской журналистики (1917—1934 гг.)» П. Ф. Потапова, в котором особое внимание уделяется анализу деятельности газетной периодики в годы восстановления народного хозяйства; раскрывается роль прессы в повышении национального самосознания народа, развитии его культуры и образовании государственности Мордовии; выявляются основные закономерности

© Пыреськина Е. М., 2026

рабселькоровского движения, его роль в повышении социально-политической активности масс; рассматриваются особенности формирования и функционирования мордовской журналистики (1917—1934 гг.), становление ее как системы [5]. Исследователь акцентирует внимание на аспекты истории национальной периодической печати и ее воздействие на литературный процесс в мордовском крае. Обращает внимание на формирование жанров и стилевые тенденции в литературе 1920—1930-х гг.; анализ роли национальных газет и журналов в общественно-политической жизни народа, консолидации его литературно-творческих сил, идейном и творческом воспитании молодых поэтов и прозаиков, выработке идейно-эстетических и художественных принципов отражения послеоктябрьской действительности. Автор отмечает, что «многонациональная печать Советского государства начинает складываться уже в первые месяцы пролетарской диктатуры. К середине 1918 г. на языках народов Советской России издавалось семнадцать партийных и двадцать советских газет, и количество их, несмотря на трудности, связанные с гражданской войной и иностранной военной интервенцией, заметно возрастало» [5, 3].

Исследователь И. Е. Автайкин, рассматривая этап становления и развития прессы мордовского края после Октябрьской революции, заостряет внимание на новую печать — газеты в уездах Мордовии: Саранском, Краснослободском, Ардатовском, Рузаевском и Инсарском [6], которые оказывали весомую помощь местным партийным организациям в решении важнейших задач социалистического строительства; воспитывали народные массы; поднимали рабочих и крестьян на борьбу с классовыми врагами на разгром интервентов, напавших на молодую Советскую Республику; организовывали трудящиеся массы на борьбу за восстановление народного хозяйства, социалистическую индустриализацию, коллективизацию сельского хозяйства и осуществление культурной революции [6, 8]. По мнению автора, создание уездной прессы явилось одним из важнейших достижений в культурной жизни молодой Советской Республики, так как она была действительным осуществлением великой народной мечты о свободе печати [6, 10].

Работа партийно-советской печати с многотысячной армией рабочих и сельских корреспондентов отмечена в документе: «пресса является могучим орудием пропаганды, агитации и организации, незаменимыми средствами воздействия на самые широкие массы» [7, 211].

По мнению И. Е. Автайкина, данный съезд внес решение и в то, чтобы «завершить переход прессы национальных республик на местные языки» [6, 8]. Следует признать, вопросы языка представляли и представляют интерес для многих исследователей, так как: «Язык — это мир, в котором живет человек, это древнейшая форма общения людей, великий двигатель прогресса, один из главных отличительных признаков народности. Язык хранит в себе богатейшие запасы сведений о жизни людей в недавнем прошлом, в древнейшие археологические эпохи» [8, 120]; «Национальный язык — это важная сфера в жизни народа, и его роль невозможно переоценить» [9, 122].

Важно подчеркнуть, что другими задачами съезда были увеличение тиража, типов газет национальных республик. Так, Коммунистическая партия и Советское правительство, выполняя Ленинские заветы, проявляли неустанную заботу о создании и развитии широкой сети печати у всех народов, заселяющих территорию страны. В борьбе за выполнение решений Коммунистической партии по созданию мордовской газеты большую инициативу проявили мордовские коммунисты Симбирской губернии С. С. Праксин, Д. Г. Орхидея (Щеглов), И. Арапов и другие. Под их руководством в Симбирске 15 июля 1920 г. начала выходить первая мордовская газета «Чинь стямо» («Восход солнца»), которая просуществовала меньше года — до апреля 1921 г. [6, 8]. Полную характеристику издания приводит П. А. Ключагин: «Двухполосная, небольшого формата, мордовская газета выходила один раз в неделю, иногда два раза в месяц тиражом 2—5 тыс. экземпляров в зависимости от наличия печатной бумаги, распространялась среди мордовского населения Симбирской, частично Саранской и Пензенской губерний бесплатно, рассылалась по воинским частям для красноармейцев из мордвы» [10, 9].

Следует отметить, что исследователь также проводит параллель между периодической печатью и литературой, отмечая, что «трудно переоценить роль первых газет на родном языке в судьбе мордовской советской литературы. Закономерно можно считать партийно-советскую периодическую печать опорой национальной письменной литературы. Со страниц газет впервые прозвучали поэтические, прозаические, драматургические произведения на родном языке. Кроме того, газеты публиковали рецензии на отдельные произведения, проводили конкурсы на лучшее стихотворение, рассказ, пьесу. В результате этого в национальной периодике стали систематически появляться литературные подборки, а затем и целые страницы» [10, 12]. В сборе материала активное участие принимали Е. С. Окин, Ф. И. Завалишин. В первые годы она издавалась на эрзя и мокша-мордовских языках, распространялась среди всего мордовского населения страны. Со стороны руководства губернских комитетов продолжала исходить инициатива по поддержке и изданию национальных газет и журналов, учебников, общественно-политической и духовной литературы. Так, например, больших успехов в этом направле-

нии достиг Саратовский губком РКП (б). Мордовская секция губкома партии в декабре 1921 г. стала издавать мордовскую газету «Якстере сокиця» («Красный пахарь»), редактором которой стал коммунист А. П. Сунсин. Исследователь И. А. Кубанцева отмечает, что «оригинальные художественные произведения на мордовском языке на основе русской графики появились в печати в начале 1920-х гг. Размещались они на страницах национальной периодики» [11, 48].

Значительная работа по созданию мордовской национальной печати и изданию других мордовских газет (с 1924—1926 гг.) проводилась губкомами партий в губерниях (Самарской, Саратовской, Нижегородской, Тамбовской, Симбирской, Пензенской), где наиболее компактно проживала основная масса мордовского населения [6, 6].

В исследуемый период периодические издания старались писать о ведении хозяйства на селе, политике «военного коммунизма», НЭПе, замене продразверстки налоговой системы. По мнению исследователей, «газеты выступали активными пропагандистами нового, передового, публикуя материалы в разных жанрах: заметки, репортажи, статьи, письма читателей» [12].

В истории мордовского народа 1928 г. явился важной вехой: организуется Мордовский национальный округ Средне-Волжского края. Несмотря на трудности, с его образованием в Саранске, сосредоточивалось издательское дело, оперативно и в короткий срок были созданы лучшие условия для развития периодической и непериодической печати на русском и мордовских языках. Однако окружная печать в первые годы своего существования испытывала трудности, а именно: редакции газет и типография не были обеспечены квалифицированными кадрами; материально-техническая база типографии не соответствовала возросшим требованиям организации производства полиграфического предприятия; помещение типографии было в аварийном состоянии, не хватало печатных машин и оборудования; ощущалось отсутствие подготовленных кадров; отсутствие литературного языка, грамматики, установленных норм орфографии (публикации на национальном языке писались на разговорном диалекте автора); работникам прессы приходилось приучать население к чтению газет; возникали частые споры о том, как надо правильно писать, в каком направлении должны были развиваться эрзя и мокша литературные языки [6, 13].

Исследователь Л. Д. Дряхлова отмечает, что «в выступлениях в печати в конце 1920-х гг. языковеды доминировали точку зрения об объединении мокшанского и эрзянского языков» [9, 122]. По мнению профессора М. В. Мосина, «в годы появления периодической печати в виде первых национальных газет, издаваемых на разных диалектах (говорах мордовских языков), возникал вопрос о создании единого мордовского литературного языка» [13, 10]. И. Бондяков на страницах газеты «Валда ян» («Светлый путь») отвергал суждения о слиянии мордовских языков, предлагая свой вариант решения проблемы: «подготовить научные грамматики, орфографические словари обоих языков и прекратить всякие “научные” фантазии, которые мешают развитию и изучению языка» [14, 11—15]

Акцентируя внимание на особенности мордовской периодической печати, профессор Ю. А. Мишанин подчеркивает, что «молодая мордовская периодика сыграла важную роль в становлении и развитии литературного языка, пополнении его лексического фонда, способствовала нормализации языка, совершенствованию его стилей» [15, 35]. Литературовед А. М. Каторова считает, что «для мордовского народа “Мокша” и “Сятко” — это два источника, две сокровищницы словесной культуры мокшан и эрзян, известные далеко за пределами республики. Несмотря на то, что они возникли в разное время, издавались на двух родственных языках, их история и функции во многом сходны, роль в развитии национальной литературы огромна» [16, 195].

Наряду с этим важно подчеркнуть, что в 1929 г. для русскоязычных читателей утвердили редакцию газеты «Завод и пашня», что поспособствовало установлению окружной сети периодических изданий, определению главного направления деятельности.

В становлении и развитии мордовской периодической печати большую роль сыграла дата — 10 января 1930 г., когда Президиум ВЦИК принял постановление о преобразовании Мордовского округа в Мордовскую автономную область, и первой задачей периодических изданий являлась работа по созданию своей автономии. Таким образом, открылись большие возможности для развития литературы; газеты и журналы области на своих страницах большое место отводили воспитанию местных национальных кадров сельскохозяйственного производства. Одним из показателей роста культурного уровня ранее бесписьменного народа явился быстрый рост национальной печати. Если в Мордовском округе было три периодических издания, то к началу 1931 г. в Мордовской автономной области их насчитывалось уже пять названий с разовым тиражом 17555 экземпляров [6, 59].

Важно подчеркнуть, что писатели и поэты Мордовии были связаны с деятельностью газет и журналов области. Многие из них творческую работу писателя совмещали с работой в редакционных коллективах: А. Лукьянов, Н. Иркаев (Эркай), Ю. А. Куторкин, И. Кривошеев, Т. Раптанов, А. Моро, С. Прохоров, Ф. Чесноков, П. Кириллов, А. Мартынов, В. Коломасов, И. Прончатов, К. Петрова и другие в газетах «Якстере теште», «Эрзянь коммуна», «Ленинэнь киява» и журнале «Сятко»; В. Ардеев (Виард), М. Безбородов, М. Бебан, С. Леонтьев, С. Потапкин, П. Левчав, Л. Макулов,

Я. Пинясов и другие в газете «Мокшень правда», журнале «Мокша» [6, 77].

На страницах периодических изданий выходили произведения М. Безбородова, В. Радаева, С. Вечканова, А. Мартынова, А. Зинькова, М. Бебана, И. Чумакова, В. Коломасова и других. Так, например, в первой половине 30-х гг. А. Зиньков пробует свои силы в большом поэтическом жанре — поэме, часть которой была опубликована на страницах периодической печати [17, 10—13]. Значительное место отводилось публикациям, написанным не только на языке оригинала, но и в переводе, когда «при переложении содержания художественного текста на мордовский язык полностью сохранялся авторский текст и бережно доносились художественные особенности оригинала, а известные русские произведения печатались на национальном языке как оригинальные произведения самого переводчика» [18, 103]. Возможно, поэтому Ю. Г. Антонов, В. И. Демин считают эрзянскую литературу и печать неотъемлемой частью этнокультурного пространства народов Мордовии и России [19].

Акцентируя внимание на печать мордовского края и прессы страны в годы коллективизации сельского хозяйства, понимаем, она получила дальнейшее развитие. В области увеличилось количество газет и журналов, возросло число подписчиков на периодические издания; увеличилась подписка не только на областные, но и на центральные и краевые газеты. Областная печать улучшала формы и методы работы с трудящимися: проводились читательские конференции, встречи с передовиками производства, организовывались смотры и конкуры.

Языковед М. В. Мосин обращает внимание на то, что «проявлялась особая активность и плодотворность в поиске и разработке литературных норм мордовских языков» [13, 34].

Наряду с этим есть основание утверждать, что первыми в рядах создателей и распространителей мордовских литературных языков были национальные газеты и журналы. На их страницах выступали выдающиеся ученые (Д. В. Бубрих, М. Е. Евсевьев, Ф. Ф. Советкин, М. Н. Коляденков и др.), писатели и поэты, рабочие и сельские корреспонденты, рядовые читатели газет. Публикуемые материалы на страницах периодической печати позволяли полагать, что начинается прослеживание пути развития мордовских эрзя и мокша литературных языков.

Своеобразие мордовской периодической печати, литературы определялось главным образом тем, что она совершенствовалась на родном языке, формируя собственные творческие традиции, раскрывая особенности истории мордвы и черты национального характера, а «оригинальные художественные произведения на мордовском языке на основе русской графики размещались на страницах национальной периодики» [11, 48].

Подводя итоги, отметим, что национальной печати мордовского края принадлежит огромная заслуга в воспитании национальных кадров, в подъеме культурного уровня народа. Вокруг национальных газет и журналов области росли ряды журналистов, сосредоточивались мордовские поэты и писатели — представители национальной интеллигенции, вышедшие из народа, поэтому «национальная журналистика — неотъемлемый атрибут социального устройства, жизнедеятельности любой нации, этноса. Она обеспечивает не только сохранение и развитие языка, культуры, но и эволюцию самого народа, его комфортность, взаимодействие с другими этническими общностями. Развитие национальных СМИ — это сохранение самобытности народов, уважение к их культурным основам, традициям; это показатель того, какое внимание общество уделяет поддержке малых народов» [20, 32].

Таким образом, для передачи наиболее полной характеристики мордовской периодической печати первой половины XX века выбрали исторический принцип исследования, с помощью которого наглядным образом представили картину становления, особенности развития газет и журналов на русском и национальном языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов В. К. В. В. Бажанов и первые мордовские газеты (к 125-летию начала мордовской национальной прессы) / В. К. Абрамов // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. — 2021. — № 11(1). — С. 5—13. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/v-v-bazhanov-i-pervye-mordovskie-gazety-k-125-letiyu-nachala-mordovskoy-natsionalnoy-pressy (дата обращения: 17.07. 2025).

2. Пивкина С. В. — История мордовской журналистики / С. В. Пивкина, С. А. Ржанова. — Саранск, 2018.

3. Васильев Т. В. Мордовия / Т. В. Васильев. — Саранск, 2007.

4. Киселев А. Л. Социалистическая культура Мордовии / А. Л. Киселев, 1959.

5. Потапов П. Ф. История мордовской журналистики (1917—1934) / П. Ф. Потапов. — Саранск, 1995.

6. Автайкин И. Е. Периодическая печать Мордовии в годы социалистического строительства 1928—1937 гг. / И. Е. Автайкин. — Саранск, 1975.

7. О партийной и советской печати. — М., 1954.

8. Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами ученого-лингвиста / Д. В. Цыганкин. — Саранс, 2000.

9. Дряхлова Л. Д. Двуязычие в СМИ Мордовии / Л. Д. Дряхлова // Известия Российского государственного педагогического университет им. А. И. Герцена. — 2009. — 2 (103). — 120—126. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/dvuyazychie-v-smi-mordovii (дата обращения: 17.07. 2025).

10. Ключагин П. А. Мордовская периодическая печать и литература: 1917—1941 гг. / П. А. Ключагин. — Саранск, 1989.

11. Кубанцева И. А. Становление художественной литературы на мордовском языке в 1920-е гг. / И. А. Кубанцева // Финно-угорский мир. — 2014. — № 4. — С. 48—53. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-hudozhestvennoy-literatury-na-mordovskom-yazyke-v-1920-e-gg (дата обращения: 17.07. 2025).

12. Ягина А. Н. Жанрово-тематический состав мордовской печати периода ее становления (по страницам эрзянской прессы 1920-х годов). / А. Н. Ягина. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovo-tematicheskiy-sostav-mordovskoy-pechati-perioda-ee- stanovleniya-po-stranitsam-erzyanskoy-pressy-1920-h-godov (дата обращения: 17.07. 2025).

13. Мосин М. В. Единый мордовский литературный язык: за и против / М. В. Мосин // Финно-угорский мир. — 2008. — № 1. — С. 34—39. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/edinyy-mordovskiy-literaturnyy-yazyk-za-i-protiv (дата обращения: 17.07. 2025).

14. Бондяков И. Культура во второй пятилетке / И. Бондяков // Валда ян (Светлый путь). — 1929. — № 5. — С. 11—15.

15. Мишанин Ю. А. Литературный язык на страницах прессы (на примере периодической печати Мордовии 1920—1930-х гг.) / Ю. А. Мишанин // Вестник Мордовского университета. –1992. — № 4. — С. 31—35.

16. Каторова А. М. Литературно-художественные журналы «Мокша» и «Сятко»: их история и роль в формировании словесного искусства мордовского народа / А. М. Катарова // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. — 2023. — № 15 (4). — С. 195—204. — Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=58731728 (дата обращения: 17.07. 2025).

17. Зиньков А. Эрямос совамо (Вступление в жизнь) / А. Зиньков // Сятко (Искра). — 1933. — № 8. — С. 10—13.

18. Пыреськина Е. М. Мордовский переводческий процесс в контексте историко-литературного движения: XVIII—XX вв., дис. канд. филол. наук, 2006. Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/mordovskii-perevodcheskii-protsess-v-kontekste-istoriko-literaturnogo-dvizheniya-xviii-xx-vv?ysclid=map323aq8u367972877 (дата обращения: 17.07. 2025).

19. Антонов Ю. Г. Эрзянь литературась ды печатесь (Эрзянская литература и печать) / Ю. Г. Антонов, В. И. Демин. — Саранск, 2013.

20. Мишанин Ю. А. Национальная пресса в условиях рынка: обретения и потери (финно-угорский контекст) / Ю. А. Мишанин, А. Ю. Мишанина // Финно-угорский мир. — 2012. — № 3/4. — С. 32—35. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-pressa-v-usloviyah-rynka-obreteniya-i-poteri-finno-ugorskiy-kontekst (дата обращения: 17.07. 2025).

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева

Пыреськина Е. М., доцент кафедры журналистики

E-mail: pireskina.elena@yandex.ru

Mordovian State University named after N. P. Ogarev

Pireskina E. M., Associate Professor of the Department of Journalism,

E-mail: pireskina.elena@yandex.ru

УДК 070:004.8

ЭФФЕКТИВНЫЕ ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ПРОМПТОВ В РАБОТЕ ЖУРНАЛИСТА

Е. А. Рыжова, Ю. А. Говорухина

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Поступила в редакцию 8 сентября 2025 г.

Аннотация: *в работе рассматриваются возможности и ограничения применения искусственного интеллекта в журналистской практике, в частности — в генерации текстов для регионального СМИ. Исследование основано на анализе серии ролевых промптов, составленных для газеты «Волна» (г. Зеленоградск) с использованием GigaChat. Выявлены эффективные стратегии промптирования, уточнены требования к структуре и стилю текстов запросов.*
Ключевые слова: *искусственный интеллект, журналистика, промптирование, генерация текстов, нейросети, GigaChat.*

Abstract: *the paper examines the possibilities and limitations of using artificial intelligence in journalistic practice, in particular, in generating texts for regional media. The study is based on the analysis of a series of role-playing prompts compiled for the Volna newspaper (Zelenogradsk) using GigaChat. Effective strategies for prompting are identified, and requirements for the structure and style of texts are clarified.*
Keywords: *artificial intelligence, journalism, prompting, text generation, neural networks, GigaChat.*

Искусственный интеллект (далее — ИИ) сегодня рассматривается как еще один участник медиапространства. Согласно исследованиям CO-платформы Cision, в 2024 г. 45% журналистов использовали ИИ в своей работе для решения самых разных задач: обработка и анализ данных, распознавание аудиозаписей и изображений, отслеживание информационных поводов, производство визуального контента, общение с аудиторией, автоматическое создание текстов и фактчекинг. Применение ИИ освобождает время, позволяя использовать такие преимущества нейросетей, как скорость, стабильность и последовательность, способность удерживать большой объем информации, непредвзятость. В то же время как инструмент журналиста ИИ обладает рядом недостатков: склонность к галлюцинациям (как утверждают Ц. Джи, Н. Ли и Р. Фриске, галлюцинации могут содержаться в 25% текстов, написанных ИИ [1, 8]); ограниченная способность к созданию текстов, демонстрирующих или вызывающих эмоции. ИИ становится не только помощником журналиста, но и проверкой: как профессионально и максимально эффективно использовать ИИ в качестве инструмента текстопорождения? как меняется представление об ответственности журналиста? какими особыми компетенциями должен обладать современный журналист? Эти вопросы обусловливают актуальность темы нашего исследования. Кроме того, актуальность определяется необходимостью наращивания опыта взаимодействия с ИИ с позиций добросовестного подхода к профессиональной деятельности в условиях, когда текстопорождающие нейросистемы становятся одним из инструментов журналиста.

Цель работы — опираясь на собственный опыт создания системы промптов, выявить наиболее эффективные пути промптирования, а также ограничения при генерации текстов. Материалом послужили образцы тестирования промптов, составленных для газеты «Волна» (г. Зеленоградск, Калининградская область) [2].

Методы, используемые в работе, — сравнительный анализ промптов и полученных текстов, экспериментальное тестирование эффективности разных вариантов инструкций для ИИ. Исследование опирается на концепцию промпта как ключевой инструкции для ИИ, разработанную Л. Жиреем [3], а также на принципы контекстного анализа и идею ролевого моделирования ИИ. Промпты создавались для работы с сервисом GigaChat. В нашем исследовании мы используем понятие ИИ в значении, предложенном Д. В. Смолиным [4, 15—16].

На сегодняшний день сформулирован ряд правил создания промптов [5; 6]: запрос должен формулироваться как можно точнее; необходимо описывать контекст задания, продуктивно добавлять примеры; необходимо запрашивать подтверждения и ссылки на источники; можно попросить ИИ проверить выданный результат; эффективно при промптировании использовать возможность назначения ИИ конкретной роли; необходимо предусматривать несколько попыток коррекции промпта.

Наш опыт создания серии промптов для газеты «Волна» позволил расширить этот список. Все разработанные нами промпты относятся к типу ро-

© Рыжова Е. А., Говорухина Ю. А., 2026

левых промптов: предлагают ИИ роль журналиста и указывают на то, что тексты должны составляться по правилам журналистики, с пониманием общего контекста профессии. Самая общая последовательность ввода данных включала следующие позиции:

1. Назначение роли журналиста.
2. Запрос определенного типа или жанра текста.
3. Детализация задачи: на чем следует сосредоточиться, что обязательно следует добавить в текст.
4. Определение основных параметров текста.

Вводными данными, то есть информацией, на которую должен опираться ИИ во время создания текста, послужили оригинальные тексты, опубликованные в газете «Волна». Они служили примером и материалом для сравнения. Далее промпт корректировался с учетом анализа выявленных недостатков полученного материала.

Промпт для спортивного рерайта. Первоначальный промпт для спортивного рерайта был составлен следующим образом: *Представь, что ты журналист зеленоградской газеты «Волна». Сделай из этого сообщения новость. Объем: примерно тысяча знаков. Написанный рерайт должен соответствовать классической структуре новости: заголовок длиной в 3—5 слов; лид длиной в 1 предложение, в котором содержится основная суть новости (что, где и когда случилась плюс источник информации); сам текст, где лид раскрывается более подробно. Стиль текста — публицистический, простой. Целевая аудитория газеты — жители Зеленоградска.*

Таблица 1.

Текст сгенерированного и оригинального рерайтов

Рерайт, созданный ИИ в соответствии с первым промптом	Рерайт, созданный ИИ в соответствии со вторым промптом
Зеленоградские пловцы блистают на чемпионате *В минувшие выходные в Калининграде прошел чемпионат области по подводному спорту, где спортсмены из Зеленоградска показали отличные результаты. Особенно отличилась команда местной ДЮСШ «Янтарь», завоевавшая 30 медалей различного достоинства.* *На соревнованиях было представлено восемь команд из разных городов региона, включая Калининград, Балтийск и Гурьевск. Открытие турнира стало ярким событием благодаря мастер-классу от чемпиона России Никиты Пиляева, который продемонстрировал технику подводного плавания.* *Среди зеленоградских спортсменов особенно выделились Диана Овчинникова, ставшая лучшей среди женщин, и Сергей Присяжнюк, победивший в мужской категории. Они показали наилучшее время и количество золотых наград.* *Поздравления также заслужили тренеры и организаторы мероприятия, внесшие значительный вклад в развитие подводного спорта в регионе.*	***Зеленоградские пловцы завоевали 30 медалей*** *Команда спортивной школы «Янтарь» из Зеленоградска успешно выступила на чемпионате Калининградской области по подводному спорту, прошедшем в Центре спорта «Южный».* *Соревнования собрали около 60 участников из восьми городов региона. Зеленоградцы отличились высоким уровнем подготовки и показали отличные результаты практически во всех дисциплинах — плавании в ластах, классическом плавании и нырянии. Всего наши земляки привезли домой 30 наград разного достоинства.* *Лучшими стали воспитанники тренера Ольги Гинько — Диана Овчинникова и Эдуард Василюс. Они победили в нескольких номинациях. Команда «Янтарь» также заняла первое место в эстафетном плавании 4×100 метров в классических ластах.* *Диана Овчинникова заслужила звание лучшей спортсменки чемпионата, став первой в трёх категориях: плавание в классических ластах на 50 и 100 метров, а также ныряние в ластах в длину на 50 метров.* *Зеленоградские пловцы получили награды за личные достижения и внесли весомый вклад в общий успех команды. Это очередной повод гордиться нашими спортсменами! Поздравляем победителей и желаем дальнейших успехов!*

Сгенерированный текст размещен в таблице (см. левую часть таблицы 1). Редакция газеты оценила созданный материал на 6/10 баллов из-за неконкретного, несобытийного заголовка, перегруженного лида, недостаточной точности самого текста, сосредоточенности на общей сути спортивного события, а не его результатах. Промпт был скорректирован: *Представь, что ты журналист зеленоградской газеты «Волна». Сделай из этого сообщения новость. Новость должна включать в себя заголовок длиной 3—5 слов, классический лид из одного предложения и сама новость. Заголовок должен включать результаты соревнования, например занятое место; вид спорта, по которому проводилось соревнование; указание на то, что спортсмены из Зеленоградска. Длина текста — 1 тыс. знаков. Оригинальность — 85%. Стиль — публицистический, простой. Целевая аудитория газеты — жители Зеленоградска.* В данном варианте промпта детально прописаны требования к заголовку. Как показывает результат (см. правую часть таблицы 1), ИИ логически выстраивает текст согласно заголовку. К базовому промпту в разных вариантах добавлялись указания, ориентированные на требования, актуальные для «Волны»: не опускай букву *ё*, заменяй термины общепонятным словами, сосредоточься на цифрах и фактах. Созданный текст редакция оценила на 10/10.

Сравнение оригинального текста спортивного рерайта[1] и текста, созданного ИИ, показало, что они оба в целом соответствуют требованиям к классической новости, однако заметка, созданная ИИ, ближе к традиционной структуре. Длина сгенерированного

[1] Под водой и в ластах. URL: https://volnanews.ru/society/sport/pod-vodoj-i-v-lastakh (дата обращения: 20.07.2025).

заголовка новости укладывается как в стандартную длину заголовков издания (2—8 слов), так и в рекомендуемый лимит слов. Несмотря на то, что оба указывают на одно событие, у них разный фокус: ИИ фиксирует факт получения награды, а оригинальная новость концентрирует внимание на самом факте прошедшего мероприятия. В сгенерированном тексте присутствует лид, оригинальный же текст вместо лида содержит подзаголовок, который является продолжением заголовка и началом текста и не выражает краткой сути события. Оба текста сфокусированы на результатах соревнования, включают такие факты, как название спортивной школы, имя тренера, имена спортсменов и занятые ими места. В материале ИИ переходы между фактами более плавные за счет более длинных и полных предложений.

Промпт для рерайта пресс-релиза. Большинство пресс-релизов, которые становятся основой для текстов «Волны», являются сообщениями администрации Зеленоградского округа или других региональных органов власти. Ключевым требованием к тексту является доступность и краткость.

Первоначальный промпт выглядел так: *Представь, что ты журналист. Создай из следующего пресс-релиза новостную заметку. Она должна состоять из заголовка длиной 4—5 слов, лида длиной 1—2 предложения и самого текста. Заменяй канцеляризмы и термины общепонятными формулировками. Не опускай букву* ё, *если она должна быть в тексте. Текст всей заметки примерно 1 тыс. символов. Оригинальность: минимум 85%. Стиль заметки: публицистический. Целевая аудитория: жители Зеленоградска.*

В результате был получен следующий текст:

Ремонт дорог в Зеленоградске: перекрытие участка улицы Пограничной

С 26 февраля по 1 марта жителям Зеленоградска придется изменить привычные маршруты: часть улицы Пограничной временно закроют для проезда автомобилей.

Это связано с завершением капитального ремонта дороги на улице Саратовской, где уже восстановили проезжую часть, тротуары и даже обустроили велодорожку. Движение по самой Саратовской вновь открыто.

Важно отметить, что параллельно с дорожными работами специалисты Водоканала заменили старую водопроводную трубу, обеспечив новые подключения к домам. Теперь обновленная улица станет частью большого проекта благоустройства города — «Янтарное ожерелье».

Заметка была оценена редакцией на 8/10 из-за чрезмерно длинного заголовка и усложненных конструкций в последнем абзаце. Следующий промпт учел замечания: *Представь, что ты журналист муниципальной газеты. Напиши новость по материалам предоставленного пресс-релиза. Новость должна иметь фактический заголовок длиной в 3—4 слова, лид длиной в 1—2 предложения и сам текст. Избегай канцеляризмы и сложные грамматические конструкции, заменяй термины общепонятными формулировками. Длина заметки: около 1 тыс. символов. Стиль: публицистический, простой. Оригинальность: минимум 85%. Целевая аудитория: жители Зеленоградска.*

Опытным путем было выявлено, что ИИ имеет склонность к тому, чтобы преодолевать лимит слов в заголовке. Если было задано ограничение в 3—5 слов, то ИИ может предложить заголовок и с 6—7 словами. Поэтому стоит вводить в промпт допустимое число слов чуть меньше необходимого. Кроме того, добавление слова «простой» в описание стиля дало положительный результат: избавило текст от тяжеловесных конструкций и ненужных синтаксических осложнений. В результате, GigaChat создал следующий текст:

Движение на Пограничной закроют

С 26 февраля по 1 марта в Зеленоградске перекроют часть улицы Пограничной.

Это связано с завершением капитального ремонта дорожного полотна на улице Саратовской и прилегающих участках. Движение машин по самой Саратовской уже восстановили.

Во время ремонта на Саратовской обновили проезжую часть, сделали новый тротуар и проложили велодорожку. Вместе с дорожниками работали специалисты Водоканала — они поменяли старую трубу водопровода, подведенную к домам на этой улице. После завершения всех работ улица станет частью проекта «Янтарное ожерелье».

Данный материал редакция оценила на 10/10, отметив краткость и емкость заголовка и всего текста.

Сравнение сгенерированного текста и оригинального[2] показало, что лиды в обоих случаях одинаковы по длине, но лид, созданный ИИ, относится к модифицированным (по классификации А. В. Колесниченко [7, 101]), лид «Волны» тематический, сосредоточен не на сути новости, а на факте завершения газификации. По структуре заметки отличаются незначительно. В первом абзаце оригинальной новости речь идет о датах перекрытия улицы, в сгенерированной — о проделанных работах. Это объясняется разной информацией, включенной в лиды. В оригинальной заметке лид не пояснял, когда и где будет перекрыта дорога, поэтому эта информация сместилась ниже. Вторые абзацы содержательно схожи. Текст, созданный ИИ, более сжат, оригинальный — на 200 символов длиннее.

[2] Индивидуальные жилые дома в восьми поселках округа могут быть газифицированы в рамках догазификации. URL: https://volnanews.ru/authority/individual-nye-zhilye-doma-v-vos-mi-poselkakh-okruga-mogut-byt-gazifitsirovany-v-ramkakh-dogazifikatsii (дата обращения: 15.07.2025).

Промпт для интервью с коллективом музыкальной группы. ИИ еще не способен брать полноценные интервью самостоятельно, однако вполне может предложить вопросы для него. В большинство моделей ИИ заложен огромный, но ограниченный массив информации, именно поэтому необходимы дополнительные вводные данные. Информация о группе «.katana» была собрана на ее официальной странице во «ВКонтакте». Затем был составлен первый промпт: *Представь, что ты журналист муниципальной газеты. Учитывая полученную информацию, составь вопросы для интервью с участником группы. Опирайся на классические правила составления вопросов для интервью, не задавай закрытые вопросы. Целевая аудитория: жители Зеленоградска.*

Редакция оценила предложенные ИИ вопросы на 5/10, пояснив, что они слишком общие, их можно использовать как точку старта в размышлениях, но не как финальный вариант. В первом вопроснике и его вариациях присутствовали излишне профессиональные вопросы, например о разнице между «ню металкором» и «ню дэткором» как жанрами. Во втором промпте было скорректировано направление беседы: *Представь, что ты журналист муниципальной газеты. Составь вопросы для интервью с вокалистом группы. Вопросы должны быть составлены по правилам журналистики, избегай закрытых вопросов. Сосредоточься на том, в чем разбирается спикер. Не уходи в обсуждение излишних профессиональных деталей и тонкостей. Целевая аудитория: жители Зеленоградска.*

Полученные вопросы редакция оценила на 7/10.

Для тестировки было выбрано интервью с вокалистом группы «.katana» от 04.01.2023[3]. Ряд вопросов перекликался, например в каждом из перечней был вопрос о фестивале KinRock, планах на будущее, интересных музыкальных коллективах. Корреспондент «Волны» отталкивался от конкретных фактов, например точки в названии группы или скорого выхода нового альбома. Сгенерированные вопросы содержат утяжеляющие конструкции, которые могут звучать излишне официально. Вопросы, составленные журналистом «Волны», звучат естественней. Кроме того, заметна разница в длине вопросов. Вопросы «Волны» более сжатые, вопросы ИИ, в среднем в 1,5—2 раза длиннее. Несмотря на указанные в промпте ограничения, ИИ включил в перечень и нежелательные закрытые вопросы.

Составление, тестирование и корректировка промптов для создания текстов в жанре рерайта, интервью и сравнение сгенерированных текстов с созданными журналистом позволило скорректировать существующие рекомендации для создания промптов так, чтобы обеспечить более эффективное взаимодействие журналиста с ИИ. Необходимо задавать желаемую структуру новости, прописывая требования к объему, перечню и содержанию всех структурных элементов текста. Следует задавать необходимую длину заголовка и самого текста, определять стиль создаваемого материала, указывая (не)желательную лексику. Необходимо задавать требуемый уровень оригинальности текста (минимум 80%), а также целевую аудиторию. При правильном промптировании ИИ способен создавать качественные тексты, которые могут публиковаться СМИ после предварительной проверки.

[3] Катана — это символ нашей музыки. URL: https://volnanews.ru/society/newspaper-guest/katana-eto-simvol-nashej-muzyki-interv-yu-s-vokalistom-gruppy-katana (дата обращения: 15.07.2025).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ji Z. Survey of Hallucination in Natural Language Generation / Z. Ji // ACM Computing Surveys. — 2022. — Iss. 1. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/358458381_Survey_of_Hallucination_in_Natural_Language_Generation (дата обращения: 07.07.2025).

2. Волна. О нас. — Режим доступа: https://volnanews.ru/redaktsiya/o-nas (дата обращения: 11.03.2025).

3. Giray L. Prompt Engineering with ChatGPT: A Guide for Academic Writers / L. Giray. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/371371589_Prompt_Engineering_with_ChatGPT_A_Guide_for_Academic_Writers (дата обращения: 17.07.2025).

4. Смолин Д. В. Введение в искусственный интеллект / Д. В. Смолин. — М., 2004.

5. Bozkurt A. Tell Me Your Prompts and I Will Make Them True: The Alchemy of Prompt Engineering and Generative AI / A. Bozkurt // Open Praxis. — 2024. — Iss. 2. — С. 11—118.

6. Veluru C. Harnessing AI for Transformative Journalism: Advancements in Automated Content Creation and Analysis / C. Veluru // European Journal of Advanced Engineering and Technology. — 2022. — Iss. 9. — С. 85—92.

7. Колесниченко А. В. Прикладная журналистика: учеб. пособие / А. В. Колесниченко. — М., 2010.

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Рыжова Е. А., студентка (направление «Журналистика»)
E-mail: katred03@gmail.com

Говорухина Ю. А., доктор филологических наук, профессор Высшей школы коммуникаций и креативных индустрий
E-mail: IGovorukhina@kantiana.ru; yuliya_govoruhina@list.ru

Immanuel Kant Baltic Federal University
Ryzhova E. A., Student of the «Journalism» Program
E-mail: katred03@gmail.com

Govorukhina Yu. A., Doctor of Philology, Professor of the Higher School of Communications and Creative Industries.
E-mail: IGovorukhina@kantiana.ru; yuliya_govoruhina@list.ru

УДК 070

ТЕАТРАЛЬНО-ИГРОВЫЕ ПРИЕМЫ КАК ЭЛЕМЕНТ СТРАТЕГИИ БРЕНДИРОВАНИЯ ГОРОДА: ПОТЕНЦИАЛ И РИСКИ

Е. Г. Серебрякова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 октября 2025 г.

Аннотация: *в статье исследуются механизмы и функции театрально-игровых приемов, применяемых в процессе создания бренда города. В ходе анализа стратегий брендирования Ульяновской области и города Рыбинска Ярославской области сделан вывод об амбивалентной роли театрально-игровых приемов. Обращение к игровым и театральным техникам позволяет создать креативную городскую среду, обладающую привлекательностью для туристов. В то же время ориентация создателей бренда на зрелищность и занимательность свидетельствует о смещении адресата: интересы горожан оказываются вторичны в сравнении с интересами туристов.*
Ключевые слова: *бренд города, стратегия брендирования, театрально-игровой компонент.*

Abstract*: the article explores the mechanisms and functions of theatrical and game techniques used in the process of creating a city brand. Through an analysis of the branding strategies of Ulyanovsk Region and the city of Rybinsk in Yaroslavl Region, the study concludes that theatrical and game techniques play an ambivalent role. The use of gaming and theatrical techniques enables for the creation of a creative urban environment that is attractive to tourists. However, the focus of brand creators on spectacle and entertainment suggests a shift in the target audience: the interests of local residents become secondary compared to those of tourists.*
Keywords: *city brand, branding strategy, theatrical and game component.*

Эффективность брендирования города в качестве механизма привлечения инвестиций, стимулирования туризма, экономического роста и развития территории не вызывает сомнений урбанистов. Культурологическими задачами стратегии являются выявление семантики, сущностных свойств, уникальности города, укрепление локальной идентичности жителей, сплочение разнородных городских сообществ, усиление социокультурного ресурса региона.

Для осмысления механизма функционирования бренда города обратимся к анализу его структуры. И. В. Логунцова выделяет в ней три элемента: аудиовизуальный — все образы и символы территории, связанные с системой ее визуальных и аудиокоммуникаций; виртуально-смысловой — идея бренда, которая сознательно формируется разработчиками, и компонент «реального восприятия» — это спектр всех вариантов сложившегося восприятия территориального бренда его целевыми аудиториями [1]. На наш взгляд, во всех указанных элементах присутствует театрально-игровой компонент. На его потенциал сознательно ориентируются создатели (имиджмейкеры, маркетологи, дизайнеры и прочие специалисты), учитывают заказчики (местная администрация и бизнес-сообщества) и потребители в лице местных жителей и туристов.

Продуктивность театрально-игровых стратегий, приемов и форм для формирования бренда города объясняется многообразием функций, свойственных игре. Рекреация, социализация, познание и творчество дополняют друг друга, усиливая общий эффект. Зрелищные формы эмоционально действенны, суггестивны, способны создать в восприятии туристов запоминающийся образ города, а в сознании горожан маркировать его как уникальный, вызвать чувство гордости малой родиной. Информационно-просветительская функция заключается в приобщении горожан и гостей города к местной истории и культуре в форме, обеспечивающей эмоциональное приятие информации и облегчающей ее усвоение. Совместное времяпрепровождение и соучастие в театрально-игровых акциях может объединить различные городские сообщества, усилить ощущение единства, укрепить городскую идентичность. А собственное участие в сценических представлениях, исторических реконструкциях и перформансах позволяет человеку ощутить себя субъектом истории, погрузиться в воображаемую атмосферу иной эпохи.

При этом роль театрально-игровых приемов брендирования неоднозначна. Наряду с креативным эффектом очевидны риски, чреватые серьезными последствиями. Цель данной статьи — вскрыть амбивалентность использования театрально-игровых приемов в формировании образа города.

Материалом исследования послужили стратегии брендирования, примененные в регионах, переживающих в начале и первые десятилетия 2000-х

© Серебрякова Е. Г., 2026

гг. экономический и демографический кризис. Это Ульяновская и Ярославская области. Ульяновская область в связи с сокращением машиностроительных предприятий, игравших роль производственной базы, столкнулась с оттоком населения, вынужденного уезжать на заработки в другие регионы. В конкурентной борьбе за человеческие ресурсы область значительно проигрывала более развитым регионам Урало-Поволжья. Схожая ситуация сложилась в те годы в Рыбинске Ярославской области: за 20 лет, с 2000 по 2020 гг., по экономическим причинам число жителей сократилось на 24%, потери составили 53,7 тыс. человек. Однако именно кризисное состояние региона, по наблюдению маркетологов, актуализирует в сознании регионального руководства идею брендирования места.

На наш взгляд, игровое начало заложено в самой идее конструирования образа города по модели торговой марки. Всякий город многолик, его семантика ни в синхронном, ни в диахронном масштабе не может быть сведена к одному значению. Выявление главного образа и суббрендов, т.е. образов второго ряда, дополняющих основной, создающих систему городских брендов, предполагает не только схематизацию, но и своего рода игровой договор, в котором все участники принимают заведомо условные способы толкования феноменов. Например, город Воронеж может с равным основанием носить титул колыбели российского флота (Петр I в 1696 г. именно здесь начал строить флот для Азовского похода), родины ВДВ (первый воздушный десант высадился в 1930 г. за городом), столицы Черноземья (эталон воронежского чернозема с 1889 г. хранится во Франции, сегодня — в Национальном агрономическом институте) и нескольких экзотических образов: родины Котенка с улицы Лизюкова, столицы черной магии и даже центра российской уфологии. Добавим, что каждый из этих образов активно разрабатывается местными турагентствами и экскурсоводами. Следует признать, что выбор разработчиков бренда одного образа обусловлен не столько его культурно-исторической значимостью, сколько возможной туристической востребованностью и, соответственно, экономической целесообразностью.

Игровая природа брендирования определяет поведение сторон. Участники процесса: заказчики (в лице администрации города и бизнес-сообщества) и исполнители (маркетологи, имиджмейкеры, дизайнеры, социологи и прочие) активно используют театрально-игровые приемы для коммуникации с потребителями (горожанами и туристами).

Например, в 2005 г. губернатор Ульяновской области Сергей Морозов объявил подопечную область территорией демографического возрождения. Реализация неординарного бренда потребовала нестандартных решений: была объявлена ежегодная акция «Роди патриота в День России», а 12 сентября официально провозглашен праздничным выходным днем, поскольку ребенок, зачатый в этот день, может родиться именно 12 июня. Местные журналисты, ощутив игровой характер затеи, тут же нарекли 12 сентября Днем зачатия, хотя местная администрация подобрала совершенно серьезное и звучное определение — День семьи. Родители, сумевшие 12 июня обзавестись потомством, получали автомобиль «УАЗ-Патриот», что на первых порах стимулировало участников, особенно молодежь (по состоянию на 14 января 2010 г. 716 беременных женщин изъявили желание принять участие в акции «Роди патриота в день России») [2]. Как видим, общая стратегия была выдержана в духе квеста — приключенческого состязания с возможным призом в финале. Игровая природа бренда «Ульяновская область — территория демографического возрождения» проявила себя в очевидной ориентации организаторов на традиции смеховой культуры, с типичной для карнавально-праздничного дискурса десакрализацией тем секса, деторождения, разрушением герметичности частной жизни.

В соответствии с игровой логикой центральный сюжет разрастался и приобретал дополнительные вариации. С 2009 г. День семьи стал также Днем трезвости: региональная Дума законодательно запретила продажу 12 сентября алкоголя крепостью выше 15 градусов. А с 2011 г. по распоряжению правительства № 12/195-пр акция обросла целым рядом сопутствующих мероприятий, среди них были агитпоезд «За здоровый образ жизни», обследования беременных женщин, всероссийские форумы отцов, фестивали здорового образа жизни. Театрально-зрелищные приемы и жанры (агитпоезд, фестивали, форумы) оказались органичны основной идее бренда.

Смена руководства области в 2021 г. привела к переосмыслению стратегии развития. Члены правительства осознали симулятивность затеи. Министр семейной, демографической политики и социального благополучия Ульяновской области Анна Тверскова в 2022 г. признала неэффективность проведенных мероприятий: рождаемость в области продолжает падать, «указанная акция вызывает закономерное недовольство со стороны населения» [3]. Правительство Ульяновской области отказалось от программы «Роди патриота в День России». Впрочем, ограниченность действия бренда во времени соответствует карнавальному хронотопу: праздник неизбежно сменяется буднями, смеховая стихия — трезвым подведением итогов.

Итак, при искрометной креативности ульяновский проект оказался нерезультативным. Казалось бы, благие намерения автора, актуальность идеи, задействованный административный ресурс, занимательность приемов, протяженность во времени (программа длилась 16 лет) должны были обеспечить успех. Однако бренд, придуманный в на-

чальственном кабинете и декларативно спущенный населению, лопнул как мыльный пузырь. Жители области, поначалу отозвавшись на идею, довольно скоро в ней разочаровались. Обнаружилось, что игровые стратегии, рекламные акции и пропагандистские методы не гарантируют семьям экономическую стабильность и не улучшают качество жизни. Представители власти, со своей стороны, убедились, что сложные задачи устойчивого развития региона требуют комплексных действий, продуманных программ, обеспечивающих экономическую и социокультурную динамику. Декларация намерений, преподнесенная как факт «Ульяновская область — территория демографического возрождения», не приводит к успеху. Впрочем, одной цели, рекламной, все же удалось достичь: Ульяновская область прозвучала в СМИ на государственном и региональном уровне, подготовив губернатору место в Федеральном законодательном собрании. С 2021 г. Сергей Морозов является депутатом Государственной думы.

Заинтересованной стороной ульяновского бренда была администрация области, его неприятие местными жителями явилось одной из важных причин нежизнеспособности образа. Иной механизм формирования бренда был задействован в г. Рыбинске Ярославской области. Местный житель, частный предприниматель, владелец «Этно-Кузни», фолк-музыкант Дмитрий Кузнецов в 2017 г. выступил инициатором замены вывесок в исторической части города на их ретроварианты. Показательно, что он изначально не позиционировал себя имиджмейкером, не мыслил масштабами города. Будучи человеком творческим, артистичным, Кузнецов нашел занятную идею, а предпринимательская активность привела к поиску партнеров для ее реализации в лице администрации города и представителей бизнес-сообщества (владельцев магазинов, кафе, гостиниц и пр.).

Гражданская инициатива оказалась стратегически продуктивной. Стилизованная вывеска задала визуальный образ зданию, улице, кварталу и всей исторической части города. В ходе реализации первичной идеи расширялся круг заинтересованных лиц: предприниматели обнаружили, что вывеска «под старину» привлекает потребителей и увеличивает прибыль, администрация — что инвестиции, вложенные в реставрацию и улучшение инфраструктуры исторической части, не только окупаются, но и превосходят затраты и стимулируют экономическое развитие. За 8 лет в городе отреставрировано 135 гектаров: центральная площадь, кварталы исторического центра, городской сад, набережная Волги. Преобразована инфраструктура: провода перенесены под землю, улицы выложены брусчаткой, создана навигация для туристов.

Игра обладает способностью к самотиражированию и воспроизводству. Однажды найденные формы порождают новые. Самодостаточные и не всегда связанные между собой, они образуют единое игровое пространство, направляют дальнейшие творческие инициативы. В городе проводятся театрализованные мероприятия: «Карнавал старинной вывески», «Гербовое шествие», уличные концерты классической музыки и т.п.

Переформатирование визуального образа дало результат: г. Рыбинск 5 июня 2025 г. включен в состав Золотого кольца России. Дальнейшие планы администрации выдержаны в той же парадигме: до 2030 года запланированы реставрация 17 усадеб в стиле «купеческий модерн», проведение фестиваля уличного театра [4]. Театрализованная форма — стилизация — показала свою эффективность в качестве основного механизма брендирования. Гарантией успеха стало соучастное планирование, солидарность действий всех заинтересованных сторон.

Конструирование образа «города с историей» началось с визуализации уличного пространства. Вывеска сыграла роль семантического ядра: задала параметры восприятия объекта, театрализовала пространство улицы, квартала, центральной части города. Показательно, что автор-создатель Дмитрий Кузнецов обратился к одному из самых декоративных художественных стилей, модерну, и адресовал зрителей к периоду расцвета российской рекламы — второй половине XIX в. Из всех вариантов вывесок (шрифтовых, иллюстративных) автор отдал предпочтение конклюзии — сочетанию текста и живописи. Повествовательность и изобразительность в такой вывеске дополняют друг друга и усиливают эмоциональное воздействие на зрителя. Таким образом, изначально была акцентирована зрелищность как важный способ привлечения внимания потребителя. Приемами графики и рисунка решалась не информационная, а рекламно-маркетинговая задача.

Воссоздание подлинного колорита эпохи, как утверждает Кузнецов, было для него принципиальной позицией, усиливающей социокультурную ценность проекта. Работа в архивах и музеях города дала точную информацию о стилистике ретровывесок, использование натуральных материалов (металл, дерево, папье-маше для манекенов, выставленных в витринах) и красителей создало аутентичную фактуру и колористическую палитру.

Однако заявления автора об исторической точности проделанной работы стоит воспринимать с некоторой долей условности. В конце XIX в. в России не существовало аналога современным дизайн-регламентам, отсутствовали единые стандарты вывесок, не было централизованного подхода к регулированию эстетики города. Владельцы магазинов, банков и прочие предприниматели самостоятельно решали, как должна выглядеть вывеска их заведения. При отсутствии унифицированных пра-

вил купцы руководствовались не эстетикой, а прагматикой: реклама собственного товара должна была быть более действенной, чем у конкурента. Принцип «Перекричи соседа» определял эстетику вывесок: использовались яркие, броские цвета, крупный шрифт, гигантский размер, зачастую скрывавший фасад здания. Дизайн-регламент, принятый в начале 2000-х гг., унифицировал эстетику входных групп. Сегодня воспроизводить буквально рекламные приемы конца XIX в. не рекомендуется. Эстетика вывесок в Рыбинске чаще всего соответствует современным стандартам: дизайнеры постарались не подавлять архитектуру здания, не нарушать ритм фасадов и не перекрывать окна. Актуализированными оказались другие средства: эстетика лубка, с ее зрелищностью и повествовательностью, разыгрывание кукольного представления (на одной из улиц вывеска магазина «оживает», в ней движутся куклы).

Основным художественным средством стала стилизация шрифта под дореволюционную грамматику с устаревшими графемами, архаичными падежными формами и орфографией. Эти культурные ориентиры адресуют зрителя к историческому контексту, придают авторитет старины. Задача информационная подчиняется общей логике театрализованного бренда и становится вторичной по значимости. Неправильная с точки зрения современной языковой нормы грамматика является сильным коммуникативным средством. Зритель удивится, наткнувшись на «Булошную», мысленно согласует падежи, прочитав заглавие «Рыбныя деликатесы», задумается над значением слов с «ятем» или «ером». Эмоция сработает, как рыболовный крючок, привлечет внимание потребителя.

Главный адресат стилизованных вывесок — турист. Зрелищность и занимательность — значимый показатель в рекламной стратегии бренда с точки зрения имиджмейкеров. Историческая вывеска эмоционально приобщает гостя к истории места, как бы погружает его в атмосферу эпохи. Обещание перенести туриста во времени стало массовым слоганом туроператоров, разрабатывающих маршруты в Рыбинск. Сегодня под дореволюционную грамматику переписано 300 вывесок в городе.

Но потребителем бренда являются также и горожане, ежедневно наталкивающиеся на лингвистическую грязь в визуальных образах. Использование архаичных языковых форм и алфавита, затрудняющих понимание информации, может вызвать спектр негативных эмоций и сформировать стойкое отчуждение, не позволяющее ощутить себя родственным этому месту. Возможным результатом может стать разрушение локальной идентичности в сознании коренных жителей.

Важным свойством комфортной городской среды является его экологичность. Чистота языковой среды входит в это понятие. Необходимость соблюдения лингвоэкологии в национальном масштабе осознали законодатели. Результатом их обращения к главе государства стал указ президента Российской Федерации от 11 июля 2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации», в котором зафиксировано требование «соблюдения норм современного русского литературного языка <…> в информации, предназначенной для потребителей товаров (работ, услуг), и в рекламе [5]. А значит, перед рыбинскими предпринимателями открываются новые задачи: предстоит перевести язык ретровывесок на современный русский.

Коммуникация территории с целевыми аудиториями — процесс управляемый. Маркетинговая цель — привлечение той или иной группы потребителей — определяет действия идеологов и создателей бренда. Соответственно, идентичность места — это сознательно управляемая реальность [6, 46—47]. Она не только складывается естественным образом из восприятия города локальными сообществами, но и искусственно конструируется из целенаправленных действий заказчиков и создателей. Адресная аудитория (жители, туристы) не столько выявляют уникальность места, узнают ее глубинную сущность, сколько усваивают смоделированный образ, не всегда и не обязательно точно отражающий локальную самобытность.

Создатели бренда Рыбинка объективировали концепцию купеческого города, свойственную ему не более, чем другим провинциальным городам России. В начале XX в. купечество было экономически одним из самых активных сословий, в социокультурном плане самым заметным: купцы активно вкладывали финансы в благоустройство городов, благотворительность, выступали заказчиками местных архитекторов и таким образом формировали визуальный облик города. Рыбинск не был исключением из общего правила. Если же обратиться к статистике, можно увидеть, что в 1913 г. его население составляло 29 900 человек, а в период навигации численность увеличивалось в 4 раза за счет сезонных рабочих: бурлаков, извозчиков, грузчиков и прочих. Как видим, моделируя бренд с опорой на типологию города начала XX в., имиджмейкеры могли подобрать исторически более точный статус «труженика» или «столицы бурлаков», так как до Октябрьской революции Рыбинск был центром торговли зерном и бурлаки составляли значительную часть сезонного трудового люда. Другим вариантом мог стать образ хлебной столицы Поволжья, поскольку в XIX в., по свидетельству В. А. Гиляровского, Рыбинск напоминал «огромный склад хлеба, идущего с низовьев Волги на север» [7, 56]. Однако эти возможные образы менее продуктивны с точки зрения рекламно-маркетингового потенциала. Им отведена роль суббрендов, дополняющих цен-

тральный. Таким образом, авторы бренда заняты не выявлением региональной идентичности, а формированием стереотипа города, способного популяризировать место, выгодно «продать» его на рынке потребительских услуг.

Стилизация по своей природе создает лишь копию, более или менее приближенную к оригиналу. Театрализация как стратегия брендирования таит в себе опасность: с ее помощью создается визуально яркий, запоминающийся, идеализированный образ города, далекий от реальности. Укореняя в сознании потребителей фантомный двойник города, создатели бренда подменяют ценностную систему целевой аудитории, прежде всего жителей: игровая модель наделяется большей значимостью, чем культурно-историческая реальность. Превращение города в театральную сцену или игровую площадку чревато кризисом идентичности горожан, атомизацией сообществ, их разобщением на оппозиционные лагеря сторонников и противников симулятивного образа.

Сегодня Рыбинск — туристически ориентированный продукт. Его основной адресат — гости города, для которых достаточно поверхностного, мимолетного приобщения к региональной истории и культуре. Переориентация интересов создателей бренда с местных жителей на туристов свидетельствует о существенной опасности — деформации ценностных ориентиров в концепции брендирования. Современный ученый отмечает: «…всем сразу угодить невозможно, в геобрендинге предпочтение отдается группам, потенциально обеспечивающим большие финансовые потоки: туристам, инвесторам, внешним покупателям товаров и услуг, жителям» [8, 46]. Исследователь, как видим, поставил жителей на последнее место в ряду заинтересованных лиц. Но ведь город — среда обитания именно горожан. Их благополучие и чувство сопричастности малой родине зависят не только от финансовых потоков, поступающих в регион, но и от осознания своей значимости в жизни города. Интересы местного населения должны быть безусловным ценностным приоритетом для всех создателей бренда. Иначе в погоне за финансовой выгодой, возрастающей вместе с масштабированием туристических потоков, российские города утратят гуманистические ценностные основания.

Концепция брендирования городов, возникшая в постиндустриальной культуре, базируется на ценностной системе потребительского общества, со свойственными ей гедонизмом, консюмеризмом, разрушением границ повседневно-бытовой и досугово-праздничной сфер жизни. Эксплуатация театрально-игровых приемов, органичная современным стратегиям брендирования, чревата кризисными последствиями: деформацией подлинной культурно-исторической семантики места, ее подмены стереотипным или вымышленным образом, эксплуатацией симулятивной идентичности и, как следствие, разрушением в сознании горожан ценности места, чувства сопричастности его судьбе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Логунцова И. В. Теоретические обоснования создания сильных брендов современных территорий / И. В. Логунцова // Государственное управление. Электронный вестник. — 2012. — № 33. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-obosno vaniya-sozdaniya-silnyh-brendov-sovremennyh-territoriy (дата обращения: 27.08.2025).

2. Цветкова И. И. Брендинг территории: сущность и развитие в Российской Федерации / И. И. Цветкова, К. С. Титянечко // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Экономика и управление. — 2016. — № 1. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/brending-territorii-suschnost-i-razvitie-v-rosiiyskoy-federatsii (дата обращения: 29.08.2025).

3. Титов С. Патриотами больше не рождаются / С. Титов // Коммерсантъ. — 2022. — № 148. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/5513679?ysclid=mevg1h4f8r185984903 (дата обращения: 29.08.2025).

4. За что Рыбинск включили в Золотое кольцо России. — Режим доступа: https://dzen.ru/a/aJWLtcXC62vUFfG9?sid=7183054942995361 (дата обращения: 29.08.2025).

5. Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации». — Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412219970/ (дата обращения 30.08.2025).

6. Старостова Л. Э. Территориальная идентичность как ключевой элемент территориального бренда / Л. Э. Старостова // Интегративная модель бренда российского города: региональный аспект / под общ. ред. А. М. Бритвина. — Екатеринбург, 2016.

7. Гиляровский В. А. Путеводитель по городам России. Волга / В. А. Гиляровский. — М., 2009. Репринт издания 1908 г.

8. Стась А. Новая геральдика. Как страны, регионы и города создают и развивают свои бренды / А. Стась. — М, 2009.

Воронежский государственный университет

Серебрякова Е. Г., доктор культурологии, профессор кафедры истории философии и культуры

E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru

Voronezh State University

Serebryakova E. G., Doctor of Cultural Studies, Professor of the History of Philosophy and Culture Department

E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru

УДК 070

ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ОБЩЕСТВА СИБИРСКИХ ИНЖЕНЕРОВ» (1916)

И. А. Такмянин

Томский государственный университет

Поступила в редакцию 16 сентября 2025 г.

Аннотация: *статья посвящена журналу «Вестник Общества сибирских инженеров» (1916), который издавался научным обществом при Томском технологическом институте. Выявлена жанрово-тематическая специфика издания, а также сделан вывод, что журнал выполнял функцию популяризации научных и технических знаний.*
Ключевые слова: *научные общества, технические общества Томской губернии, Томский технологический институт, просветительские издания, Общество сибирских инженеров, популяризация науки.*

Abstract: *the article is devoted to the journal Vestnik Obshchestva Sibirskikh Inzhenerov (1916), which was published by the Scientific Society at the Tomsk Technological Institute. The genre and thematic specifics of the publication are identified, and it is concluded that the journal served as a means of popularizing scientific and technical knowledge.*
Keywords: *scientific societies, technical societies of the Tomsk province, Tomsk Technological Institute, educational publications, Society of Siberian Engineers, popularization of science.*

Томская губерния на рубеже XIX—XX вв. стала центром интеллектуальной и научной жизни Сибири. Научные общественные организации сыграли значительную роль в освоении и изучении Сибири [1]. Важным способом коммуникации и распространения знаний стала издательская деятельность организаций. Настоящее исследование ставит целью определить жанрово-тематическую специфику журнала «Вестник Общества сибирских инженеров», а также выявить просветительскую функцию издания. В рамках работы рассмотрены выпуски издания за 1916 г.

Общество сибирских инженеров (ОСИ) было основано при Томском технологическом институте (ТТИ) в 1909 г. Организаторами ОСИ стали профессора и ученые ТТИ Е. Л. Зубашев, Л. Л. Тове, М. А. Усов, членами ОСИ — профессора, преподаватели и выпускники Томского технологического университета. В уставе были зафиксированы цели организации: способствовать развитию промышленности и транспорта в Сибири, популяризация научных и технических знаний среди местного населения, повышение уровня технической грамотности. В качестве очной просветительской деятельности проводились «технические чаи», где зачитывались доклады и проводились обсуждения. Помимо этого, у ОСИ была библиотека и читальня [2].

Первым изданием ОСИ стал ежемесячный «Журнал Общества сибирских инженеров» [3], выпускавшийся с 1909 г. по 1915 г. В журнале печатались официальные документы, научно-технические статьи и др. В первом отчете общества за 1909 г. была поставлена задача продолжать активно печатать журнал и увеличивать число подписчиков [4].

С 1892 г. горными инженерами издавался «Вестник золотопромышленности и горного дела вообще» [5]. В 1904 г. журнал стал называться «Горные и золотопромышленные известия».

«Журнал» и «Известия» в 1915 г. из-за экономических трудности были вынуждены объединиться в одно издание (Журнал, 1915, № 11—12) и в январе 1916 г. состоялся выпуск первого номера ежемесячного журнала «Вестник Общества сибирских инженеров» [6]. Он сохранял программу прежних изданий, а редакция планировала выпускать от 4 до 6 печатных листов ежемесячно. Осуществлялась бесплатная рассылка выпусков членам общества, а также тем лицам и учреждениям, которым высылались прежние журналы. Журнал сохранял программу предшественников, поэтому структурно тексты организованы по двум основным разделам: «Горные и золотопромышленные известия» и «Известия по фабрично-заводской и химической промышленности, путям сообщения, электротехнике и другим отраслям инженерного дела».

Для тематического анализа материалов журнала мы выделили различные блоки материалов: горное дело и геология — 25%; металлургия — 12%; инфраструктура, транспорт — 11,1%; химические технологии — 10,2%; сельское хозяйство и легкая

© Такмянин И. А., 2026

промышленность — 8,3%; военное дело — 7,4%; электротехника — 3,7%; образование — 7%; прочее (общие, организационные) — 18,5%.

Доинировала тематика, связанная с ресурсной базой, промышленностью и инфраструктурой. Разделы «Горное дело и геология» (25%), «Металлургия» (12%), а также «Инфраструктура, транспорт» (11,1%) и «Химические технологии» (10,2%) составляли более половины всех публикаций, что дает полное представление о том, какие именно области науки и техники интересовали редакцию.

Форматы и жанры публикаций были таковы: обзоры технико-промышленной жизни — 31%; новости техники — 15,2%; справочно-статистические сведения — 13,9%; научные статьи и доклады — 13,3%; обзоры литературы и критика — 12,6%; узаконения и административные известия — 7%; иллюстрации — 7%. В журнале преобладали материалы информационного характера: «Обзоры технико-промышленной жизни» (31%) и «Новости техники» (13,9%). Редакция стремилась оперативно информировать читателя о новостях технической сферы. Также преобладают статистические материалы (13,9%), что свидетельствует о стремлении уйти от чисто отчетной и академической функции в сторону распространения актуальной и прикладной информации. Рассмотрим жанровые разделы подробнее.

«Обзоры технико-промышленной жизни» — это небольшие информационно-аналитические заметки, где авторы писали о нуждах сибирской промышленности, указывали на проблемы инфраструктуры (Вестник, 1916, № 1). В разделе «Новости техники» или «Технические заметки и новости техники» помещались новости, связанные с месторождениями, промышленностью, техническими разработками. Например, «В Кайском крае приступлено к разработке имеющихся там в изобилии залежей фосфоритов» (Вестник, 1916, № 2), «Месторождения висмута в России» (Вестник, 1916, № 9—10). Интересен текст «О суррогатах сахара», где автор описывает вещество дульцин, которое можно использовать как заменитель сахара: «Может быть, что теперь время напомнить о другом синтетическом веществе, дульцине, которое менее сладко, чем сахарин, но все же в 200 раз слаще сахара». Текст мог эффективно популяризировать научное и техническое знание по нескольким причинам: 1) вовлечение за счет актуальности проблемы; 2) вовлечение с помощью нарративной структуры (проблема (завязка) — решение (кульминация) — аргументы (развязка)); 3) предлагает практическую ценность.

Справочно-статистические сведения. Информация о добыче полезных ископаемых и о рынке сырья. Например, подробные таблицы сопровождали статью С. В. Лебедева «О возможности и о желательности развития сахарной промышленности в Сибири» (Вестник, 1916, № 1), а также статью в разделе Бюро военно-технической помощи «Материалы к вопросу о производственных силах Сибири» и другие (Вестник, 1916, № 2). ОСИ занималось техническим снабжением фронта, и этому посвящался отдельная часть журнала, которая также выпускалась как отдельная брошюра — «Труды Бюро военно-технической помощи», в которых описывались производственные мощности региона.

Научные статьи и доклады, материалы для узкой профессиональной аудитории. Например, статья горного инженера И. Рутковского «Непрерывная декантация в связи с системой противотока» (Вестник, 1916, № 4), научная заметка С. Ю. Доборжинского «К задаче о вентиляции в диагональной системе проводов» (Вестник, 1916, № 3—5). На этом фоне интересно выделяется этнографический очерк В. Д. Виленского «Кустарная металлургия у инородцев Якутской области» (Вестник, 1916, № 4). Данный текст интересно рассмотреть как материал, наиболее приближенный к научно-популярному жанру «научного путевого очерка» [7], который характеризуется симбиозом научного и художественно-публицистического стиля. Текст популярно раскрывал читателю сразу несколько научных областей, при этом не теряя глубины.

Обзоры литературы и критика. Раздел представлял собой список отсортированной по областям актуальной литературы, каждое наименование сопровождалось комментарием. Например, в третьем выпуске перечисляются материалы по следующим направлениям: архитектура, горное дело, железнодорожное дело, литейное дело, металлургия и металлография, механика, физика и т.д. (Вестник, 1916, № 3).

Иллюстрации представляли собой изображения к статьям в виде географических карт или чертежей. Например, в № 5 был опубликован очерк преподавателя ТТИ Н. С. Пенна «Иловые заводы округа (Porcupine) в Канаде». Автор посетил Канаду и изучил практики, которые используют на иловых заводах, о чем написал в своём материале, снабдив географическими картами и подробными техническими иллюстрациями: «Карта золотоносного района округа Porcupine», «Карта железнодорожных сообщений в горных округах Канады и относительное расположение округа Porcupine».

Выводы. Журнал «Вестник Общества сибирских инженеров» выполнял функцию канала коммуникации между учеными и инженерами, где публиковались исследования, доклады, а также различные практические руководства. В ходе исследования мы определили следующую специфику издания:

1. Жанровая специфика журнала явно указывает на преобладание информационно-публицистических и аналитических материалов: обзоры технико-промышленной жизни, новости техники, а также справочно-статистические сведения. Эти тексты

несли функцию оперативного информирования как об административных вопросах, так и о прикладных технических достижениях, делая их доступными для инженеров, промышленников и учёных разных профилей. Также следует отметить очерки, зачастую не имеющие строгой формы, включающие в себя элементы художественного описания, а также «сухую» отчётную информацию, связанную с географией, этнографией и т.д.

2. Во-вторых, тематическая специфика указывает на превалирование следующих тематических групп: горное дело, металлургия, вопросы инфраструктуры и транспорта. Материалы из последней группы в особенности являлись актуальными для жителей Томской губернии начала XX в.

Таким образом, специфика издания заключалась в широте тематик и жанров, что позволяло популяризировать научные и технические знания как среди подготовленной, так и среди широкой аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев В. П. Научные и технические общества Томской губернии / В. П. Зиновьев, С. Г. Суляк // Вестник Санкт-Петербургского университета. История, 2020. — Т. 65. — Вып. 3. — С. 904—920.

2. Устав Общества сибирских инженеров. — Томск, 1909.

3. ГАТО. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. Д. 102. Журнал общества сибирских инженеров. — Томск, 1909 г.

4. Отчет общества Сибирских инженеров за первый отчетный год: (со 2 апреля 1909 г. по 1 января 1910 г.). — Томск: б.и., 1910.

5. ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 237. Документы об издании газеты «Вестник золотопромышленности» под редакцией В. С. Реутовского (списки, переписка, прошение, извещение).

6. ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 636 Документы об издании в г. Томске журналов «Горные и золотопромышленные известия» и «Вестник общества сибирских инженеров» (свидетельства, программа, устав, переписка, прошения)

7. Такмянин И. А. Жанрово-тематическая специфика просветительского ежегодника «Труды Томского общества естествоиспытателей и врачей» (1889—1895, 1913—1915) / И. А. Такмянин // Вопросы журналистики, 2025. — № 17. — С. 153—174.

Томский государственный университет
Такмянин И. А., аспирант филологического факультета
E-mail: ivan.takmyanin@gmail.com

Tomsk State University
Takmyanin I. A., Postgraduate Student of the Faculty of Philology,
E-mail: ivan.takmyanin@gmail.com

УДК 070

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ МЕДИАТЕКСТОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГОРОДСКИХ СМИ

Н. И. Федосеева

Ростовский государственный экономический университет

Поступила в редакцию 10 сентября 2025 г.

Аннотация: *работа посвящена анализу топонимического ландшафта медиатекстов как репрезентации культурной идентичности в городских медиа. На материале публикаций ростовских СМИ («Город N», «Ростов официальный», «161.ру», «1rnd») проведен количественный и качественный анализ тематических категорий топонимов. Результаты демонстрируют структурный дисбаланс: доминирование объектов материальной среды (типичные элементы городской среды, объекты зонирования) и официального наследия (исторические памятники) при снижении социокультурного компонента (городские легенды, этнические и социальные группы). Это свидетельствует о конструировании технократического образа города, ориентированного на инфраструктурный и историко-архитектурный нарратив.*

Ключевые слова: *культурная идентичность, городские медиа, топонимы, Ростов-на-Дону, семиотика города, медиадискурс.*

Abstract: *the work is devoted to the analysis of the toponymic landscape of media texts as a representation of cultural identity in urban media. A quantitative and qualitative analysis of the thematic categories of toponyms was carried out based on the publications of the Rostov media (Gorod N, Rostov Official, <url>, 1rnd). The results demonstrate a structural imbalance: the dominance of objects of the material environment (typical elements of the urban environment, zoning facilities) and official heritage (historical monuments) with a decrease in the socio-cultural component (urban legends, ethnic and social groups). This indicates the construction of a technocratic image of the city, focused on the infrastructural and historical-architectural narrative.*

Keywords: *cultural identity, urban media, toponyms, Rostov-on-Don, city semiotics, and media discourse.*

Введение. В условиях интенсивной урбанизации современные города сталкиваются с проблемой сохранения культурной идентичности. Медиа, выступая важнейшим агентом социализации, играют ключевую роль в процессе конструирования городской идентичности через языковые средства, среди которых особое место занимают топонимы или топонимические сочетания. Данное исследование посвящено анализу функционирования топонимов в медиапространстве Ростова-на-Дону и их влиянию на формирование представлений горожан о своем городе.

Проблемам терминологической системы современной топономастики, анализу ключевых аспектов, которые затрудняют однозначную интерпретацию исследований в этой области, посвящена работа И. А. Мартыненко. Автор предлагает лингвопрагматический подход как методологическую основу для изучения топонимов. Исследователь выделяет терминологическую синонимию (например, дублирование терминов «топономастика»/«топонимика»), необходимость унификации терминов через создание общероссийского словаря, интегрирующего советскую, российскую и западную научные традиции [1]. В контексте изучения топонимического ландшафта медиатекстов работа Мартыненко важна для обеспечения терминологической точности, обогащения классификации топонимов и понимания их роли в формировании коллективных представлений о городской идентичности через медиа. Учет этих аспектов позволяет устранить неоднозначность в интерпретации данных и обеспечить сопоставимость результатов при кросс-региональных исследованиях.

Ключевые теоретико-методологические основания представлены в работе А. А. Громыхиной «Типы вторичных номинаций топонима и особенности их функционирования в текстах СМИ». На материале волгоградских медиа автор систематизирует вторичные наименования топонима Волгоград (например, «город на Волге», «волжская твердыня», «34-й регион», «город-победитель») и разрабатывает их типологию на основе структурно-семантических и функциональных критериев, выделяя четыре типа: обобщающие (нейтральные родовые понятия — город, регион), конкретизирующие (уточняющие признаки без уникальной идентификации — город тепла, депрессивный регион), константные

© Федосеева Н. И., 2026

(актуализирующие признак первичного имени — город на Волге) и дифференцирующие (выделяющие уникальные историко-культурные черты — военно-стратегический рубеж Второй мировой) [2]. Исследование демонстрирует, что выбор вторичной номинации в медиатекстах выполняет стратегическую роль в конструировании культурной идентичности: расширяет понятийную структуру топонима через актуализацию оценочных, исторических, социальных или административных признаков. Данная модель позволяет интерпретировать вариативность топонимических обозначений в городских СМИ как инструмент репрезентации и формирования коллективных представлений о пространстве, где частотность нейтрально-обобщающих единиц отражает стандартизацию административного дискурса, а редкие дифференцирующие номинации — фиксацию уникальных элементов культурного кода территории.

Стоит также обратить внимание на работу С. А. Попова «Региональная топонимия как материал для работы журналистов районных средств массовой информации», в которой автор демонстрирует практический механизм сохранения локальной культурной памяти через топонимический дискурс в районных СМИ Воронежской области. На примере анализа публикаций районных газет автор выявляет три ключевых аспекта медиарепрезентации топонимов: этимологию существующих/переименованных населенных пунктов, документирование исчезнувших топонимов и историю урбанонимов, что формирует «топонимический мартиролог» территории. Данные материалы, создаваемые журналистами в результате взаимодействия со старожилами и архивами, выполняют функцию сохранения культурно-исторического кода (коммеморация утраченных объектов, фиксация локальных легенд), при этом подчеркивается симбиоз науки и журналистики: такие публикации служат источником для ономастических исследований (напр., при составлении словарей исчезнувших топонимов), а ученые, в свою очередь, могут способствовать лингвокраеведческому просвещению журналистов для углубленной интерпретации топонимии как элемента идентичности [3]. Этот эмпирический пласт дополняет теоретические модели вторичных номинаций (ср. с типологией Громыхиной), показывая, как районные СМИ через актуализацию топонимов конструируют «места памяти», где частота упоминания исчезнувших объектов и практика переименований отражают процессы ревитализации локальной истории в коллективном сознании.

В не менее значимом труде «Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы» М. В. Голомидова исследует топонимическую политику как комплексную управленческую деятельность по номинации внутригородских объектов, подчеркивая ее структурные компоненты (правовые, организационные, информационные) и социокультурное содержание, связанное с языковой, этнической и идеологической политикой. Автор выделяет ключевые проблемы: отсутствие единых методик разработки такой политики на муниципальном уровне, коллизии при переименованиях (например, конфликт исторической памяти и актуальных политических интересов в Казани), а также роль топонимических комиссий как медиаторов между властью, бизнесом и обществом [4]. Автор раскрывает механизмы формирования городской идентичности: урбанонимы не только выполняют навигационную функцию, но и становятся инструментом символического конструирования пространства (например, «солнечная» топонимия района «Солнечный» в Екатеринбурге создает позитивный имидж). При этом медиа выступают площадкой для обсуждения и легитимации топонимических решений, отражая конфликты интерпретаций культурного наследия и актуальных ценностей. Интеграция этих тезисов подтверждает, что медиатексты не пассивно фиксируют топонимы, а участвуют в политике идентичности, транслируя официальные нарративы или альтернативные взгляды на городское пространство.

Данная работа посвящена исследованию формирования культурной идентичности в городских СМИ. Культурная идентичность представляет собой сложное понятие, которое формируется под влиянием различных факторов, включая исторические, социальные и экономические аспекты. Исследователь Е. П. Матузкова предлагает рассматривать культурную идентичность в индивидуальном и коллективном понимании и дает им разные определения. Индивидуальная культурная идентичность, по мнению автора, — «это целостный образ самого себя, слитый с культурой в ее универсальной и локальной диалогичности» [5, 66], под коллективной культурной идентичностью ученый понимает осознание принадлежности к определенной группе, которое формируется как динамическая система знаков и информации. Она возникает в результате саморефлексии, то есть процесса осмысления и представления группы как уникального целого. Это единство основывается на культурных ценностях, нормах, установках и стереотипах, которые характерны для данной общности [5, 67]. Перечисленные социальные конструкты культурной идентичности находят свое воплощение в современной медиасреде. Т. А. Монне все медиапространство называет образно «перекрестком культур» и уточняет, что любой медиатекст, «отражая в большей или меньшей степени индивидуальное или групповое языковое сознание, содержит в себе элемент культурной идентичности» [6, 143].

Материалы и методы. Путем нарративного (описательного) обзора в работе систематизируются знания по теме, выявляются дискуссионные вопросы и обосновывается актуальность нового исследования.

Методологическую основу исследования составил комплексный подход, сочетающий количественный анализ и дискурс-анализ. С помощью количественного анализа в городских СМИ посчитаны и переведены в процентные показатели топонимы / топонимические сочетания, которые формируют культурную идентичность у горожан. Дискурс-анализ помог определить, как через языковые средства конструируется определенный образ городского пространства в медиа и каким образом это влияет на формирование культурной идентичности.

Эмпирическую базу исследования составили 100 материалов за 2024—2025 годы, опубликованных в четырех ростовских СМИ: деловом портале «Город N», официальной городской газете «Ростов официальный» и новостных порталах «161.ру», «1rnd». В изучаемых текстах были выделены топонимы, которые, на наш взгляд, выражают городскую уникальность и самобытность.

Результаты. Все выделенные топонимические сочетания мы поделили на тематические категории: исторические памятники (названия и описания памятников, музеев, мемориалов, которые отражают культурное наследие города); городское зонирование (названия улиц, проспектов, кварталов, районов, которые сохраняют свою историческую застройку и атмосферу или символизируют современную городскую культуру); местные праздники (названия и описания мероприятий, которые проводятся в городе и отражают его культурные традиции); типичные элементы городской среды (описания характерных для города элементов, таких, как уличные фонари, вывески, мостовые и прочая инфраструктура); культурные учреждения (театры, библиотеки, галереи, которые являются частью культурной жизни города); этнические и социальные группы (названия и описания групп населения, которые формируют культурное разнообразие города); городские легенды и мифы (истории связанные с городом, которые передаются из поколения в поколение) [7]. Все выделенные нами лексические единицы (по категориям) посчитаны и переведены в процентные показатели (см. рис. 1).

Рис. 1. Топонимические маркеры культурной идентичности в городском медиадискурсе (количественный срез)

Проведенный количественный анализ позволил определить, что культурная идентичность чаще формируется через топонимы, обозначающие типичные элементы городской среды (26%) — *веранды кафе на Большой Садовой, Характерные чугунные фонари на Пушкинской улице, солнечные часы в парке Горького* и объекты городского зонирования (21%) — *Ворошиловский мост, на Большой Садовой, стела на Театральной площади*.

Менее выраженный пласт, отражающий интерес к материальному наследию и институциональной культуре, составляют исторические памятники (16%) — *особняк Парамонова, мемориал «Воинам-освободителям», памятник «Тачанка-Ростовчанка» на южном въезде в город*, культурные учреждения (13%) — *театр-трактор (о театре Ростовского академического театра драмы имени М. Горького), Табачка-центр*, местные праздники (11%) — *фестиваль «Шолоховская весна», фестиваль купечества имени Чехова «В Городском саду»*.

Наименьшее число топонимических сочетаний пришлось на категорию «городские леген-

ды и мифы» (6%) — *кобяковские подземелья, клад Сурб-Хача*, а также этнические и социальные группы (7%) — *Армянская община Нахичевани, ростовские судостроители, Совет ветеранов Первомайского района.*

Высокие доли типичных элементов городской среды (26%) и объектов зонирования (21%) свидетельствуют о том, что основой медийного образа города является его повседневная инфраструктура (улицы, мосты, площади) и функциональное пространство. Это формирует образ города как места для жизни и перемещения. Значительная представленность исторических памятников (16%) и культурных учреждений (13%) в топонимических сочетаниях указывает на внимание к унаследованным, институционально закрепленным символам. Медиа закрепляют в сознании горожан определенный канон городской идентичности, связанный с официальной историей и культурой.

Редкое употребление топонимов/топонимических сочетаний и тематических категорий «городские легенды и мифы» (6%) и «этнические и социальные группы» (7%) являются диагностическим признаком. Это демонстрирует, что нарративы, фольклор, человеческие истории и многосоставность городского сообщества зачастую остаются за рамками формируемого медиаобраза в изучаемых городских медиа за рассматриваемый период времени.

На следующем этапе исследования проводился дискурс-анализ контента в городских медиа, который позволил перейти от вопроса «Как часто упоминаются топонимы в СМИ?» к вопросам «Как и зачем они употребляются? Раскрывают ли идеологическую и ценностную нагрузку медиатекста?».

Помимо самих топонимов, единицами анализа стали «окружающие» его языковые элементы. Обратимся к ним.

Эпитеты и определения — прилагательные, причастия, описывающие объект. К примеру, *«заброшенные кобяковские подземелья»* [8].

Глаголы и глагольные конструкции — действия, которые совершаются с объектом или которые он «совершает» сам. Например, *«власти благоустроят сквер у театра драмы»* [8], *«Ворошиловский мост связывает два берега»* [9].

Оценочная лексика — слова, прямо или косвенно выражающие положительное или отрицательное отношение. Пример: *«прекрасный образец сталинского ампира»* [10].

Контекст употребления — тематика материала, в которой используются топонимы. Так, урбанистический объект может упоминаться в контексте праздника, реконструкции, застройки, ностальгических воспоминаний, криминальной хроники пр.

Выбор категорий мы объясняем тем, что каждая из этих единиц работает как своего рода «индикатор», который помогает расшифровать скрытые смыслы, оценки и идеологии, встроенные в текст.

На примере одной из публикаций интернет-портала «161.ру», вошедшей в эмпирическое поле настоящего исследования, проведем дискурс-анализ текста по предложенным выше категориям (языковым элементам).

Топоним: *«Табачка-центр» («Табачная фабрика»).*

Текст: *«В стенах заброшенной «Табачки» проходит андеграундный фестиваль современного искусства»* [11].

Эпитеты: *«заброшенной», «андеграундный».*

Глаголы: *«проходит»* (нейтральная тональность).

Оценка: амбивалентная. *«Заброшенная»* — негативно, но *«андеграундный»* может иметь позитивный оттенок для определенной аудитории (крутой, неформальный).

Контекст: культура, но нетрадиционная.

Дискурс: создается образ места с потенциалом, центра альтернативной культуры, но через призму упадка. Это уже не действующая фабрика, а площадка для новых форм идентичности.

Аналогично мы проанализировали 50 топонимов/топонимических сочетаний в изучаемых городских медиа за указанный период.

Дискурс-анализ медиатекстов выявил, что городские СМИ не столько отражают объективные функции мест, сколько активно присваивают им устойчивые символические роли, зачастую игнорируя их многогранность. Например, *Ворошиловский мост* чаще упоминается в контексте освещения транспортных проблем (пробки, ремонт, аварии), что способствует формированию «травмированной» идентичности горожан, тогда как *Театр драмы им. Горького* или *Сурб-Хач* неизменно предстают в позитивном, объединяющем ключе (жемчужина юга, духовный центр). Ключевыми агентами конструирования этих образов выступают власти, активисты и предприниматели, которые через медиатексты продвигают разные, иногда противоречащие друг другу, нарративы: официальный дискурс (пресс-релиз мэрии о благоустройстве *Ростовской набережной*) акцентирует развитие и порядок, гражданский (публикации «Город N» о защите «Табачки») — историческую ценность и сопротивление, а предпринимательский (реклама нового *ЖК «Левобережный»)* — коммерциализацию и новую функциональность убран-пространств, что в совокупности создает сложное семиотическое поле городской идентичности.

Выводы. Количественный анализ топонимов/топонимических сочетаний, выделенных в публикациях городских интернет-СМИ, наглядно показал, какие аспекты городской среды считаются наиболее релевантными для формирования новостного и культурного повествования о городе. Ростов-на-

Дону предстает в первую очередь как материальный объект (инфраструктура, памятники), а не как живая социальная и нарративная среда. Этот перекос в репрезентации напрямую влияет на то, какие грани идентичности будут актуальными среди аудитории, а какие останутся невидимыми. Вероятно, наиболее объективную оценку медиаконтенту, формирующему культурную идентичность среди горожан, можно дать, расширив эмпирическую базу исследования.

Проведенный дискурс-анализ позволил сделать вывод о том, что городские медиа конструируют сложные и зачастую противоречивые образы мест, которые становятся ресурсом для формирования новой культурной идентичности. На примере *«Табачки»* мы видим, как через сочетание негативного эпитета *«заброшенная»* и позитивно-маркированного в определенных кругах определения *«андеграундный»* создается нарратив трансформации: из места индустриального упадка возникает площадка для актуального искусства и неформального сообщества. Таким образом, медиа не просто фиксируют идентичность как данность, а участвуют в ее непрерывном переосмыслении, переводя физические объекты в поле символического и наделяя их новыми смыслами, которые, в свою очередь, влияют на то, как горожане воспринимают себя и свое место в урбан-среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартыненко И. А. О некоторых аспектах современной топономастической терминологии / И. А. Мартыненко // Неофилология, 2023. — Т. 9. — № 2. — С. 257—265. — Режим доступа: https://doi.org/10.20310/2587—6953—2023—9—2—257—265 (дата обращения: 10.09.2025).

2. Громыхина А. А. Типы вторичных номинаций топонима и особенности их функционирования в текстах СМИ / А. А. Громыхина // Современные проблемы науки и образования, 2012. — № 6. — С. 486—494.

3. Попов С. А. Региональная топонимия как материал для работы журналистов районных средств массовой информации / С. А. Попов // Неофилология, 2023. — Т. 9. — № 2. — 266—273. — Режим доступа: https://doi.org/10.20310/2587—6953—2023—9—2—266—273 (дата обращения: 10.09.2025).

4. Голомидова М. В. Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы / М. В. Голомидова // Вопросы ономастики, 2018. — Т. 15. — № 3. — С. 36—61. Режим доступа: https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.3.028 (дата обращения: 10.09.2025).

5. Матузкова Е. П. Культурная идентичность: к определению понятия / Е. П. Матузкова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. — 2014. — № 2. — С. 62—68.

6. Монне Т. А. Культурная идентичность в новостных текстах СМИ России и Франции / Т. А. Монне // Политическая лингвистика. — 2023. — № 4 (100). — С. 142—150.

7. Федосеева Н. И. Топонимические сочетания в медиатекстах и их влияние на городскую культурную идентичность / Н. И. Федосеева // Коммуникация в современном мире. — Воронеж, 2025. — С. 44—46.

8. 161.ru — Режим доступа: https://161.ru/ (дата обращения: 08.08.2025).

9. 1rnd. — Режим доступа: https://www.1rnd.ru/ (дата обращения: 08.08.2025).

10. Ростов официальный. — Режим доступа: https://rostof.ru/ (дата обращения: 08.08.2025).

11. Город N. — Режим доступа: https://gorodn.ru/ (дата обращения: 08.08.2025).

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Федосеева Н. И., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики

E-mail: fedoseewan@yandex.ru

Rostov State University of Economics

Fedoseeva N. I., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Journalism

E-mail: fedoseewan@yandex.ru

УДК 321

ОБРАЗ КОМПАРТИИ КИТАЯ (КПК) В РОССИЙСКИХ СМИ: НА ПРИМЕРЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПРЕССЫ[1]

Шэнь Инь, Д. Л. Стровский

Институт международных отношений Сычуаньского университета

Поступила в редакцию 12 сентября 2025 г.

Аннотация: *условиях возросшей политической конфронтации России с западным миром взгляды и действия официального Пекина оказываются намного более приемлемыми для Москвы, чем политика США и европейских государств. Компартия Китая (КПК) пользуется особым вниманием отмеченных СМИ, поскольку определяет ключевые ориентиры своего государства по всем направлениям его деятельности. Какие содержательные подходы используют российские печатные СМИ при освещении этой темы? Ответ на этот вопрос является ключевым в рамках данной статьи.*
Ключевые слова: *имидж государства, Коммунистическая партия Китая, российско-китайские отношения, российские СМИ.*

Abstract: *in the context of Russia's current confrontation with the Western world, the views and actions of official Beijing turn out to be much more acceptable to Russia than the policies of the United States and European states. The Russian media pay special attention to the Chinese Communist Party (CPC) being responsible for key guidelines of its state. What approaches are used by the Russian print media in covering this topic?*
Key words: *image of the state, the Chinese Communist Party, Russian-Chinese relations, Russian mass media.*

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В год 100-летия КПК российская пресса не могла пройти мимо этой темы, с учетом того, что и появление партии, и дальнейшее социально-политическое развитие Китая воспринимались неотъемлемым от участия СССР, а потом и России в этом процессе.

В связи с этим СМИ вспоминали VI съезд КПК (1928), проходивший в подмосковном селе Первомайское еще до формального создания КНР в 1949 г. Это был единственный заграничный съезд КПК, где марксизм был признан в качестве основного партийного учения. Проходивший в обстановке максимальной закрытости съезд в составе 118 китайских коммунистов сыграл ключевую роль в становлении КПК и будущей революции]1].

Большая часть публикаций на тему российско-китайского сотрудничества была, впрочем, посвящена нынешним отношениям между двумя странами и позиции КПК по этому вопросу. Авторами этих статей стали, в частности, Чрезвычайный и Полномочный посол КНР в РФ Чжан Ханьхуэй и директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии китайской Академии общественных наук Сунь Чжуанчжи, подчеркивавшие важность полноценных контактов между Россией и Китаем для поддержания глобальной стабильности]2; 3]. Одновременно «РГ» отмечала факт развития двусторонней торговли между Китаем и Россией. «За 11 месяцев 2021 года общий объем двусторонней торговли составил 130,43 млрд. долл. <…>, увеличившись на 33,6 проц. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года» [4]. В СМИ вместе с тем освещались и конкретные примеры сотрудничества. Одним из них стало возведение автомобильного моста между Благовещенском и Хейхэ [5].

Комментируя встречу Президента РФ В. В. Путина и Председателя Китая Си Цзиньпиня, проходившую в июне 2021 г. по видеосвязи, спецкор «Коммерсанта» А. Колесников напомнил, что именно в этот день, двадцать лет назад, состоялось подписание Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» между двумя странами. Итогом же новой встречи стало продление имеющегося договора еще на пять лет [6]. А незадолго до этого «Коммерсант» рассказывал о другой встрече, состоявшейся в Гуйлине между министром иностранных дел РФ С. В. Лаврова его китайским коллегой Ван И. Газета подчеркивала, что мероприятие проходило в дружеской обстановке, чего нельзя было сказать о состоявшейся незадолго до этого дипломатической встрече на высшем уровне между Китаем и США, в ходе которой американцы обрушились на Китай «с жесткой критикой» по поводу нарушения в этой стране прав человека и «мирового порядка, основанного на правилах» [2].

Китайско-американские отношения воспринимались прессой антиподом российско-китайского сотрудничества, намного более плодотворного и дружественного. Так, «РГ» отмечала, что администрация тогдашнего президента США Д. Байдена активно развивала китайско-американскую конфронтацию [7].

[1] Окончание. Начало в № 4-2025.

© Шэнь Инь, Стровский Д. Л., 2026

В свою очередь, «Коммерсантъ» сообщал о том, что Д. Байден стремится поддерживать «предельную конкуренцию» с Китаем, что не шло на пользу обеим странам [8]. «АиФ» же подчеркивал, что хотя КПК надеется на сотрудничество с США, она воспринимает американцев в качестве своих основных экономических конкурентов. «Китайцы пока гораздо больше зависят от США, чем наоборот, — уточнял на страницах газеты президент Центра стратегических исследований «Россия-Исламский мир», философ и публицист Шамиль Султанов. — <…> Пекин во многом благодаря США интегрирован в глобальную экономику и <…> вынужден придерживаться правил мировой глобальной экономической системы, созданной <…> американцами» [9].

Российские СМИ видели в неразрешенности китайско-американских отношений серьезную проблему для урегулирования всей мировой политики. Так, «РГ» отмечала, что Пекин крайне обеспокоен игнорированием американцами внешнеполитического курса Китая. Поводом к этому, в частности, стал визит спикера Палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси в Тайвань, что было воспринято в КНР как «крупная политическая провокация», ввиду убежденности его руководства в неотъемлемой принадлежности этой территории Китаю. «РГ» приводила слова официального представителя МИД КНР Ван Вэньбиня: Поднебесная «никогда не допустит, чтобы его национальный суверенитет и территориальную целостность грубо нарушали и игнорировали» [10]. Еще раньше, в феврале 2021 г., «АиФ» сослался на высказывание главы пресс-службы американского госдепа Н. Прайса заявившего, что «КНР совершает целый ряд действий, которые наносят вред американским работникам, это ослабляет наши технологические преимущества >…> и оказывает влияние на международные организации» [11]. Тогда же подчеркивалось, что США необходимо отказаться от завышенных тарифов на китайскую продукцию, экспортируемую в США, и односторонних санкций против китайских компаний, научных и образовательных организаций, частных лиц, бизнесменов и политиков [12]. Активизация США и их союзников в Индо-Тихоокеанском регионе также с неизбежностью усиливает американо-китайское противостояние [13].

Очевидно, что осторожная позиция российских СМИ определялась важностью для России сохранить созидательный характер китайско-американских отношений, как приоритетный и для ее внешней политики. Пока этого нет, отмечала пресса, говорить о позитивных тенденциях в сфере самой политики и мировой торговли не приходится.

Несмотря на то, что США, указывал «Коммерсантъ», «продолжают угрожать» Китаю за поддержку России, Пекин «от своего курса не отступит и готов ответить Вашингтону “решительными мерами”, если угрозы будут исполнены». Несмотря на то, что Китай «пока не определился с мерой поддержки российской экономики, а политическая позиция далеко не однозначна», газета сослалась на высказывание китайского посла в США Цинь Гана о том, что его страна намерена поддерживать в дальнейшем «нормальное экономическое, торговое и энергетическое сотрудничество с Россией и тесные контакты между людьми» [14]. «Коммерсантом» в данном случае двигал ярко выраженный политический интерес, нацеленный на формирование международного доверия к российской внешней политике, что не могло не сказаться на общей тональности информации.

Российская пресса вновь выглядела приверженной устойчивым содержательным приоритетам. Уместно вспомнить, что еще за десять лет до появления этой публикации повышенный интерес Китая к сотрудничеству с Россией подтверждал на страницах «РГ» посол КНР в РФ Ли Хуэй. «Политическое взаимодоверие <…> неуклонно укрепляется, деловое сотрудничество устойчиво расширяется, — отмечал он. — Обе страны ведут постоянные консультации и взаимодействуют по целому ряду важных международных и региональных вопросов. Это способствует укреплению дружбы и сотрудничества между народами двух стран» [15]. За минувшие годы, по мнению российской прессы, ситуация осталась такой же стабильной. Китайско-российские отношения выдержали испытание переменами в мире, писала «РГ» уже десять лет спустя, добавляя при этом, что они «демонстрируют новую мощную динамику и жизнеспособность», находясь в настоящее время на беспрецедентно высоком уровне». Именно поэтому эти отношения «достойны называться образцом межгосударственного сотрудничества в XXI веке» [4].

Последнее предложение в известной мере можно считать квинтэссенцией восприятия в российской прессе отношений между двумя странами.

ВЫЗОВЫ, СТОЯЩИЕ ПЕРЕД КПК, И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Исследуя содержание российских СМИ вокруг «темы КПК», уместно задаться вопросом: сообщают ли они что-либо по поводу проблем, с неизбежностью возникающих на пути социально-экономических преобразований в этой стране, или те тонут на фоне исключительно позитивной информации, транслируемой на аудиторию?

Отдельные проблемы, безусловно, получают огласку. В их числе оказывается, например, *коррупция в Китае*, на которую российская пресса обращала активное внимание. Российская пресса неоднократно подчеркивала, что борьба с ней стала приоритетом деятельности КПК.

Так, «АиФ» указывал, что борьба с этим явлением, шедшая все последние годы, привела к ужесточению наказаний и усилению общественного надзора, включающего в себя возможность пересылки

анонимных сообщений через мобильное приложение [16]. За последнее время китайские власти начали целый ряд антикоррупционных расследований и проверок в отношении финансового сектора, — сообщал в апреле 2023 г. «Коммерсантъ», ссылаясь на британскую газету «Financial Times». В конце марта того же года началось расследование в отношении Лю Лянгэ, бывшего председателя правления и секретаря парткома Bank of China, подозреваемого «в серьезных нарушениях дисциплины и законодательства» (обычно этой фразой в Китае заменяют термин «коррупция»). Само «дело» стало одним из крупнейших в рамках этой борьбы [17].

В ходе всей предшествующей китайской истории коррупция воспринималась в Китае как нечто второстепенное [10]. Однако в год своего столетия КПК, как сообщала российская пресса, серьезно ужесточила борьбу с этим явлением, вынуждая чиновников признавать свою вину. СМИ не раскрывали, каким образом партии удавалось добиться этих признаний, однако содержание заметок и статей на эту тему свидетельствовало о том, что предпринимаемые меры дают результаты. Так, в июле 2021 г. «РГ» писала, что 42 тыс. китайских чиновников добровольно признались правовым органам в своей причастности к нарушению закона. Например, 70-летний Лю Чуаньшэн, бывший секретарь парткома Пекинского педуниверситета, заявил, что раскаивается в содеянном, о чем сообщалось на сайте Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины. Ранее так же поступил Мэн Юншань, главный прокурор Народной прокуратуры провинции Цинхай. <…> Ли Цзясон, партийный деятель из южной провинции Юньнань, утверждал, что не мог спать по ночам. Ему снилось, что органы надзора уводят его [18].

Российская пресса обращалась к теме коррупции в Китае на протяжении и всех последующих лет, признавая, что КПК играет главную скрипку в этой политической кампании. «Коммерсантъ» сообщал, например, об обвинениях в отношении госкомпании по производству электронных чипов Tsinghua Unigroup. Ее руководитель Чжао Вэйго управлял ею «как своей собственностью»: передавал прибыльные активы в управление родственникам и друзьям, приобретая товары и услуги у других компаний по ценам, «превышающим рыночные» [19]. В общей же сложности около 80 тыс. членов КПК за последние пять лет добровольно сознались в коррупции [20]. Правда, что предшествовало этой «добровольности», «Коммерсант» не уточнял.

Не менее существенной проблемой для Китая продолжает оставаться его *внешний долг*, хотя при этом не раз отмечалось, что КПК также контролирует ситуацию. Особенно ярко эта проблема обозначилась как раз в 2021 г. Годом спустя долг составил уже 71,5 проц. ВВП Китая. При этом общий объем кредитов нефинансовому сектору по итогам второго квартала 2022 г. достиг 51,87 трлн. долл., что втрое превысило ВВП страны [21]. В последующие годы эта тема также не уходила от внимания российской прессы. Проблему внешней задолженности Китая российские СМИ связывали с его активной вовлеченностью в крупные международные проекты и невозможностью в одиночку обеспечить себе экономическую выгоду. По мнению «Коммерсанта», эта политика ведет к экономическим рискам, и в частности к сокращению инвестиций Китая в другие развивающиеся страны» [22].

Еще одной проблемой, вытекающей из предыдущей, является *внутренняя финансовая задолженность* Китая. Российская пресса отмечала, что усилия КПК, нацеленные в последние лет на его быстрый экономический рост, привели одновременно к увеличению числа банковских кредитов. С одной стороны, отмечал «АиФ», налицо последовательный рост благосостояния китайцев: если в 2000-е гг. средняя зарплата в Поднебесной составляла 50 долл., то сейчас она поднялась до 500. С другой стороны, это благосостояние стимулирует процесс кредитования и создает «финансовый пузырь», который ведет к тяжелым экономическим последствиям. «… Если население богатеет, то соответственно, увеличивается импорт, и он постепенно может съесть экспортные доходы» [23].

С годами упомянутый «пузырь» претерпел тенденцию к расширению. В этот процесс были втянуты уже крупнейшие китайские застройщики жилья, такие, как стройхолдинг «Evergrande», оказавшийся в 2021 г. по этой причине близким к коллапсу. Огромное число квартир, построенных холдингом в разных городах страны, были выставлены на продажу, однако население оказалось не в состоянии их приобрести. Множество готовых квартир оказались незаселенными [24]. В случае банкротства «Evergrande Group», фиксировал «Коммерсантъ», «финансовые институты многих стран потеряют миллиарды долларов, китайский рынок недвижимости будет в глубочайшем кризисе, а без работы… окажутся как минимум 200 тыс. чел.» [25].

Корень нынешней проблемы китайской экономики заключается в перегретом рынке недвижимости, — заключила через два года «РГ». — Банки выдавали бесконтрольно кредиты <…> несостоятельным заемщикам, что вздуло цены на недвижимость, и нераспроданными стоят теперь целые новые города-призраки на миллионы квартир» [26]. С позиции китайских властей, такие компании, как «Evergrande» должны ответить за свои операции [27]. Вместе с тем ни «РГ», ни другие издания не задавались вопросом, почему обостренность этого вопроса обозначилась только сейчас, и кто виноват в ней. Очевидно, что в этом проявило себя нежелание российских печатных СМИ усомниться в правильности экономического курса китайской компартии.

Еще одну проблему, стоящую перед КПК, российская пресса сформулировала так: *социально-психологические сложности в отношениях между Россией и Китаем*. Эти сложности являются скорее умозрительными, нежели реальными, поскольку, как неоднократно упоминали сами СМИ, к формированию напряженных отношений между двумя странами реальных предпосылок нет. У России с Китаем сложилось взаимовыгодное сотрудничество в сфере глобальной политики и экономики. На российско-китайской границе также нет даже поводов для конфликтности [28].

Тем не менее, в сознании китайского и российского населения живет большое число стереотипов в отношении друг друга. Россияне не очень доверяют китайцам, считая их «не всегда надежными» [29]. Достаточно живучей в сознании российского населения оказывается идея и о том, что китайцы неустанно готовятся к военной экспансии, что время от времени подтверждается заявлениями официальных китайских лиц [30]. В свою очередь, китайцы склонны воспринимать россиян как людей, подверженных излишним эмоциям и не всегда сдерживающих обещания. Явно негативного восприятия придерживаются немногие, вместе с тем общие оценки не всегда позитивны и нацелены на сближение России и Китая. Налицо неосведомленность населения обеих стран о жизни друг друга [30, 312—317].

Очевидно, что в сложившейся ситуации от КПК требуется разработка стратегической программы действий по улучшению имиджа Китая.

Развитие китайской экономики и внешнеэкономических связей, а также активизация инновационного и научно-технического потенциала могут стать составляющими этого имиджа [29; 85—91; 31]. Что же касается упрочения информационного имиджа Китая и КПК, то требуется определить алгоритмы действий, на основании которых может выстраиваться позитивная репрезентация страны. Одним из них становится развернутая информационная политика, включающая в себя активное распространение публикаций, теле- и радиосюжетов о китайской жизни и КПК. Важно внимание не только к положительным примерам российско-китайских отношений, но и к их проблемным аспектам. К сожалению, последние часто выпадают из поля зрения российских журналистов, что связано с общим восприятием отмеченных отношений со стороны Москвы. Это создает в СМИ лакировочную картину действительности.

Можно предложить также создание регулярного печатного издания, сосредоточенного на российско-китайской тематике, которое бы выходило на двух языках. Такого проекта пока нет, что определяется, на наш взгляд, не столько финансовой составляющей, сколько недостаточным пониманием возможностей и перспектив его практической реализации. Между тем он мог бы реализоваться на основе обсуждения именно дискуссионных вопросов. Такое СМИ могло бы публиковать опросы общественного мнения, интервью, проблемные и критические корреспонденции, экспертные оценки, читательские отклики и т.д. Что касается редакции, то в нее могли бы войти как российские, так и китайские журналисты, а само оно призвано консолидировать национальные коммуникационные ресурсы с целью их последующей адаптации к интересам России и Китая. В этих условиях разрешение проблемных вопросов между двумя странами, которых немало, безусловно, окажется более действенным, а значимость печатного слова более убедительным.

Заключение

Повседневное внимание к Китаю вообще и КПК в частности всегда оставалось заметным со стороны российских печатных СМИ. Это давало о себе знать не только в 2021 г., в год 100-летия компартии страны, но и, пожалуй, на протяжении всей новейшей истории. Данная тема традиционно занимала ведущее место на фоне публикаций о других странах, что объяснимо фактором постоянного сотрудничества между Китаем и СССР, а потом и Россией. В условиях экономических санкций со стороны западных стран политические и экономические отношения между двумя странами остаются устойчивыми, что и стремилась подчеркнуть российская пресса.

Репрезентация КПК в ведущих российских СМИ носит по большей части ярко выраженный одобрительный характер. Из 117 публикаций, исследованных авторами, 92 имели четко выраженную положительную тональность, без каких-либо элементов критики; 17 выглядели позитивными, но при этом обозначавшими сложности, связанные с китайской реальностью. И только 8 демонстрировали проблемность восприятия китайской жизни. На общем фоне не было ни одной публикации, подвергшей деятельность КПК сколько-либо заметной критике. Это подтверждает существование ярко выраженной политизации российских СМИ, их зачастую прямой зависимости от российского политического руководства и нежелание обострять отношения с Китаем, какие бы вопросы не ставились на повестку дня.

На общем фоне «РГ» акцентирует большее внимание на социально-политических вопросах, хотя китайская экономика также не уходит от внимания этой газеты; «Коммерсантъ» сфокусирован в основном на бизнес-тематике; «АиФ» публикуют более развлекательную информацию, касающуюся разных сторон жизни китайского общества, чаще других газет используя мнения экспертов по поводу истории и культуры китайского общества. Несмотря на различия в тематике, все издания строго придерживаются официальной позиции российской власти. Это определяет схожую тональность их публикаций. Всякий раз строя разговор вокруг «темы КПК», пресса

создает преимущественно оптимистичную картину происходящего. В результате на второй план уходят проблемные аспекты деятельности КПК и китайской жизни в целом, практически отсутствует сравнительный анализ предлагаемых фактов, организованный по принципу «за» и «против», что могло бы значительно усилить аналитический уровень предлагаемой информации.

Явно выраженный позитивный подход к «теме КПК» создает оптимистичное восприятие китайской действительности. Вместе с тем реализуемые информационные усилия с неизбежностью снижают общественное доверие к таким публикациям, поскольку на первый план выходит не взвешенный анализ ситуаций, а пропаганда, в основе которой лежит одностороннее восприятие действительности в угоду определенных политических интересов [33, 2—3]. Именно такое восприятие превалирует в российских СМИ, и, в частности, в отражении всего спектра внешнеполитических вопросов, что сужает существенно восприятие китайской тематики. Отдельные проблемы китайской жизни в исследованный период нивелировались в российских СМИ [34, 164]. Очень мало говорилось, например, о кризисном состоянии различных отраслей китайской экономики, обозначившемся в начале 2020-х гг., сложностях формирования демократии в китайском обществе. Тем самым от внимания российских медиа уходили вопросы, за которые напрямую несет ответственность ведущая политическая партия страны. Возвращаясь к вопросу, вынесенному на обсуждение, может ли партийная тема стать привлекательной для современной массовой аудитории, мы можем ответить на него утвердительно. Однако это возможно при условии, что СМИ не скрывают проблемных аспектов функционирования самой политической организации.

Тем не менее, опыт российской прессы по освещению «темы КПК» является актуальным и достаточно полезным. Он не только дает понимание ключевых направлений деятельности ведущей китайской партии, определяющей стратегические и тактические решения своего государства, но и позволяет уловить общие содержательные тенденции, присущие российским СМИ в показе современной международной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжан Х. Мы вступили в новую эпоху. В истории дружбы двух стран непременно будет написана следующая вдохновляющая глава / Х. Чжан // Интернет-портал «Российской газеты». 2021. — Режим доступа: https://rg.ru/2021/02/25/v-istorii-druzhby-rossii-i-kitaia-nepremenno-budet-napisana_sleduiushchaia_vdohnovliaiushchaia-glava.html (дата обращения: 28.06.2024).

2. Черненко Е. В. Сергей Лавров и Ван И преподали американцам урок дипломатии / Е. В. Черненко // Интернет-портал газеты «Коммерсантъ». 2021. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4740929?query=%D0%BA%D0%BF% (дата обращения: 28.06.2024).

3. Сунь Ч. Китай и Россия создали новый тип отношений между крупными державами / Ч. Сунь // Интернет-портал «Российской газеты», 2021. — Режим доступа: https://rg.ru/2021/07/15/kitaj-i-rossiia-sozdali-novyj-tip-otnoshe nij-mezhdu-krupnymi-derzhavami.html (дата обращения 28.06.2024).

4. В 2021 году китайско-российские отношения выдержали испытание переменами в мире // Российская газета. 2022. — Режим доступа: https://rg.ru/2022/01/27/v-2021-godu-kitajsko-rossijskie-otnosheniia-vyder zhali-ispytanie-peremenami-v-mire.html (дата обращения: 19.11.2024).

5. Набивачев С. В. Что дадут регионам ДФО новые объекты транспортной инфраструктуры / С. В. Набивачев // Интернет-портал «Российской газеты». 2021. — Режим доступа: https://rg.ru/2021/08/19/reg-dfo/chto-dadut-regionam-dfo-novye-obekty-transportnoj-infrastruktury.html (дата обращения: 28.06.2024).

6. Колесников А. И. Ни хао, ни Мао. Лидеры России и Китая решили встречаться партиями / А. И. Колесников // Интернет-портал газеты «Коммерсантъ». 2021. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4878443?query (дата обращения: 28.06.2024).

7. Почему США ведут антикитайскую политику и при новом президенте // Интернет-портал «Российской газеты». 2021. — Режим доступа: https://rg.ru/2021/02/26/pochemu-ssha-vedut-antikitajskuiu-politiku-i-pri-novom-prezidente.html (дата обращения: 28.06.2024).

8. Строкань С. В. Планы партии — планы Китая / С. В. Строкань // Коммерсантъ. 2021. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4879917 (дата обращения: 19.11.2024).

9. Заворотный С. Новая шахматная доска. Мифы и реальность о военном альянсе России и Китая. Интервью с Шамилем Султановым / С. Заворотный // Антифашист: информагентство, 2021. — Режим доступа: https://antifashist.online/item/novaya-shahmatnaya-doska-mify-i-realnost-o-voennom-alyanse-rossii-i-kitaya-intervyu-s-shamilem-sultanovym.html (дата обращения 24.11.2025).

10. МИД КНР призвал США прекратить попытки использовать Тайвань для сдерживания Китая // Интернет-портал газеты «Российской газеты», 2022. Режим доступа: https://rg.ru/2022/08/11/mid-knr-prizval-ssha-prekratit-popytki-ispolzovat-tajvan-dlia-sderzhivaniia-kitaia.html (дата обращения: 28.06.2024).

11. Госдеп: США смотрят на отношения с КНР «через призму конкуренции» // Интернет-портал газеты «Аргументы и факты». 2021. — Режим доступа: https://aif.ru/politics/world/gosdep_ssha_smotryat_na_ otnosheniya_s_knr_cherez_prizmu_konkurencyi (дата обращения: 28.06.2024).

12. Почему США ведут антикитайскую политику и при новом президенте // Интернет-портал «Российской газеты». 2021. — Режим доступа: https://rg.ru/2021/02/26/pochemu-ssha-vedut-antikitajskuiu-politiku-i-pri-novom-

prezidente.html (дата обращения: 28.06.2024).

13. Строкань С. В. Китаю грозят устроить настоящий QUAD США создают «азиатское НАТО» для сдерживания Пекина Китае / С. В. Строкань // Интернет-портал газеты «Коммерсантъ». 2021. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4682987?query=%D0%BA%D0%BF%D%BA (дата обращения: 28.06.2024).

14. Медоедов И. Китай большой — ему видней. В нюансах китайской поддержки России еще предстоит разобраться / И. Медоедов // Интернет-портал газеты «Коммерсантъ». 2022. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/ 5281758 (дата обращения: 19.11.2024).

15. Посол КНР в РФ: Китайско-российские отношения переживают самый лучший период в истории // Российская газета. 2021. — Режим доступа: https://rg.ru/2011/09/20/posol.html (дата обращения: 19.11.2024).

16. Иванов Г. А. Охота на «мух» и «тигров». Как в Китае борются с коррупцией? / Г. А. Иванов // Интернет-портал газеты «Аргументы и факты». 2021. — Режим доступа: https://aif.ru/politics/world/ohota_na_muh_i_tigrov_ kak_v_kitae_boryutsya_s_korrupciei (дата обращения: 28.06.2024).

17. Рождественская Я. Китайский регулятор обвинил бывшего главу Tsinghua Unigroup в коррупции / Я. Рождественская // Коммерсантъ. 2023. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/5887956 (дата обращения: 19.11.2024).

18. Волков К. П. В Китае 42 тысячи чиновников добровольно сдались компетентным органам / К. П. Волков // Российская газета. 2021. — Режим доступа: https://rg.ru/2021/07/14/v-kitae-42-tysiachi-chinovnikov-dobrovolnosdalis-kompetentnym-organam.html (дата обращения: 19.11.2024).

19. Рождественская Я. Китайских банкиров лечат от элитарности и гедонизма / Я. Рождественская // Коммерсантъ. 2023. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/5926329 (дата обращения: 19.11.2024).

20. Кагалтынов Э. В Китае за 5 лет более 80 тыс. коррупционеров добровольно сдались надзорным органам / Э. Кагалтынов // Коммерсантъ. 2022. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/oc/5619745 (дата обращения: 19.11.2024).

21. Хвостик Е. Китайский долг достиг 295% ВВП / Е. Хвостик // Коммерсантъ. 2022. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/5707604 (дата обращения: 19.11.2024).

22. Боровикова К., Едовина Т. Госдолг догоняет ВВП. МВФ фиксирует заметный рост задолженности США и КНР / К. Боровикова, Т. Едовина // Коммерсантъ. 2024. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/6650869 (дата обращения: 19.11.2024).

23. Гинько В. С. Эксперт: экономические успехи Китая осложняет громадный госдолг / В. С. Гинько // Аргументы и факты. 2014. — Режим доступа: https://aif.ru/money/economy/1356319 (дата обращения: 19.11.2024).

24. Богданов О. «На рынке началась цепная реакция». О возможном финансовом кризисе из-за Evergrande / О. Богданов // Коммерсантъ. 2021. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4996942 (дата обращения: 19.11.2024).

25. Сарханянц К. Великая китайская пирамида. Как успех девелопера Evergrande обернулся потенциальными проблемами для экономики Китая / К. Сарханянц // Коммерсантъ. 2021. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/5005711 (дата обращения: 19.11.2024).

26. Бовт Г. Трудности китайской экономики ударят по всему миру, но по России сильнее / Г. Бовт // Российская газета. 2023. — Режим доступа: https://rg.ru/2023/09/03/georgij-bovt.html (дата обращения: 19.11.2024).

27. Богданов О. «На рынке началась цепная реакция». О возможном финансовом кризисе из-за Evergrande / О. Богданов // Коммерсантъ. 2021. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4996942 (дата обращения: 19.11.2024).

28. Лукин А. В., Иванов А. В. Российско-китайские отношения: проблемы и перспективы / А. В. Лукин, А. В. Иванов // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2 (17).

29. В Китае заявили, что могут захватить Тайвань даже обычным оружием // РБК, 2025. — Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/18/ 09/2025/68cbf2d69a79479d6591e529 (дата обращения: 2.09.2025).

30. Сяоцзюань В. Имидж Китая в онлайн-версии газеты «Аргументы и факты» / В. Сяоцзюань // Медиалингвистика. 2017. № 1 (16). — Режим доступа: https://medialing.ru/imidzh-kitaya-v-onlajn-versii-gazety-argumenty-i-fakty/ (дата обращения: 19.11.2024).

31. Аветисян Э. Г. Международный имидж КНР: факторы формирования и тренды / Э. Г. Аветисян // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2017. № 9. С. 85—91.

32. Jowett, G. S., O'Donnell, V. Propaganda and Persuasion. London, New Delhi: Sage Publications Inc., 1999 (на англ. яз).

33. Хабаров А. А., Чудинов А. П., Кэ Я. Образ Китая в российских и американских СМИ / А. А. Хабаров, А. П. Чудинов, Я. Кэ // Политическая лингвистика, 2022, № 2 (92). С. 159—171.

Институт международных отношений, Сычуаньский университет (Чэнду, Китай)

Шэнь Инь, доктор политологии, доцент

E-mail: yingzich@126.com

Стровский Д. Л., доктор политических наук, профессор

E-mail: dmitry.strovsky@gmail.com

Institute of International Relations, Sichuan University (Chengdu, China)

Shen Yin, Doctor of Political Science, Associate Professor,

E-mail: yingzich@126.com

Strovsky Dmitry L., Doctor of Political Science, Professor

E-mail: dmitry.strovsky@gmail.com

УДК 070.11

«РУССКИЙ БАЛЕТ» С. П. ДЯГИЛЕВА В УРУГВАЙСКОЙ ПРЕССЕ

М. Д. Шерих

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 31 октября 2025 г.

Аннотация: *в данной статье рассматриваются публикации уругвайской прессы с 1913 по 1939 г. о «Русском балете» С. П. Дягилева. В работе используется метод проблемно-хронологического анализа источников, обнаруженных нами в электронных полнотекстовых архивах прессы Уругвая, с помощью которых были выявлены и проанализированы публикации по теме исследования.*
Ключевые слова: *«Русский балет» С. П. Дягилева, зарубежная пресса, Уругвай, Вацлав Нижинский.*

Abstract: *this article examines Uruguayan press publications from 1913 to 1939 about Sergei Diaghilev's "Ballets Russes." The study utilizes a problem-chronological analysis of sources found in Uruguayan electronic full-text press archives, which were used to identify and analyze publications related to the research topic.*
Keywords: *Ballets Russes, S. Diaghilev, foreign press, Uruguay, V. Nijinsky.*

Введение. Гастроли «Русского балета» С. П. Дягилева в 1913 и 1917 гг. по Аргентине, Бразилии и Уругваю находятся на периферии внимания исследователей, и это объяснимо. В первую очередь история «Русского балета» ассоциируется с Францией и другими европейскими странами, где труппа базировалась и выступала наиболее активно. В меньшей степени изучены два турне труппы в США, но им также уделяется значительно больше внимания, чем гастролям по Аргентине, Бразилии и Уругваю.

Вместе с тем турне «Русского балета» в Латинскую Америку оказало значительное влияние на культуру стран континента. Так, постоянная балетная труппа аргентинского театра *Colon* была основана с поддержкой ведущего танцовщика и хореографа «Русского балета» В. Ф. Нижинского, и первым ее руководителем стал А. Р. Больм, тоже танцовщик «Русского балета» [5].

Важность рассматриваемой темы в современных условиях определяется необходимостью формирования объективной и научно обоснованной картины всемирного влияния русской культуры, ее воздействия на развитие и формирование культуры других стран. Значение творческого наследия труппы С. П. Дягилева в этом контексте невозможно переоценить.

Отметим также крайнюю малоизученность рассматриваемой темы. В исследовательской литературе о «Русском балете», а также в каталогах и иных библиографических источниках петербургской Театральной библиотеки, к специалистам которой мы обращались в ходе исследования, отсутствуют какие-либо данные о выявленных нами публикациях. Таким образом, наша работа позволяет вовлечь в научный оборот новые материалы, ранее не попадавшие в поле зрения исследователей «Русского балета» и важные для формирования более полной картины гастролей «Русского балета» и общего понимания того, как выступления труппы С. П. Дягилева воспринимались в разных странах мира.

Объектом данного исследования является печатная пресса Уругвая, периода 1913—1939 гг. — с момента первого турне «Русского балета» на этом континенте и до первой юбилейной даты после прекращения существования труппы. Предметом являются публикации о «Русском балете» и его участниках. Временной период исследования обусловлен как датами гастролей, так и наличием последующих публикаций, в том числе носивших юбилейный характер.

Представляется важным кратко очертить состояние южноамериканской прессы выбранного периода. Конец XIX — начало XX вв. были временем зарождения и развития периодической печати на континенте. Как отмечает В. В. Сбруев, характеризуя предпосылки развития прессы, в последнее десятилетие XIX века в Латинской Америке начали создаваться вечерние школы, в которых отдельное внимание уделялось культурному развитию [2, 170]. Он отмечает, что рост численности населения, начавшийся во второй половине XIX столетия, и повышение уровня грамотности «повлекли за собой количественные и качественные изменения в периодической печати» [2, 175]. Стали выходить периодические издания для различных аудиторий: «детские, юношеские, женские, научные, сатирические, юмористические, литературные, клерикальные, а также официальные издания органов законодательной и исполнительной власти» [2, 176]. Характеризуя развитие форматов периодики, историк Горацио Таркус называл

© Шерих М. Д., 2026

Латинскую Америку «континентом журналов», отмечая, что данный формат изданий «в конечном итоге доминировал на интеллектуальной сцене на протяжении всего XX века» [4, 1].

Таким образом, все публикации, рассматриваемые в данной работе, приходятся на период подъема латиноамериканской прессы.

Отметим также, что про развитие уругвайской журналистики написано крайне мало. Исследователь латиноамериканской журналистики Рик Роквел в своей книге «История журналистики в Латинской Америке» фактически обходит тему стороной, отмечая, что «в силу высокоразвитой и сложной природы СМИ в Уругвае <…> Уругвай здесь не будет подробно рассматриваться» [3, 122]. Исследователь М. Б. Стукалина отмечает в «Истории Латинской Америки» лишь, что «в 1870-е годы в Уругвае появилась знаменитая газета ‘Эль Диа’, на страницах которой […] велась энергичная борьба за социальную справедливость в стране» [1, 463].

Актуальность темы, как уже отмечалось нами, характеризуется отсутствием исследований о таких публикациях в прессе Латинской Америки и Уругвая. Определенную сложность для исследователей создают языковой барьер и не всегда достаточный уровень ретроспективной оцифровки латиноамериканской прессы. Отметим, что репрезентативность выборки уругвайской прессы в общедоступных электронных архивах значительно выше, чем у, например, аргентинской, что позволило выявить интересующие нас публикации с большей полнотой.

Результаты исследования. Выявление публикаций производилось по электронному архиву периодических изданий факультета информации и коммуникации Уругвайского университета (*anaforas.fic.edu.uy*) и по электронному архиву национальной библиотеки Уругвая (https://www.bibna.gub.uy/).

Поиск велся по следующим критериям: период с 1913 по 1939 гг.; в публикациях присутствуют ключевые слова *Ballets Russes* или *Bailes rusos*, либо одно из имен наиболее популярных участников «Русского балета»: *Diaghileff* («Дягилев»), *Nijinski* («Нижинский»), *Stravinsky* («Стравинский»), *Bakst* («Бакст») или *Karsavina* («Карсавина»).

Всего в ходе исследования удалось обнаружить 64 публикации в 22 источниках, отвечающие перечисленным критериям. Распределение этих публикаций по конкретным источникам представлено в таблице 1.

Отметим разнообразие направлений изданий, в которых выявлены публикации: от крупных общенациональных общественно-политических газет (*El Siglo*, *El Tiempo*) до специализированных журналов (*Semana Film*, *El Eco*, *Juvencia*), включая архитектурный (*Arquitectura*) и женский (*Página Blanca*). Общее распределение по типам изданий представлено нами в таблице 2.

Таблица 1.

Распределение статей по изданиям.

Название издания	Количество статей
Mundo Uruguayo	10
Cine Radio Actualidad	8
El Día	8
La Pluma	7
El Siglo	6
Anales	3
Programa Teatro Solís	2
La Semana	2
Actualidades	2
Teseo	2
El Eco	2
Semana Film	2
Selecta	1
Arquitectura	1
Página Blanca	1
Los Nuevos Revista de Arte y Letras	1
Revista de Casa America-Galicia	1
Marcha	1
Ariel	1
Juvencia	1
Acción Cívica	1
La Cruz del Sur	1
Всего	64

Таблица 2.

Распределение публикаций по типам изданий.

Тип издания	Количество
Журналы	15
Газеты (включая приложения к ним)	5
Иные (печатная афиша театра, бюллетень)	2
Всего	22

В основу нашего анализа положен жанровый признак. Установлено, что в числе выявленных публикаций — как краткие информационные заметки, анонсы, так и расширенные отзывы о состоявшихся выступлениях труппы.

Рассмотрим некоторые из публикаций более подробно. Начнем с анонсов. Одну из наиболее характерных публикаций этого жанра удалось выявить в газете *El Siglo* за 08.10.1913: на первой полосе напечатана краткая заметка о том, что «сегодня […] в 9 вечера второе и последнее представление абонемента труппы “Русского балета”».

Более объемный анонс удалось выявить в собственном периодическом издании (афише) театра *Solís* за октябрь 1913 г. Особое внимание в нем уделено балету «Сильфиды»; как отмечается в издании, «это танцы, поставленные Фокиным на музыкальные фрагменты из сочинений Шопена, ноктюрнов, прелюдий, вальсов и мазурок. Автор называет их ‘романтические раздумья’».

Один из наиболее характерных примеров новостных заметок о гастролях труппы Дягилева удалось выявить в ранее упомянутой газете *El Siglo* за 08.10.1913. На пятой странице номера говорится о дебюте «Русского балета» в зале, «полном элегантных и выдающихся зрителей». Помимо нескольких фраз о самом вечере, газета приводит список из примерно ста имен благородных дам, посетивших первое представление труппы. Можно предположить, что такая публикация в формате «светской хроники» была нацелена на привлечение внимания публики, уделяющей особое внимание жизни высшего класса.

Отметим, что в этом же номере газеты, но уже на десятой странице, фигурирует другая публикация о прошедшем представлении, где говорится об одной из наиболее известных солисток «Русского балета»: «Карсавина выделяется своим уникальным мастерством и стилем. […] Легкость ее движений ярко отражается в ее сияющих и выразительных глазах».

Еще одну новостную заметку про балерину Тамару Карсавину удалось выявить в общенациональной газете *Mundo Uruguayo* за 11.11.1920. Утверждая, что «Русский балет» в силу войны потерял свои позиции на европейских сценах, газета констатирует, что тем не менее «сегодня уже не только Париж поддерживает интерес публики к этой смелой и изысканной хореографической школе, но и его влияние ощущается в оперных театрах и масштабных представлениях», и что «его сфера влияния расширяется с каждым днем, и Испания, Англия, Португалия и Италия поддерживают скрытый культ восхищения этим жанром».

Оценка уругвайской газеты подтверждает тот факт, что влияние «Русского балета» на мировое балетное искусство оставалось сильным, невзирая на трудности, не только с динамикой изменений на мировой политической арене, но и с финансовыми и организационными затруднениями С. П. Дягилева, так. Данная публикация наглядно иллюстрирует интерес латиноамериканской публики к авангардному искусству.

Упоминания «Русского балета» можно найти не только в газетах, но и в специализированных журналах Уругвая. Так, в женском журнале *Página Blanca* 15.06.1916 публикуется статья под названием *Las modas y el baile ruso* («Моды и “Русский балет”») с двумя воспроизведениями костюмов из балета «Шехеразада». Автор отмечает, что мы «многим обязаны Леону Баксту, самому выдающемуся дизайнеру современной эпохи в области костюмов и сценических декораций. Россия произвела на свет сына с могучим воображением».

В периодическом сборнике эссе *Los Nuevos revista* за январь 1920 г. опубликован текст «“Русский балет” и его влияние». Автор отмечает, что «“Русский балет” смешался с нашими традициями и нашими творческими идеями, ярко на нас влияя. Это очаровательное искусство внезапно явилось нашим художникам как откровение чувственной радости. <…> Было ясно, что славянский гений, проникнутый духом ориентализма, играючи создал этот синтез».

Еще один яркий пример — вышедшая в сентябре 1922 года в журнале *Arquitectura* статья под названием *Sobre el arte decorativo moderno* («О современном декоративном искусстве»), посвященная дизайну спальни, созданному художником Морисом Дюфреном. В статье рассматривается французское декоративно-прикладное искусство эпохи модерна, и в контексте рассуждений о влияниях на искусство упоминается труппа С. П. Дягилева: «под влиянием живописи, импрессионизма, после открытий, который принес нам Русский балет, наша перспектива утончилась и прояснилась, наша визуальная чувствительность смогла откликаться на более смелые гармонии, так же как наша слуховая чувствительность смогла вибрировать в гармониях более тонких, более свежих, более сложных звуков».

Все три статьи ярко свидетельствуют о том, как влияние «Русского балета» вышло за пределы танца и распространилось на все творческие сферы жизни.

Отдельного внимания заслуживает статья-мнение, опубликованная в газете *La Semana* 25.09.1913 г. и предваряющая первые гастроли труппы Дягилева в Латинской Америке. В данном материале, занимающем целый разворот, говорится о том, что «труппа ожидается с нетерпением, дабы должным образом оценить форму, в которой реализуются такие поразительные представления». Автор также подчеркивает: «следует отметить, что французская, ровно как и английская и немецкая, критика единогласно признала превосходство исполнителей» и что «живопись и музыка сливаются в гармоничное целое, создавая эффект завораживающей и удивительной красоты».

После окончания турне «Русского балета» в прессе появляются не менее обширные и восторженные статьи. Так, 07.03.1919 г. в газете *Mundo Uruguayo* публикуется переводная статья французского критика Камиля Моклера, занимающая всю полосу. Автор

подробно анализирует деятельность «Русского балета», не стесняясь хвалебных эпитетов. Он пишет, например, что «это богатство искусства захватило все наши чувства, как волшебное вино», и что «на сцену выходит удивительный орнаментальный гений Леона Бакста, который с ультраимпрессионистским мастерством украшает дворцы экстаза, кошмарные альковы, которые обожали бы По и Бодлер». Яркое, поистине французское сравнение!

После смерти С. П. Дягилева и завершения деятельности «Русского балета» публикации о них стали появляться реже, но при этом их тональность оставалась безусловно положительной, а «Русский балет» продолжал рассматриваться как новатор, реформатор балетного искусства. Так, 20.08.1933 г. в газете *El Día* вышел обширный материал о том, что «двадцать лет Русского балета прошли под высшим знаком поэзии», и что «русские создали зрелище, которое, радуя глаз, радует и душу». Автор не скупится на хвалебные фразы, говоря про «великолепный состав» и «материальное богатство тканей и аксессуаров». Музыка, по его словам, была «восхитительна и достаточна сама по себе — мелодичный ориентализм Римского-Корсакова, Бородина и Балакирева, симфонические атмосферы Дебюсси, Равеля, Дюка и Стравинского».

Выводы. Выявленные нами публикации наглядно демонстрируют высокий интерес к «Русскому балету» и гастролям труппы в странах Латинской Америки. Публикациям присуща общая концептуальная основа: все рассматривают деятельность «Русского балета» сугубо в позитивном ключе, отмечая высокое мастерство труппы и передовой характер ее постановок.

Отметим, что большинство выявленных нами оригинальных публикаций уругвайских авторов опубликована без подписей, а в случае наличия подписи не представляется возможным уверенно идентифицировать автора — но это не мешает констатировать высокий уровень культурного образования этих авторов, их погруженности в контекст, понимания искусства балета и его влияния на культуру в целом. Об этом свидетельствуют неординарные определения и эпитеты, ярко характеризующие танцоров, музыку, хореографию и декорации «Русского балета».

В контексте рассматриваемой нами темы напомним о динамике отношений между Россией и Уругваем в этот период: дипломатические связи между странами, установленные в 1857 г., были приостановлены в 1917 г. и возобновлены лишь в 1926 г. Сложности в отношениях между двумя странами не оказали определяющего воздействия на тональность исследуемых публикаций. Можем предположить, что свою роль в позитивном восприятии выступлений «Русского балета» сыграла определенная созвучность постановок «Русского балета» народным корням уругвайской культуры.

Выявленные публикации, на наш взгляд, расширяют представление об освещении деятельности «Русского балета» в мировой прессе, о роли труппы С. П. Дягилева как проводника русской культуры во всем мире. В научный оборот вводится ряд публикаций, находившихся вне поля зрения исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год / Е. А. Ларин [и др.]. — М.: Изд-во Наука, 1993.

2. Сбруев В. В. Журналистика Латинской Америки от первой газеты до начала концентрации и монополизации СМИ: Монография / В. В. Сбруев. — М.: РУДН, 2008.

3. Rockwell R. The History of Journalism in Latin America / R. Rockwell. — New York, London: Routledge, 2025.

4. Tarcus H. El ciclo histórico de las revistas latinoamericanas. Trazos de una genealogía / H. Tarcus // Nueva Sociedad. — 2021. — № 291. — С. 192—207.

5. Teatro Colon. — Режим доступа: https://teatrocolon.org.ar/ballet-estable/ (дата обращения: 05.04.2025).

Санкт-Петербургский государственный университет
Шерих М. Д., аспирант кафедры истории журналистики
E-mail: mas209@mail.ru

Saint-Petersburg State University
Sherikh M. D., Postgraduate student of the History of Journalism department
E-mail: mas209@mail.ru

УДК 070(47+57)»1920/1930»:316.346.2

ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В 20—30 ГОДЫ XX ВЕКА

В. Н. Ширяева-Бакшевникова

Санкт-Петербургский Государственный университет аэрокосмического приборостроения

Поступила в редакцию 26 сентября 2025 г.

Аннотация: *в представленной работе исследуется роль женщин в истории советской журналистики 1920—1930-х гг., когда происходило активное формирование новой медиасреды в условиях социальной трансформации и идеологического контроля. В ходе работы применены историко-сравнительный, контент-анализ и биографический метод, что обеспечило комплексное рассмотрение проблемы.*

Ключевые слова: *женщины-журналисты, советская журналистика, 1920—1930-е гг., гендерная история, «Работница», «Крестьянка», «Коммунистка», женская пресса.*

Abstract: *this paper examines the role of women in the history of Soviet journalism in the 1920s and 1930s, a time when a new media environment was actively developing amid social transformation and ideological control. Historical-comparative analysis, content analysis, and biographical methods were employed to provide a comprehensive examination of the problem.*

Keywords: *women journalists, Soviet journalism, 1920s-1930s, gender history, "Rabotnitsa," "Krestyanka," "Kommunistka," women's press.*

Актуальность исследования значения женщин в истории советской журналистики 1920—1930-х гг. обусловлена несколькими факторами. Этот период стал временем масштабных социальных трансформаций, когда роль женщины в общественной и профессиональной жизни радикально менялась. Советская власть активно включала женщин в сферу труда, политики и культуры, что отражалось и в медийном пространстве. Журналистика, будучи одним из важнейших инструментов формирования массового сознания, стала площадкой, где женский голос начал приобретать институциональное значение.

В качестве основной эмпирической базы автором использованы архивные документы и периодические издания того времени: журналы «Работница», «Крестьянка», «Коммунистка», центральные газеты «Правда», «Известия», а также региональная пресса. Особое внимание уделено материалам рубрик писем читательниц, где проявлялась обратная связь между редакциями и массовой аудиторией. Дополнительно были привлечены статистические данные переписей населения СССР 1926 и 1939 гг., отражающие динамику женской грамотности и вовлечённости женщин в общественную жизнь, а также отчёты и постановления Женотдела, определявшие официальные рамки женской прессы.

Женское присутствие в советской журналистике 1920—1930-х гг. было не случайной «приметой эпохи», а системным эффектом сразу нескольких процессов: стремительного роста женской грамотности (женская грамотность поднялась с примерно 37% в 1926 году до ~65—73% к концу 1930-х, что резко расширило аудиторию и кадровый резерв), институционализации «женского вопроса» в партийной повестке и превращения прессы в главный механизм мобилизации. Этот демографический и образовательный сдвиг — результат кампаний ликбеза — напрямую питал женские страницы в общепартийных изданиях и специализированные журналы, создавая спрос на авторок и редакторок, а также на сеть читательских писем, из которых конструировались повестки дня [1].

Ключевым институциональным драйвером выступал Женотдел (1919—1930 гг.), вокруг которого формировались собственные издания и рубрики: теоретический журнал «Коммунистка» и практико-ориентированные «Работница» и «Крестьянка». Пока Женотдел существовал, женская журналистика имела автономное пространство для постановки тем труда, быта, права, здравоохранения, образования и культурной модернизации; после его закрытия в 1930 г. акценты сместились к унификации дискурса «ударничества», семейной нормативности и индустриальной мобилизации. То есть исчезло политическое «окно» для сложных гендерных дебатов, но сохранилась массовая медиапрактика, встроенная в общепартийную пресс-систему.

На медиасреду 1920-х гг. влияли два разнонаправленных процесса: относительный плюрализм НЭПа с ростом профессионализации журналистов

© Ширяева-Бакшевникова В. Н., 2026

и ужесточение цензурного режима (создание Главлита в 1922 г.), которое к началу 1930-х гг. зафиксировало «правила игры». Параллельно формировались институции подготовки кадров — от курсов при партийных школах до Государственного института журналистики и кафедральной системы, что постепенно нормировало карьерные траектории, в том числе для женщин. Эти рамки объясняют, почему в конце 1920-х гг. мы видим жанровый и тематический диапазон женских изданий, а в середине 1930-х гг. — «свертывание» эксперимента в пользу единых идеологических стандартов [2].

Показательно, что рост женской прессы шел «снизу вверх» и «сверху вниз» одновременно. С одной стороны, редакции «Крестьянки» и «Работницы» в 1920-е гг. испытывали трудности с распространением, тиражи прибавляли медленно, особенно по деревне, что отражало инфраструктурные барьеры и неравномерность грамотности; с другой — к концу десятилетия сама «нишевая» женская периодика стала заметным сегментом рынка: по оценкам, в 1927 г. выходило до 18 женских изданий суммарным тиражом порядка 386 тыс. экз. (цифра индикативная, по партийной прессе). Эта противоречивая динамика объясняется тем, что журналы одновременно выполняли просветительскую и дисциплинарную функции — от ликвидации неграмотности до нормирования быта и труда.

В производственной логике советской прессы «женский голос» усиливала сеть рабочих и селькоров — массовое движение внештатных корреспондентов. К середине 1930-х гг., по докладу И. В. Сталина на XVII съезде, число рабкоров и селькоров превысило 3 млн.; эти письма становились сырьем для заметок, фельетонов, расследований о «перегибах», а также площадкой «обратной связи» для женской аудитории — от фабричных прачечных и детских садов до колхозных норм и бытового насилия. Женщины в этой сети выступали и как информаторы, и как локальные лидеры мнений, легитимируя участие в публичной сфере через практику письма [3].

Персональные траектории показывают «коридор возможностей» для журналисток. Лариса Рейснер — редкий пример женщины-репортера со статусом спецкора «Известий» в 1924—1925 гг., работавшей на стыке фронтового репортажа, дипломатии и расследования; ее стиль балансировал между документалистикой и литературной публицистикой и задавал престиж «женскому репортажу». В «Правде» Мария Ульянова вела «женскую страницу» и входила в редколлегию, а Надежда Крупская курировала «Коммунистку» и влияла на редакционную повестку женских изданий. Эти случаи демонстрируют, что «стеклянный потолок» был проницаем на уровне рубрик и спецпроектов, но на уровне главредства и издательских вертикалей женщины оставались исключением [4].

Содержательно женская журналистика проходила три фазы. В ранний НЭП женские журналы и полосы тестировали «новые жанры» — консультации по праву и быту, научно-популярные колонки о гигиене и воспитании, «производственные репортажи» с фабрик, агрономические советы для колхозниц, и большие дискуссии о браке и разводе (на фоне либерализации семейного права). К рубежу первой пятилетки усиливается тематика индустриализации и коллективизации: фигура «ударницы» и «передовицы» вытесняет прежнюю дискуссионность, а языки заботы и контроля сплетаются. В национальных регионах пресса работала как инструмент женской эмансипации в специфических конфликтах — от ликбеза до кампаний «худжума» в Средней Азии, где женские отделы и их медиа проводили «де-вейлинг» как часть модернизационного проекта [5].

Анализ визуальной и текстовой ткани «Работницы» 1920—1930-х гг. показывает, как журнальная верстка, фотоочерки и плакатная графика «повседневный труд» и «новый быт» превращались в нормативные образцы: производственная бригада, очередь в прачечную-коммуну, «красный уголок» детсада — это не просто иллюстрации, а риторические конструкции, конвертирующие опыт читательницы в лояльность к проекту модернизации. Исследования дореволюционных и раннесоветских женских журналов подтверждают: женская пресса стала полигоном для «сшивания» языка заботы, производственной дисциплины и просвещения, а также площадкой, где тестировались педагогические и правовые инновации, адресованные именно женщинам.

При этом женская журналистика оставалась заложницей общесоветских противоречий. Ужесточение цензуры и монополия партии на «правильный язык» сужали поле критики, а институциональная ликвидация Женотдела маргинализировала часть «неудобных» тем — от неравной оплаты и бытового насилия до репродуктивной политики. Внутриредакционный гендерный разрыв сохранялся: «женские» темы закреплялись за «женскими» полосами, в то время как политические и экономические разделы редактировались преимущественно мужчинами, а карьерные лифты для журналисток упирались в партийную и номенклатурную иерархии. Эти сдвиги прослеживаются как по нормативным актам (роль Главлита), так и по смене жанровой матрицы на страницах изданий начала 1930-х гг. [6].

Научная литература дает разные оптики для интерпретации этих процессов. Исследования гендерной политики объясняют «свертывание» эгалитарных инициатив к середине 1930-х гг. логикой сталинской индустриализации и возвращением к «семейной» повестке; работы по истории прессы и НЭПа показывают, как профессионализация журналистики сочеталась с партийной мобилизацией и как редакции выстраивали обучение кадров; ис-

следования массовой корреспонденции раскрывают прессу как «университет» для низовых активисток. Классические обзоры по Женотделу позволяют связать институциональную историю женского движения с медиальными практиками и редакционными стратегиями [7].

Если говорить о специфике практик и статистике, важны не только тиражи, но и «плотность участия». В женских рубриках центральной прессы и в «Работнице/Крестьянке» устойчиво присутствовали рубрики писем, правовых консультаций и «производственных светофоров» (эталон/нарушение), а сеть рабкоров и селькоров обеспечивала стабильный приток «женских тем» — от охраны материнства и детства до конфликтов на почве норм выработки. Наличие миллионов внештатных корреспондентов означало для женщин «низовой» вход в медиа: письмо, коллективный рейд, заметка — и далее карьера в профсоюзной или комсомольской прессе. Для историка это метрика массовости женского участия [8].

Региональное измерение добавляет нюансов. В национальных республиках женские страницы и журналы работали одновременно как инструменты эмансипации и как переводчики «большого языка» советской модернизации на локальные нормы. Кампании Женотдела в Средней Азии — от ликбеза до «худжума» — сопровождались активной печатной агитацией, ориентированной на женскую аудиторию; этот опыт демонстрирует, что женская журналистика была каналом сложных культурных трансляций, а не только «вещанием сверху» [9].

Главные исследовательские проблемы и «узкие места» таковы. Во-первых, недостаточно реконструирован профессиональный состав редакций 1920—1930-х гг. по гендеру и должностям: нам нужны просопографические базы по редакторкам, корректоркам, литсотрудницам в центре и регионах. Во-вторых, слабо оцифрованы массивы писем читательниц к женским журналам 1920-х гг.; их количественно-качественный анализ дал бы новую картину «женского публичного дискурса». В-третьих, не хватает сопоставительных исследований жанров и визуальных стратегий в «женских» и «общих» изданиях на одном временном срезе. Частичные решения видятся в сочетании цифровой гуманитаристики (корпусный анализ, метрические карты тем и образов), архивной работы (фонды редакций, Женотдела) и «микроисторий» отдельных карьер [10].

Таким образом, женщины в советской журналистике 1920—1930-х гг. выполняли двойную функцию — медиировали «большой проект» социалистической модернизации для женской аудитории и одновременно вносили в прессу собственный опыт труда и быта, превращая письма, правовые колонки и репортажи в ресурс социальной политики. Усиление цензурного контроля и закрытие Женотдела сузили пространство критики, но не отменили сформировавшиеся практики участия; именно они обеспечили длительную «инерцию» женских изданий и полос вплоть до послевоенного времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотова Л. Д. История отечественной радиожурналистики. 1895—2020 годы: учеб. пособие / Л. Д. Болотова, О. В. Тихонова. — М., 2022.
2. Воробьева М. В. Образы женщин в советском игровом кино 1920-х годов как часть медийного дискурса / М. В. Воробьева, Е. С. Кочухова // Политологические науки. — Волгоград, 2023. — С. 45—56.
3. Грабельников А. А. Движение рабселькорок в 1920—1930-х гг.: опыт журналов «Работница» и «Крестьянка» / А. А. Грабельников, О. Д. Минаева. — М., 2023.
4. Ефремов Д. А. Журналистика в 2021 году: творчество, профессия, индустрия / Д. А. Ефремов // Сб. науч. тр. Удмуртского университета. — Ижевск, 2022. — С. 101—112.
5. ИС Милас. Типология отечественных советских женских журналов / ИС Милас // Медиаисследования. — М., 2022. — С. 77—89.
6. Кочеткова Л. Н. Советская журналистика и гендерные аспекты в контексте социальной политики 1920-х годов / Л. Н. Кочеткова // Вестник Томского государственного университета. — 2021. — С. 134—142.
7. Самарай Е. П. «Новая женщина» в советском государстве: гендерные роли в медийном пространстве / Е. П. Самарай // Вестник Волгоградского социально-педагогического университета. — 2021. — С. 90—97.
8. Симонова О. А. Раскрепощение женщины Востока в 1920-е годы: идеология и медийные практики / О. А. Симонова // Материалы международной конференции. — Казань, 2022. — С. 56—64.
9. Соловьева И. Г. Женские журналы и советская пропаганда в 1920—1930-е годы / И. Г. Соловьева // Журнал исследований социальной политики. — СПб., 2020. — С. 211—220.
10. Шабанова А. А. Образ советской женщины по материалам женской периодической печати 1920—1930-х годов / А. А. Шабанова // История и современность. — Саратов, 2021. — С. 145—153.

Санкт-Петербургский Государственный университет аэрокосмического приборостроения

Ширяева-Бакшевникова В. Н., кандидат исторических наук, доцент

E-mail: rabota_rabota24@mail.ru

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Shiryaeva-Bakshevnikova V. N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

E-mail: rabota_rabota24@mail.ru

УДК 070

ЖУРНАЛИСТИКА О ЕДЕ. К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ

И. С. Штырник

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 27 октября 2025 г.

Аннотация: *рассматриваются проблемы терминологии в журналистике гастрономической тематики. Дана оценка основных понятий, используемых для обозначения медиа этого направления. Предпринята попытка определить родо-видовые отношения между терминами и обосновать выбор доминантного типологического признака. Результаты работы позволят конкретизировать параметры медиаисследований в данном тематическом направлении и повысить их эффективность.*
Ключевые слова: *терминология, фуд-журналистика, гастрономическая журналистика, кулинарная журналистика, ресторанная журналистика, жанр, медиа.*

Abstract: *the problems of terminology in gastronomic journalism are examined. An assessment is given to the main concepts used to denote media outlets in this field. An attempt has been made to determine the genus-species relationships between terms and justify the choice of a dominant typological feature. The results will allow for more precise parameters in media research within this thematic area and increase its effectiveness.*
Keywords: *food journalism, gastronomic journalism, culinary journalism, restaurant journalism, genre, media.*

Введение. Гастрономическая тематика всегда была в центре общественного внимания, а в последние несколько лет интерес к пище как объекту изучения проявляют многие научные и практические дисциплины, самые разные сферы деятельности. Так, в репертуаре театров — гастрономические спектакли и шоу, в лекториях — дегустации в рамках презентации произведений литературы, архитектуры, живописи; в программах экскурсионных агентств — маршруты с посещением баров, ресторанов и рынков. Число гастрономических путешествий выросло на 15—17% [1]. О растущем интересе к гастрономическим знаниям свидетельствует также статистика маркетплейсов и книжных магазинов: в первом полугодии 2024 г. продажи кулинарных книг «Читай-города» увеличились на 14%, на Wildberries — почти втрое [2]. Рост общественного интереса к гастрономии естественным образом сопровождается ростом числа публикаций на эту тему в СМИ: ведь журналистика помогает «соотнести наше бытование с глобальными тенденциями» [3, 160]. Одновременно с этим предпринимаются попытки осмыслить это явление с научных позиций и обсудить его отражение в базовых понятиях.

Актуальность работы обусловлена активизацией полилога вокруг медиа о еде, что сделало более очевидными проблемы их теории и практики. Неопределенность доминантных понятий в исследованиях, посвященных гастрономическим медиа, разногласия в понимании родо-видовых отношений между ними — эти и другие вопросы станут предметом обсуждения в данной статье.

© Штырник И. С., 2026

Журналистика о еде в отечественных и зарубежных исследованиях. И в научных исследованиях, и в практической деятельности, и при бытовом обсуждении еды и питания принято оперировать терминами «гастрономия» и «кулинария». Практики гастроиндустрии трактуют «гастрономию» как науку, изучающую «связь между культурой и едой» [4]. То же определение предлагает народная энциклопедия — «Википедия» [5]. При этом в большинстве словарей нормативной лексики «гастрономия» наукой не считается. Термин зафиксирован в трех значениях: «готовые к употреблению продукты питания (о качественной пище, используемой преимущественно в качестве закуски)»; «отдел магазина, где продаются такие продукты» [6, 111]; «изощренный вкус в еде, понимание тонкостей кулинарного искусства» [7].

Под «кулинарией» в научных и практических работах, в словарных изданиях понимают «искусство приготовления пищи» [6, 289]. В качестве дополнительных значений выступают «кушанья», а также «магазин при столовой, ресторане, торгующий полуфабрикатами или готовыми кушаньями» [6, 289].

Исследователи отмечают, что понятие «гастрономия» гораздо шире понятия «кулинария», хотя они во многом пересекаются: «кулинарная культура… определяет технологическую сторону приготовления пищи, тот арсенал средств, который существует в данной культуре применительно к пищевым продуктам. Это формальная часть сферы питания» [8, 37]. В «ненаучных кругах» также популярен взгляд на кулинарию как на «небольшую часть» гастрономической сферы [5].

Границу между производными понятиями «кулинарная журналистика» и «гастрономическая журналистика» определяет тема публикаций. К кулинарной журналистике относятся те, что посвящены способам приготовления блюд, а к гастрономической — рассказывающие «о культуре питания и эстетике подачи блюд» [9]. Утверждается, что «термин "кулинарная журналистика" используют при публикации рецептов и описании процедуры приготовления блюд. "Гастрономическая" относится к тому, что пишут (снимают и пр.) о культуре питания и путешествиях [10]. Подобные констатации вызывают ряд вопросов. Например, к какой журналистике следует отнести текст о способах приготовления одного и того же блюда носителями разных культур питания? Можно ли считать рецепт от повара мишленовского ресторана предметом гастрономической, а не кулинарной журналистики?

На фоне терминологической путаницы в отечественной лексике о еде появился термин «фуджурналистика» (от англ. *food journalism)*. Он обозначает «область массмедиа, целью которой является трансляция информации о продовольственных связях, сельском хозяйстве, ресторанах, еде и напитках» [11]; «разнообразие гастрономических текстов» [12]; «направление журналистики, специализирующееся на составлении нарративов о гастрономии» [13,6]; создание «гастрономических текстов, способствующих информативным разговорам о том, что мы едим и почему» [14]; наконец, «представление информации о еде с разных углов зрения, то есть тексты о продуктах, блюдах, ресторанах, событиях или гастрономии в социологическом контексте» [15, 183]. Смысл этих определений вполне адекватен сути журналистики о еде, однако в контексте сегодняшних геополитических реалий представляется оправданным отказаться от калькированного понятия и использовать устоявшиеся в русском языке.

Предлагая определение гастрожурналистики, исследователи ориентируются на два родовых признака: жанр и тематическое направление. Так, ее называют специализированным жанром, «который сочетает в себе информационный, культурный и гастрономический аспект» [16, 26]; определяют как «особое, исторически сложившееся направление в массмедиа, сочетающее в себе кулинарный и гастрономический аспект и транслирующее массовому потребителю информацию о способах приготовления пищи, культуре ее потребления, эстетике еды, истории и так далее» [17, 165]; номинируют как «раздел журналистики, освещающий широкий спектр гастрономических явлений» [18, 114]. Встречаются и парадоксальные противоречивые утверждения, согласно которым «…гастрономическая журналистика не являлась самостоятельным **жанром**» [19, 66] (отмечено нами. — *И. Ш.*), а затем — что она вычленилась из тревел-журналистики «в отдельное **направление**» [19, 68] (отмечено нами. — *И. Ш.*). Совсем нелогичным в этом рассуждении выглядит вывод о том, что гастрожурналистика, «несмотря на ее относительную новизну как вида, является вполне состоявшимся журналистским направлением**»** [19, 67]: здесь невозможно удержаться от комментария по поводу «новизны» гастрожурналистики, которая успешно развивалась уже в XIX в[1].. В качестве родового признака исследователи выдвигают и жанр, и тематическое направление, и даже сочетание этих признаков. Добавление к ним категории «вид» еще больше усугубляет путаницу.

С нашей точки зрения, гастрожурналистика по основным типологическим параметрам «не умещается» в объем понятия «жанр» уже хотя бы потому, что представлена публикациями самых разных жанров (в академическом понимании этого феномена). Тексты о еде существуют в виде статей, обзоров, новостных заметок, критики и даже очерков. Более того, согласно современным исследованиям проблем жанрообразования, тематика не является жанрообразующим признаком [20, 146], а именно тематика, с точки зрения большинства исследователей, выделяет медиа о еде из других медийных ресурсов.

Таким образом, гастрожурналистику следует признать направлением журналистики, отличительной чертой которого является предметная область — кулинария и гастрономия.

Особенности медиаконтента гастрожурналистики. В рассмотренных нами дефинициях гастрожурналистики зафиксированы и основные характеристики генерируемого в ней контента. В медиа публикуется информация: о местах сбора продуктов и продовольственных связях, о способах приготовления и подачи пищи, о кулинарных традициях, истории, эстетике еды; о местах общественного питания, культуре потребления и пр. В определениях указана не только тематика текстов, но и ракурс ее раскрытия: о продовольственных связях пишут экономисты; о культуре потребления — социологи; о сельском хозяйстве — агрономы. Кулинарные традиции, история пищи обсуждаются культурологами, историками, антропологами, этнографами. И все эти темы интерпретируются для массовой аудитории журналистами. Очевидно, что профессиональные интересы авторов и статус героев текстов определяют целевую аудиторию контента и язык общения с нею. И здесь, как нам кажется, можно выделить еще один актуальный аспект функционирования гастрономической прессы, который пока остался за рамка-

[1] С 1844 по 1846 г. в приложении «Литературной газеты» публиковались лекции о «кухонном искусстве», с 1889 по 1890 г. издавался первый в Российской империи гастрожурнал «Листок нормальной столовой», с 1891 по 1896 г. выходил иллюстрированный гастрожурнал «Наша пища».

ми исследований. Мы имеем в виду типологическое разнообразие медиа, освещающих эту тематику, описание их как системы.

Подводя промежуточные итоги, можно заключить, что определения гастрожурналистики основаны на текстуальных (содержание) и контекстуальных (способы презентации темы) особенностях создаваемых материалов. Первые отвечают на вопросы: «что пишут?», «о чем пишут?», вторые — «как пишут?», «кто пишет?», «для кого пишут?».

Если исходить из содержательных характеристик медиатекстов гастрономической тематики, то очевидно, что гастрономическая журналистика транслирует информацию о предметной области, основными объектами которой являются пища (что есть? как готовить?), место проведения трапезы (где есть?), этикет принятия пищи (как есть?), круг сотрапезников (с кем есть?) [21].

Что касается взаимоотношений терминов, то здесь нам представляется уместным основываться на нормативных значениях, входящих в словоформы прилагательных. И тогда логично, что «кулинарная журналистика» обозначает медиа более узкой тематической направленности, информирующие о способах приготовления и подачи блюд, а «гастрономическая журналистика» посвящена культуре питания и всему, что с ней связано. Очевидно при этом, что подобное разграничение предметных ракурсов достаточно условно, поскольку существуют политематические тексты.

Для создания более полной понятийной картины целесообразно упомянуть еще об одном термине. Словосочетание «ресторанная журналистика» встречается реже и в основном тогда, когда речь идет о популярном в гастрожурналистике жанре — о так называемой ресторанной критике. С нашей точки зрения, этот термин не подходит для обозначения самостоятельного направления, так как в его основе не область гастрономической деятельности, а лишь один из многих ее объектов — разновидность заведений общественного питания. Он может «встраиваться» в терминологический ряд только в указанном выше смысле: для обозначения конкретного жанра, обладающего своей спецификой в ряду других критических жанров.

Заключение. «Правильная речь должна исходить из истинного определения своего предмета», — учили античные философы [22]. Этот логический ориентир особенно важно учитывать при создании грамотной терминосистемы в любой сфере деятельности. Нами было установлено, что на данном этапе изучения журналистики, посвященной еде, однозначного понимания содержания основных понятий и характера взаимоотношений между ними у исследователей нет.

Анализ существующих определений позволил обнаружить разночтения в трактовке родового признака понятия «гастрономическая журналистика», которую мы считаем направлением журналистики, обслуживающим конкретную сферу. Сам термин должен стать основным для обозначения всей совокупности медиа, освещающих гастрономическую тематику. При таком подходе «кулинарная журналистика» также найдет свое место в терминосистеме, но на более низкой ступени. Представляется важным иметь в виду семантическое наполнение каждого термина и избегать их использования в качестве полных синонимов.

Предложенный нами подход к формированию понятийного ряда гастрожурналистики является одним из возможных для осмысления этой сложной проблематики. Его целесообразность оправдана тем, что в основе такого деления лежат правила формальной логики.

В условиях роста общественного внимания к гастрономической информации важно закрепить значение базовых понятий гастрожурналистики и продолжить изучение ее проблем на междисциплинарном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский союз туриндустрии. РСТ: гастрономический туризм в России растет на 15—17% в год. — Режим доступа: https://rst.ru/novosti/novosti-turizma/rst-gastronomicheskij-turizm-v-rossii-rastet-na-15—17-v-god.html (дата обращения: 15.06.2025).

2. Российский деловой портал BFM.RU. Среди молодежи растет спрос на кулинарные книги по киноигровым вселенным. — Режим доступа: https://www.bfm.ru/news/557290?utm_source=vk&utm_medium=social (дата обращения: 15.06.2025).

3. Вартанова Е. Л. Теория медиа: отечественный дискурс / Е. Л. Вартанова. — М., 2019.

4. Гелибтерман Л. В. Гастрономия — это всегда креативно / Л. В. Гелибтерман // HSE University Creative Undustries. — 2024. — Режим доступа: https://creative.hse.ru/news/4446?ysclid=mbxsho62id699231957 (дата обращения: 15.06.2025).

5. Гастрономия: материал из «Википедии» // Wikipedia, 2025. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 15.06.2025).

6. Толковый словарь государственного языка Российской Федерации. Часть 1 (А–Н) // под науч. ред. Н. М. Кропачева, С. А. Белова, С. А. Кузнецова. — СПб., 2025.

7. Толковый словарь русского языка. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1935. — Т. 1. — Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/778186 (дата обращения: 15.06.2025).

8. Капкан М. В. Гастрономическая культура: понятие, функции, факторы формирования / М. В. Капкан, Л. С. Лихачева // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. — 2008. — № 55. — С. 34—43.

9. Лазуткина Е. В. Основные этапы развития фуд-журналистики и фуд-блогерства / Е. В. Лазуткина // Челябинский гуманитарий. — 2020. — № 2 (51). — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-razvitiya-fud-zhurnalistiki-i-fud-blogerstva (дата обращения: 15.06.2025).

10. Темкина В. Ресторанная критика и блогеры: почему в России нет качественной food-журналистики / В. Темкина // TexTerra. — 2021. — Режим доступа: https://texterra.ru/blog/restorannaya-kritika-i-blogery-pochemu-v-rossii-net-kachestvennoy-food-zhurnalistiki.html (дата обращения: 15.06.2025).

11. Study.com. What is food journalism? — Режим доступа: https://homework.study.com/explanation/what-is-food-journalism.html (дата обращения: 15.06.2025).

12. Studocu. Chapter 8. Food journalism. — Режим доступа: https://www.studocu.com/ph/document/icct-colleges-foundation/creative-nonfiction/chapter-8-food-journalism/24398518 (дата обращения: 15.06.2025).

13. Fusté Forné F. Food Journalism: Building the discourse on the popularization of gastronomy in the twenty-first century / F. Fusté Forné. — Barcelona, Universitat Ramon LLULL. — 2017.

14. Ho S. Hungry for stories: Evolution of food writing in the internet age / S. Ho // The Daily Californian. — Режим доступа: https://www.dailycal.org/archives/hungry-for-stories-evolution-of-food-writing-in-the-internet-age/article_45548479—7fe1—5c7f-9cdd-deece06a8760.html (дата обращения: 15.06.2025).

15. Park E. Handbook on Food Tourism / E. Park, S. Kim. — Cheltenham, Northampton, 2024.

16. Афанасьева Т. С. Исследование специфики жанра: ресторанная критика / Т. С. Афанасьева, А. Д. Тарасова, К. В. Налейкин // Реклама, PR и медиа: современное состояние и перспективы развития. Сборник статей международной научно-практической конференции. — СПб., 2022. — С. 25—28.

17. Яшина А. Р. Food-журналистика нового формата: особенности гастроблогов в TikTok / А. Р. Яшина // Дискурс современных массмедиа в перспективе теории, социальной практики и образования. Сборник трудов международной научно-практической конференции. — Белгород, 2020. — С. 163—168.

18. Рева Е. К. Предметно-тематическое поле гастрономической журналистики: от развлекательного контента до вопросов национальной политики России / Е. К. Рева и др. // Вопросы теории и практики журналистики. — 2019. — № 1. — С. 111—128.

19. Морозова А. А. Фуд-журналистика и ее особенности / А. А. Морозова, Е. С. Старикова // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. — 2018. — № 3. — С. 65—69.

20. Иншакова Н. Г. Жанры в журналистском творчестве: современные концепции / Н. Г. Иншакова, И. А. Панкеев // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2025. — № 3. — С. 155—162.

21. Штырник И. С. Знаки пищевых традиций во французских телеанонсах // И. С. Штырник // Медиаскоп. — 2019. — Вып. 2. — Режим доступа: http://www.mediascope.ru/2549 (дата обращения: 15.06.2025).

22. Лосев А. Ф. Комментарии к диалогам Платона. Компиляция из четырехтомного издания диалогов Платона. / А. Ф. Лосев. — М., 1990—1994. — Режим доступа: https://psylib.org.ua/books/losew06/txt14.htm (дата обращения: 15.06.2025).

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Штырник И. С., редактор I категории кафедры теории и методики редактирования

E-mail: irina_sh_06@mail.ru

Lomonosov Moscow State University

Shtyrnik I. S., Editor of the First Category of the Theory and Methodology of Editing Department

E-mail: irina_sh_06@mail.ru

УДК 070

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ПРОДВИЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: АНАЛИЗ РЕКЛАМНЫХ СТРАТЕГИЙ НА ПЛАТФОРМАХ DOUYIN И XIAOHONGSHU

Сунь Юйсяо

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 7 июня 2025 г.

Аннотация: *статья исследует эволюцию рекламных стратегий в условиях цифровизации на примере китайских платформ. Анализируется переход от традиционных методов продвижения к персонализированным, ростом влияния пользовательского контента.*
Ключевые слова: *цифровизация, рекламные стратегии, социальные медиа, персонализация контента, маркетинг влияния (KOL/KOC), пользовательский контент (UGC), Douyin, Xiaohongshu*

Annotation: *this article examines the evolution of advertising strategies in the context of digitalization, using Chinese platforms as a case study. It analyzes the shift from traditional promotional methods to personalized and native formats, driven by the development of algorithmic recommendations, the integration of e-commerce, and the growing influence of user-generated content (UGC).*
Keywords: *digitalization, advertising strategies, social media, content personalization, influencer marketing (KOL/KOC), user-generated content (UGC), digital transformation, Douyin, Xiaohongshu*

В контексте рекламной индустрии цифровая трансформация обозначает переход от традиционных каналов коммуникации к интерактивным цифровым средам, в которых пользователь становится не просто потребителем, но и активным участником создания и распространения контента [1].

Современные исследователи подчеркивают, что цифровая трансформация изменяет структуру маркетингового воздействия за счет:

— усиления роли персонализированных коммуникаций, обеспечиваемых рекомендаций других пользователей;

— интеграции e-commerce и медийных платформ (social commerce);

— роста значимости пользовательского контента (UGC) как источника доверия и вовлеченности;

— ускорения жизненного цикла рекламных кампаний и необходимости постоянной адаптации стратегий под быстро меняющуюся среду.

Цифровизация трансформирует не только инструменты маркетинга, но и сами принципы формирования потребительской лояльности: алгоритмы контента, система «лайков» и репостов, взаимодействие с инфлюенсерами. Все это формирует новые модели поведения и восприятия брендов.

Современные цифровые платформы трансформировали не только формат подачи рекламы, но и саму сущность рекламных инструментов. В этих условиях традиционные методы продвижения уступают место нативным, персонализированным и вовлекающим форматам.

© Сунь Юйсяо, 2026

Ключевые трансформации:

Пользователи сами ищут и выбирают контент, а не просто пассивно воспринимают рекламу.

Рост значения микроинфлюенсеров и KOC (Key Opinion Consumers): доверие к небольшим лидерам мнений выше, чем к знаменитостям.

Конвергенция контента и коммерции: границы между развлекательным и рекламным контентом стираются [2].

Особенно ярко эти трансформации проявляются в Китае — стране, где цифровая среда развивается особенно динамично и платформы нового поколения, такие как Douyin и Xiaohongshu, становятся ключевыми каналами коммуникации и продвижения. Эти социальные платформы не только перехватили внимание пользователей, но и сформировали уникальные экосистемы, в которых реклама интегрируется в повседневный опыт аудитории. Китайский рынок цифровых платформ является одним из самых развитых и уникальных в мире благодаря высокой скорости внедрения инноваций, господству мобильного интернета и поддержке со стороны государства. На этих платформах объединяются медийные, социальные и торговые функции, а эффективность продвижения напрямую зависит от глубины вовлечения пользователей и их доверия к контенту. Это приводит к формированию новой парадигмы — рекламы как нативного опыта, где эмоциональность, визуальная выразительность и достоверность становятся важнее традиционной информационной убедительности.

Китайский видеосервис Douyin обладает одной из крупнейших аудиторий в мире. По оценкам

QuestMobile, к марту 2025 г. месячная аудитория Douyin превысила 1,001 млрд., а ежедневная — порядка 760 млн. DAU (на 2023 г.). Это означает охват более половины населения Китая. Для сравнения, у Xiaohongshu аудитория существенно меньше: около 235 млн. MAU на март 2025 г. при росте на ~13,7% год от года. Ежедневно платформой Xiaohongshu пользуются порядка 120 млн. человек (оценка на середину 2024 г.), что, тем не менее, делает её одной из самых быстрорастущих социальных площадок Китая.

Платформа Douyin, являющаяся китайским аналогом TikTok, занимает ведущие позиции в сегменте коротких видеороликов и представляет собой одну из наиболее эффективных площадок для цифрового продвижения в Китае. Благодаря уникальному алгоритму рекомендаций, основанному на анализе поведения пользователей, Douyin предлагает персонализированный контент, что повышает вовлечённость аудитории и эффективность рекламных кампаний [3].

Douyin сочетает в себе функции социальной сети, развлекательного ресурса и торговой платформы, что делает её мощным инструментом не только для охвата широкой аудитории, но и для немедленного потребления товаров через встроенную систему e-commerce. Алгоритмическое продвижение контента позволяет выходить за рамки подписок и формирует принцип «контент находит пользователя», что существенно повышает шансы роста.

На платформе используются такие механизмы продвижения:

— Нативная реклама: видеоролики, визуально и по структуре не отличающиеся от пользовательского контента, обладают высокой степенью вовлечения.

— Челленджи (Hashtag Challenges): способ вовлечения пользователей в создание контента, связанного с брендом.

— Реклама в ленте (In-Feed Ads) и брендированные фильтры: визуально привлекательные и персонализированные форматы.

— Трансляции (Live-streaming): активно используются в формате live-commerce, где продвижение товара сопровождается мгновенным процессом покупки.

Пользовательская база Douyin сбалансирована по полу и очень молода. По данным Statista, около 55% пользователей — мужчины, 45% — женщины. При этом ~73—80% аудитории младше 35 лет. Крупнейшие возрастные группы — это молодёжь: например, самая представительная категория находится в диапазоне 24—30 лет (по другим оценкам — 16—24 года, что отражает сильную популярность среди Gen Z). Таким образом, Douyin охватывает преимущественно молодое население, хотя с расширением аудитории доля старших групп также увеличивается. Географически пользователи Douyin широко рассредоточены: сервис проник как в крупнейшие мегаполисы (1—2 уровня), так и в малые и средние города. Фактически, с суточной активной аудиторией ~700+ млн. человек, Douyin достиг более половины всех интернет-пользователей Китая. Аудитория Douyin характеризуется высокой степенью вовлечённости, стремлением к развлечению и доверием к инфлюенсерам. Молодые пользователи (особенно поколения Z) ценят динамичность, визуальность и искренность подачи. Это требует от брендов гибкости и креативности, поскольку откровенно рекламный контент может быть проигнорирован или воспринят негативно.

Аудиторией ежедневно просматриваются миллиарды видео, и пользователи ставят миллионы лайков и комментариев. Показателен факт, что только за 2024 г. на Douyin появилось 43 видео, набравших более 10 миллионов лайков каждое — невероятный уровень отклика, свидетельствующий о вирусном распространении контента. Топовые создатели контента наращивают аудиторию десятками миллионов: по статистике сервиса Xindou, не менее 23 аккаунтов в 2024 г. увеличили число подписчиков более чем на 10 млн. каждый. Это указывает на постоянную ротацию «звёзд» платформы и устойчивый интерес аудитории к новым авторам и трендам. В среднем пользователи не только смотрят видео, но и активно их оценивают: метрики полного досмотра, лайков и репостов у лучших роликов кратно превышают средние значения по индустрии, что делает коэффициент вовлечённости на Douyin одним из самых высоких среди социальных медиа.

Среди основных способов продвижения на Douyin — высокая конкуренция за внимание пользователя, необходимость постоянного анализа изменений и быстрая сменяемость трендов. Таким образом, Douyin формирует модель маркетинговой коммуникации, где контент становится одновременно средством развлечения, способом выражения идентичности и инструментом потребления. Успешные рекламные стратегии строятся на вовлечении, креативе и способности адаптироваться к платформе.

Платформа Xiaohongshu представляет собой уникальное сочетание социальной сети, lifestyle-блога и торговой площадки, ориентированной преимущественно на молодую женскую аудиторию. В отличие от Douyin, где доминирует короткое видео и развлечения, здесь пользователи делятся обзорами, рекомендациями и историями из повседневной жизни, создавая потребительский контент. Xiaohongshu в процессе эволюции трансформировалась в lifestyle-платформу с сильным акцентом на ценность пользовательского опыта. Главный контент составляют визуальные посты с текстовыми описаниями — своего рода мини-блоги, в которых пользователь не только демонстрирует продукт, но и выстраивает вокруг него эмоциональный и культурный контекст [3]. Вовлеченность аудитории проявляется че-

рез написание «постов-заметок», обзоров, вопросов и комментариев. Например, в 2024 г. тематическим словом года стало понятие «抽象» (абстрактный мем-контент) — с ним было опубликовано свыше 10 млн. пользовательских заметок, которые суммарно собрали около 160 млн. комментариев. Это демонстрирует способность платформы стимулировать массовое обсуждение. Более 60% дневных пользователей Xiaohongshu выполняют хотя бы один поиск по платформе каждый день, а в комментариях ежедневно оставляется до 3 миллионов запросов типа «где купить?» — то есть люди активно интересуются товарами и просят ссылки, взаимодействуя друг с другом и с авторами контента. В целом коэффициенты вовлечённости (отношение числа реакций к числу просмотров) на Xiaohongshu одни из самых высоких в отрасли, особенно для контента в категориях красоты, моды и лайфстайла.

Аудитория Xiaohongshu отличается ярко выраженной женской и молодой направленностью. Около 70% пользователей — женщины, причем значительная часть — это девушки и молодые женщины в возрасте от 18 до 35 лет. Внутри этой группы примерно 50% составляют рождённые после 1995 г. и ещё 35% — поколение 2000-xsohu.com, то есть ~85% аудитории младше ~30 лет. Xiaohongshu особенно популярна среди городских жителей: около половины пользователей проживают в городах 1—2 уровня (крупнейшие и развитые города). Это означает, что аудитория платформы обладает, как правило, более высокой покупательной способностью и тяготеет к современному городскому стилю жизни. В целом имидж Xiaohongshu — платформа для молодых женщин из обеспеченных городских слоёв, интересующихся модой, красотой, путешествиями и качественным потреблением.

Основные форматы продвижения:

— UGC (User-Generated Content) — основной канал доверия и влияния. Пользователи охотно взаимодействуют с контентом, созданным не знаменитостями, а «обычными» людьми, если тот кажется достоверным.

— KOC (Key Opinion Consumers) — микроинфлюенсеры с небольшим, но активным числом подписчиков; их контент воспринимается как более искренний по сравнению с KOL.

— Коллаборации с блогерами и селебрити применимы для вывода нового продукта или усиления узнаваемости бренда.

— Прямые трансляции и интеграция с e-commerce — позволяют сразу конвертировать интерес в покупку.

— Рекламные посты (sponsored content) — визуально неотличимы от органических публикаций, но помечены как реклама; важно сохранить баланс между коммерцией и аутентичностью.

Пользователи Xiaohongshu ориентированы на достоверность, эстетику и полезность. Агрессивная реклама вызывает недоверие и может привести к снижению вовлечённости.

Douyin и Xiaohongshu представляют собой разные медиаэкосистемы в рамках китайского цифрового ландшафта. Douyin фокусируется на вирусности и развлекательной ценности контента, требуя мгновенной эмоциональной реакции и активного вовлечения, что делает его идеальным для акций и трендовой продукции. Xiaohongshu, напротив, акцентирует доверие и глубину взаимодействия, строя контент вокруг рекомендаций и личных историй, что способствует формированию устойчивого имиджа и осознанного выбора. Рекламные стратегии для каждой платформы должны быть адаптированы к их уникальным характеристикам, что подразумевает мультиплатформенный подход для оптимизации взаимодействия с аудиторией [5].

Отмеченная нами трансформация инструментов продвижения в условиях цифровизации на платформах Douyin и Xiaohongshu демонстрирует значительные изменения в подходах к маркетинговым стратегиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вареник М. С. Трансформация рекламного бизнеса в цифровой медиасреде / М. С. Вареник, Е. Ю. Колобова // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2022. — Т. 2. — № 4. — С. 39—48.

2. Zhou Z. Digital Transformation of Advertising: Trends, Strategies, and Evolving User Preferences in Online Advertising / Z. Zhou // Highlights in Business, Economics and Management. — 2023. — Vol. 23. — P. 1224—1229.

3. Wang Y. P. Analysis of Marketing Strategy of Douyin / Y. P. Wang // Advances in Economics, Management and Political Sciences. — 2025. — Vol. 154, № 1. — P. 110—114.

4. Mei X. The Influence of User-Generated Beauty Content on Xiaohongshu on the Purchase Decisions of Generation Z Chinese Women / X. Mei // Advances in Economics, Management and Political Sciences. — 2024. — Vol. 141, № 1. — P. 20—27.

5. Chen I. Research on Consumers' Perception of Shopping on Social E-Commerce Platforms: A Case Study of Xiaohongshu / I. Chen, X. Xie // IOSR Journal of Humanities and Social Science. — 2024. — Vol. 29, № 12. — P. 28—34.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Сунь Юйсяо, соискатель кафедры рекламы и связей с общественностью

E-mail: 875425353@qq.com

Lomonosov Moscow State University

Sun Yuxiao, Candidate of the Department of Advertising and Public Relations

E-mail: 875425353@qq.com

ПРАВИЛА
для авторов серии «Филология. Журналистика» научного журнала «Вестник Воронежского государственного университета»

Серия «Филология. Журналистика» журнала «Вестник ВГУ» включена в список ВАК при Минобрнауки российских рецензируемых научных журналов, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленные в виде полных статей. Опубликованные статьи, а также статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Статьи проходят редакционное рецензирование и в случае положительной рецензии — научное и контрольное редактирование. В случае рекомендации статьи к опубликованию автору высылается лицензионный договор (все подписанные страницы договора сканируются и высылаются в редакцию).

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Журнал выходит **4 раза в год**

Почтовый адрес: 394068, г. Воронеж, ул. Хользунова, 40-а, уч. корп. № 6 ВГУ, факультет журналистики, к. 103, редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика».

Контактный телефон:
+7 (473) 266–17–50, 274–52–71

Контактный e-mail: tam1008@yandex.ru, vlvtul@mail.ru

Полные статьи принимаются объемом до 10 страниц формата А4 рукописи. Текст статьи должен быть напечатан через полтора интервала на белой бумаге формата А4, с полями — 2,5 см с левой стороны, размер шрифта — 14 п. (Times New Roman Cyr). Информационная графика — черно-белая.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках [1], через запятую дается указание на страницы — [1, 165], через точку с запятой — другая ссылка (например, [1, 5; 2, 75]).

Список литературы дается в конце статьи с обязательной нумерацией и озаглавливается **ЛИТЕРАТУРА** (прописные буквы); оформляется в соответствии с *ГОСТ 7.1–2003 Библиографическая запись*. Библиографическое описание, ссылки располагаются в порядке цитирования.

Кроме ссылок на литературу в тексте могут присутствовать **сноски.**

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию (e-mail редакции: vlvtul@mail.ru) текст статьи, подписанный всеми авторами, УДК, таблицы, иллюстрации и подписи к ним (бумажный экземпляр, присланный по почте, или файлы текста и иллюстраций, а также сканы каждой из страниц).

Время рассмотрения, рецензирования и опубликования статей зависит от объема редакционного портфеля, формируемого из статей, рекомендованных к печати. Поэтому редакция не отвечает на вопросы типа «Как скоро может быть опубликована статья? Сколько времени занимает рассмотрение и рецензирование статьи? В течение какого срока автор получит номер журнала со статьей после его выхода?»

Редакция не гарантирует обеспечение авторов опубликованных статей бумажным экземпляром журнала, поэтому **желательна подписка** на журнал. Подписной индекс — 51174 в объединенном каталоге «Пресса России».

Редколлегия

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК ...
(*узнать в библиографическом отделе библиотеки*)
ОБРАЗЫ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ТЕКСТАХ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
Е. В. Бавыкина
Воронежский государственный университет
Поступила в редакцию 28 июля 2021 г.

Аннотация: *целью данного исследования является представление состава языковых средств, объективирующих космическое пространство в научно-фантастических произведениях, и описание семантики этих единиц. Источниками для исследования послужили произведения русских авторов и немецких фантастов.*
Ключевые слова: *когнитивная лингвистика, текст, научная фантастика, космическое пространство, прямые номинации, косвенные номинации, индивидуально-авторские номинации.*

Abstract: *the aim of this study is to present the composition of language means which objectify outer space in science fiction and to describe the semantics of these units. Works by Russian authors and German science fiction writers constituted the subject for study.*
Keywords: *cognitive linguistics, the text, science fiction, space, direct nominations, indirect nominations, individually-author's nominations.*

Тексты научной фантастики[1] представляют собой практический интерес для исследователей в рамках когнитивной лингвистики как специфическая форма воплощения картины мира. Ключевым образом в текстах научной фантастики является космическое пространство [1, 5–9]. Анализируя языковые средства, объективирующие космическое пространство в научно-фантастических произведениях, можно выявить как общие, так и отличительные их признаки, связанные со спецификой национальных картин мира разных народов [2, 4–21].

ЛИТЕРАТУРА
(Список нумеруется в порядке цитирования)

После литературы указываются сведения об авторах на русском и английском языках (12 п., курсив): название университета; фамилия, инициалы; ученая степень, должность; электронный адрес.

Воронежский государственный университет
Бавыкина Е. В., преподаватель кафедры немецкой филологии
E-mail: phil27@mail.ru

Voronezh State University
Bavykina E. V., Lecturer of the German Philology Department
E-mail: phil27@mail.ru

Далее необходимо указать фамилию, инициалы автора и название статьи на английском языке (прописными буквами).

Bavikina E. V. IMAGES OF SPACE IN THE TEXTS OF SCIENCE FICTION

P. S. Рекомендуемые объемы статей (требование издателя)

2 журнальные страницы = не более 9100 знаков с пробелами
3 журнальные страницы = не более 14250 знаков с пробелами
4 журнальные страницы = не более 19500 знаков с пробелами.

P.P.S. Примеры названий ученых степеней, должностей и пр. на английском языке: Candidate/Doctor of Philology (кандидат/доктор филологических наук); Postgraduate Student (аспирант) / Lecturer (преподаватель) / Senior Lecturer (старший преподаватель) / Associate Professor (доцент) / Professor (профессор) of the Public Relations Department (кафедры связей с общественностью).

[1] Сноска